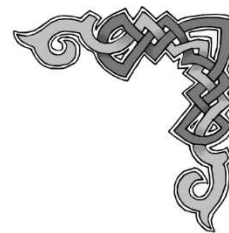

ООО «Наука и образование»

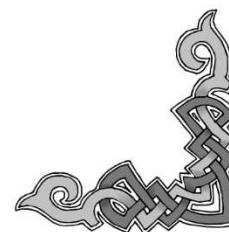
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

**№ 10
2020**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

2020, № 10

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ
журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен
в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и
кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права
юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350049, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных партизан, 371, оф. 28

тел. (861) 226-08-65

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета

Хунагов Рашид Думаличевич – Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, ректор Адыгейского государственного университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета. Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения, учебно-образовательного центра Института социологии РАН;

Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Эссентукский институт управления, бизнеса и права

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор. Южный федеральный университет;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Hunagov Rashid Dumalichevich – Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Social Sciences, Professor, President of Adyghe State University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State Economic University. The Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of law, professor, chief of department of criminal law and criminology Krasnodar Ministry of Internal Affairs university of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored scientist of the Russian Federation, Ph.D., professor, research supervisor of Sociology and Regional Studies Institute of Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Public Figure of Science, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology of the Academy of Sciences;

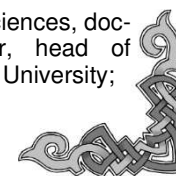
Vladimir N. Grishay, doctor of Sociology, Professor, Professor, of General humanitarian and natural Sciences, Essentuki Institute of management, business and law

Alexander Viktorovich Dyatlov, doctor of Sociology, Professor. Southern Federal University;

Zelensky V. Dmitriyevich, the Honored lawyer of Russian Federation, doctor of law, professor, the Honored lawyer of Kuban, the Honourable worker of higher education of the Russian Federation, the head of programs of master preparation of law department of the Kuban agricultural university ;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Social Sciences, doctor of historical sciences, professor, head of the history of Russia at the Kuban State University;

Карепова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

Когербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент). Киргизско-Российский славянский университет. Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимателя;

Куемжиева Светлана Александровна, кандидат юридических наук, профессор, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Кузнецов Вячеслав Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор социологических наук;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Маркович Данило Ж., профессор Белградского университета. Сербия;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России по научной работе, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Университет прокуратуры Российской Федерации

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права. Российский государственный университет правосудия

Svetlana G. Karepova, candidate of sociological sciences, leading researcher of Institute of socio-political researches of the Russian Academy of Sciences;

Aleksey A. Kashkarov, doctor of law, associate professor, Head of the department of criminal law and criminology Crimean branch of the Krasnodar university of the Ministry of Internal affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, doctor of law, professor of chair of criminal trial of the Ministry of Internal Affairs Moscow university of Russia;

Aynura A. Kogerbayeva, doctor of Economics, professor, head of OOP «Economy and Management of the National Economy» (management). Kyrgyz-Russian Slavic university. Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konovalev, Honored police officer of Russia, the doctor of law, professor, professor of the Rostov institute of protection of the businessman;

Svetlana A. Kuemzhieva, Candidate of Law Sciences, professor, associate professor of civil law of legal faculty of the Kuban state agricultural university of I.T. Trubilin;

Vyacheslav N. Kuznetsov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Social Sciences;

Svetlana A. Markova-Murasheva, doctor of law, professor, professor of chair of the theory, history of state and law of the Kuban state university;

Daniel J. Markovic, professor, University of Belgrade. Serbia;

Sergei A. Nevsky, doctor of law, professor, deputy chief of the All-Russian scientific and research institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on scientific work, the chief of research center № 1;

Narbut N. Petrovich, doctor of sociological sciences, professor, first deputy dean, head of the department of sociology of the Russian university of friendship of the people;

Konstantin V. Obrazhiyev, doctor of law, professor, head of the department of criminal and legal disciplines University of prosecutor's office of the Russian Federation

Pan Dawei, Doctor of Social Sciences, Professor of Sociology, Director of the Institute of the Shanghai Academy of Social Sciences. Chinese People's Republic;

Yury E. Pudovochkin, doctor of law, professor, professor of department of criminal law. Russian state university of justice

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Соколова Галина Николаевна, Заслуженный работник образования Республики Беларусь, доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом экономической социологии ГНУ «Институт социологии» НАН;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, Югорский государственный университет;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Краснодарский университет МВД России;

Фархутдинов Инсур Забинович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик РАН, доктор социологических наук, директор Всероссийского научно-исследовательского института риса.

Vitaly S. Pusko, The honored worker of the Higher school of the Russian Federation, the Doctor of Philosophy, professor, professor of chair of political science of MGTU of N.E. Bauman;

Romanova Anna Ilyinichna, doctor of Economics, professor, the head of the department of economy and management in municipal economy of the Kazan state architectural and construction university;

Rykova Irina Nikolaevna, doctor of Economics, professor, the head of the Center of branch economy of Research financial institution of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Samygin Sergei Ivanovich, doctor of sociological sciences, professor of department of personnel management and sociology of the Rostov state economic university;

Anatoly N. Silin, Honored Worker of Science of the Russian Federation, doctor of sociological sciences, professor, the chief researcher of the West Siberian branch of Institute of sociology of RAN;

Irina V. Snimschikova, doctor of Economic Sciences, professor of economics and financial management at the Kuban State Technological University named of I.T. Trubilin;

Sokolova Galina Nikolaevna, Honoured worker of formation of Republic of Belarus, professor, the doctor of sociological sciences, the manager of department economic sociology of the GNU «Institute of sociology» of NAN;

Alexey V. Sumachev, doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university

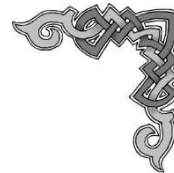
Jolly-boats Andrey Rimovich, doctor of sociological sciences, professor, the dean faculty of industrial policy and business administration of the Kazan national research technological university;

Ivan V. Uporov, doctor of historical sciences, the candidate jurisprudence, professor. Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Insur Z. Farkhutdinov, doctor of jurisprudence, the leading researcher, Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «The Euroasian legal magazine»;

Evgeny M. Kharitonov, academician of RAS, doctor of sociological sciences, director of the All-Russian research institute rice.

*Коллектив редакции журнала поздравляет
членов редакционной коллегии
с Днем Рождения!!!*

Волков Юрий Григорьевич,

Касьянов Валерий Васильевич,

Куемжиева Светлана Александровна,

Харитонов Евгений Михайлович.

Примите наши самые искренние и теплые поздравления с Днем Рождения и пожелания крепкого здоровья, успешной и плодотворной работы. Пусть в жизни всегда сопутствует хорошее настроение и неиссякаемый оптимизм. Желаем Вам новых творческих успехов!!!

Редакция журнала

СОДЕРЖАНИЕ:

Поздравления	6
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Афаунов А.З., Чхвимиани Э.Ж., Урумов А.В. Социокультурные факторы развития преступности	17
Гаврилин С.А. Теоретико-методологические основы политики государства в сфере дополнительного образования в России (на материалах Орловской области)	22
Долгополов К.А. Проблема отношения общества к правоохранительным органам в России	25
Кислицын С.А., Смирнов А.А., Гринченко Е.А. Проблемы и информационные технологии осведомления истории Великой Отечественной войны в контексте патриотического воспитания молодежи	29
Ковалева А.В. Генезис неблагополучия семьи	35
Колмыкова М.А. Диалог организационной и управленческой культур для эффективности деятельности организаций	38
Лежебоков А.А., Сергодеева Е.А., Текеева Л.Д. Социокультурный потенциал процесса модернизации регионов России на примере Карачаево-Черкесской Республики	42
Олифир И.А. Феминизм как идеология современного общества: теоретические и практические источники	46
Покатов Д.В. Политическое «аутсайдерство» как социально-политическое явление общества постмодерна	52
Рябцев С.В., Кириллов П.Е., Кундрякова Н.А. Интернет вещей в поле риска	55
Тянь Сяюй Причины и пути решения организационных конфликтов внутри высшего руководства	59
Узунов В.В., Чигрин В.А., Захарова В.А. Социальные трансформации в контексте пространственного развития России (по материалам Второго Крымского социологического форума)	64
Халунов А.Н. Религиозность и мусульманское образование в современном дагестанском обществе: проблемы и тенденции	67
Шагина И.Р., Кубекова А.С., Смахина Т.А. Оценка качества дистанционного обучения в медицинском вузе	72
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Абрамов И.А. К вопросу о возрасте лиц, оказывающих негласное содействие на контрактной основе, органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность	77
Абрамян С.К. Квалификация служебного подлога в уголовном законодательстве России	83

Адыгезалова Г.Э., Ралка Е.Б. Закрепление и реализация свободы слова в истории правовой системы США: вопросы конституционной доктрины и судебной практики	86
Амосова А.А. Дифференциация уголовной ответственности за получение взятки в УК РФ и перспективы ее оптимизации	90
Андреева О.А., Карягина О.В., Карягина А.В. Совершенствование законодательной, правоприменительной и судебной практики в процессе реализации уголовной политики государства	95
Белоголов А.В., Стаценко Д.А. О некоторых вопросах правосубъектности работодателя – физического лица	99
Беляева Ю.Л. Правовые основы конфискации доходов, полученных в результате коррупционных преступлений в Европейском Союзе	102
Боровских Р.Н., Зыков Д.А. Современное состояние института уголовной ответственности за мошенничество	106
Бохан А.П., Чмырёв С.Н., Чернецкий В.А. Выбор исправительного учреждения при назначении наказания за совершение дорожно-транспортного преступления с отягчающими обстоятельствами и учёт общественной опасности совершенного деяния	109
Варченко И.А., Сафонов А.А. Отдельные вопросы назначения и производства идентификационной почерковедческой экспертизы (продолжение)	113
Грешнова Н.А. Теоретический анализ участия представителя в гражданском процессе как условие обеспечения принципа состязательности судопроизводства и защиты личных интересов граждан	117
Гусева Е.Д., Адыгезалова Г.Э. Внешняя миграция: особенности правовой регламентации права на передвижение иностранных граждан и лиц без гражданства	120
Дубровская И.С. Социальный экстремизм как угроза внутренней безопасности государства	123
Заикин В.Ю., Лозовский Д.Н. Особенности производства осмотра места происшествия по делам о корыстных преступлениях, совершенных несовершеннолетними	127
Звонов А.В., Савин А.А. Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера	130
Зеленин А.А., Распопин А.В. Прокурорский надзор за деятельностью органов следствия и дознания в Западной Сибири в 1920-е годы	133
Комарова Я.Б. Формирование профессиональной компетентности бакалавров-юристов на основе иммерсивных технологий	137
Кузьмин Д.И., Наумова Н.В. Конституционно-правовые основы подготовки государственных служащих для Вооруженных Сил Российской Федерации в контексте укрепления межнационального и межрелигиозного согласия	140
Лабашева Н.А., Трубочанинова И.И. Практическое применение системы языковых средств научного стиля в процессе обучения переводу юридических текстов	144
Литвяк Л.Г., Абрамян С.К. Уголовно-правовое значение невменяемости	148
Михайличенко Н.А. Противоречия правовой регламентации порядка прекращения уголовного дела (уголовного преследования) с назначением судебного штрафа	151
Михайлов А.Е., Семенов С.А., Тараканов И.А. Преступность в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров: состояние и тенденции	154

Некоз С.С. Уголовно-правовая оценка пособничества при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния	158
Ойсунгуров И.М. Сословное право и формы земельной собственности в Дагестане в XVII–XIX вв.	163
Панкратов А.В. Соотношение квалификации и состава преступления. Актуальность состава преступления для современного права	168
Пузанова О.А., Шокин С.Е. Патриотизм как консолидирующий фактор общественной жизни и конституционного строя страны	172
Салихов М.М. К вопросу об объективных признаках нарушения требований промышленной безопасности опасных производственных объектов	176
Стариков А.П., Рябчиков В.В. Вопросы использования психологических терминов в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве России	181
Сумачев А.В., Перемолотова Л.Ю. Противодействие коррупции: «минусы» и «плюсы» организационно-правовых решений	184
Сучкова М.В. Реформа Совета Министров Российской империи в период первой русской революции	188
Уваров И.А. Правовая социализация осужденных как суммарный вектор взаимодействия субъекта и объекта в организации пенитенциарной профилактики	191
Умарова А.А. Уголовная политика по достижению экономической безопасности и борьбе с коррупционной преступностью	194
Умарова М.А. Правовые средства противодействия коррупции: анализ зарубежного опыта	197
Ходжалиев С.А. Некоторые особенности назначения и исполнения наказания в виде ограничения свободы по уголовному законодательству Российской Федерации	201
Шаназарова Е.В., Головина Е.Н. Особенности заключения договоров в рамках федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»	204
Шурухнов Н.Г. Коррупция в современной России: некоторые данные официальной статистики, факты, результаты опроса граждан	207
Шушакова Е.А., Стародубцева М.А., Ельникова С.М. Поддержка развития волонтерства в области оказания юридических и социальных услуг в Алтайском крае	211
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Аверин А.Н., Понеделков А.В., Мищенко Я.П., Терещенко В.В. Денежные доходы российского населения	217
Будкина Е.С. Практика администрирования и влияния НДС на хозяйственную деятельность субъектов предпринимательства	222
Гончаров А.И. Эмоциональный интеллект как фактор занятости молодежи	226
Корневский В.В., Мордик Е.А., Попов А.В. Оптимизация процедур измерения коэффициента сцепления дорожных покрытий	230

Малевская-Малевиц Е.Д., Пазухина В.В. Актуальные направления развития региональных инновационных систем в условиях изменяющейся внешней среды	234
Маликова А.Х., Куликов Е.И. Значимость бюджетно-финансового обеспечения образования	240
Орлов Ф.П. Регламентация режима использования и выпуска криптовалют в странах Южной Америки (часть 1)	243
Семенова А.Г. Анализ видов стимулирования трудовой деятельности на российских предприятиях	247
Середа Н.А., Рыбникова В.Ю., Пилиева И.И., Цыбакин С.В. Устойчивое развитие сельских территорий: организационно-пространственный аспект	249
Скрыпий В.А. Церковное хозяйство с позиции современной экономики	255
Цыденов Б.Б. Классификация, анализ методов оценки экологического риска и его экономическое последствие	259

CONTENTS:

Congratulations	6
SOCIOLOGICAL SCIENCES	
Anzor Z. Afaunov, Eduard Ju. Chkhvimiani, Asker V. Urumov Sociocultural factors in the development of crime	17
Sergey A. Gavrilin Theoretical and methodological basis of state policy in the sphere of supplementary education in Russia (based on materials from the oryol region)	22
Kirill A. Dolgoplov The problem of society's attitude to law enforcement agencies in Russia	25
Sergey A. Kislitsyn, Alexander A. Smirnov, Yelizaveta A. Grinchenko Problems and information technologies of covering the history of the great patriotic war in the context of patriotic education of young people	29
Anna V. Kovaleva Genesis of family problems	35
Marina A. Kolmykova Dialogue between organizational and management cultures for the organizational pperformance	38
Andrey A. Lezhebokov, Elena A. Sergodeeva, Leila D. Tekeeva Socio-cultural potential of the process of modernization of Russian regions on the example of the Karachay-Cherkess Republic	42
Irina A. Olifir Feminism as an ideology of modern society: theoretical and practical sources	46
Dmitry V. Pokatov Political «outsider» as a Socio-political phenomenon of postmodern society	52
Sergey V. Ryabtsev, Pavel E. Kirillov, Natalia A. Kundryakova The Internet of things at risk	55
Tian Xiaoyu The reasons and ways of solving organizational conflicts within top management	59
Vladimir V. Uzunov, Victor A. Chigrin, Vera A. Zakharova Social transformations in the context of spatial development of Russia (on the materials of the second crimean sociological forum)	64
Abakar N. Halunov Religiosity and muslim education in modern Dagestan society: problems and trends	67
Inna R. Shagina, Alia S. Kubekova, Tatyana A. Smakhtina Quality assessment of distance learning in a medical university	72
JURISPRUDENCE	
Ivan A. Abramov On the issue of the age of persons providing tacit assistance on a contract basis to bodies carrying out operational-search activities	77
Suzanna K. Abramyam Qualification of official forgery in the criminal legislation of Russia	83
Gyulnaz E. Adygezalova, Elisey B. Ralka Consolidation and implementation of freedom of speech in the history of the US legal system: issues of constitutional doctrine and judicial practice	86
Anna A. Amosova Differentiation of criminal responsibility for obtaining the bribery in the cc of the Russian Federation and prospects of its optimization	90

Olga A. Andreeva, Oksana V. Karyagina, Angelika V. Karyagina The improvement of legislative, law enforcement and judicial practice in the process of implementing the state's criminal policy	95
Andrey V. Belonogov, Daria A. Statsenko About issues of the legal personality of an employer-individual	99
Yuliya L. Belyaeva The legal framework on the confiscation of proceeds of corruption crimes in the European Union	102
Roman N. Borovskikh, Daniil A. Zykov Current state of the institution of criminal liability for fraud	106
Andrey P. Bokhan, Sergey N. Chmyryov, Vadim A. Chernetsky Selection of correctional institution in sentencing for road traffic crime with aggravating circumstances and taking into account public danger of the committed ACT	109
Igor A. Varchenko, Andrey A. Safonov Separate issues of appointment and production of identification handwriting expertise (continuation)	113
Natalia A. Greshnova Theoretical analysis of the participation of a representative in civil proceedings as a condition for ensuring the principle of adversarial proceedings and protecting the personal interests of citizens	117
Ekaterina D. Guseva, Gyulnaz E. Adygezalova External migration: features of legal regulation of the right to movement for foreign citizens and stateless persons	120
Inga S. Dubrovskaya Social extremism as a threat to the internal security of the state	123
Vadim Yu. Zaikin, Denis N. Lozovsky Features of conducting an inspection of the scene of an accident in cases of self-serving crimes committed by minors	127
Andrei V. Zvonov, Andrei A. Savin Confiscation of property as a measure of criminal law	130
Aleksei A. Zelenyn, Anton V. Raspopin Prosecutor's supervision of the activities of investigative bodies in Western Siberia in the 1920s.	133
Yana B. Komarova Formation of professional competence of bachelor lawyers on the basis of intensive technologies	137
Dmitriy I. Kuzmin, Natalia V. Naumova Constitutional and legal framework for the training of civil servants for the Armed Forces of the Russian Federation in the context of strengthening inter-ethnic and inter-religious harmony	140
Natalya A. Labasheva, Irina I. Trubchaninova Practical application scientific style language system means in the course legal texts translation training	144
Larisa G. Litvyak, Suzanna K. Abramyan Criminal law significance of insanity	148
Natalia A. Mihailichenko Contradictions of the legal regulation for the procedure of termination of the criminal case (criminal prosecution) with the imposition of a judicial fine	151
Alexey E. Mikhailov, Sergey A. Semenov, Ilya A. Tarakanov Crime in the sphere of illicit traffic in narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors: status and trends	154
Sergei S. Nekoz Criminal legal assessment of complicity in the presence of circumstances precluding the criminality of the act	158
Ibragim M. Oisungurov Estate law and forms of land ownership in dagestan in the XVII–XIX centuries	163

Andrey V. Pankratov The ratio of qualifications and corpus delicti. The relevance of the corpus delicti for modern law	168
Olesya A. Puzanova, Sergey E. Shokin Patriotism as a consolidating factor of public life and the constitutional system of the country	172
Mashud M. Salikhov On the issue of objective signs of violation of industrial safety requirements of hazardous production facilities	176
Alexander P. Starikov, Vadim V. Ryabchikov Questions of the use of psychological terms in the criminal and criminal procedure legislation of Russia	181
Alexey V. Sumachev, Lilianna Yu. Peremolotova Anti-corruption: «cons» and «pros» of organizational and legal solutions	184
Margarita V. Suchkova Reform of the Council of Ministers of the Russian Empire during the first Russian revolution	188
Igor A. Uvarov Legal socialization of convicts as a total vector of interaction between the subject and the object in the organization of penitentiary prevention	191
Amala A. Umarova Criminal policy to achieve economic security and fight corruption	194
Madina A. Umarova Legal means of combating corruption: analysis of foreign experience	197
Saleh A. Khojaliyev Some features of the appointment and execution of the punishment in the form of restriction of freedom under the criminal law of the Russian	201
Elena V. Shanazarova, Elena N. Golovina Features of concluding contracts within the framework of the federal law «On the contract system in the field of procurement of goods, works, and services for state and municipal needs»	204
Nikolai G. Shurukhnov Corruption in modern Russia: some official statistics, facts, results of a survey of citizens	207
Ekaterina A. Shushakova, Maria A. Starodubtseva, Sophia M. Elnikova Support for the development of volunteering in the field of providing legal and social services in the Altai region	211
ECONOMIC SCIENCES	
Alexander N. Averin, Aleksandr V. Ponedelkov, Yana P. Mishchenko, Viktor V. Tereshchenko Cash income of the Russian population	217
Yekaterina S. Budkina Practice of vat administration and impact on business activities of business entities	222
Aleksandr I. Goncharov Emotional intelligence as a factor of youth employment	226
Vsevolod V. Korenevsky, Ekaterina A. Mordik, Alexey V. Popov Optimization of procedures for measuring adhesion coefficient of road surfaces	230
Ekaterina D. Malevskaya-Malevich, Victoria V. Pazukhina Current trends in the development of regional innovation systems in a changing external environment	234
Aziza Kh. Malikova, Evgenii I. Kulikov The importance of budgetary and financial support of education	240
Philipp P. Orlov Regulation of the regime of cryptocurrencies' use and issue in the countries of South America (part 1)	243

Ariadna G. Semenova	
Analysis of types of labor incentives in Russian enterprises	247
Nadezhda A. Sereda, Valeria Yu. Rybnikova,	
Inna I. Piliava, Sergey V. Tsybakin	
Sustainable development of rural territories: organizational and spatial aspect	249
Vadim A. Skrypiy	
Church economy from the perspective of modern Economics	255
Bato B. Tsydenov	
Classification, analysis of methods for assessing environmental risk and its economic consequences	259

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Афаунов Анзор Зурабович

кандидат социологических наук,
заместитель начальника
кафедры специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России,
майор полиции
anzor.afaunov@list.ru

Чхвимиани Эдуард Жюльенович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России,
подполковник полиции
eduard-1981@yandex.ru

Урумов Аскер Валерьевич

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
специально-технической подготовки,
Северо-Кавказский институт
повышения квалификации сотрудников
МВД России (филиал)
Краснодарского университета
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
подполковник полиции
urumov07@mail.ru

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ
РАЗВИТИЯ ПРЕСТУПНОСТИ**

Аннотация. Статья посвящена анализу роли культурных и структурных факторов развития преступности в современном обществе. Анализируются основные мотивы совершения правонарушения, а также факторы, препятствующие выбору преступной модели активности. Рассматривается роль культурных факторов в осуществлении преступной деятельности или отказе от преступной модели активности. Авторами анализируются основания совершения преступления, связанные с характером социальной ситуации, в которую включен субъект, а также ситуации, в которых преступление становится совокупным результатом культурных и социальных факторов.

Ключевые слова: общество, преступность, культурные факторы преступности, социальные факторы преступности.

О бщественный процесс диалектичен, он сочетается в себе постоянное действие процессов созидания и разрушения. Любые перемены представляют собой разрушение старого порядка

Anzor Z. Afaunov

Candidate of Sociological Sciences,
Deputy head of the Department
of Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Police Major
anzor.afaunov@list.ru

Eduard Ju. Chkhvimiani

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Special Disciplines,
Police Lieutenant Colonel
eduard-1981@yandex.ru

Asker V. Urumov

Candidate of Law Sciences,
Senior lecturer of the Department
of Special and Technical Training,
North Caucasus Institute for Advanced
Training of Employees of the Ministry
of Internal Affairs of Russia (branch)
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation,
Police Lieutenant Colonel
urumov07@mail.ru

**SOCIOCULTURAL FACTORS
IN THE DEVELOPMENT OF CRIME**

Annotation. The article is devoted to the analysis of the role of cultural and structural factors of crime development in modern society. The main motives for the implementation of the crime, as well as the factors impeding the choice of the criminal model of activity, are analyzed. The role of cultural factors in the conduct of criminal activities or the rejection of the criminal model of activity is considered. The grounds for committing a crime related to the nature of the social situation in which the subject is included are studied. Situations in which the crime is a combined result of cultural and social factors are studied.

Keywords: society, crime, cultural factors of crime, social factors of crime.

и рождение нового, поэтому, как таковой, распад определенных социальных связей и отход от существовавших ранее форм отношений не представляет собой, безусловно, отрицательное

явление, с необходимостью несущее в себе социальные риски. Однако существует ракурс рассмотрения общественных процессов, при котором деструктивность понимается в строго негативном ключе – это рассмотрение общих системных характеристик общества, которое может обладать большей или меньшей целостностью. В случае, когда мы говорим об элементе разрушения в общественных трансформациях, нередко речь идет о фактической смене одного функционального состояния другим, в результате которого целостность общественной системы не нарушается. Однако, если мы ведем речь о нарушении системы социального взаимодействия, то есть, о фактической ее деструкции, когда происходит качественное ухудшение ситуации в обществе. В рамках социальной теории одними из наиболее перспективных теоретических подходов к осмыслению социальных нарушений являются системный анализ социальных процессов и их рассмотрение в русле структурного функционализма.

С точки зрения системного анализа, общество представляет собой целостную, саморегулирующуюся открытую систему, взаимодействующую с внешней средой; при этом, если речь идет о локальном обществе, под внешней средой его существования понимается как природный мир, так и внешняя социальная среда, представленная другими обществами. С точки зрения анализа системных характеристик взаимодействия, всякая система подвержена деструктивным воздействиям извне, направленным на ее распад [4], и ключевое значение в поддержании целостности системы имеют ее внутренние защитные механизмы, ориентированные на противодействие деструктивным внешним воздействиям.

Таким образом, существование общества рассматривается как непрерывный процесс взаимодействия с внешней средой, в результате которого находят реализацию защитные функции, а также осуществляется приобретение извне необходимых для существования социальной системы ресурсов. При этом внутренние процессы, ведущие к нарушению структуры системы, представляют собой следствие недостаточной эффективности саморегуляции. Если обратиться к детализации данного процесса в структурно-функционалистской теории, можно обнаружить серьезный акцент на элементах социальной системы, которые ответственны за стабилизацию общественной структуры и ее противодействие деструктивным факторам как внешнего по отношению к ней, так и внутреннего характера.

Одной из ключевых составляющих общественной системы является право, которое определяет основные аспекты взаимодействия в обществе и, фактически, фиксирует на нормативном уровне структуру общества во всех его аспектах, начиная от политической сферы и заканчивая областью семейных отношений. Фактически, нормы права представляют собой, поддерживаемую на государственном уровне, систему взаимодействия, определяющую ключевые возможности, социальные гарантии и обязанности участников общественного процесса. В этом смысле любой

процесс общественной регуляции, идущей «сверху», в той или иной степени, связан с правом. В соответствии с этим, нарушение правового статуса социального взаимодействия представляет собой один из наиболее серьезных социальных рисков. Именно по этой причине преступность рассматривается ведущими социологами в качестве одной из основных проблем, требующих осмысления. В данном случае логика актуализации проблемы преступности проста: коль скоро право выступает в качестве важнейшего структурообразующего элемента общества, правонарушения являются фактором разрушения самой структуры общества. И, коль скоро, преступность является столь серьезной проблемой, очевидна необходимость эффективного противодействия ей, что представляет собой реализацию защитных социальных механизмов, направленных на внутренние процессы общества. Традиционно в качестве такового защитного механизма рассматриваются правоохранительные органы и судебная система, на уровне социальной практики, пресекающие преступную деятельность и налагающие на преступных элементов санкции в виде материальной ответственности и лишения свободы. Однако не менее важным фактором преодоления преступности является ее профилактика, и здесь становится необходимым понимание причин и оснований возникновения правонарушений с последующим устранением этих оснований. Именно поэтому так важно понимание природы преступности на уровне социального знания: регулятивная деятельность, направленная на предотвращение развития преступности, становится возможной лишь в том случае, если понятны механизмы, инициирующие вовлечение социальных субъектов в противоправную деятельность. Это является той причиной, по которой проблеме преступности в социогуманитарном знании уделяется столь пристальное внимание.

В рамках настоящей статьи мы ориентированы на раскрытие факторов развития преступности различной природы, а именно – структурных и культурных предпосылок развития преступности в обществе. Ориентация на эти два аспекта связана с классической дилеммой рассмотрения причин социальной активности, которые усматриваются в сферах общественного бытия и общественного сознания. Соответственно, существуют исследовательские подходы, полагающие преступность результатом структурных нарушений и, напротив, рассматривающие ее в качестве результата нарушения правосознания и подрыва морально-этического аспекта общественного сознания. В настоящей работе мы исходим из той предпосылки, что и структурные, и культурные факторы развития преступности влияют на конечную ситуацию, более того, ряд социальных механизмов развития отклоняющегося поведения находится на стыке культурных и структурных факторов.

Прежде всего, обратимся к вопросу о том, что такое преступность и каковы ее ведущие мотивы? В исследовательской традиции выделяются преступления, вызванные эмотиональными факторами (преступление в состоянии аффекта, преступление на почве ненависти и т.д.), вызванные прагматическими основаниями, социальными и

культурными стимулами. Так или иначе, большинство преступлений совершаются по причине обозначенных оснований, либо в силу их сочетания. Рассмотрим подробнее данное разделение. Преступления, имеющие под собой эмоциональную основу, связаны, прежде всего, с отношением преступника к субъекту правонарушения. Соответственно, либо речь идет о частной системе отношений, в рамках которой сложилась отрицательная ситуация взаимодействия (например, ссора между соседями), либо о более масштабной системе отношений, в рамках которых присутствует мощное эмоциональное отношение к представителю определенной группы. Так, например, в ситуации межгрупповой ненависти можно судить о наличии острого неприятия представителей определенной группы, проявляющейся в виде ненависти, т.е., острого негативного эмоционального переживания, закрепленного на уровне сложившегося отношения и, соответственно, циклически воспроизводимого. Уже здесь мы можем судить о том, что преступления, имеющие под собой эмоциональную основу, также имеют и культурную детерминированность (например, в контексте того, что, с точки зрения социального субъекта, должно вызывать острую реакцию, а что – нет). В приведенном примере межгрупповой вражды последняя воспроизводится в социокультурной сфере, и уже затем на уровне единичных субъектов проявляется на психоэмоциональном уровне. Кроме того, следует отметить, что сами по себе нормы реакции на определенные эмоции (как и отношение к эмоциональности) в разных культурах различны. Так, например, в одних обществах присутствует культ эмоциональности, как яркости личностного проявления, в то время как в других имеет место акцент на значимости усмирения эмоций, что определяет большую или меньшую практику самоконтроля членов общества. Таким образом, мы видим, что даже в таком аспекте совершения преступлений, как эмоциональный аспект преступной мотивации, присутствует элемент культурной определенности.

Что касается преступлений, совершенных в прагматических целях, речь идет о правонарушениях, совершение которых несет определенную выгоду для преступника. И здесь, говоря о факторах совершения преступлений, мы уже можем выделить два важных аспекта:

– социальную ситуацию, определяющую «целесообразность» преступления и его привлекательность по отношению к нормативно заданному поведению;

– культурную ситуацию, определяющую приемлемость преступного метода достижения поставленной цели.

Рассмотрим данные вопросы подробнее. В случае, когда речь идет о прагматическом, или функциональном преступлении, само по себе правонарушение не является целью, оно, скорее, выступает в качестве инструмента. В такой системе координат важным является момент целеполагания (и степень его интенсивности), с одной

стороны, и представления о приемлемости преступного способа действий, с другой. Причем, если присутствуют определенные представления о неприемлемости правонарушения, решение о совершении преступления может возникнуть в том случае, если замотивированность на существующую цель у субъекта социальной активности существенно выше, нежели стремление к сохранению правового характера социальной активности.

Таким образом, выбор преступного метода достижения определенных целей может быть продиктован сочетанием структурных факторов (та ситуация, которая определяет острую актуализацию определенной социальной цели) и культурных предпосылок (степень готовности или неготовности субъекта общественных отношений к реализации преступной модели, связанная с характеристиками мировоззрения субъекта, сформированными в конкретной культурной среде). Поскольку преступление является одним из методов достижения цели, выбор в пользу достижения цели преступным способом определяется совокупностью факторов, среди которых, с одной стороны, имеет место вопрос доступности и эффективности используемого способа по отношению к альтернативным, приемлемым с точки зрения права методам, с другой – степень риска, сопряженного с осуществлением цели преступным способом, и, с третьей – момент личного притяжения или неприятия преступного метода достижения цели. Последнее имеет большое значение, поскольку может (при условии развитого правосознания индивида) способствовать отказу от преступного способа действия даже в ситуации, когда предполагаемое преступление кажется безнаказанным (например, в ситуации, когда никто не видит и не сможет обнаружить следы преступления) и, одновременно с этим, сулит существенные выгоды.

Анализируя данный аспект, следует отметить, что, чем выше уровень легальных возможностей реализации базовых целей и стремлений, имеющих место на уровне конкретного общества, тем реже возникает описанная выше ситуация выбора. Именно поэтому, говоря об институциональном аспекте преступности, мы подразумеваем не только уровень эффективности правоохранительной системы, но и структурные факторы, определяющие условия жизни и социального становления членов общества. Практика показывает, что такие факторы, как бедность, безработица, низкий уровень социальной поддержки в совокупности способствуют росту преступности, как более «легкого» способа реализации базовых потребностей членов общества [1]. Это связано с тем, что в условиях низкого уровня материального достатка члены общества сталкиваются с дефицитом жизненно необходимых материальных ресурсов в условиях невозможности или крайней проблематичности приобретения доступа к этим ресурсам легальным способом. Чем более тяжелой является ситуация человека, тем меньшее значение он склонен придавать социальным запретам и ограничениям в силу резкого возрастания приоритетности результата, единственный доступный путь достижения которого

является противоправным. Именно тяжелые жизненные условия являются, например, одной из распространенных причин воровства и проституции.

Говоря о социокультурном аспекте осуществления прагматических преступлений, следует отдельно остановиться на таком аспекте, как культурные ограничения и культурные стимулы. Что касается культурных ограничений, способствующих отказу от преступной модели, речь идет о ценностных ориентациях субъекта и нормах морали, а также, об установках правосознания субъекта общественных отношений. Вместе с тем, еще в середине XX века американский социолог Р. Мертон обратил внимание на взаимосвязь, существующую между преобладающими культурными ценностями и уровнем преступности в обществе, отметив, что культура задает жизненные приоритеты и цели развития в обществе, и от того, насколько доступно легальное достижение этих целей, во многом зависит то, каковы предпосылки развития преступности в нем. В частности, он приводит в качестве примера «американскую мечту» как серьезный фактор актуализации материального достатка как признака социальной состоятельности субъекта общественных отношений. Рассматривая значение жизненной установки на богатство, этот социолог отмечает, что в условиях недоступности легальных способов достижения данной цели формируются предпосылки для роста преступности [2]. В этом смысле, распространение идеалов потребления можно рассматривать в качестве серьезного фактора роста преступности в современном обществе. При этом важно понимать, что данное основание развития преступности находится на стыке культурных и институциональных факторов, поскольку стремление к материальному достатку в условиях широких возможностей экономического приложения своих сил и способностей не влечет за собой повышения уровня предпосылок к совершению правонарушений в социальной среде.

Что касается мотивов осуществления преступных деяний, связанных с социальной определенностью субъекта, можно выделить два важных фактора:

– принадлежность к социальной группе, в рамках которой преступная модель активности рассматривается в качестве приемлемой;

– нарушение доверия к правовой системе и государству, в целом, что приводит к актуализации альтернативной системы норм поведения, а

Литература:

1. *Гурницкий А.В.* Бедность с позиций криминологии // Общество и право. 2015. №1(51). С. 174–181.
2. *Мертон Р.К.* Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М. : Прогресс, 1966. С. 299–313.

также, к попыткам замещения правовой системы на уровне сферы социальных отношений.

Указанные формы определенности преступного поведения имеют одновременно структурную компоненту (включенность в криминально-ориентированную группу, в первом случае, и неудовлетворительный характер государственно-правовой системы, во втором) и культурную определенность, связанную с характером рассмотрения социально-правовой проблематики в общественной среде. Так, в первом случае большое значение приобретает приверженность к криминальной субкультуре внутри криминализованного сообщества [5], во втором – устоявшиеся представления о несостоятельности социально-правовой системы, что может толкать социального субъекта на реализацию справедливости альтернативным путем, например, через самосуд [3].

Рассматривая на общем уровне предпосылки преступной деятельности мы, таким образом, приходим к пониманию того, что ее детерминантами являются как неудовлетворительное состояние общественной структуры, выраженное в нарушении функциональности ряда социальных институтов (прежде всего, экономики и права, включая правоохранительную и судебную сферы), так и негативные предпосылки культурного характера, связанные с нарушением ценностной системы социального мировоззрения, недостатком правосознания, а также, с несоответствием, существующим между культурной и структурной ситуацией в обществе. В этих условиях становится понятно, что предотвращение преступлений может (и должно) осуществляться не только на уровне деятельности правоохранительных органов, но и на уровне регулятивной деятельности политической власти, воздействующей на общее состояние основных общественных институтов, а также – на сферу общественного сознания, на уровне которой происходит отражение основных аспектов общественной жизни. При этом критически важное значение приобретает, с одной стороны, формирование доверия со стороны населения по отношению к основным государственным институтам, с другой – развитие установок правосознания в общественной среде и, с третьей – приведение в соответствие области преобладающих культурных ценностей, задающих цели социальной активности, и сферы социальных возможностей членов общества. В совокупности это может способствовать существенному понижению уровня преступности в обществе.

Literature:

1. *Gurnitsky A.V.* Poverty from the standpoint of criminology // Society and law. 2015. № 1(51). P. 174–181.
2. *Merton R.K.* Social structure and anomie // Sociology of crime (Modern bourgeois theories). M. : Progress, 1966. P. 299–313.

3. *Смирнов А.М.* Уголовно-правовые детерминанты распространения самосудов в современной России // Пролог: журнал о праве. 2014. № 2. С. 30–36.

4. *Трикило Е.А.* Проблема нормы в структурном функционализме и социальной феноменологии // Теория и практика общественного развития. 2012. № 5. С. 89–92.

5. *Хисамутдинов Ф.Р.* Криминальная субкультура и ее предупреждение / Ф.Р. Хисамутдинов, А.Е. Шалагин // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2(20). С. 46–52.

3. *Smirnov A.M.* Criminal and legal determinants of the spread of lynching in modern Russia // Prologue: a journal about law. 2014. № 2. P. 30–36.

4. *Trikilo E.A.* The problem of norms in structural functionalism and social phenomenology // Theory and practice of social development. 2012. № 5. P. 89–92.

5. *Khislamutdinov F.R.* Criminal subculture and its prevention / F.R. Khislamutdinov, A.E. Shalagin // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 2(20). P. 46–52.

Гаврилин Сергей Александрович

кандидат социологических наук,
доцент,
Орловский юридический институт
МВД России имени В.В. Лукьянова
gavrilinsa@mail.ru

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВЫ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА
В СФЕРЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ
(НА МАТЕРИАЛАХ
ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Аннотация. В статье рассматривается дополнительное образование, которое занимает важное место в системе непрерывного образования и в структуре образования в Российской Федерации. Оно призвано решать задачи адаптации детей в обществе, профессиональной ориентации, выявления и поддержки способных и талантливых детей, реализации программ с учетом возрастных и индивидуальных особенностей детей. Автором доказывается, что цели и задачи дополнительного образования отражают гуманистическую направленность и вариативность его содержания, которое призвано обеспечить здоровье сбережение, организацию содержательного досуга, формирование культуры, развитие способностей, личностное и профессиональное самоопределение обучающихся – детей и взрослых.

Ключевые слова: образование, государственная политика, дополнительное образование.

В соответствии с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, необходимым условием для формирования инновационной экономики является модернизация системы образования как одного из факторов динамичного экономического роста и социального развития общества, источника благополучия граждан и безопасности страны. Образование представляет собой единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также, представляет собой совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции, определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов [1].

Sergey A. Gavrilin

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Oryol Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
named after V.V. Lukyanova
gavrilinsa@mail.ru

**THEORETICAL AND METHODOLOGICAL
BASIS OF STATE POLICY IN THE SPHERE
OF SUPPLEMENTARY EDUCATION
IN RUSSIA (BASED ON MATERIALS
FROM THE ORYOL REGION)**

Annotation. The article deals with additional education, which occupies an important place in the system of continuing education and the structure of education in the Russian Federation. It is designed to solve the problems of adaptation of children in society, professional orientation, identification and support of capable and talented children, implementation of programs that take into account the age and individual characteristics of children. The author proves that the goals and objectives of additional education reflect the humanistic orientation and variability of its content, which is designed to ensure the health of students, the organization of meaningful leisure, the formation of culture, the development of abilities, personal and professional self-determination of students – children and adults.

Keywords: education, public policy, additional education.

Дополнительное образование представляет собой вид образования, который направлен на всестороннее удовлетворение образовательных потребностей человека в интеллектуальном, духовно-нравственном, физическом и (или) профессиональном совершенствовании и не сопровождается повышением уровня образования [2].

Дополнительное образование – единственный в Российской Федерации вид образования, который не завершается повышением уровня образования. В дополнительном образовании федеральные государственные образовательные стандарты не устанавливаются; это – сфера вариативного содержания образования, развития личности в соответствии с индивидуальными образовательными потребностями, способностями, интересами, особенностями [3].

Образовательная специфика дополнительного образования такова, что образовательный

процесс в нем строится в парадигме развивающего образования и обеспечивает следующие функции:

– информационную – обучающийся может увидеть и услышать, что в данном учреждении дополнительного образования есть много интересного для него, в какие виды деятельности он может включиться, чему и у кого он может учиться, с кем может общаться, в итоге, получая профессиональное, социальное и духовное самоопределение;

– социализирующую – содействует духовному становлению учащегося, который входит в социальную группу, отличную от семейной, школьной и производственной, знакомится с ее структурой и социальными ролями в ней, совершенствуя свои коммуникативные способности;

– релаксационную – для снятия психологических затруднений и барьеров, возникающих вследствие напряженности семейной, школьной и производственной среды, а также уже имеющегося личного опыта неудач в учебе и в общении, когда, в итоге, происходит профилактика нарушений психологического и психического здоровья [4].

Анализ этих характеристик позволяет осознать ценностный статус дополнительного образования как уникальной и конкурентоспособной социальной практики наращивания мотивационного потенциала личности и инновационного потенциала общества.

На территории Орловской области реализуются подпрограммы «Развитие системы дошкольного, общего и дополнительного образования детей и молодежи», «Развитие системы профессионального образования, в том числе дополнительного профессионального образования» в рамках государственной программы Орловской области «Образование в Орловской области». Реализуется областная программа воспитательной деятельности «Орловщина – начало всех начал», которая фокусирует внимание на истории, культуре, природе Орловской области, аккумулирует возможности различных воспитательных институтов.

На территории области в 2019 г. функционировали 75 организаций системы дополнительного профессионального обучения, наибольший удельный вес из которых – это муниципальные организации с численностью обучающихся более 41 тысяч человек.

В целом, систему дополнительного образования детей Орловской области можно охарактеризовать как мобильную. Это подтверждают изменения в структуре контингента обучающихся. Услугами дополнительного образования в большей степени пользуются подростки в возрасте 10–14 лет, что является положительным фактором, так как именно для этого возраста досуговая занятость – одно из средств профилактической работы. В последние годы также увеличивается количество детей в возрасте от 4 до 7 лет, охваченных дополнительным образованием, этому способствует открытие школ и центров раннего

развития детей на базе организаций дополнительного образования региона.

Однако проведенный анализ деятельности учреждений дополнительного профессионального образования детей позволяет обозначить следующие проблемы при реализации региональной государственной политики:

1. Недостаточная сформированность нормативно-правовой базы при реализации региональной государственной политики развития дополнительного образования детей (некоторые нормативные акты не приняты на региональном уровне, не утверждена программа «Орловщина – начало всех начал»).

2. Противоречивость оптимизации учреждений дополнительного образования детей в области и увеличением числа учреждений дополнительного образования в федеральных программах.

3. Низкие темпы развития материально-технической базы.

4. Не соответствие профессиональным стандартам педагогов.

5. Возрастающий дефицит профессионально компетентных специалистов системы дополнительного образования детей, по программам технической направленности.

6. Ограниченность финансирования.

7. Дефицит в системе дополнительного образования детей программ нового поколения, направленных на развитие инновационной деятельности, информационных технологий.

8. Недостаточность программ дополнительного образования детей, направленных на работу с детьми старшего школьного возраста, учащимися учреждений начального и среднего профессионального образования, детьми с ограниченными возможностями здоровья, детьми группы риска и детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации.

9. Низкая эффективность деятельности учреждений дополнительного образования на муниципальном уровне.

Таким образом, на наш взгляд, основными направлениями совершенствования формирования и реализации региональной государственной политики в сфере дополнительного образования являются:

– совершенствование кадрового обеспечения системы дополнительного образования детей посредством внедрения новых программ подготовки «Педагог дополнительного образования детей и взрослых» для реализации в вузы Орловской области, а также поощрения студентов вузов, которые получают дополнительные профессии педагогической направленности. В рамках данного направления также важно повышать

престиж (социальный статус) педагогических работников в сфере дополнительного образования детей и взрослых, обеспечивать их права и интересы посредством создания региональной базы «педагогов дополнительного образования – мастеров», популяризации их опыта в СМИ, утверждении профессионального праздника «День работника сферы дополнительного образования детей и взрослых»;

– совершенствование материально-технической базы учреждений дополнительного образования возможно за счет реализации механизмов развития социального партнерства, в том числе, с бизнес-структурами, а также – проведения ежегод-

ных благотворительных акций в поддержку талантливых детей, поддержка олимпиад детского творчества;

– разработка инновационных образовательных программ, предусматривающих преемственность, которая давала бы возможность выстраивать поэтапный долгосрочный индивидуальный образовательный маршрут, находящий свое органичное продолжение в системе профессионального образования.

Реализация данных направлений региональной государственной политики в сфере дополнительного образования позволит поднять его на новый качественный уровень.

Литература:

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016) // Собрание законодательства РФ. 31.12.2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598. Ч.1. Ст. 2.

2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016) // Собрание законодательства РФ, 31.12.2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598. Ч. 1. Ст. 2.

3. *Львова Л.С.* Дополнительное образование детей и взрослых в Федеральном законе Российской Федерации от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Научные исследования в образовании. 2013. № 3. С. 4.

4. *Шилова Г.Ф.* Дополнительное образование – инновационное, постоянное, непрерывное / Г.Ф. Шилова, Д.Е. Яковлев // Власть 2013. № 6. С. 99.

Literature:

1. Federal Law of December 29, 2012 № 273-FZ (as amended on July 3, 2016) «On Education in the Russian Federation» (as amended and supplemented, entered into force on September 1, 2016) // Collected Legislation of the Russian Federation. 12/31/2012. № 53 (part 1). Art. 7598. Part 1. Art. 2.

2. Federal Law № 273-FZ of December 29, 2012 (as amended on July 3, 2016) «On Education in the Russian Federation» (as amended and supplemented, entered into force on September 1, 2016) // Collected Legislation of the Russian Federation. 12/31/2012, № 53 (part 1). Art. 7598. Part 1. Art. 2.

3. *Lvova L.S.* Additional education for children and adults in the Federal Law of the Russian Federation of December 29, 2012 № 273-FZ «On education in the Russian Federation» // Scientific research in education. 2013. № 3. P. 4.

4. *Shilova G.F.* Additional education – innovative, permanent, continuous / G.F. Shilova, D.E. Yakovlev // Power 2013. № 6. P. 99.

Долгополов Кирилл Андреевич

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
уголовного права и процесса,
Северо-Кавказский
федеральный университет
nadal06@mail.ru

Kirill A. Dolgopolov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
of Criminal Law and Procedure,
North Caucasus Federal University
nadal06@mail.ru

**ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЯ ОБЩЕСТВА
К ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМ ОРГАНАМ
В РОССИИ**

**THE PROBLEM OF SOCIETY'S ATTITUDE
TO LAW ENFORCEMENT AGENCIES
IN RUSSIA**

Аннотация. В статье затрагивается вопрос, связанный с проблемой негативного отношения общества к правоохранительным органам в России.

Объектом исследования являются отношение населения России к системе контроля со стороны государства. Предметом является совокупность основных факторов, влияние которых формирует негативное отношение общества к правоохранительным органам в России. В российском обществе, в целом, негативно воспринимается функционирование правоохранительных организаций в силу исторически сформировавшегося мнения о том, что деятельность данных организаций осуществляется в интересах собственно организаций, а не общества, нарушая при этом законодательство. Делается вывод об основных причинах такого явления, которые заключаются в том, что сформированная при СССР система отношений государства и общества привела к его глубокой криминализации, поскольку повторяет, в основных чертах, систему отношений в исправительных учреждениях, являющуюся, в своей основе, противостоянием заключенных и администрации. Указывается на необходимость в интересах государства и общества изменения существующего положения путем расширения информированности населения о мерах государства по функционированию и реформированию организаций, что может способствовать повышению доверия к ним общества в целом.

Ключевые слова: правоохранительные органы, общество, отношение, конгруэнтность, тюремное общество.

Annotation. The article deals with the problem of the negative attitude of society to law enforcement agencies in Russia. The object of the study is the attitude of the Russian population to the system of state control. The subject is a combination of the main factors that influence the negative attitude of society to law enforcement agencies in Russia. In Russian society as a whole, the functioning of law enforcement organizations is negatively perceived due to the historically formed opinion that the activities of these organizations are carried out in the interests of the organizations themselves, and not of society, while violating the law. It is concluded that the main reasons for this phenomenon are that the system of relations between the state and society formed under the USSR has led to a deep criminalization of society, since it repeats in basic terms the system of relations in correctional institutions, which is basically a confrontation between prisoners.

Keywords: law enforcement, society, attitude, congruence, prison community.

Система правоохранительных органов России, в целом, формировалась во времена Советского Союза. Отношения между населением и государственными организациями не всегда складывались гармонично. В наибольшей степени это относится к правоохранительным органам, по отношению к которым в российском обществе сформировалось устойчивое недоверие. К таковым в России относятся:

- Органы выявления и расследования преступлений;

- Органы юридической помощи;
- Органы обеспечения правопорядка и безопасности;
- Органы судебной власти.

В обществе, в целом, сформировалось мнение, предполагающее, что суды, прокуратура, следственный комитет и другие соответствующие органы действуют не в интересах граждан, а отстаивают, вопреки законодательству, интересы собственные.

Фонд общественного мнения в 2014 г. обнародовал данные, согласно которым, по мнению 47 % респондентов, российские граждане не стремятся отстаивать свои права; среди граждан, имеющих высшее образование, доля составляет 59 % [6, с. 6–23]. При этом сохраняется недоверие к властям. Согласно результатам исследований, Совет Федерации пользуется доверием лишь у 33,7 % опрошенных. Особо негативное отношение к МВД: 55 % опрошенных убеждены в плохой работе данного министерства (лишь 21 % отметили его хорошую работу) [9, с. 19; 3]. Ш. Курильски-Ожвэн приводит данные от 1993 по 2000 г., согласно которым жители России считают уровень коррумпированности государственной власти высоким; отсюда они не считают действенными институты права в стране [7, с. 13–14].

Данная проблема может быть рассмотрена в рамках методологического основания для анализа проблем правовой социализации А. Бандуриным, который считает, что существующие в обществе модели социально-правового поведения являются объектом имитации индивида в процессе правовой социализации. Как считает Э. Берджесс, отказ индивида от принятия указанных моделей влечет появление фактов незаконного поведения, что является свидетельством отхода социализации от заданных ранее целей [1].

Низкая ответственность российских граждан в отношении соблюдения законов соответствует отношению общества к государству [4, с. 57]. На это указывает оценка собственной законопослушности: как правило, граждане России считают себя законопослушными, обосновывая такую оценку тем, что не нарушали чужого жизненного пространства, но позволяли себе поступать в быту незаконно в отношении государства: вынос определенной продукции с места работы, незаконные операции с электросчетчиками, незаконный лов рыбы и т.д.

Таким образом, поскольку официальная законность исходит от государства, отсюда подобное отношение проецируется на органы, которые его представляют, включая официальные акты их деятельности.

Причиной сложившейся ситуации является то, что при построении и функционировании советской модели отношений между государством и его гражданами отсутствовали паритетные начала. Государство не стремилось соотнести свои инициативы с реакцией общества, что привело к недоверию со стороны последнего и отсутствию правильной интерпретации намерений властей, функционирования государственных структур и вообще всего, что исходит от государства. Понятие «по блату» сложилось именно при функционировании советской системы отношений «государство – гражданин»: получить доступ к покупке дефицитной продукции, автомобиля вне очереди, получение в обход официальной системы квартиры негласно поощрялось в обществе.

Данная ситуация получила развитие в ходе рыночных реформ 1990-х годов. В частности, по

данным проведенных исследований, общество не восприняло государственные экономические шаги как систему мер, которые возлагали бы обоюдные обязательства на государство и граждан: экономические реформы, система налогообложения, приватизация, а считало их навязанными государством в своих интересах мерами, которые, по возможности, следует обходить, что не является преступлением [8].

Реализация потребности в защите своих собственных интересов также укладывается в общую канву. Исследователи отмечают серьезную степень неверия граждан в эффективность легальных механизмов защиты, предоставляемых государством. [9, с. 19; 3] В российском обществе существует достаточно устойчивая склонность населения к использованию неправовых практик [10, с. 12]. Этим объясняется востребованность услуг криминального рынка: предприниматели, представители руководящего звена, простые граждане, с одной стороны, считают подобные рычаги более эффективными при решении жизненных проблем, а с другой – не стесняются прибегать к ним.

Устоявшееся отношение к правоохранительным органам в российском обществе, в определенной степени, характеризует восприятие обществом элементов отношений, характерных для преступного мира. В России в общественном сознании традиционно в отношении лиц, совершивших преступление и осужденных за это судом, имело место определенная степень сочувствия как к пострадавшим от власти. Также, серьезное влияние в данном случае оказывает наличие значительного количества людей – носителей ценностей и стереотипов поведения тюремного сообщества, поскольку около трети советских граждан были осуждены как минимум один раз, либо были осуждены их родственники, причем, эта статистика сохранялась приблизительно до 2015 года, когда стало существенно снижаться количество лиц, осужденных к лишению свободы.

Таким образом, можно говорить о криминализации российского общества. Вопреки идеологическим положениям о скором исчезновении преступности, как явления, которое потеряло социальные корни в советском обществе, криминализация российского общества сегодня налицо. Причем, в условиях российской действительности криминализация пронизывает все слои общества. Основные причины данного явления могут быть рассмотрены на основе подхода А.Н. Олейника к анализу основных черт тюремной субкультуры [8]. Он считает основной причиной указанного положения вещей воспроизводство государством системы отношений, сформированных в местах лишения свободы. Анализ отношений внутри тюремного сообщества позволил исследователю говорить о конгруэнтности системного устройства данного сообщества и общества, сформированного при советской системе, когда происходит последовательная трансформация одной ценностно-нормативной карты в другую. При этом следует учитывать заложенное в системном устройстве тюремного сообщества противостояние администрации исправительного

учреждения [5, с. 128], которое в рамках конгруэнтности проецируется на отношения государства и граждан, рождая противостояние гражданина государству и всем его структурам, прежде всего – контролирующим и исполняющим наказания.

Такая проекция реализуется в условиях, когда гражданин:

- относится с недоверием к государству и его структурам, прежде всего, контролирующим;
- при удовлетворении своих потребностей использует не официальные механизмы, а неправовые практики и приемы;
- рассматривает функционирование государственных органов как препятствие для удовлетворения своих потребностей;
- используемые гражданином неправовые практики и приемы нередко принимают характер незаконных, тем не менее, используются для более эффективного удовлетворения своих потребностей.

Литература:

1. Бандура А. Теория социального обучения. СПб., 2000. 67 с.
2. В ФСИН рассказали о росте числа заключённых, получающих высшее образование. URL : <https://russian.rt.com/russia/news/> (дата обращения 02.07.2020).
3. Карпушкин С.И. Формирование гражданской и правовой культуры молодежи : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1999.
4. Корольков К.В. Институциональный механизм защиты подростков от пенитенциарной инклюзии : монография. Ставрополь : СевКавГТУ, 2009. 146 с.
5. Корольков К.В. Социально-педагогический анализ воспитательно-исправительных воздействий в местах лишения свободы : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01: Ставрополь, 2003, 152 с.
6. Лукьянова Е.Г. Правовая система России: современные тенденции развития. Труды Института Государства и Права Российской Академии наук. 2016. № 6.
7. Мельков С. Как россияне сами оценивают состояние своей правовой культуры? URL : <http://lawinrussia.ru> (дата обращения 15.04.2018).
8. Олейник А.Н. Тюремная субкультура. URL : <http://www.univer5.ru/sotsiologiya/tyuremnaya-subkultura-v-rossii-a.n.-oleynik.html> (дата обращения 03.07.2020).
9. Савченко И.П. Правовое поведение человека в контексте современного политического процесса : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 1995.

На современном этапе государство принимает меры, направленные на то, чтобы изменить ситуацию. Также, следует отметить, что указанная система отношений «государство – граждане» в силу демократических преобразований не повторяет в полной мере систему, сформировавшуюся при СССР. Тем не менее, проблема, в целом, сохраняется. Причина того заключается в том, что существующая система отношений складывалась в течении длительного времени, и необходимы значительные совместные усилия государства и общества по изменению такой ситуации. Общественная нестабильность создает условия для развития и углубления всех негативных факторов. Ситуация может быть преодолена путем широкого и подробного информирования населения о мерах государства по функционированию и реформированию организаций, осуществляющих правовой контроль, назначающих наказание, исполняющих наказание, а также – правоохранительных органов. Популярность телепередач о борьбе с криминалом свидетельствует об интересе населения; данные передачи, информация в интернете могли бы содержать более подробный материал о реорганизации указанных государственных учреждений и способствовать повышению доверия к ним общества в целом.

Literature:

1. Bandura A. Theory of social learning. SPb., 2000. 67 p.
2. The FSIN spoke about the increase in the number of prisoners receiving higher education. URL : <https://russian.rt.com/russia/news/> (date of application 02.07.2020)
3. Karpushkin S.I. Formation of civil and legal culture of youth : autoref. dis. ... cand. of philosophical sciences. M., 1999.
4. Korolkov K.V. Institutional mechanism for the protection of adolescents from penitentiary inclusion : monograph. Stavropol : SevKavSTU, 2009. 146 p.
5. Korolkov K.V. Socio-pedagogical analysis of educational and correctional influences in places of deprivation of liberty : dis. ... edging. pedagog. sciences: 13.00.01: Stavropol, 2003, 152 p.
6. The legal system of Russia: modern trends in Lukyanova E.G. development. Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2016. № 6.
7. Melkov S. How do Russians themselves assess the state of their legal culture? URL : <http://lawinrussia.ru> (date of application 15.04.2018)
8. Oleynik A.N. Prison subculture. URL : <http://www.univer5.ru/sotsiologiya/tyuremnaya-subkultura-v-rossii-a.n.-oleynik.html> (date of application 03.07.2020).
9. Savchenko I.P. Legal behavior of a person in the context of the modern political process : autoref. dis. ... cand. sociol. sciences. Saratov, 1995.

10. Смоленский М.Б. Правовая культура как элемент социокультурного пространства: перспективы становления в современной России : автореф. дис. ...докт. социол. наук. Ростов-н/Д., 2003.

11. Ужесточение наказания по отдельным статьям – в частности, за коррупцию – поддерживает 95 % россиян. URL : <https://bancrf.ru/oprosy/uzhestochenie-nakazaniya-korruptsionerov-za-rossiyane.php> (дата обращения 30.05.2020).

10. *Smolensky M.B.* Legal culture as an element of the socio-cultural space: prospects of formation in modern Russia : autoref. dis. ... doc. sociol. sciences. Rostov-on/D., 2003.

11. Tougher punishment under certain articles – in particular, for corruption – is supported by 95 % of Russians. URL : <https://bancrf.ru/oprosy/uzhestochenie-nakazaniya-korruptsionerov-za-rossiyane.php> (date of application 30.05.2020).

Кислицын Сергей Алексеевич

доктор исторических наук,
профессор факультета политологии,
Южно-российский институт управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
Kislizins@yandex.ru

Смирнов Александр Александрович

магистрант факультета политологии,
Южно-российский институт управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
galeborn@gmail.com

Гринченко Елизавета Александровна

студентка 2 курса факультета политологии,
Южно-российский институт управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
grinchenko.elizaveta08@yandex.ru

**ПРОБЛЕМЫ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ ОСВЕЩЕНИЯ ИСТОРИИ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
В КОНТЕКСТЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО
ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ**

Аннотация. В условиях непрекращающейся борьбы с фальсификациями истории в России формируется обновленная историческая политика, которая исходит из того, что научно обоснованная историческая память о Великой Отечественной войне может стать элементом воспитания патриотизма. Историки и общественеды различных направлений предложили в социальных сетях Facebook, Twitter, Вконтакте, Одноклассники и других онлайн-платформах набор противоречивых точек зрения на патриотизм и методы его воспитания. На наш взгляд, патриотизм является коллективным бессознательным чувством, которое закладывается в ментальную матрицу детей в семье самом раннем периоде и затем последовательно развивается в средней школе и в вузе. Средством воспитания патриотизма является распространение и популяризация исторического опыта СССР-России, освещение военных и трудовых подвигов героев во время войны. Научная историческая истина носит сложный внутренне противоречивый характер и трудно воспринимается широкими массами, которые априори тяготеют к упрощенному нарративу. Необходима «патриотическая учительность», ненавязчиво воспитывающая возвращение патриотизма в душах молодых людей, используя современные информационные технологии. В статье

Sergey A. Kislitsyn

Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Faculty of Political Science,
South Russian Institute of Management
Russian Academy of National Economy
and Public Administration
Kislizins@yandex.ru

Alexander A. Smirnov

Master's student at the Faculty
of Political Science,
South Russian Institute of Management
Russian Academy of National Economy
and Public Administration
galeborn@gmail.com

Yelizaveta A. Grinchenko

2nd year Student
of the Faculty of Political Science,
South Russian Institute of Management
Russian Academy of National Economy
and Public Administration
grinchenko.elizaveta08@yandex.ru

**PROBLEMS AND INFORMATION
TECHNOLOGIES OF COVERING
THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC
WAR IN THE CONTEXT OF PATRIOTIC
EDUCATION OF YOUNG PEOPLE**

Annotation. In the context of the ongoing struggle against falsifications of history, an updated historical policy is being formed in Russia, which proceeds from the fact that a scientifically based historical memory of the great Patriotic war can become an element of patriotism education. Historians and social scientists of various fields have offered a set of contradictory points of view on patriotism and methods of its education on social networks Facebook, Twitter, V Kontakte, Odnoklassniki and other online platforms. Patriotism is a «collective unconscious» feeling that is embedded in the mental matrix of children in the family at the earliest period and then develops consistently in high school and in higher education. The means of fostering patriotism is the dissemination and popularization of the historical experience of the USSR-Russia, coverage of the military and labor exploits of heroes during the war. Scientific historical truth is complex and internally contradictory and difficult to perceive by the broad masses, which a priori tend to a simplified narrative. We need «Patriotic teaching», unobtrusively educating the cultivation of patriotism in the souls of young people, using modern information technologies. The article attempts to consider the issue of concrete historical content of this process.

предпринята попытка рассмотреть вопрос конкретно-исторического наполнения этого процесса.

Ключевые слова: информационные технология, историческая память, историческая политика, патриотическое воспитание, история Великой Отечественной войны.

Keywords: information technology, historical memory, historical policy, patriotic education, history of the Great Patriotic War 1941–1945.

Празднование 75-летия Победы над немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне актуализировало вопросы борьбы с дезинформацией и ложными концептами, за максимально полный учет уроков Второй мировой войны на основе исторической правды и сохранения адекватной исторической памяти и патриотического воспитания молодежи. По теме исследования имеются работы Е.Ю. Митрохиной, Л.Б. Шиповской, А.В. Севостьянова, М.С. Лахтина, О.Р. Гильмиярова, в которых даны оценки педагогических практик воспитания патриотизма на основе истории Великой Отечественной войны [1].

Виртуальное пространство активно используется для политической агитации и пропаганды. Возникающие вызовы в киберпространстве не имеют границ и требуют от применения коллективных подходов [2]. В мировом информационном пространстве доминируют GOOGLE, Facebook, Twitter, на российском информационном пространстве – сеть «ВКонтакте», Одноклассники, Фейсбук, представляющие собой мощные социальные медиа [3]. На этих площадках вследствие их открытости для публикации контента часто высказываются мнения, которые принято считать личными, однако они, не являясь формально официальными и будучи высказанными в публичном пространстве и, тем более, из уст авторитетных персоналий, приобретают большой охват и влияние. В них стали проследиваться попытки вольной интерпретации, вплоть до прямой фальсификации, истории, тенденции нивелирования подвига народов СССР, разгромивших две трети всех немецко-фашистских армий. Между тем «европейцы заслуживают истинной правды, которая основана на реальных, задокументированных исторических фактах, и должны иметь выбор свободного человека – оставаться жертвой бесконечного промывания мозгов, либо составить собственное критическое представление о том, каким образом и почему устроен современный мир» [4].

Отечественные журналисты Ю. Венедиктов, А. Невзоров, К. Орлова. Л. Рубинштейн и др. пишут о праздновании победы как болезни «всеобщей дегенерации», «победоносии», «ритуале, пропитанном ложью», «апофеозе жлобства и глупости», фактически издеваются над историей Победы [5]. Возможно требование от них публичных извинений, даже привлечение к административной ответственности за преднамеренное искажение истории Великой Отечественной войны. Но более важно, на наш взгляд, системно воспитывать подрастающее поколение, развивать патриотический исторический нарратив, тщательно изучать и популяризировать историю российского

(советского) государства. В литературе признано, что в России, как и в других странах, формируется собственная историческая политика, которая влияет на историков в целях выгодной для государства интерпретации прошлого [6]. В докладе правозащитной группы «Агора» «Россия против Истории. Наказание за пересмотр» утверждается, что российские власти фактически ввели государственную монополию на оценку некоторых исторических фактов [7]. Но, в действительности, эта позиция государства не является предосудительным явлением, так как научно подкрепленная историческая память может объединить российское общество и стать элементом морально-политического единства народов России.

Существует постмодернистская идея о том, что реальной истории не существует, а есть только конструируемый в историографии определенный миф – псевдонаучный дискурс. Историческая коллективная память и история как наука, конечно, не синонимы, но представляется, что эти понятия нельзя рассматривать как противоположные друг другу. В коллективной памяти одновременно существуют несколько мифологических вариантов, но все они умирают с исчезновением групп людей, их породивших. Исследователи показали, с одной стороны, превосходящую роль событийной памяти над реконструированной, с другой – она определила характер их взаимовлияния на конструкт исторической памяти в общественном сознании детей войны [8]. Как писал М. Хальбвакс в труде «Коллективная память», научная история обычно начинается в тот момент, когда заканчивается традиция, когда затухает или распадается социальная историческая память [9]. С уходом из жизни поколений людей исчезает и их коллективная память, например, всех граждан, участвовавших в революции и гражданской войне, большинства участников Второй мировой войны. Место устной истории заняла литературно оформленная память. На этапе информационной революции произошло заметное сближение истории и новой исторической памяти. Стихийная мифологичность памяти уходит в прошлое и заменяется идеологизированными околонучными представлениями о новых героях, новых предателях, новых символах эпохи, которые целеустремленно внедряются в общественное сознание определенными структурами с вполне определенной целью. Научная историческая истина, которая носит сложный многоаспектный и внутренне противоречивый характер, трудно воспринимается широкими массами, которые априори тяготеют к упрощенной позитивной или негативной однозначности оценок.

Проблема формирования всесторонней патриотической памяти о Великой Отечественной войне

встала в центр внимания государства, которое с помощью гражданского общества старается привлечь внимание подрастающего поколения к организации различных мероприятий и памятных акций, посвященных событиям 1941–1945 гг. Это не проявление милитаризма или пропаганды военного опыта. В большинстве своем войны в России не носили агрессивный характер, но, естественно, оборона в ряде случаев переходила в наступление. В 2/3 войн Россия побеждала, треть войн проигрывала, в итоге, укрепилась военно-оборонительная патриотическая ментальность народа [10].

На законодательном уровне в стране утверждаются основополагающие документы, способствующие развитию исторического спектра знаний, укреплению патриотического чувства сопричастности граждан к великой истории и культуре России. В Москве создан Центр архивных документов по истории Второй мировой войны, который даст возможность всем заинтересованным гражданам самостоятельно ознакомиться с документами. Целью онлайн-проектов «Патриот России», «Георгиевская ленточка», «Знаем и любим Россию», «Живая история» и др. является формирование адекватного отношения молодежи к проявлениям экстремистских и неонацистских тенденций. Однако обращает на себя внимание официальность выложенных в сайтах материалов. Комплекс информационно-коммуникативных технологий должен опираться на обновленное понимание целевых установок патриотического воспитания.

М. Кром считает, что патриотизм — это любовь к родине, но, кроме того, это еще и способ говорить о ней, и определенный набор идей, меняющийся от эпохи к эпохе и выражающий представления политической и культурной элиты о своем прошлом и будущем. В Новое и Новейшее время патриотизм становился полемическим понятием: левые и правые партии, правительственные деятели и оппозиционеры стремятся навязать обществу свое понимание любви к родине и утвердить в качестве «истинного» патриотизма те идеи и ценности, которые в их представлении наиболее способствуют благу страны. Он ставит вопрос: «Можно ли отделить современный патриотизм от национализма и зачем нужна идея государственного «конституционного патриотизма»? [11].

Просматривая сетевые материалы Facebook, Вконтакте, Одноклассники и др., выделим ряд следующих остродискуссионных позиций.

1. Пропаганда государственного патриотизма опасна своей навязчивостью, так как патриотизм должно формировать гражданское общество, а государство - только помогать (через НКО, патриотические клубы, спорт, музыку, фильмы и пр.)
2. Не может быть настоящего патриотизма в такой стране, где всё продано, куплено, повязано, схвачено, коррумпировано, просто «противно жить».
3. Патриотизм — это просто физиологическое чувство привязанности к месту обитания, и поэтому искренним патриотом может быть кто

угодно: фашист, националист, социалист, коммунист, демократ, монархист, капиталист, люмпен-пролетарий и т.д.

4. Патриотизм — это не чувство, а состояние души и мировоззрение, искренним патриотом может быть любой честный гражданин своего государства, своей Родины. Патриотизм - не политическая ориентация, это имманентная гражданская позиция личности.

5. Либералы и космополиты патриотами не могут быть по определению, так как они беспокоятся за «Ельцин-центр» в Екатеринбурге, в котором воспитывается неуважение к советской России, оправдывается коллаборационизм.

6. Представители либеральной, буржуазно-компрадорской власти создают десятки тенденциозных фильмов типа «Штрафбат», «Сволочи», «Зулейха открывает глаза», и проч.

Социологические исследования, проведенные сотрудниками ЮРИУ РАНХиГС, показывают, что подавляющее большинство молодежи положительно и сугубо позитивно воспринимает итоги Великой Отечественной войны, но около 4 % — выражает иные мнения [12]. Учитывая, что опросы производились отнюдь не в запущенных зонах обитания девиантных групп молодежи (наркоманов, религиозных фанатиков, экстремистов, участников антисистемной оппозиций и проч.) можно уверенно предположить, что реальный расклад в молодежной среде совершенно иной [13; 14].

Хотя существуют глубинные связи исторического мышления и национального самосознания, настоящий патриотизм не может формироваться сверху искусственным образом. В этом случае может возникнуть оппозиция патриотического чувства и научной истины или околонучной истины из-за привнесения в историческое прошлое современных политизированных оценок и требований. Важно отметить, что акцентирование внимания молодежи на проблемах террора и репрессий в истории нашей страны вряд ли будет способствовать росту любви к такой стране. Чем больше мы будем показывать фильмов, сериалов о терроре, о репрессиях, казнях, ГУЛАГе и тому подобное, тем меньше будет возможностей убеждать молодежь, что такую Родину вообще можно любить и беречь. С другой стороны, исторический опыт советского образования, когда пропаганда навязывала моральные кодексы поведения вбиванием идеологических догм, сугубо позитивных и идеологизированных, иллюстрируя их вымышленными из истории фактами, тоже показал бесперспективность этого подхода. Когда наступил кризис и когда войска стреляли в советский парламент, никто не встал на его защиту. То, что сработало в 1930-е годы, оказалось неэффективным в 1970-е и 1980-е гг. и ненужным в начале 1990-х гг., и, тем более, в XXI веке в условиях информационной революции. Несмотря на это, нельзя допустить, чтобы 9 мая российский народ воспринимал по западному клише, как день только скорби и памяти. В дискуссиях в Facebook по этому поводу звучат мнения, что надо не праздновать, а

каяться в репрессиях и поражениях, вести счет «проклятых и убитых», подсчитывать количество жертв «бессмертного барака», прощать предателей и изменников.

Современные информационные технологии предполагают максимально широкое использование персональных компьютеров и мобильных устройств в личных и профессиональных целях. При этом осуществляется органическое встраивание различных гаджетов и компьютерных систем в существующую в высшей и средней школе технологию образования. В условиях эпидемиологической ситуации был осуществлен переход на дистанционное обучение через онлайн-ресурсы. Невозможно ограничивать влияние различных информационных материалов, о которых идет речь в данной статье, инструментами вроде родительского контроля, равно как и отрубить интернет подрастающему поколению. В то же время, необходимо обучение навыкам работы с информацией, развивать критическое мышление и задавать ту идеологическую основу, которая может помочь молодежи осмыслить ту негативную информацию, которая к ней поступает с различных площадок [15].

Важно также отметить, что разговаривать с поколением Z и более поздними поколениями нужно на их языке с использованием современных средств коммуникации и форматов контента. Обществоведы всех направлений, в том числе, историки войны, формируют аккаунты и участвуют в сетевых программах. С. Марков, А. Исаев, Е. Провирин, В. Познер, В. Медынский, С. Кургинян, З. Прилепин, А. Вассерман, А. Проханов, Е. Холмогоров, А. Дугин, М. Делягин, В. Сурков, С. Шаргунов и некоторые другие специалисты пытаются в ходе дискуссий разъяснять сложные вопросы. Очевидно, что нужно более активно овладевать вышеперечисленными технологиями и активно их использовать в информационной среде.

В связи с пандемией, Президент РФ В. Путин, а затем, и мэр Москвы С. Собянин, констатировали: «У нас другая мораль: мы не можем во имя бизнеса бросать наш народ, наших стариков. Говорить, пусть они помрут, нам легче будет, зато бизнес не исчезнет не разорится. Мы так поступить не можем». «У нас общий исторический код, нравственные устои, для нас безусловны уважение к человеку-труженику и к защитнику Отечества, к нашей неразрывной многовековой истории, традициям и культуре, сохранение памяти предков, почитание родителей, семьи, любовь к своей земле и незыблемость наших границ» [16].

На наш взгляд, позитивный эффект будет только в том случае, если в сознание детей дошкольного

возраста, то есть еще до школы, в семье, будет заложен элемент т.н. «врожденного» патриотического чувства. И.А. Ильин отmel, что патриотизм есть воплощение духовной традиции преданности Отечеству, реальное воплощение и показатель принадлежности к национальной культуре, культурного единства индивида и народа [17]. И если это так, то он является таким коллективным бессознательным чувством, которое важно заложить в ментальную матрицу ребенка и настойчиво развивать дальше в начальной и средней школе. В вузе, в среде студенческой молодежи, возможно в основном, усиливать, уточнять, корректировать, совершенствовать, дополнять взгляды, оценки и точки зрения [18].

Один из вариантов ненавязчивого воспитания патриотизма в средней и высшей школе является формирование чувства сопричастности с историей Родины, усвоение исторического опыта народа, освещение тех подвигов наших предшественников, которые прошли войну. Государство проводит противоречивую политику в этом направлении, сократив и переформатировав исторические факультеты и их программы, сократив функцию воспитания патриотического мировоззрения. В тоже время, развивается направление изучения повседневности войны, что позволяет глубже осознать испытания народа [19].

История родного края, как бы она ни была отдалена во времени, – представляет благодатный материал для самопознания формирующейся личности, переживания чувства сопричастности к судьбе своего народа и страны. Причем, такой нарратив должен быть не примитивно апологетическим, не очевидно восхваляющим, а сочетающимся с показом трудностей, которые с настойчивостью и героизмом преодолеваются. Если было предательство, антипатриотическое поведение каких-то людей, то их тоже в какой-то мере надо показывать, чтобы было с чем сравнивать. Худшие явления противоположного плана, контрпродуктивные события и т.п. надо обязательно показывать в качестве альтернативы, иначе не будет понятно, в чем собственно заключается мужественный патриотизм. При этом важно не впадать в крайности, переоценивая те или иные факты.

В этой связи, мы считаем правильным принятие решения государства о введении ответственности за распространение намеренно ложных сведений в информационном пространстве. История Великой Отечественной войны, формирующаяся новая историческая память, целом, является организующим и мобилизующим началом в формировании национальной идеи современной России.

Литература:

1. *Шиповская Л.Б.* Воспитание гражданственности и патриотизма студенческой молодежи в условиях обновленной России : монография. Астрахань, 2010; *Ефимов Е.Г.* Формирование патриотизма студентов с социальных интернет-сетях / Е.Г. Ефимов, Г.А. Ляукина // Казанский педагогический журнал. 2015. № 6. С. 347–361; *Ляукина Г.А.*

Literature:

1. *Shipovskaya L.B.* Education of citizenship and patriotism of students in the conditions of updated Russia : monograph. Astrakhan, 2010; *Efimov E.G.* Formation of students' patriotism in social Internet networks / E.G. Efimov, G.A. Lyaukina // Kazan pedagogical journal. 2015. № 6. P. 347–361; *Lyaukina G.A.*

ческий журнал. 2015. № 6. С. 347–361; Ляукина Г.А. Социосетевые технологии в патриотическом воспитании студентов вуза // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2019. № 2. С. 116–118

2. Патрушев Н. Интернет применяется для подрыва национального суверенитета. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/3305724>

3. Кислицына И.С. Сайты политических партий – каковы перспективы? Анализ партийных интернет-коммуникаций в период избирательных кампаний 2007–2012 гг. / И.С. Кислицына, С.А. Кислицын // Политическая наука. 2013. № 1. С. 209–231.

4. Чижов В.А. Выбор всегда остается за вами. Интернет-издания «EUobserver». 8 мая 2020 г.

5. На «Эхе Москвы» Дню Победы места нет: как Венедиктов переписывает историю URL : <https://fishki.net/anti/3322557-na-jehe-moskvy-dnju-pobedy-mesta-net-kak-venediktov-perepisyvaet-istoriju.html>

6. Герасимов Г.И. Идеалистический подход к истории // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 5. С. 21–36. URL : <https://histrf.ru/biblioteka/b/istoricheskaya-politika-sovriemennoi-rossii>; URL : <https://roskomsvoboda.org/38707/>

7. Немирова Н.В. Историческая память о Великой Отечественной войне: Опыт качественного социологического исследования. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-o-velikoy-otechestvennoy-voynе-opyt-kachestvennogo-sotsiologicheskogo-issledovaniya>

8. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 22.

9. ИА Красная Весна. URL : <https://rossaprimavera.ru/article/9fd9c723>

10. Кром М. Патриотизм, или Дым отечества. URL : <https://eupress.ru/books/index/item/id/356>

11. Восприятие итогов Великой Отечественной войны в молодежной среде современной России. Информационно-аналитические материалы Всероссийской конференции с международным участием. Ростов-н/Д., 2020. С. 9.

12. Верещагина А.В. Парадоксы толерантности и девиантное поведение молодежи / А.В. Верещагина, Н.Х. Гафиатулина, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 4. С. 32–37.

13. Пшегусова Г.С. Роль патриотического воспитания в формировании социального здоровья российской студенческой молодежи / Г.С. Пшегусова, Н.Х. Гафиатулина, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 2. С. 49–52. URL : https://sovsojuz.mirtesen.ru/blog/43183030982/1;Vyimysel-i-pravda-ob-«Iznasilovannom-Berline»;Oproverzhenie?utm_referrer=mirtesen.ru

Social Network technologies in Patriotic Education of University students // Bulletin of the Chuvash state pedagogical University named after I.YA. Yakovlev. 2019. № 2. P. 116–118.

2. Patrushev N. The Internet is used to undermine national sovereignty. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/3305724>

3. Kislitsyna I.S. Sites of political parties – what are the prospects? Analysis of party Internet communications during the election campaigns of 2007–2012 / I.S. Kislitsyna, S.A. Kislitsyn // Political science. 2013. № 1. P. 209–231.

4. Chizhov V.A. The Choice is always yours. The Internet-edition «EUobserver». May 8, 2020.

5. On «Echo of Moscow» there is no place for Victory day: how Venediktov rewrites history. URL : <https://fishki.net/anti/3322557-na-jehe-moskvy-dnju-pobedy-mesta-net-kak-venediktov-perepisyvaet-istoriju.html>

6. Gerasimov G.I. Idealistic approach to history // Historical journal: scientific research. 2017. № 5. P. 21–36. URL : <https://histrf.ru/biblioteka/b/istoricheskaya-politika-sovriemennoi-rossii>; URL : <https://roskomsvoboda.org/38707/>

7. Nemirova N.V. Historical memory of the great Patriotic war: experience of qualitative sociological research. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-o-velikoy-otechestvennoy-voynе-opyt-kachestvennogo-sotsiologicheskogo-issledovaniya>

8. Halbwachs M. The Collective and historical memory // neprikosnovennyizapas. 2005. № 2–3. P. 22.

9. IA Red Spring. URL : <https://rossaprimavera.ru/article/9fd9c723>

10. Krom Mikhail «Patriotism, or the smoke of the Fatherland». URL : <https://eupress.ru/books/index/item/id/356>

11. Perception of the results of the great Patriotic war in the youth environment of modern Russia. Informational and analytical materials of the all-Russian conference with international participation. Rostov-on/D., 2020. P. 9.

12. Vereshchagina A.V. Paradoxes of tolerance and deviant behavior of young people / A.V. Vereshchagina, N.Kh. Gafiatulina, S.I. Samygin // Humanities, socio-economic and social sciences. 2018. № 4. P. 32–37.

13. Pshegusova G.S. The role of patriotic education in the formation of social health of Russian student youth / G.S. Pshegusova, N.Kh. Gafiatulina, S.I. Samygin // Humanities, socio-economic and social sciences. 2018. № 2. P. 49–52. URL : https://sovsojuz.mirtesen.ru/blog/43183030982/1;Vyimysel-i-pravda-ob-«Iznasilovannom-Berline»;Oproverzhenie?utm_referrer=mirtesen.ru

14. Обращение В. Путина к россиянам 28 апреля 2020 г. URL : <https://tass.ru/obschestvo/8357523>

15. *Ильин И.А.* Путь к очевидности. М., 1993. С. 155. См. также: *Ватин И.В.* Патриотизм как феномен культуры. Тезисы докладов и сообщений научной конференции 5 лет российской демократии и государственный патриотизм. Ростов-н/Д., 1996. С. 43–44.

16. *Гафиатулина Н.Х.* Источники социокультурных рисков для социального здоровья российской студенческой молодежи / Н.Х. Гафиатулина, А.П. Бандурин, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 11. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-sotsioku>

17. *Кринко Е.Ф.* Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945) / Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажидинова, Т.П. Хлынина Ростов-н/Д. : Изд-во ЮНЦ РАН, 2013.

14. Appeal V. Putin to the Russians April 28, 2020. URL : <https://tass.ru/obschestvo/8357523>

15. *Il'in I.A.* The path to acheilognathi. M., 1993. P. 155. See also: *Vatin I.V.* Patriotism as a cultural phenomenon. Abstracts of reports and reports of the scientific conference 5 years of Russian democracy and state patriotism. Rostov-on/D., 1996. P. 43–44.

16. *Gafiatulina N.Kh.* Sources of socio-cultural risks for the social health of Russian student youth / N.Kh. Gafiatulina, A.P. Bandurin, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2017. № 11. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-sotsioku>

17. *Krinko E.F.* Private life of the Soviet people in the conditions of wartime: space, borders and mechanisms of implementation. (1941–1945) / E.F. Krinko, I.G. Tazhidinova, T.P. Khlynina. Rostov-on/D. : Publishing house of the UNC RAS, 2013.

Ковалева Анна Владимировна
кандидат социологических наук,
кафедра социальной работы и психологии,
Тихоокеанский
государственный университет
lagrima777@yandex.ru

Anna V. Kovaleva
Candidate of Social Science,
Department of Social Work and Psychology,
Pacific State University
lagrima777@yandex.ru

ГЕНЕЗИС НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ СЕМЬИ

GENESIS OF FAMILY PROBLEMS

Аннотация. Статья посвящена проблеме семейного неблагополучия в условиях кризиса современной семьи. Раскрыто содержание понятия «семейное неблагополучие». Описаны социально-экономические и социально-психологические факторы, определяющие генезис семейного неблагополучия, типы неблагополучных семей. Показано, что семейное неблагополучие, в первую очередь, влияет на воспитательный потенциал семьи и характер детско-родительских отношений. Представлена типология семейного неблагополучия по критериям воспитательного потенциала и нарушенным детско-родительским отношениям. Показана специфика неполной семьи как формы семейного неблагополучия, которая негативно влияет на социальную адаптацию, как одиноких родителей, так и детей.

Ключевые слова: семейное неблагополучие, воспитательный потенциал, кризисная семья, неполная семья, асоциальная семья, проблемная семья, детско-родительские отношения.

Annotation. The article is devoted to the problem of family problems in the context of the crisis of the modern family. The concept of family problems is revealed. Socio-economic and socio-psychological factors that determine the Genesis of family problems are described. Types of dysfunctional families are described. It is shown that family problems primarily affect the educational potential of the family and the nature of child-parent relations. The article presents a typology of family problems based on the criteria of educational potential and disturbed child-parent relations. The article shows the specifics of single-parent families as a form of family distress, which negatively affects the social adaptation of both single parents and children.

Keywords: family trouble, educational potential, crisis family, incomplete family, asocial family, problem family, child-parent relations.

В современном обществе проблемы семейного неблагополучия не теряют своей актуальности. Институт семьи и брака претерпевает глобальные трансформации, связанные с кризисом современной семьи. Кризис, который переживает семья в современной России, проявляется в таких явлениях, как ослабление социальных связей между родителями и детьми, снижение значимости родства и родительства, роли и значения семьи как общественной ценности, что ведет к развитию разных видов семейного неблагополучия. Разводы, проблемы детско-родительских отношений, нестабильность семьи, педагогическая некомпетентность родителей, семейное неблагополучие свидетельствуют о том, что семья в настоящее время находится в кризисе и нуждается в социальной и педагогической поддержке [2; 3; 4; 6].

Семейное неблагополучие, в первую очередь, влияет на характер детско-родительских отношений, которые, в свою очередь, определяют проблемы социализации и адаптации ребенка в социуме. Ученые отмечают, что проблемы семейного неблагополучия определяются комплексом факторов – экономических, социальных, психологических, в том числе, и сложностью семейных взаимоотношений, порождаемых нарушениями

семейного взаимодействия, которые могут оказывать существенное влияние на социализацию детей и подростков и их адаптацию к жизни в микросоциальном окружении и в социуме [5; 6].

Неблагополучные семьи – многоаспектное понятие, включающее различные категории семей, испытывающих разного уровня трудности материально-экономического, социального, психолого-педагогического, социокультурного характера, интегрирующее в себя семьи, в которых нарушены отношения между ее членами, нуждающимися в помощи различного вида. Поэтому группы неблагополучных семей, как правило, неоднородны.

Раскроем содержание семейного неблагополучия с позиции разных исследователей. Так, Т.И. Шульга выделяет следующие группы неблагополучных семей, в основе выделения которых лежат социально-экономические и социально-психологические причины неблагополучия:

– семьи, находящиеся в трудной жизненной ситуации, в которых объективно нарушена нормальная жизнедеятельность по причине болезни, инвалидности, низкого экономического уровня и др.;

– конфликтные семьи, в которых в системе внутрисемейных отношений есть сферы, где имеет место конфликтность потребностей членов семьи, что порождает негативные эмоциональные реакции;

– кризисные семьи, в которых противостояние интересов членов семьи затрагивает важные сферы жизнедеятельности брачного союза;

– проблемные семьи, для которых характерны особо трудные ситуации, способные привести к распаду брака;

– социально неблагополучные семьи, в составе которых есть несовершеннолетние дети, при этом родители уклоняются от выполнения родительских обязанностей и/или жестоко обращаются с детьми;

– асоциальные семьи, в которых имеет место злоупотребление родителями ПАВ, отсутствие работы, аморальный образ жизни [6, с. 46–48].

Типология семейного неблагополучия, отражающая ее деструктивную динамику, представлена Л.С. Алексеевой, которая выделила четыре группы неблагополучных семей: привычно конфликтные семьи, педагогически несостоятельные семьи, аморальные семьи и асоциальные семьи [1, с. 55].

Одной из основных социальных функций семьи является воспитательная функция, нарушение которой ведет к дефекту как детско-родительских отношений, так к дефекту процессов социализации детей и подростков. Как правило, социально неблагополучные семьи характеризуются низким воспитательным потенциалом, который О.В. Кучмаева понимает как «реальную, фактическую способность к воспитанию детей с учетом конкретных социальных ограничений, сбалансированности материальных и нематериальных ресурсов семьи» [3, с. 49].

Анализируя воспитательный потенциал неблагополучной семьи, Т.В. Андреева, ссылаясь на Г.М. Миньковского, выделяет воспитательно-нестойчивые семьи, для которых характерны:

– неправильная педагогическая позиция родителей;

– воспитательно-слабые семьи, в которых имеется утрата контакта с детьми и контроля над ними; воспитательно-слабые семьи с постоянно конфликтной и с агрессивно-негативной атмосферой;

– маргинальные семьи с алкогольной, сексуальной деморализацией и др.;

– правонарушительские семьи;

– преступные семьи;

– семьи с психической отягощенностью у ее членов [2, с. 209].

Типология семейного неблагополучия по критерию неправильного воспитания детей и подростков представлена А.Е. Личко, Э.Г. Эйдемиллером. К типам нарушенного воспитания ими относятся:

– гипопротекция, характеризующаяся недостатком опеки и контроля;

– доминирующая гиперпротекция, проявляющаяся в чрезмерной опеке и мелочном контроле;

– повышенная моральная ответственность;

– потворствующая гиперпротекция; эмоциональное отвержение;

– жестокие взаимоотношения [5, с. 328].

Отрицательной особенностью нарушения воспитательной функции неблагополучной семьи является ее десоциализирующее влияние на формирование личности ребенка, что часто приводит к отклонениям в поведении детей и подростков. Как отмечает О.В. Филатова, «в результате отсутствия должного семейного воспитания и дефицита условий развития личности формируется деформированная личность ребенка, возникает ситуация девиантного паттерна» [4, с. 41].

Другой формой семейного неблагополучия является неполная семья, которая в настоящее время стало распространенным социальным явлением, возникающим в силу разных причин: рождения внебрачного ребенка, смерти одного из супругов, расторжения брака. К основным типам неполной семьи относятся внебрачная, осиротевшая, разведенная и распавшаяся семья. Различают отцовскую и материнскую неполную семью, при этом к абсолютному большинству среди неполных семей относится неполная материнская семья. Одинокое материнство связано с повышением уровня хронического стресса, главным образом из-за экономических трудностей и снижения уровня социальной поддержки. Нестабильность и распад семьи, переход к одиночному родительству влияют на родительское благополучие. Общими для семей с одним родителем являются такие факторы, как увеличение ежедневных стрессов, чрезмерная нагрузка, сокращение финансовых ресурсов и снижение социальной поддержки, которые могут влиять на социальную адаптацию и поведение, как родителей, так и детей [7].

Итак, генезис семейного неблагополучия обусловлен комплексом социально-экономических и социально-психологических факторов, оказывающих негативное влияние на жизнедеятельность семьи и ее функционирование как социального института. Семейное неблагополучие отражается во многих неблагоприятных феноменах семенной системы: различные виды нарушенного воспитания и детско-родительских отношений, неполная семья, уклонение родителей от выполнения своих обязанностей по заботе и воспитанию детей, жестокое обращение с детьми, асоциальное поведение родителей. Семейное неблагополучие, в первую очередь, оказывает негативное

влияние в сфере воспитательных функций семьи, что ведет к дефектам социализации и трудностям

Литература:

1. *Алексеева Л.С.* Работа с семьей как стратегическое направление деятельности учреждения социальной сферы // Отечественный журнал социальной работы. 2011. № 3. С. 54–61.
2. *Андреева Т.В.* Психология семьи : учебное пособие. СПб. : Речь, 2010. 384 с.
3. *Кучмаева О.В.* О современной семье и ее воспитательном потенциале / О.В. Кучмаева, Е.А. Марыганова, О.Л. Петрякова, А.Б. Синельников // Социологические исследования. 2010. № 7. С. 49–55.
4. *Филатова О.В.* Особенности деятельности социального педагога в процессе работы с неблагополучными семьями : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2017. 187 с.
5. *Шнейдер Л.Б.* Психология семейных отношений. М. : Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2010. 336 с.
6. *Шульга Т.И.* Работа с неблагополучной семьей : учеб. пособие. М., 2010. 254 с.
7. *Rousou E.* Association of social support and socio-demographic characteristics with poor self-rated health and depressive symptomatology among single mothers in Cyprus: a descriptive cross-sectional study / E. Rousou, Ch. Kouta, N. Middleton. 2016. URL : <https://doi.org/10.1186/s12912-016-0134-x>

адаптации, как родителей, так и детей и подростков в социуме.

Literature:

1. *Alekseeva L.S.* Work with the family as a strategic Direction of social institutions // Russian journal of social work. 2011. № 3. P. 54–61.
2. *Andreeva T.V.* Psychology of the family : manual. SPb. : Speech, 2010. 384 p.
3. *Kuchmaeva O.V.* about the modern family and its educational potential / O.V. Kuchmaeva, E.A. Maryganova, O.L. Petryakova, A.B. Sinelnikov // Sociological research. 2010. № 7. P. 49–55.
4. *Filatova O.V.* Features of social pedagogue's activity in the process of working with dysfunctional families : dis. ... candidate of pedagogical sciences. SPb., 2017. 187 p.
5. *Schneider L.B.* Psychology of family relations. M. : April-Press, publishing house EKSMO-Press, 2010. 336 p.
6. *Shulga T.I.* Work with a dysfunctional family : manual. M., 2010. 254 p.
7. *Rousou E.* Association of social support and socio-demographic characteristics with poor self-rated health and depressive symptomatology among single mothers in Cyprus: a descriptive cross-sectional study / E. Rousou, Ch. Kouta, N. Middleton. 2016. URL : <https://doi.org/10.1186/s12912-016-0134-x>

Колмыкова Марина Александровна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры государственного
и муниципального управления,
Оренбургский
государственный университет
mari_kol@mail.ru

Marina A. Kolmykova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of State and Municipal Government,
Orenburg State University
mari_kol@mail.ru

**Диалог организационной
и управленческой культур
для эффективности
деятельности организаций**

**DIALOGUE BETWEEN
ORGANIZATIONAL AND MANAGEMENT
CULTURES FOR THE ORGANIZATIONAL
PPERFORMANCE**

Аннотация. В данной статье рассмотрен диалог управленческой и организационной культур для повышения эффективности деятельности организаций. В результате проведенного исследования делается вывод о том, что диалог исследуемых культур возможен только в ситуации, когда управленческая команда не противопоставляет себя трудовому коллективу, а ориентирует весь персонал на достижение организационных целей, формируя тем самым организационную культуру доверия.

Annotation. The dialogue between management and organizational cultures to improve organizational performance is addressed in this article. As a result, it is concluded that the dialogue of the cultures being studied is possible only in a situation where the management team does not antagonize the work team, but orients the entire staff towards the achievement of organizational goals, in so doing, it builds an organizational culture of trust.

Ключевые слова: организационная культура, управленческая культура, диалог культур, управленческая команда, лидерство, доверие, социальный капитал.

Keywords: organizational culture, management culture, dialogue of cultures, management team, leadership, trust, social capital.

Большинство социологических концепций, описывающих проблематику организационной или управленческой культур, ставят перед собой задачи исследовать именно природу этих социальных феноменов. Однако на сегодняшний день отсутствуют работы, описывающие взаимодействие организационной и управленческой культур в социокультурном пространстве организации, вместе с тем, в каждой организации существуют управляющая и управляемая подсистемы, которые неодинаково вовлечены во взаимодействие социокультурной среды. И исследование этого взаимодействия представляет огромную значимость для эффективности деятельности любой организации.

диалога культур с применением тезаурусного подхода [1].

Целью данной статьи является рассмотрение теоретических подходов к диалогу управленческой и организационной культур для эффективности деятельности организаций.

В рамках данной статьи интерес представляют исследования С. В. Лукова, который проанализировал социокультурную среду предприятий, принадлежащих немецким собственникам, и выявил различия организационных культур персонала, работающего на этих предприятиях в России [2]. В своей работе он делает вывод о том, что существуют определенные различия в представлениях о характере организационных культур на уровне высшего руководства и уровне рядовых исполнителей. В этой ситуации диалог организационных культур среди управляющих и исполнителей на иностранных торговых предприятиях в России эффективно может быть осуществлен только на среднем уровне управления, поскольку только этот управленческий уровень может выступить посредником в процессе межкультурного взаимодействия.

Говоря о диалоге культур, в первую очередь, необходимо отметить философский контекст этого вопроса, ведь огромное количество ученых уделили внимание в своих работах проблемам диалога человека и Бога, человека и мира, диалога как формообразующего принципа духа в противоположность другому принципу – монологу. Особо хочется отметить труды В.А. Лукова, который предлагает рассматривать феномен

Вместе с тем, Паньков Д.М. считает, что своеобразие культуры управления в современном российском обществе, образовавшаяся под воздействием социокультурных факторов, содержится в следующем:

– в высоком уровне эффективности со стремлением к регрессии (исходя из человеческого фактора);

– в ослаблении связи с российским менталитетом и устремленность на западный менталитет;

– в двойной системе ценностей и, как результат, в двойных стандартах к процессу создания устойчивого образа поведенческих и мыслительных стратегий [3].

Как правило, управленческая культура рассматривается как совокупная характеристика управленческого труда, отражающая его качественные черты и особенности. Культура управления может включать совокупность знаний, их структуру и глубину, профессиональные компетенции руководителя и прочее. В большинстве научных теорий не делается акцент на том, должен ли руководитель демонстрировать действия, направленные на интеграцию персонала, на создание общего корпоративного духа в организации и т.д.

В рамках данной статьи, остановимся на мнении некоторых ученых, которые в своих исследованиях делают акцент на таком понимании управленческой культуры, благодаря которому представляется возможным установить диалог культуры управления с организационной культурой всего персонала.

Так, Лазарев А.В. отмечает, что управленческая культура – это комплекс ценностей, убеждений, отношений, являющихся общими для всех сотрудников данной организации, задающих и характеризующих нормы их поведения. Обязательным является их четкое определение, однако, при невозможности использования прямых указаний, они формулируют процесс деятельности и способ взаимодействия людей и в большей степени оказывают влияние и на порядок исполнения работы, и на направления деятельности организации [4].

Гафарова Г.А., говоря об управленческой культуре как об обобщенной характеристике, стимулирующей и ценностной ориентации, коммуникативных знаний и навыков, обоснованности и критичности мышления, эрудиции и толерантности руководства, упор делает на решении руководителем, в том числе, социальных задач. Кроме того, вышеуказанный автор отмечает, что современному работнику-управленцу не обойтись без двух вещей: понимания основ личностной психологии и уверенном обладании ключевыми положениями психологической теории предметной деятельности. Именно эти области психологической науки представляют собой базис понимания и анализа ситуаций, способствующих созданию мотивационно-ценностных отношений человека в процессе его профессиональной деятельности. Одна из таких ситуаций – формирование имиджа руководителя, что оказывается одним из важнейших компонентов управленческой культуры, вообще [5].

О социальной компетентности руководителя упоминает Чуев К.Г. и определяет ее как способность и готовность к эффективному осуществлению социального управления, что проявляется:

– в понимании механизма внутренней коррекции человеческого поведения;

– в ориентации на удовлетворение базовых потребностей сотрудников;

– в вовлечении персонала в управленческую деятельность;

– в осуществлении специального комплекса управленческих функций, технологий и методов воздействия менеджера;

– в формировании у сотрудников тенденций на перспективу [6].

Считаем, что социальная компетентность проявляется, в первую очередь, во взаимодействии с сотрудниками, включая установление приемлемого баланса деловых и личных отношений, именно так возможен диалог управленческой и организационной культур.

Вавилова А.С. предлагает рассматривать эффективность управленческого труда как социально-экономический показатель, который способен включать в себя соотношение затрат на управление с достигнутыми в ходе его реализации результатами. Так, автор отмечает, что совокупность критериев оценки эффективности управленческого труда должна включать следующие показатели: инновационную результативность, эффективность, легитимность, активную самостоятельность, качество трудовой деятельности работников, корпоративность [7]. Считаем, что именно корпоративность необходимо рассматривать как необходимое условие для создания и развития сильной культуры организации, именно в этом случае эффективность управленческой деятельности будет обусловлена наличием корреляции показателей эффективности управленческого труда с компонентами организационной культуры.

Говоря о диалоге культур в организации, необходимо отметить, что в данном процессе кто-то должен инициировать данное взаимодействие, и этим субъектом взаимодействия должен стать именно руководитель. Огромная роль в эффективной деятельности организации отводится не просто руководителю, а группе единомышленников или управленческой команде. Управленческая команда – это не просто группа людей, которые на основании единых целей и ценностей, методов осуществления совместной деятельности реализуют управленческий процесс в организации. Это – команда, которая совокупностью лидерских качеств его членов создает уникальную управленческую культуру в организации.

Культура управления и лидерство в организации теснейшим образом связаны друг с другом. Организация – это своеобразный труд ее основателя, лидера, поэтому в ней, как в любом произведении, отражаются особенности личной культуры автора, его взгляды и заблуждения [8].

Лидерство необходимо рассматривать не просто как социальную технологию, направленную, в том числе, на создание организационной культуры, подготовку руководителей нового типа и развитие

их лидерского потенциала. Лидерство является инструментом формирования уникальной управленческой культуры, которая, в свою очередь, способствует внутренней интеграции всего персонала в организации, формирует внутриорганизационный социальный капитал и способствует эффективной управленческой деятельности.

Данилова Н.И. отмечает, что использование потенциала лидерства в условиях совершенствования управленческой деятельности позволяет снизить издержки на управление, усилить его эффективность. В этом смысле, рассматривая лидерство как социальную технологию, необходимо отметить, что она способна выступать инновацией процесса управления, который включает в себя не только научно разработанные цели, но и особую технологию практической деятельности [9].

Шагиахметова А.Х. предлагает рассматривать лидерство как управленческий капитал, который способен накапливаться со временем, что абсолютно обоснованно. Оценка стадии развития управленческого капитала говорит о его прямой корреляции от продолжительности опыта работы представителей высшего руководства. По мнению данного автора, для руководителей среднего звена, в сравнении с представителями высшего руководства, свойственна большая степень проявления «эмоционального интеллекта», то есть, управленческое лидерство как явление межличностного взаимодействия ярче проявляет свой потенциал в меньшей группе [10].

Развитие управленческого труда позволяет выявить важность рассмотрения в качестве значимого инструмента повышения его эффективности организационную культуру предприятия.

Главное влияние при управлении организационной культурой должно быть направлено:

- на стратегическое планирование ее реформирования;
- на обозначение краткосрочных целей и стилей управления, необходимых для рационального управления переменами в организационной культуре;
- на реализацию оперативной деятельности по налаживанию взаимосвязи элементов организационной культуры и контролю за исполнением поставленных целей.

Основной целью таких управленческих воздействий может быть рост показателей эффективности управленческого труда [11].

Взаимодействие общей культуры предприятия с внешней средой происходит через различные сети: информационные, социально-экономические, социально-трудовые, финансовые и т.д. Они являются скрепляющими звеньями для корпоративного развития и повышают деловую

Литература:

1. Луков Вл.А. Диалог культурных тезаурусов // Информационный гуманитарный портал «Знание.

репутацию предприятия, тем самым, формируя внеорганизационный социальный капитал. Диалог управленческой и организационной культур в организации способствует, в том числе, накоплению социального капитала, а выстраивание грамотных каналов взаимодействия на всех уровнях управления – установлению организационных отношений, основанных на доверии.

Буйко В.В. считает, что главенствующим типом управленческой культуры в настоящее время необходимо рассматривать инновационную культуру. В разное время и в разных ситуациях она может и инспирировать, и замедлять инновационные управленческие процессы. Инновационная культура, выражая общую логику соотношения инноваций с управленческой культурой, трактует способность к социальной адаптации и развитию систем управления предприятиями в хронически изменяющейся действительности общественного производства [12].

Согласимся с тем, что инновационная культура, сформировавшись, способствует расширению и развитию управленческих подходов, использующих технологии творчества и осовременивающих новаторства, поддержанию регулярного притока идей проектов и изобретений, поиску новых форм организационных систем. Тем самым, данный тип культуры может выступать идеологической основой управленческой деятельности представителей высшего руководства, которые настроены на опережение потребностей своих клиентов.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, управленческая культура руководителя и его команды, выражающаяся в стиле управления, методах мотивации персонала, профессиональном подходе к принятию управленческих решений, должна быть направлена на интеграцию персонала на основе единых норм, ценностей и установок. Иначе выстроить эффективный диалог управленческой и организационной культур будет невозможно.

Во-вторых, диалог исследуемых культур возможен только в ситуации, когда руководитель организации и его управленческая команда, используя свои яркие лидерские качества, не противопоставляют себя коллективу, а ориентируют весь персонал на достижение общих организационных целей, формируя, тем самым, организационную культуру доверия.

В-третьих, диалог организационной и управленческой культур имеет значение не только для повышения экономической эффективности предприятия, но и для формирования внутриорганизационного и внеорганизационного социального капитала.

Literature:

1. Lukov V.I.A. Dialogue of cultural thesauri // Informational humanitarian portal «Knowledge.

Понимание. Умение». 2008. № 9. Комплексные исследования: тезаурусный анализ мировой культуры. URL : http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/9/Lukov_Dialogue/ (дата обращения 16.09.2020).

2. *Луков С.В.* Диалог организационных культур как способ управления персоналом на иностранных коммерческих предприятиях в России : автореф. дис. ... канд. социол.: 22.00.08 / С.В. Луков. М., 2006. 20 с.

3. *Паньков Д.М.* Культура управленческой деятельности в современном обществе: социокультурные и политические факторы развития и их влияние на поведенческие практики : дис. ... кан. социол. наук: 22.00.08 / Д.М. Паньков. Майкоп, 2013. 137 с.

4. *Лазарев А.В.* Управленческая культура как основа развития современных бизнес процессов : автореф. дис. ... кан. социол. наук: 22.00.08 / А.В. Лазарев. М., 2004. 25 с.

5. *Гафарова Г.А.* Развитие управленческой культуры профсоюзного актива работников образования : дис. ... кан. пед. наук: 13.00.01 / Г.А. Гафарова. Казань, 2005. 179 с.

6. *Чуев К.Г.* Повышение социальной компетентности управленческого персонала организации : дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08 / К.Г. Чуев. Белгород, 2018. 180 с.

7. *Вавилова А.С.* Повышение эффективности управленческого труда на основе развития организационной культуры : автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / А.С. Вавилова. Екатеринбург, 2013. 23 с.

8. *Халина А.А.* Командообразование как процесс и технология в организационном управлении : автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08 / А.А. Халина. М., 2011. 26 с.

9. *Данилова Н.И.* Лидерство как социальная технология развития организационной культуры : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.08 / Н.И. Данилова. СПб., 2009. 21 с.

10. *Шагиахметова А.Х.* Лидерство как управленческий капитал: опыт социологической диагностики : автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08 / А.Х. Шагиахметова. Казань, 2010. 24 с.

11. *Бусыгин О.В.* Организационная и корпоративная культура промышленного предприятия: проблема диагностики в процессе управления : автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08 / О.В. Бусыгин. Н. Новгород, 2011. 29 с.

12. *Буйко В.В.* Инновационная культура в управлении промышленными предприятиями : автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08 / В.В. Буйко. М., 2004. 25 с.

Understanding. Skill». 2008. № 9 Complex Research: Thesaurus Analysis of World Culture. URL : http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/9/Lukov_Dialogue/ (date of access 09/16/2020).

2. *Lukov S.V.* Dialogue of organizational cultures as a method of personnel management at foreign commercial enterprises in Russia : author. dis. ... cand. sociol.: 22.00.08 / S.V. Lukov. M., 2006.20 p.

3. *Pankov D.M.* Culture of management activity in modern society: socio-cultural and political factors of development and their impact on behavioral practices : dis. ... can. sociol. sciences: 22.00.08 / D.M. Pankov. Maykop, 2013.137 p.

4. *Lazarev A.V.* Management culture as the basis for the development of modern business processes : author. dis. ... can. sociol. sciences: 22.00.08 / A.V. Lazarev. M., 2004.25 p.

5. *Gafarova G.A.* Development of the management culture of the trade union asset of education workers : dis. ... can. ped. sciences: 13.00.01 / G.A. Gafarova. Kazan, 2005.179 p.

6. *Chuev K.G.* Improving the social competence of the management personnel of the organization : dis. ... cand. sociol. sciences: 22.00.08 / K.G. Chuev. Belgorod, 2018.180 p.

7. *Vavilova A.S.* Improving the efficiency of managerial work based on the development of organizational culture : author. dis. ... cand. econom. sciences: 08.00.05 / A.S. Vavilova. Ekaterinburg, 2013. 23 p.

8. *Khalina A.A.* Team building as a process and technology in organizational management : author. dis. ... cand. sociol. sciences: 22.00.08 / A. Khalina. M., 2011.26 p.

9. *Danilova N.I.* Leadership as a social technology for the development of organizational culture : author. dis. ... cand. sociol. sciences: 22.00.08 / N.I. Danilova. SPb., 2009. 21 p.

10. *Shagiakhmetova A.Kh.* Leadership as management capital: the experience of sociological diagnostics: author. dis. ... cand. sociol. sciences: 22.00.08 / A. Kh. Shagiakhmetova. Kazan, 2010. 24 p.

11. *Busygin O.V.* Organizational and corporate culture of an industrial enterprise: the problem of diagnostics in the management process : author. dis. ... cand. sociol. sciences: 22.00.08 / O.V. Busygin. N. Novgorod, 2011. 29 p.

12. *Buiko V.V.* Innovative culture in the management of industrial enterprises : author. dis. ... cand. sociol. sciences: 22.00.08 / V.V. Buiko. M., 2004. 25 p.

Лежебоков Андрей Александрович

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры социологии,
Северо-Кавказский
федеральный университет
leghebokov@yandex.ru

Сергодеева Елена Александровна

доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры философии,
Северо-Кавказский
федеральный университет
sergodeewa2014@yandex.ru

Текеева Лейла Дагировна

кандидат социологических наук,
заведующая кафедрой
государственного и муниципального
управления и политологии,
Карачаево-Черкесский государственный
университет имени У.Д. Алиева
lejla-tekeeva@yandex.ru

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ПРОЦЕССА МОДЕРНИЗАЦИИ
РЕГИОНОВ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ
КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ
РЕСПУБЛИКИ**

Аннотация. В работе анализируется процесс модернизации общества, исследуется теоретико-методологический фундамент теории модернизации в рамках современной социологии, определяются региональные составляющие модернизационных изменений, показывается эффективность применения социокультурного подхода к изучению модернизации регионов. На примере Карачаево-Черкесской Республики исследуется динамика отдельных показателей инновационного процесса, приводятся обобщенные результаты социологических опросов населения региона.

Ключевые слова: социокультурный подход, социология, социальные процессы, региональная социология, Карачаево-Черкесская Республика, модернизация, инновационное развитие.

Меняющийся облик современного общества, подверженный влиянию самых разнообразных факторов и процессов, неизменно привлекает интерес исследователей. Помимо тенденций, обусловленных вполне закономерным процессом индустриализации и цифрового развития

Andrey A. Lezhebokov

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Professor of the Department of Sociology,
North-Caucasus Federal University
leghebokov@yandex.ru

Elena A. Sergodeeva

Doctor of Philosophy,
Professor,
Professor of the Department of Philosophy,
North-Caucasus Federal University
sergodeewa2014@yandex.ru

Leila D. Tekeeva

Candidate of Sociological Sciences,
Head of the Department of State
and Municipal Management
and Political Science,
Karachaevo-Cherkessky State University
named after U.D. Aliev
lejla-tekeeva@yandex.ru

**SOCIO-CULTURAL POTENTIAL
OF THE PROCESS OF MODERNIZATION
OF RUSSIAN REGIONS ON THE EXAMPLE
OF THE KARACHAY-CHERKESS REPUBLIC**

Annotation. The paper analyzes the process of modernization of society, investigates the theoretical and methodological foundations of the theory of modernization within the framework of modern sociology, identifies the regional components of modernization changes, shows the effectiveness of the application of the sociocultural approach to the study of modernization of regions, studies the dynamics of individual indicators of the innovation process using the example of the Karachay-Cherkess Republic the results of sociological surveys of the population of the region.

Keywords: sociocultural approach, sociology, social processes, regional sociology, Karachay-Cherkess Republic, modernization, innovative development.

социума, цивилизация сталкивается с неожиданными явлениями и ситуациями, прогнозирование которых крайне затруднено. Примерами последнего могут служить внезапные природные обстоятельства, коренным образом меняющие течение общественных процессов на всех уровнях

социальной организации, вплоть до глобальных. Возрастает необходимость усиления готовности к появлению угроз и повышения гибкости в поиске ответов на появление новых вызовов. Вместе с тем, модернизация общества, сама по себе, представляется способом возрастания готовности к быстрому решению возникающих проблем в самых разных ситуациях и имеющих различную природу¹.

Данное обстоятельство определяется ускорением обмена информационными потоками и возникновением коллабораций, способных оперативно реагировать на социальные, научные и иные запросы. Вместе с тем, процесс модернизации подразумевает наличие определенных характеристик социума, «перешагнувшего» соответствующий рубеж между традиционным, индустриальным и постиндустриальным обществом. Данные характеристики являются, своего рода, маркерами, достижение которых означает приближение к более высокой стадии социального развития. Особое значение среди них имеют социокультурные показатели, представленные в работе Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой [1]. С определенной поправкой на современность данные показатели могут быть использованы в качестве базовых при рассмотрении отдельных регионов России и определении этапа процесса модернизации. Отметим, что научное сообщество, созданное Н.И. Лапиным и состоящее из исследователей, представляющих большинство субъектов Российской Федерации, к данному моменту вполне успешно осуществили анализ социокультурного развития регионов страны.

В целом, выявление неких признаков модернизации и четкая их характеристика является традицией для социологов, политологов и других представителей науки, работающих в русле данного направления. Так, С. Хантингтон связывает политическую модернизацию с «рационализацией власти, дифференциацией структур и ростом политической активности населения» [2], происходящих, в известной степени, под влиянием выбора элит вследствие экономических преобразований. Кроме того, как указывает И.В. Побережников, в современных трактовках теории модернизации осуществляется «признание регионализации (пространственной специализации региона на определенных видах социальной деятельности) в качестве существенного аспекта модернизации» [3]. Тем самым закладывается основа для исследования состояния региона в качестве составной части общества, но обладающего собственными модернизационными характеристиками, зависящими от социокультурного развития.

Развитие региона в рамках единой российской государственности характеризуется целым набором специфических параметров, большинство из которых имеет социально-культурную основу. Так, образовательный потенциал населения существенно влияет на возможность функционирования целых отраслей экономики. Готовность к инновациям в самых разнообразных сферах так

же основывается на культуре граждан и в условиях крайней дифференциации России будет чрезвычайно неоднородна. Вместе с тем, как указывает П. Штомпка: «Культура – это не что-то навсегда данное. Ее производят, строят люди в ход коллективной жизни, исторически накапливают и осаждают в традиции»² [4]. Культурный потенциал создается, своего рода, надстройками в виде социальных групп, среди которых П. Штомпка выделяет семьи, группы, местные сообщества, нации и глобальное общество, в целом. Тем самым, региональные особенности развития культуры, вплоть до исторического опыта осуществления повседневной деятельности будут оказывать влияние на процессы модернизации.

Изучая реальный процесс модернизации, следует заметить, что его интенсивность зависит от инновационных изменений и способности принятия инноваций. Нам представляется, что низкий рейтинг ряда российских регионов определяется, в большей степени, низкой инновационной составляющей. Причинами этого могут быть различные условия, но в основе находится способность региональной культуры мобилизовать активную часть населения для реальных действий по преобразованию традиционных практик в современные. При этом мы не основываемся на позиции восприятия «традиционного» как «аграрного». Скорее «традиционное» необходимо понимать как «достигшее пределов развития в рамках существующей среды».

Однако, признавая уникальность модернизации каждого региона (группы регионов), мы должны принять во внимание, что несмотря на отсутствие равномерности процессов перехода к современности, каждый субъект, так или иначе, достигает показателей, характерных для современного типа организации социума. Тем самым может достигаться схожий уровень бытовых стандартов обеспечения жизни населения при сохранении специфики социокультурного развития. Как нам представляется, обеспечение минимальных материальных стандартов жизни человека, единых для всей гражданской общности, вне зависимости от региона проживания является задачей государственной власти. Изменение данной категории стандартов с неизбежностью должно приводить к повышению рамок обеспечения на основе адресной политики региональных и федеральных властей.

Северо-Кавказский федеральный округ занимает первые места в своеобразном «антирейтинге» среди федеральных округов по целому ряду основных показателей социально-экономического развития. Так, по данным официальной статистики, по показателю среднемесячной заработной платы в июле 2020 года округ находился на традиционном последнем месте [5].

В округе самый высокий уровень безработных в целом по стране (табл. 2), что свидетельствует о наличии системных проблем с организацией официальных мест работы.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00260

«Перспективы социокультурного развития Карачаево-Черкесской Республики».

² Перевод авторов.

Таблица 1

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций по субъектам Российской Федерации с 2019 года, рублей¹

	июль 2020 года	Ранг
Российская Федерация	50145	
Центральный федеральный округ	64553	1
Северо-Западный федеральный округ	56711	3
Южный федеральный округ	35133	7
Северо-Кавказский федеральный округ	30346	8
Приволжский федеральный округ	36237	6
Уральский федеральный округ	52203	4
Сибирский федеральный округ	42432	5
Дальневосточный федеральный округ	58100	2

Таблица 2

Уровень безработицы населения в возрасте 15 лет и старше по субъектам Российской Федерации, % [6]

	2017	2018	2019
Российская Федерация	5,2	4,8	4,6
Центральный федеральный округ	3,2	2,9	2,9
Северо-Западный федеральный округ	4,2	3,9	3,6
Южный федеральный округ	6,0	5,6	5,3
Северо-Кавказский федеральный округ	11,0	10,5	11,0
Приволжский федеральный округ	4,7	4,4	4,2
Уральский федеральный округ	5,6	4,7	4,3
Сибирский федеральный округ	7,0	6,4	5,9
Дальневосточный федеральный округ	6,7	6,3	6,0

По целому ряду других показателей социально-экономического развития России Северо-Кавказский федеральный округ имеет схожую картину, фиксируемую органами статистики [7].

Надо признать, что в составе округа ситуация, в целом, однородна, несмотря на наличие явного «лидера» – Ставропольского края, отличающегося от других субъектов в лучшую сторону. Остальные регионы федерального округа характеризуются существенным отставанием практически всех показателей развития от среднероссийских.

В составе Северо-Кавказского федерального округа Карачаево-Черкесская Республика занимает заметное место, показатели развития данного субъекта являются «средними» по сравнению с соседними. Однако, как показывают расчеты, именно здесь один из самых высоких уровней бедности по стране в целом – 23,2 % [8]. Ситуация довольно тревожная по целому ряду

характеристик социальной, экономической и культурной сфер жизни обуславливает низкую привлекательность КЧР как для инвесторов, так и для местных жителей, не считающих ее перспективным местом проживания. Проведенные на территории республики социологические опросы дают показатели, однозначно демонстрирующие низкую оценку населением состояния основных сфер жизнедеятельности.

Полученные в результате исследования статистические зависимости и субъективная картина положения Карачаево-Черкесской Республики показывают, что данный субъект Российской Федерации в настоящее время обладает, в целом, низким социокультурным потенциалом модернизации. Для исправления ситуации требуется длительная и кропотливая работа всех субъектов гражданского общества по пересмотру основных подходов к решению насущных проблем республики.

Литература:

1. Лапин Н.И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М., ИФРАН, 2010.
2. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М. : Прогресс-Традиция, 2004. С. 109.
3. Побережников И.В. Региональные аспекты модернизации: теоретико-методологические

Literature:

1. Lapin N.I. Program and standard tools «Socio-cultural portrait of the region of Russia» (Modification – 2010) / N.I. Lapin, L.A. Belyaeva. M., IFRAN, 2010.
2. Huntington S. Political order in changing societies. M. : Progress-Tradition, 2004. P. 109.
3. Poberezhnikov I.V. Regional aspects of modernization: theoretical and methodological problems.

¹ Ранги рассчитаны авторами.

проблемы. URL : http://journals.uspu.ru/attachments/article/1363/%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%BE-%D0%BF%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%20%D1%87%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F_2003_%D1%81%D1%82.%2002.pdf

4. *Sztompka P.* Civilizational Incompetence : The Trap of Post-Communist Societies // Zeitschrift für Soziologie, Jg. 22, Heft 2, April 1993. P. 85–95; P. 87.

5. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций по субъектам Российской Федерации с 2019 года, рублей. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL : https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries

6. Уровень безработицы населения в возрасте 15 лет и старше по субъектам Российской Федерации Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL : https://rosstat.gov.ru/labour_force

7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019. Стат. сб. / Росстат. М., 2019. 1204 с.

8. РБК составил рейтинг регионов по качеству жизни. URL : <https://www.rbc.ru/economics/21/07/2020/5f0ece439a79470d37b66efc>

URL : http://journals.uspu.ru/attachments/article/1363/%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%BE-%D0%BF%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%20%D1%87%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F_2003_%D1%81%D1%82.%2002.pdf

4. *Sztompka P.* Civilizational Incompetence : The Trap of Post-Communist Societies // Zeitschrift für Soziologie, Jg. 22, Heft 2, April 1993. P. 85–95; P. 87.

5. Average monthly nominal accrued wages of employees for the full range of organizations in the constituent entities of the Russian Federation since 2019, rubles. Official website of the Federal State Statistics Service. URL : https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries

6. The unemployment rate of the population aged 15 years and older in the constituent entities of the Russian Federation Official website of the Federal State Statistics Service. URL : https://rosstat.gov.ru/labour_force

7. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2019. Stat. Sat. / Rosstat. M., 2019. 1204 p.

8. RBC has compiled a rating of regions by the quality of life. URL : <https://www.rbc.ru/economics/21/07/2020/5f0ece439a79470d37b66efc>

Олифир Ирина Александровна

аспирантка,
Кубанский государственный
аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
Lilit1535@yandex.ru

**ФЕМИНИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЯ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ**

Аннотация. В статье представлен анализ современной идеологии феминизма на предмет определения ее источников, которые могут носить политический и культурный характер, а также скрываться в бытовых реалиях общественной жизни. Автор приходит к заключению о том, что, с одной стороны, современный феминизм является продуктом неолиберального проекта, который стремится перенести тяжесть социальной проблематики на культурную сферу, акцентируя внимание на различных «правах меньшинств». А с другой стороны, идеи феминизма могут вполне получать практическое подкрепление в силу расширяющейся смены гендерных ролей, происходящей не только (а возможно, и не столько) в силу возрастающей пассионарности женщин, как и в виду витального ослабления представителей «сильного пола».

Ключевые слова: феминизм, социальная идеология, тотальные и частичные идеологии, классовое общество, неолиберальный проект, деградация мужской сущности.

Н абирающие скорость социальные изменения, временами, приводят к несколько неожиданным результатам. Духовные феномены, долгое время имеющие по большей части социально-психологическое подкрепление, в настоящее время получают дополнительную актуализацию в контексте сдвигов объективного мира. В этом плане показательная ситуация, которая сложилась вокруг феминизма, который мы в рамках настоящей статьи намерены рассматривать в категориях идеологии. Целью данной работы выступает анализ современной идеологии феминизма на предмет определения ее источников, которые могут носить политический и культурный характер, а также скрываться в бытовых реалиях общественной жизни. Для этого мы намерены, во-первых, рассмотреть различные варианты теоретико-методологического видения феминизма как идеологии, в рамках которых во многом вскрывается политико-культурная его сторона и, во-вторых, соотнести сущностную сторону данного явления с общественной практикой.

Irina A. Olifir

Graduate student,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubili
Lilit1535@yandex.ru

**FEMINISM AS AN IDEOLOGY
OF MODERN SOCIETY:
THEORETICAL
AND PRACTICAL SOURCES**

Annotation. The article presents an analysis of the modern ideology of feminism in order to determine its sources, which may be political and cultural in nature, as well as hidden in the everyday realities of public life. The author concludes that, on the one hand, modern feminism is a product of a neoliberal project that seeks to shift the burden of social issues to the cultural sphere, focusing on various «minority rights». On the other hand, the ideas of feminism may well receive practical confirmation due to the expanding the change in gender roles, which occurs not only (and perhaps not so much) due to the increasing passionarity of women, as well as in view of the vital weakening of a «stronger sex» representatives.

Keywords: feminism, social ideology, total and partial ideologies, class society, neoliberal project, degradation of male essence.

Сразу следует определиться с тем, что мы считаем идеологией. Она представляет собой концептуальную систему, объясняющую окружающий мир и задающую определенные стратегические цели, на основании которых формируются задачи как индивидуального, так и коллективного плана. При этом признаками идеологии, позволяющими продемонстрировать ее отличия от близких феноменов, выступают следующие моменты.

1) Идеология обязательно имеет своего группового носителя или действующего субъекта. Другими словами, идеология никак не может обойтись без социальной базы, представленной более или менее значительными в количественном плане сторонниками этой идеологии, разделяющими ее основные положения. В этом плане идеология отличается от политической философии, которая обычно разрабатывается в академических кругах и не обязательно имеет массовую поддержку.

2) Идеология представляет собой открытую мировоззренческую систему и, в соответствии с изменениями материального и духовного мира, модифицирует (а, порой, и основательно трансформирует) свои основные положения. Эта специфическая черта идеологии отличает ее от религиозных систем, которым присущ догматизм.

В наше намерение не входит рассмотрение исторических перипетий феминизма, но очевидно, что его философской основой послужил проект Просвещения, появление которого было подготовлено совокупностью объективных и субъективных предпосылок. Напомним, что одной из центральных идей просветителей выступала концепция освобождения или эмансипации от традиционных условностей и структурных принципов, как считалось, носящих надуманный искусственный характер. Вполне закономерно, что в этой связи делались попытки пересмотра роли женщины, освобождения ее от сковывающих ее потенциал традиционных скреп, предоставления ей тех же возможностей, что и представителям «сильного» пола. Тем не менее, как представляется, в конце XVIII–XIX вв. развитие феминизма являлось делом отдельных энтузиастов (М. Уолстанкрафт, Э. Адамс и др.), его теории носили существенный субъективный отпечаток, и сам названный феномен не вырос до позиций действительно влиятельной политической идеологии, имеющей массовый охват.

На современном этапе статус феминизма, несомненно, возрос, и практически все влиятельные точки зрения анализируют его в категориях именно идеологии, хотя, расходясь в рассмотрении его социально-политических аспектов, на чем мы намерены остановиться подробнее. При этом следует принимать в расчет духовную ситуацию в целом, касающуюся тенденций отражения в социальном сознании процессов материального мира. Здесь следует отметить ведущий тренд, заключающийся во все большей фрагментации и дезинтеграции, что некоторые исследователи даже считают возможным отказываться от термина «идеология», заменяя его «идеологическим пространством» [1].

Британский политолог Дж. Шварцмантель видит в феминизме разновидность частичной идеологии, конгломерат которых приходит на смену идеологиям тотальным. Опираясь на учение германского социального философа первой половины XX в. К. Мангейма и развивая его, Дж. Шварцмантель в качестве тотальных определяет идеологические системы, транслирующие целостную картину социального порядка, предлагая нечто вроде проекта «всеобщих политических и социальных изменений». Именно к тотальным идеологиям относятся известную классическую триаду – либерализма, консерватизма и социализма, каждая из которых предлагает собственную целостную картину общественного порядка. А вот частичные идеологии концентрируются обычно на решении специфической, а не всеобщей проблематики, предполагая «менее целостную картину общества и социальных изменений» [9, с. 19]. То есть, отличительный «конек» частичных идеологий в том, что им свойственен фрагментарный подход

к социальной проблематике, акцентирование только на отдельных ее аспектах.

В то же время, названный ученый приписывает феминизму функции расширения классических идеологий, основываясь на том, что теоретические корни феминизма происходят от философии просветителей, откуда собственно произрастают либерализм и социализм. «Этот политический проект оказался очень сложным и затянутым» [9, с. 197]. И, как не без основания указывает Дж. Шварцмантель, феминизм переносит основной акцент с политической на частную сферу [9, с. 195]. Его основной задачей выступает, по сути, не захват политической власти, но изменение социокультурных стереотипов на роль женщины, искоренение патриархального неравенства и сексизма. Однако следует отметить, что тот же «сексизм» является довольно расплывчатой категорией, которой приписывается различное ситуационное содержание, как правило, подчиненное конкретным политическим задачам.

Нам представляется уместным рассмотреть развитие феминистской идеологии в работах левых исследователей. Здесь следует констатировать различные ее формы в зависимости от меняющейся политической конъюнктуры. В эпоху социального государства (60–70-е гг.) на более системном развитии феминистских идей настаивала журналист и социолог из ФРГ Ульрика Майнхоф, впоследствии зарекомендовавшая себя как политический радикал левого толка. По ее мнению, равноправие мужчин и женщин, выступающее целью немецких социал-демократов, должно быть лишь тактическим шагом общего более широкого процесса эмансипации, которая понимается как освобождение в виде изменения общественных отношений, упразднение иерархической структуры общества в пользу демократической: ликвидацию разделения на труд и капитал путем обобществления средств производства [5].

Вполне в духе марксизма У. Майнхоф в своих рассуждениях указывает на необходимость изменения сознания женщины в целом, чего никогда не будет достигнуто в условиях капиталистического общества. Официальные представители левых сил – социал-демократы фактически не ставят вопроса о системных преобразованиях, придерживаясь тактики выбивания частичных уступок, в рамках которых и ратуют за гендерное равноправие. Между тем, даже положительные сдвиги, происшедшие в этой области, имеют мало общего с демократией и эмансипацией, «ничего не добавляют в дело изменения человеческого сознания либо даже структуры власти, которая нами правит» [5]. С одной стороны, несмотря на зафиксированный в Конституции принцип равенства оплаты труда, заработок у женщин все же отстает от заработка мужчин, чему указанный автор приводит ряд эмпирических доказательств, указывая на то, что удешевление женского труда посредством тех или иных административных и юридических уловок позволяет получать капиталистам сверхприбыли. С другой стороны, продолжающаяся мифологизация общественного сознания, согласно которому женщина предназначена исключительно для материнства, а женская

занятость ведет к увеличению детской безнадзорности, разводам и пр. Вместе с тем, У. Майнхоф обоснованно указывает на противоречивость данной критики. «Тот же самый круг общества, что так озабочен вопросом ухода за детьми, до сих пор ничего не сделал для создания достаточного количества мест в детских садах. Их детские дома являются пристанищами холода и одиночества; их школы недостаточно оснащены; детей из социально обделенных семей ни разу не собирали в детских садах, вместо этого их отправляют во вспомогательные школы, когда это уже поздно делать; не хватает детских площадок для игр; охрана материнства рассматривается как нечто, не заслуживающее внимания... Постоянные обвинения в нечистой совести, которую приписывают трудящимся женщинам, ... на самом деле должны быть переадресованы государству и обществу, партиям, церкви, парламентариям» [5].

Тем не менее, трансляция подобной мифологии приносит свои плоды. Социальное сознание женщин довольно консервативно, и представительницы слабого пола особенно не протестуют против собственной участи. В то же время, журналист и социолог, а в будущем революционерка У. Майнхоф с некоторой горечью признает, «может быть, в том и проявляется их человеческое начало, что они позволяют себя вместе со своими детьми шантажировать, что они, само собой разумеется, признают главным важность пребывания с детьми» [5]. Тем самым, только усилиями всего общества могут быть решена проблема возникающего противоречия между необходимостью женской занятости и традиционной роли женщины как матери, хранительницы домашнего очага и пр. Однако капиталистическое общество этого делать не собирается, что настраивает У. Майнхоф в его отношении резко радикально. Видно, что не лишённые субъективного налета интерпретации этого автора вполне вписываются в логику ортодоксального марксизма, где феминизм выступает частью общей стратегии эмансипации и освобождения. Результатом этого предполагается формирование нового человека, свободного от общественных условностей и сложившихся стереотипов вроде исключительно материнского предназначения женщины.

Известный исследователь Борис Кагарлицкий склонен рассматривать феминизм как разновидность жестко критикуемой им леволиберальной идеологии в ракурсе перипетий социально-политической борьбы второй половины XX и начала XXI вв. За указанное время кейнсианская модель социального государства была вытеснена неоллиберальной моделью «приватизированного кейнсианства» (термин К. Крауча), одновременно акценты борьбы левых и правых (либералов) были перенесены с социально-экономической проблематики на защиту прав меньшинств, а идеологическая дискуссия по важнейшим вопросам между различными представителями социально-политических сил была заменена дискурсом политкорректности, тоталитарным по своему смыслу. Как пишет названный эксперт, «политкорректная лексика» либерализма внедряется с трудом, постоянно отторгается живой речью и требует своеобразного символического насилия в виде

осуждения отступников, а иногда и прямого принуждения через судебные и административные процедуры – для того чтобы сохранять свои культурные позиции» [4, с. 98].

Другими словами, старое доброе политическое противостояние на почве классовых интересов сменилось культурными лозунгами, ратующими за признание прав многочисленных социальных меньшинств. Ведь, последние не имеют общего знаменателя в виде общих экономических интересов, но могут быть объединены в рамках культурной парадигмы как стремящиеся отстоять собственную идентичность. Если ранее культурные различия занимали подчиненное положение и не выпячивались в рамках объединения на почве классовых интересов, то современность предполагает прямо противоположную логику «засорения политики культурными проблемами и превращения ее в форму переживания и воспроизводства постоянно нарастающего числа культурных особенностей и различий» [3, с. 59].

Современный феминизм рассматривается в качестве элемента данного процесса, полностью воспринимая тоталитарный характер политкорректного дискурса. Потому неслучайно, что попытки поставить под сомнение культурные привилегии для гомосексуалистов порождают немедленные обвинения в гомофобии, обсуждение правительности фактически любого тезиса, высказанного в рамках феминистского дискурса, определяется как сексизм, а критика целесообразности программ поддержки этнических или религиозных меньшинств, имеет ответом реакцию обвинения в расизме.

Будучи твердым сторонником марксизма, Б. Кагарлицкий не отрицает, что собственно неравенство и большая эксплуатация женщин органически заложены в саму суть капитализма. Это подтверждается несколькими фактами. Так, даже в развитых капиталистических странах средний заработок женщин действительно отстает от зарплаты мужчин. Кроме того, домашняя работа, выполнение которой ложится главным образом на женщин, определенным образом отражается на рынке труда и стоимости рабочей силы. Наконец, по-прежнему актуальна проблема «стеклянного потолка», согласно которой женщины, делающие успешную карьеру в крупных компаниях, сталкиваются с трудностями на уровне топ-менеджмента [3, с. 60–61]. Однако все эти обстоятельства не играют для капитализма системообразующего значения. Более того, определенный прогресс в деле выравнивания зарплат мужчины и женщины, облегчающая домашнюю работу технологизация бытовой сферы, произошли в эпоху социального государства, что предшествовало торжеству политкорректности и всплеску феминизма.

Современный феминизм стремится абстрагироваться от классовой тематики, декларируя гендерное равенство безотносительно к социальному положению. Однако в реальности характер пресловутого гендерного равенства оказывается принципиально разным в зависимости от экономических и социальных позиций. С точки зрения

Б. Кагарлицкого, феминизм ориентирован именно на «буржуазного индивида с присущими ему ценностями, критериями и мотивациями», поскольку его собственный дискурс опирается на буржуазно-бюрократическое мышление, предпочитающее обезличенную терминологию. Отношения между мужчинами и женщинами рассматриваются либо как конкурентные, либо как договорные, партнерские. Иными словами, мужчина и женщина в равной степени мыслятся как суверенные индивиды, объединенные ничем, кроме соглашения. Если в рамках фактически любой традиционной социокультурной системы семья и брак понимаются как долг, то теперь это предпочитают сводить к индивидуальному и частному выбору, а этический момент выносится как бы «за скобки». Однако данная логика содержит своеобразный антитезис, так как фактически означает возможную терпимость в отношении самых одиозных и извращенных форм патриархальщины, которые могут восприниматься в качестве проявления идентичности или свободного выбора. «Если, например, систематическое насилие над «партнером» является частью отношений, принимаемых «добровольно», пусть и в силу обычая, нет никакой причины бороться против этого» [3, с. 63]. Таким образом, указанный исследователь рассматривает современный феминизм как часть общего культурного проекта, направленного на утверждение определенных поведенческих практик, «своего рода символических кодов, без знания и принятия которых вы просто не можете претендовать на лидирующие роли в обществе» [3, с. 65]. По сути, феминизм представляется идеологией передовых групп, претендующих на элитарные позиции. Вызов в сторону капиталистической дискриминации совсем не означает вызова против капитализма как системы, но, напротив, в определенной степени работает на ее укрепление.

Значительно более критично настроен в отношении современного феминизма Сергей Строев, считающий его частью неолиберального глобального проекта, импортируемого с Запада в Россию. Если Б. Кагарлицкий признает определенные основания для тезиса о дискриминации женщин, то С. Строев считает целиком искусственно созданным противостояние общества по половому признаку. Ему здесь видится цель не только социальной дезинтеграции, уменьшающей возможности для спонтанных объединений на почве классовых интересов, но и стремление разрушить традиционную семью, дабы сделать массового индивида более манипулируемым и управляемым. Субъектом всего этого выступает мировая капиталократия, которая использует «борьбу женщины за свои права» в своих интересах, направленных на общественную атомизацию. «Смыслом этой борьбы является не достижение каких бы то ни было конкретных прав, а, само по себе, разобщение между представителями разных полов, состояние взаимного озлобления, недоверия и ненависти между ними. Помимо олигархии от такого разобщения общества по половому признаку в выигрыше могут остаться разве что педерасты и лесбиянки» [7].

Как считает указанный автор, номинально цели феминизма были достигнуты уже довольно давно, а именно – к середине 20 века в странах Запада, и тем более в СССР, где женщины были полностью уравнены с мужчинами фактически во всех юридических правах. Отсюда современный вариант феминизма, заявивший о себе с 60-х годов прошлого века, не имеет реального отношения именно к борьбе за равноправие. Даже умеренные феминистки ратуют не за равенство стартовых возможностей, но за равенство в смысле идентичности и стирания половых различий, как минимум в публичной, социально значимой сфере. А более радикальные формы феминизма могут открыто выступать за неравноправие и дискриминацию уже в пользу женщин, требуя обособления, отдельного развития и проживания представителей различных полов. «Наиболее крайние формы американского феминизма открыто провозгласили своей доктриной разрушение семьи, борьбу с нормальными гетеросексуальными половыми отношениями, пропаганду биологического превосходства женщин, ненависти к мужчинам и даже идею полного уничтожения мужчин» [7].

С. Строев отмечает существующие в российском законодательстве привилегии в сторону женщин, а именно – служба в армии, «почетная обязанность», распространяющаяся только на мужскую половину, статья 82 УК РФ «Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей». Кроме того, практика правоприменения в России, как и в большинстве стран Европы и Северной Америки, состоит в том, что в случае развода материнские права в отношении общих детей имеют приоритет перед отцовскими.

По мнению этого автора, содержательная надуманность феминизма заключается еще и в том, что реально существующие факты полового неравенства в определенных областях общественной жизни отнюдь «не доказывают наличия дискриминации, поскольку являются прямым и непосредственным следствием биологических различий между мужчиной и женщиной», причем, не только на генетическом, анатомическом, но и на психофизиологическом уровне [7]. Будучи биологически предопределенными, поведенческие различия сохраняются на протяжении тысячелетней человеческой истории, подвергаясь лишь некоторым формальным модификациям в рамках конкретной культуры. Доказывая это положение, С. Строев ссылается на ряд примеров неудачных экспериментов по изживанию якобы гендерных стереотипов, ссылаясь на книгу А. Никонова «Конец феминизма». Тем самым, он приходит к выводу о том, что идеология феминизма антинаучна по своему характеру, а ее воплощение неизбежно «обретает открыто человеконенавистнические формы, вполне сопоставимые в этом отношении с практикой нацизма».

Проведенный теоретический обзор позволяет предположить, что феминизм имеет социально-экономические, политические и даже субъективистские корни, связанные с личностными особенностями упомянутых авторов. Так, рассмот-

ренные здесь взгляды Ульрики Майнхоф формировались не только под влиянием объективных социально-экономических диспропорций, но и в силу ее женской эмоциональной сущности, помноженной на несомненную харизму и революционность.

В то же время, признавая определенную степень надуманности и искусственности феминизма, тем самым, солидаризируясь с Б. Кагарлицким и С. Строевым, мы не можем объективности ради не затронуть некоторые тренды современности, которые могут работать на укрепление феминизма как идеологии и даже расширять его социальную базу. Речь идет о деградации форм реализации мужской сущности, что происходит под влиянием, главным образом, техногенной цивилизации, а также, тесно связанной с ней (фактически от нее производной) потребительской культуры. Подобные тренды были замечены и описаны в книге американских авторов Ф. Зимбардо и Н. Коломбе «Мужчина в отрыве: Игры, порно и потеря идентичности». Причем, авторами зафиксирована совсем не традиционная тенденция – усиливающееся превосходство слабого пола в

области карьеры, получения высшего образования, а также – ученых степеней [2].

К сожалению, подобная тенденция касается не только «гниющего» Запада, но она не обошла и российское общество. Данные опроса, проведенного среди студентов Кубанского аграрного университета относительно выявления динамики мужественности, показали, что почти три четверти парней (73 %) признают уменьшение в своих рядах количества реально мужественных личностей, только 4 % дали противоположный ответ, при 17 % неопределившихся. Среди девушек 87 % заявили об уменьшении числа «настоящих мужчин», никто не отметил увеличения, и около 10 % считают, что здесь ничего не меняется. Весьма красноречивы данные таблицы 1, где представлено распределение ответов по поводу взятия на себя женщинами мужских функций [8, с. 208–209]. Пусть и не так много выбрали ответ «очень часто», тем не менее, общая картина не позволяет сомневаться в том, что указанное обстоятельство – твердый социальный факт. Аналогичные явления отмечаются также на уровне публицистики [6]. Тем самым. «сильный пол», попросту говоря, перестает быть сильным.

Таблица 1

Приходится ли современным женщинам брать на себя мужские функции? [8, с. 209]

	Да, очень часто	Есть такие случаи	Не знаю таких случаев
Мужчины	19 %	75 %	4 %
женщины	16 %	83 %	–

Безусловно, данная проблема требует глубокого изучения, особенно на предмет того, насколько деформация мужских социальных ролей является «болезнью цивилизации», в какой степени затрагиваются биологические и психофизиологические пласты и пр. В рамках данной статьи мы можем лишь предположить, что феминизм может получать и наверняка получает подкрепление из этих, по сути дела, негативных факторов, ставящих под вопрос состоятельность мужской социальной сущности.

Отсюда, в отношении современной идеологии феминизма можно сделать следующее

Литература:

1. *Гринь М.В.* Тёрансформация идеологического пространства в условиях глобализации: проблемы и перспективы : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Краснодар, 2018. 52 с.
2. *Зимбардо Ф.* Мужчина в отрыве: Игры, порно и потеря идентичности. / Ф. Зимбардо, Н. Коломба. М. : Альпина Паблишер, 2017. 344 с.
3. *Кагарлицкий Б.Ю.* Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма. М. : Изд-во Высшей школы экономики, 2017. 284 с.
4. *Кагарлицкий Б.Ю.* Неoliberalизм и революция. СПб. : Полиграф, 2013. 256 с.

закключение. С одной стороны, она является продуктом неолиберального проекта, который стремится перенести тяжесть социальной проблематики на культурную сферу, акцентируя внимание на различных «правах меньшинств». А, с другой стороны, идеи феминизма могут вполне получать практическое подкрепление в силу расширяющейся смены гендерных ролей, происходящей не только (а возможно, и не столько) в силу возрастающей пассионарности женщин, как и в виду витального ослабления представителей «сильного пола».

Literature:

1. *Grin M.V.* Transformation of the ideological space in the context of globalization: problems and prospects : abstract of the dis. ... doctor of philosophy. Krasnodar, 2018. 52 p.
2. *Zimbardo F.* Man in isolation: Games, porn and loss of identity. / F. Zimbardo, N. Columba. M. : Alpina publisher, 2017. 344 p.
3. *Kagarlitsky B.Yu.* Between class and discourse. Left intellectuals on guard of capitalism. M. : Publishing house of the Higher school of Economics, 2017. 284 p.
4. *Kagarlitsky B.Yu.* Neoliberalism and revolution. SPb. : Polygraph, 2013. 256 p.

5. *Майнхоф У.* Ложное сознание. URL : https://scepsis.net/library/id_1590.html

6. *Пономарев Ф.* Мужество нас покидает? Ученый о том, как меняются типично мужские качества // «АиФ-ЮГ». 2020. № 9.

7. *Строев С.* Феминизм как социальное явление. URL : http://www.za-nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2011&Itemid=36

8. *Тамбиянц Ю.Г.* Любовь с точки зрения здравого смысла: Приземленный разговор об отношениях мужчины и женщины (старые и новые соображения). Краснодар : КубГАУ, 2019. 221 с.

9. *Шварцмантель Дж.* Идеология и политика. Харьков : Гуманитарный центр, 2009. 312 с.

5. *Meinhof U.* False consciousness. URL : https://scepsis.net/library/id_1590.html

6. *Ponomarev F.* Is our courage failing us? A scientist about how typical male qualities change // «AiF-SOUTH». 2020. № 9.

7. *Stroev S.* Feminism as a social phenomenon. URL : http://www.za-nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2011&Itemid=36

8. *Tambiyants Yu.G.* Love from the point of view of common sense: a Mundane conversation about the relationship between men and women (old and new considerations). Krasnodar : Kubgau, 2019. 221 p.

9. *Schwarzmantel J.* Ideology and politics. Kharkiv : Humanitarian center, 2009. 312 p.

Покатов Дмитрий Валериевич

доктор социологических наук,
доцент,
заведующий кафедрой истории,
теории и прикладной социологии,
Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского
dvpokatov@gmail.com

Dmitry V. Pokatov

Doctor of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Head of the History Department, Theory
and Applied Sociology,
Saratov National Research State University
named after N.G. Chernyshevsky
dvpokatov@gmail.com

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ «АУТСАЙДЕРСТВО»
КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ
ЯВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА ПОСТМОДЕРНА**

**POLITICAL «OUTSIDER»
AS A SOCIO-POLITICAL PHENOMENON
OF POSTMODERN SOCIETY**

Аннотация. Статья посвящена анализу сложного и достаточно противоречивого явления, каким выступает сегодня политическое «аутсайдерство». Автором выявляется сущность, социальные основы и базовые характеристики «аутсайдерства», составляющего важный сегмент современного политической элиты, анализируются ведущие факторы, детерминирующие изменения состава политических аутсайдеров в условиях перехода к стадии постмодерна в современном обществе.

Annotation. The article is devoted to the analysis of a complex and rather contradictory phenomenon, which is the current political «outsider». The essence, social foundations and basic characteristics of «outsider», which constitutes an important segment of the modern political elite, are revealed. The leading factors determining changes in the composition of political outsiders in the transition to the postmodern stage in modern society are analyzed.

Ключевые слова: элита, политическая элита, политическое «аутсайдерство», модерн, постмодерн, политик-технократ, хозяйственник, интеллигенция, рекрутирование.

Keywords: elite, political elite, political «outsider», modern, postmodern, politician-technocrat, business executive, intellectuals, recruiting.

Происходящие в современном российском обществе трансформационные процессы продолжают существенно изменять базовые характеристики и основы функциональной деятельности как институтов и субъектов общественного и политического процесса, так и действующих политических акторов. Не является здесь исключением и одна из ведущих страт современного общества – политическая элита. Хотя в своем идеальном-типическом состоянии данная группа и должна концентрировать, прежде всего, лиц, обладающих значительным потенциалом, объединяющим как перспективные личностные характеристики (организаторские способности, навыки творческого мышления и т.д.), так и статусно-функциональные характеристики (элитарное образование, профессионализм и опыт административно-политической деятельности), в реальности, её состав весьма далек от этого.

В этой связи можно говорить о таком своеобразном явлении современной общественно-политической жизни, как политическое «аутсайдерство». Одним из первых достаточно успешную попытку его научного анализа применительно к обществу модерна предпринял крупнейший американский социолог Ч.Р. Миллс. Поскольку, по его мнению, в США распространены два типа политических институтов, то и ведущими будут 2 типа политиков: партийные деятели и политики, выдвинувшиеся из чиновно-бюрократической среды. Особую когорту образуют политические «аутсайдеры», представляющие собой в интерпретации, Ч.Р. Миллса, политических деятелей, которые большую часть своей самостоятельной жизни провели вне чисто политических организаций, и которые – смотря по обстоятельствам – либо непреднамеренно вовлекаются в них, либо сами пробираются туда дорогу, либо, наконец, попадают в сферу политики случайно и на непродолжительное время [1, с. 312–313]. В целом, их профессиональный облик, характерные личностные черты и взгляды сформировались в условиях другой, не политической сферы, что, конечно, накладывает отпечаток на дальнейшую деятельность таких представителей элиты.

Как показывает опыт развития многих стран, наличие профессионального образования пока не стало типичным для представителей политической элиты. Это же можно отнести и к наличию политического опыта, который в большей степени, о чем пойдет речь ниже, воплощается в административной карьере, либо руководящей деятельности на предприятии, либо в организации.

Учитывая дававшиеся ранее в социологической литературе определения, можно говорить о том, что политический аутсайдер – представитель политической элиты, не всегда имеющий (или не имеющий) профессиональное образование, не обладающий вовсе, или, имеющий достаточно непродолжительный опыт работы в партийно-политических структурах, но в ряде случаев, обладающий значительным административным опытом, вовлекающийся в сферу политики непреднамеренно, либо случайно, в большинстве своем, на относительно непродолжительное время.

Появление данного сегмента в составе политической элиты не является случайным. На первый взгляд, самое простое объяснение видится в том, что, не обладая необходимым для политика образованием, либо опытом работы в партийных и политических институтах, данные деятели становятся важной прослойкой, используемой в своих, корпоративных, имиджевых и иных целях, истинными вершителями политических судеб. Это, в первую очередь, относится к таким представителям политического «аутсайдерства», как представители научной, педагогической, военной интеллигенции, спортивного сообщества, современной весьма разноплановой прослойки шоу-бизнеса.

Однако наряду с весьма очевидными обстоятельствами, нельзя забывать и о некоторых других важных факторах. Не обладая, на первый взгляд, всеми необходимыми для политика типичными чертами, в том числе, политическим (по мнению отечественного философа и социолога Б.Н. Чичерина), юридическим, разносторонним гуманитарным (как считал выдающийся русский социолог Н.И. Кареев), социологическим образованием, политическим опытом, политические аутсайдеры, вместе с тем, не лишены такого столь значительного показателя, как опыт административно-хозяйственной деятельности. Это было характерно как для западной, так и отечественной элиты разных периодов. Значительно данный сегмент был представлен в составе советской номенклатурной элиты. При этом советские номенклатурные работники вспоминали, что при назначении на должность обязательно учитывались не только происхождение, но и деловые качества [2].

В современной российской элите представлена целая прослойка политических деятелей, являющихся по своему происхождению т.н. «хозяйственниками» (руководителями как государственных промышленных и сельскохозяйственных предприятий, так и негосударственных акционерных, совместных и частных предприятий), а по образованию - «технократами». Доля хозяйственников составляет сегодня на федеральном уровне – 36,1 %. На региональном уровне численность его варьируется от 30 до 60 % и составляет, в частности, в Саратовской области – 42,6 %, в Самарской области – 44,7 %, а в Волгоградской области равняется 51,8 % [4]. К группе хозяйственников примыкает также технократическая по взглядам и образованию прослойка представителей корпоративных кругов, включающая когорты армейского истеблишмента, офицеров ФСБ, правоохранительных органов и руководителей ВПК. Её представительство в элите значительно

возросло, с 1 % в 1999 г. до 12 % в 2017–2018 гг. [3]. В целом, такое представительство хозяйственников-технократов весьма объяснимо. Как справедливо отмечает А.А. Кокوشин, многим современным публичным политикам нужен краткосрочный «пиар-эффект». Технократ же руководствуется, в большинстве случаев, более долгосрочной перспективой, внося в решаемую проблему необходимую системную логику [4, с. 119]. Его отличают не только системность, но и высокий профессионализм, хотя и, в ряде случаев, проявляется некоторый консерватизм и рутинность.

В последние годы в обществе постмодерна наблюдается некоторое снижение количества политиков-технократов. Это связано с рядом обстоятельств, среди которых многие исследователи справедливо называют деиндустриализацию экономики, сокращение занятых в промышленности, автономизацию экономических секторов, подчинение их особым рыночным законам, снижающим ценность специалистов-технократов и повышающих роль экономических знаний.

В этой связи, сегодня повышается значимость другого важного сегмента политического аутсайдерства, связанного с интеллектуальными прослойками, несущими креативность, что также объясняет причины их сохранения в составе современной отечественной элиты. Общая численность представителей интеллигенции в составе политической элиты составляет сегодня 26 %, в том числе, среди депутатов Государственной Думы – 27 % [3]. Именно они вбирают столь важный ресурс, как умение использовать заработанный различным способом престиж, преподнести себя обществу, что является особенно важным в обществе постмодерна, определяемом рядом авторов как особое его комплексное состояние, находящее наиболее яркое отражение в культуре, политике, экономике, науке и связанное с господством информационного производства, девальвацией ценностей. Сущность данного общественного типа заключается в возрастании значения высоких технологий, виртуализации экономики и политики, росте стохастической неопределенности [5, с. 103]. По сути, постмодерн вырабатывает собственную модель видения реальности, исходящую из допущения её хаотичности. Важными в нем в социально-политическом плане становятся процессы репрезентаций, в которых задействованы различные символические аспекты, телевизионные шоу и интернет-технологии.

В условиях общества постмодерна отличительной особенностью политической элиты становится отсутствие целостности аутсайдерского сегмента элиты, превращающегося в совокупность разрозненных групп. Одна из них - хозяйственники-технократы, все больше тяготеет к профессиональному сегменту элиты, становясь все более типичной её разновидностью, вторая – интеллектуальная, все более используется как своеобразный фон для придания элитной группе демократического профиля и создания иллюзии близости к управляемому большинству. Для этого все более используются ресурсы общества постмодерна, прежде всего, средства массовой

информации, позволяющие создавать необходимое имиджи, не ориентируясь на программы и долгосрочные планы. Сами представители аутсайдерских групп все больше стремятся следовать запросам таких групп, как различные прослойки «сервис-класса», ориентированных на броскость, моду, реализацию запросов общества потребления. Все это, без сомнения, снижает элитный потенциал. Не случайно известный социолог-публицист А.А. Зиновьев отмечал, что в современном обществе произошло измельчение основной массы индивидов. При этом отсутствие всесторонности развития во многом компенсируется упрощенными и стандартизированными сурrogатами массовой культуры и средств массовой информации [6, с. 575–578]. Во многом снижение уровня профессионализма А.А. Зиновьев связывал и с предшествующим этапом модерна,

Литература:

1. *Миллс Ч.Р.* Властвующая элита. М. : Изд-во иностр. литературы, 1959. 542 с.
2. *Лигачев Е.К.* Загадка Горбачева. Новосибирск : Сибирский центр СП «ИНТЕРБУК», 1992. 301 с.; *Коноплев Б.В.* Убеждений своих не меняю. Пермь : Звезда, 2002. 215 с.
3. Подсчитано автором на основании биографий, опубликованных в: Коммерсант-власть. 2016. № 44. С. 21–53; Интернет-энциклопедия «Кто есть кто в Саратовской области» о самых успешных и известных персонах региона. URL : <http://www.kto.delovoysaratov.ru> (дата обращения: 01.10.2020.); Известные люди юга России. URL : <http://www.vipstav.ru> (дата обращения 01.10.2020).
4. *Кокосин А.А.* Размышления о технократии и технократах. М. : ЛЕНАНД, 2008. 40 с.
5. *Гордеев И.* Трансформация власти и политики в эпоху постмодерна и глобализации // Обозреватель- Observer. 2007. № 12. С. 103–110.
6. *Зиновьев А.А.* На пути к сверхобществу. М. : Издательский Дом Нева, 2004.

отмечая, что тенденция к превращению системы власти в профессиональную была очень сильной, но все же профессионализация власти не была доведена до уровня, на котором произошел бы качественный скачок в этом отношении. В систему власти попадали многочисленные люди со стороны [6, с. 489]. В целом, подводя итог, можно сказать, что прослойка политических аутсайдеров, несмотря на имеющийся у них важный профессионально-личностный потенциал, пока так и не стала существенным вектором трансформации элиты в целом. Во многом это детерминировано как объективными показателями развития общества, так и закрепившимся эклектичным способом её формирования с характерным для него размытостью критериев отбора, их непубличным характером, нивелированием истинно меритократических критериев.

Literature:

1. *Mills Ch.R.* The ruling elite. M. : Publishing house of foreign. literature, 1959. 542 p.
2. *Ligachev E.K.* Gorbachev's riddle. Novosibirsk : Siberian Center SP «INTERBUK», 1992. 301 p.; *Konoplev B.V.* I don't change my beliefs. Perm : Zvezda, 2002. 215 p.
3. Calculated by the author on the basis of biographies published in: Kommersant-vlast. 2016. № 44. P. 21–53; Internet encyclopedia «Who's Who in the Saratov Region» about the most successful and famous people in the region. URL : <http://www.kto.delovoysaratov.ru> (date of access 01.10.2020.); Famous people of the south of Russia. URL : <http://www.vipstav.ru> (date accessed 01.10.2020).
4. *Kokoshin A.A.* Reflections on Technocracy and Technocrats. M. : LENAND, 2008. 40 p.
5. *Gordeev I.* Transformation of power and politics in the era of postmodernity and globalization // Observer-Observer. 2007. № 12. P. 103–110.
6. *Zinoviev A.A.* Towards a super-society. M. : Publishing House Neva, 2004.

Рябцев Сергей Викторович

кандидат философских наук,
доцент,
доцент кафедры
социологии и гуманитарных наук,
Государственный университет «Дубна»
matilda-9972@mail.ru

Кириллов Павел Евгеньевич

кандидат философских наук,
доцент,
доцент кафедры
социологии и гуманитарных наук,
Государственный университет «Дубна»
kirillov_pe@mail.ru

Кундрякова Наталья Андреевна

магистрант кафедры
социологии и гуманитарных наук,
Государственный университет «Дубна»
Ms.kundryakova@mail.ru

Sergey V. Ryabtsev

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Sociology and Humanities,
State University «Dubna»
matilda-9972@mail.ru

Pavel E. Kirillov

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Sociology and Humanities,
State University «Dubna»
kirillov_pe@mail.ru

Natalia A. Kundryakova

Master student of the Department
Sociology and Humanities,
State University «Dubna»
Ms.kundryakova@mail.ru

ИНТЕРНЕТ ВЕЩЕЙ В ПОЛЕ РИСКА

Аннотация. В статье описывается терминология и сущность Интернета вещей. Проводится поверхностный SWOT-анализ IoT, выделяются сильные и слабые стороны, достоинства и угрозы Интернета вещей. Среди достоинств концепции отмечаются комфорт, безопасность, помощь в принятии решений. Главной угрозой Интернета вещей является проблема безопасности данных. Для нивелирования слабых сторон IoT в сфере общественной жизни, следует регулярно проводить социогуманитарную экспертизу.

Ключевые слова: Интернет вещей, SWOT-анализ, безопасность данных, IoT.

Жизнь современного человека невозможно представить без телефона, компьютера, различных гаджетов и Интернета. Развитие технологий, связанных с интернетом, происходит экспоненциально, и одним из ключевых, на данный момент, направлений является Интернет вещей. Теперь машины и предметы могут стать полноправными членами общественной жизни, «актантами», если придерживаться акторно – сетевой теории Б. Латура [4, с. 236]. Но, помимо перспектив и возможностей со стороны Интернета вещей, есть риски и угрозы, которые необходимо проанализировать и иметь в виду. Технология IoT была создана, чтобы собирать информацию об окружающем мире и о человеке в частности, что порождает сразу ряд угроз, которые нельзя оставить без внимания со стороны социологической науки.

THE INTERNET OF THINGS AT RISK

Annotation. This article describes the terminology and essence of the Internet of Things. A superficial SWOT analysis of the IoT is carried out, highlighting the strengths, weaknesses, advantages and threats of the Internet of Things. Among the advantages of the concept are comfort, safety, and decision-making assistance. The main threat to the Internet of Things is data security. To level the weaknesses of the IoT in the field of public life, socio-humanitarian expertise should be carried out regularly.

Keywords: Internet of Things, SWOT Analysis, Data Security, IoT.

Определение Интернета вещей неоднозначно, так как имеет множество трактовок. Обыватели, не вникающие глубоко в суть вопроса, могут понимать под Интернетом вещей буквально все что угодно. Поэтому ключевым моментом при работе с тем или иным явлением, феноменом является его определение, понимание сути и четкая трактовка.

Различные вопросы и сомнения по поводу Интернета вещей возникают как у специалистов в данной области, так и у обычных пользователей, например, автор журнала Scientific American выпустил, которая буквально называется «Что такое «Интернет вещей»?» (Whatisthe «Internetof Things» [12]. В этой статье автор пытается разобраться в том, что такое IoT. Подобные вопросы возникают довольно часто, и проблема

заключается в том, что определения Интернета вещей, предложенные ведущими аналитиками данной отрасли, не дают необходимой ясности.

IDC – международная корпорация данных, определяет Интернет вещей как: два или более устройств, которые могут взаимодействовать между собой и включены в более широкую систему, и такое взаимодействие происходит без помощи человека [14]. Garther – исследовательская и консультативная компания технологических исследований, дает более интуитивно понятное определение и трактует Интернет вещей как некую сеть материальных объектов со встроенными технологиями, которые позволяют обмениваться информацией с внешней средой и другими объектами [6]. McKinsey & Company – международная компания, которая занимается внедрением новых технологий определяет Интернет вещей как специальные датчики и устройства, связанные между собой, встроенные в физические объекты и имеющие доступ к сети Интернет [15].

Подобные определения не делают Интернет вещей менее не понятным и, поэтому необходимо обратиться к первой трактовке. Сам термин «Интернет вещей» был введен в 1999 году Кэвином Эштоном и, как отмечает автор статьи «Что такое Интернет вещей» Л. Черняк, К. Эштон имел в виду паутину вещей, а не сеть вещей [9]. Немного позднее, в 2009 году, К. Эштон написал в RFIDJournal: «Если бы у нас были компьютеры, которые знали все то, что мы знаем о вещах, собирая данные о них без нашей помощи, то мы смогли бы более эффективно контролировать все окружающее. Нам нужно усилить компьютеры до такой степени, что смогли слышать и видеть мир во всем его разнообразии» [11]. Из данной цитаты становится понятно, что он говорил о, своего рода, информационной паутине из образов вещей, а не о сетях передачи данных. К. Эштон считал, что необходимо оснастить компьютеры устройствами сбора информации, чтобы «они могли видеть, слышать и обонять мир для себя, во всей его случайной славе» [11]. Получается, что первоначальная идея Интернета вещей заключалась в том, чтобы преодолеть ограниченность данных об окружающем мире за счет снятия человеческого фактора.

Как справедливо отмечает О.Ю. Никифоров в статье «Подходы к пониманию Интернета вещей» - современные компьютерные системы зависят от информации, введенной человеком, но человек не может фиксировать информацию в полной мере, так как имеет ограниченные на это ресурсы: внимание, время, точность [7]. Интернет вещей был создан для того, чтобы расширить возможности компьютерных систем, оснастив их собственными средствами сбора информации.

Изучив множество подходов к определению Интернета вещей, авторы статьи предлагают соединить различные трактовки и вывести среднее и технически-незамысловатое понятие: «Интернет вещей – это сеть, объединенных между собой физических объектов, имеющих доступ к сети Интернет, способных собирать, хранить и передавать информацию, а также, принимать решения без

непосредственного участия человека». Таким образом, Интернет вещей основан на работе с данными: их сбор, хранение, передача и анализ.

Сейчас технология Интернета вещей зачастую преподносится как нечто новое, но на самом деле вещи подключались к сети Интернет уже очень давно. Поскольку технологии стали гораздо дешевле и доступнее, мы имеем массовый характер феномена Интернета вещей, ведь сейчас возможно подключить к сети Интернет буквально все что угодно. Отчет American International Group утверждает, что в ближайшие годы не останется ни одной отрасли, на которую не повлияет Интернет вещей. Поскольку ожидания и требования общества по поводу этой технологии очень высоки, экспоненциально растут и темпы ее внедрения, что, в конечном счете, приведет к вытеснению отраслей, фирм и предприятий не использующих Интернет вещей из всех сфер общественной жизни [10, с. 4].

IoT постоянно рекламируется и все глубже проникает в повседневную жизнь человека. Свойственная людям дуальность делит общество на тех, кто относится к Интернету вещей с большим энтузиазмом и на тех, кто относится к нему с большими сомнениями. Чтобы увидеть более-менее целостную картину того, как Интернет вещей включает в социальный мир человека необходимым многоаспектный анализ этой технологии. Наиболее подходящим методом анализа является SWOT-анализ, который включает в себя разбор как сильных и слабых сторон Интернета вещей, так возможностей и угроз с ними связанных.

S – STRENGTHS – сильные стороны, достоинства концепции.

Использование Интернета вещей дарит человеку определенный комфорт, так как берет часть обязанностей на себя. Например, кофе машина наливает кофе по утрам сама, и когда вы встаете, все уже готово, или холодильник сам заказывает необходимые продукты. Все это возможно после сбора определенного количества данных о пользователе и последующего их анализа. Различные машины и приборы могут оказывать помощь в принятии различных решений, экономических или социальных, так как на основе собранной информации будет проводиться анализ, и решение, в результате, может быть более взвешенным и продуманным.

Немаловажным достоинством является безопасность в автомобильной и аэрокосмической промышленности, так как в большинстве аварий играет роль человеческий фактор. Соответственно, как только различные функции управления возьмут на себя технологии Интернета вещей, специалисты утверждают, что негативных последствий в этих сферах станет меньше [10, с. 10].

W – WEAKNESS – слабые стороны.

Недостатки Интернета вещей обуславливаются сложностью самой технологии. Для того, чтобы предметы стали «умными» и могли помогать человеку их нужно научить, что, в свою очередь,

требует огромных ресурсов, в т.ч., человеческих. К тому же, поскольку система сложная повышается риск сбоя или отказа какой-либо функции, ее части, это может повлечь за собой немало проблем для человека.

Специалисты отмечают еще одну немаловажную проблему – личного пространства [3, с. 55], поскольку Интернет вещей окружает нас повсюду, а по отчету Strategy Analytics, уже в конце 2018 года мире было примерно 22 млрд. Интернет вещей [8], то возникает вопрос личных границ. Постепенно они будут стерты окончательно, ведь, буквально, не останется такого места, где Интернет вещей не будет собирать данные о человеке, обществе и окружающем мире.

O – OPPORTUNITIES – возможности и перспективы.

Интернет вещей в идеализированном представлении может качественно улучшить жизнь общества.

Во-первых, в области здравоохранения появляются все больше устройств и датчиков, которые помогают людям. Различные приборы проводят постоянный мониторинг состояния здоровья владельца и в любой ситуации, когда происходит отклонение от нормы, это фиксируется и производятся действия, направленные на устранение проблем. Например, ученые университета Токио разработали специальную систему, основанную на искусственном интеллекте, которая помогает в лечении фобий и посттравматического стресса [5].

Во-вторых, различные «умные» гаджеты помогают нам постоянно отслеживать свою активность в течение дня, что также может положительно сказываться на здоровье человека.

В-третьих, с помощью Интернета вещей люди могут управлять инфраструктурой, которая их окружает. Обычные пользователи могут управлять девайсами и бытовыми приборами, которые не требуют специальных знаний и умений, а различные ученые и эксперты могут использовать профессиональную технику для улучшения жизни общества.

T – THREATS – угрозы.

Помимо того, что IoT является ценной технологией для удаленного и сетевого управления устройствами и источниками данных, он также содержит потенциальные проблемы безопасности и конфиденциальности, связанные с использованием подключенных к нему устройств. Тот факт,

Литература:

1. *Рябцев С.В.* Фриланс как способ преодоления отчуждения от труда / С.В. Рябцев, П.Е. Кириллов, А.Л. Кравченко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 7. С. 145–149.

что данные, связанные с устройствами IoT, отправляются через Интернет и хранятся в облаке, могут сделать их уязвимыми и предоставить хакерам доступ к этим устройствам. Безопасность и конфиденциальность устройств в системе Интернета вещей особенно важны, когда они используются с личными данными. Соответственно, встает очень важный вопрос безопасности данных, собираемых с помощью IoT. Компания Gemalto, которая занимается вопросами информационной безопасностью, утверждает, что практически любое подключенное к интернету устройство можно взломать [13].

Эксперты в области безопасности данных приводят множество примеров взлома масштабных и серьезных организаций, но различные последствия, в том числе, и социальные, касаются всего общества, в целом. Безопасность данных, которые ежесекундно собирает, перерабатывает, анализирует и хранит Интернет вещей – это самая главная проблема, которая может быть нивелирована контролем подобных технологий не только на юридическом уровне, но и на уровне социальном.

Со стороны Интернета вещей выделяется еще одна угроза, связанная с технологической безработицей. Наблюдается трансформация сферы труда, где часть человеческих ресурсов заменяется машинами. С другой стороны, появляется все больше возможностей для фриланса, но это, скорее, вынужденная мера, которая требует отдельного изучения [1; 2].

Таким образом, Интернет вещей – это глобальная инфраструктура, которая уже сейчас имеет огромное распространение. IoT требует всестороннего анализа, как с точки зрения технических наук, так и социогуманитарной экспертизы. На данный момент мы имеем остро стоящую проблему безопасности данных, которая нуждается в скорейшем и обязательном решении. IoT может стать привычной парадигмой, которая качественно улучшит повседневную жизнь, если будет полностью соответствовать требованиям безопасности и конфиденциальности. Необходимо и изучать слабые стороны технологии, чтобы развивать и адаптировать ее, постепенно убирая недостатки.

Возможности Интернета вещей практически безграничны при должных ресурсах с технической стороны, но появляются угрозы и ограничения со стороны социальной, поэтому изучение и мониторинг со стороны социогуманитарных наук должен быть систематизирован.

Literature:

1. *Ryabtsev S.V.* Freelance as a way to overcome alienation from labor / S.V. Ryabtsev, P.E. Kirillov, A.L. Kravchenko // Humanities, socio-economic and social sciences. 2019. № 7. P. 145–149.

2. *Рябцев С.В.* Трансформация трудовых практик в условиях постсовременности / С.В. Рябцев, П.Е. Кириллов, А.Л. Кравченко // Научное мнение. 2020. № 1–2. С. 33–37.
 3. *Юдина М.А.* Интернет вещей: проблемы социальной экспертизы // Коммуникология. 2017. Т. 5. № 2. С. 50–67.
 4. *Latour B.* Where are the missing masses? Sociology of a few mundane artifacts // WiebeBijker and John Law (eds.). Shaping Technology. Building Society. Studies in Sociotechnical Change. Cambridge. Mass. : MIT Press, 1992. P. 225–259.
 5. *Вятских Д.* Интернет вещей для медицины. 2017. URL : <https://iot.ru/meditsina/internet-veshchey-dlya-meditsiny>
 6. Интернет вещей, IoT, M2M мировой рынок. 2020. URL : [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Интернет_вещей,_IoT,_M2M_\(мировой_рынок\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Интернет_вещей,_IoT,_M2M_(мировой_рынок))
 7. *Никифоров О.Ю.* Концепция и технологии «интернета вещей» // Современные научные исследования и инновации. 2014. №11. URL : <http://web.snauka.ru/issues/2014/11/40928>
 8. Новости Интернета вещей. 2019. URL : <https://iot.ru/gadzhety/chislo-ustroystv-podklyuchennykh-k-internetu-vo-vsem-mire-dostiglo-22-mlrd-k-kontsu-2018-goda-strate>
 9. *Черняк Л.* Что такое интернет вещей?. (Internet_of_Things,_IoT). 2017. URL : [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Что_такое_интернет_вещей_\(Internet_of_Things,_IoT\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Что_такое_интернет_вещей_(Internet_of_Things,_IoT))
 10. American International Group. Интернет вещей: эволюция или революция? 2016. С. 22. URL : <https://www.aig.com/content/dam/aig/emea/russia/documents/business/iotbrochure.pdf>
 11. *Ashton K.* That «Internet of Things» Thing // RFID Journal. 2009. URL : <https://www.rfidjournal.com/articles/view?4986>
 12. *Escobar E.* What is the «Internet of Things?» // Scientific American. 2015. URL : <https://www.scientificamerican.com/article/what-is-the-internet-of-things/>
 13. Gemalto. Интернет вещей (IoT) – вызовы новой реальности. 2016. URL : <https://habr.com/ru/company/gemaltorusia/blog/281619/>
 14. IDC. Индустриальный Интернет вещей перспективы российского рынка. 2016. URL : https://www.company.rt.ru/projects/IIoT/study_IDC.pdf
 15. *Manyika J.* Unlocking the potential of the Internet of Things / J. Manyika and [oth.]. 2015. URL : <https://www.mckinsey.com/business-functions/mckinsey-digital/our-insights/the-internet-of-things-the-value-of-digitizing-the-physical-world>
2. *Ryabtsev S.V.* Transformation of labor practices in post-modern conditions / S.V. Ryabtsev, P.Ye. Kirillov, A. L. Kravchenko // Nauchnoyemniye. 2020. № 1–2. P. 33–37.
 3. *Yudina M.A.* Internet of things: problems of social expertise // Communicology. 2017. Vol. 5. № 2. P. 50–67.
 4. *Latour B.* Where are the missing masses? Sociology of a few mundane artifacts // WiebeBijker and John Law (eds.). Shaping Technology. Building Society. Studies in Sociotechnical Change. Cambridge. Mass. : MIT Press, 1992. P. 225–259.
 5. *Vyatskikh D.* Internet of Things for Medicine. 2017. URL : <https://iot.ru/meditsina/internet-veshchey-dlya-meditsiny>
 6. Internet of Things, IoT, M2M world market. 2020. URL : [https://www.tadviser.ru/index.php/Article:Internet_things,_IoT,_M2M_\(world_market\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Article:Internet_things,_IoT,_M2M_(world_market))
 7. *Nikiforov O.Yu.* Concept and technologies of the «Internet of things» // Modern research and innovation. 2014. № 11. URL : <http://web.snauka.ru/issues/2014/11/40928>
 8. News of the Internet of Things. 2019. URL : <https://iot.ru/gadzhety/chislo-ustroystv-podklyuchennykh-k-internetu-vo-vsem-mire-dostiglo-22-mlrd-k-kontsu-2018-goda-strate>
 9. *Chernyak L.* What is the Internet of Things?. (Internet_of_Things,_IoT). 2017. URL : [https://www.tadviser.ru/index.php/Article:What_is_internet_of_things_\(Internet_of_Things,_IoT\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Article:What_is_internet_of_things_(Internet_of_Things,_IoT))
 10. American International Group. Internet of Things: Evolution or Revolution? 2016. P. 22. URL : <https://www.aig.com/content/dam/aig/emea/russia/documents/business/iotbrochure.pdf>
 11. *Ashton K.* That «Internet of Things» Thing // RFID Journal. 2009. URL : <https://www.rfidjournal.com/articles/view?4986>
 12. *Escobar E.* What is the «Internet of Things?» // Scientific American. 2015. URL : <https://www.scientificamerican.com/article/what-is-the-internet-of-things/>
 13. Gemalto. Internet of Things (IoT) – challenges of a new reality. 2016. URL : <https://habr.com/ru/company/gemaltorusia/blog/281619/>
 14. IDC. Industrial Internet of Things prospects of the Russian market. 2016. URL : https://www.company.rt.ru/projects/IIoT/study_IDC.pdf
 15. Unlocking the potential of the Internet of Things. 2015. URL : <https://www.mckinsey.com/business-functions/mckinsey-digital/our-insights/the-internet-of-things-the-value-of-digitizing-the-physical-world>

Тянь Сяоюй

аспирант 2 курса,
социологический факультет,
специальность «экономическая
социология и демография»,
Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова
alla_liberi@mail.ru

ПРИЧИНЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ КОНФЛИКТОВ ВНУТРИ ВЫСШЕГО РУКОВОДСТВА

Аннотация. В деятельности любого предприятия особую роль играет высшее руководство. Оно является самым ценным человеческим ресурсом компании, и успех его работы определяет успех результатов деятельности предприятия в целом. Проблема исследования – необходимость повышения эффективности деятельности высшего руководства предприятия. Конфликты, возникающие среди высшего руководства, способны оказать негативное влияние на его работу. Используя междисциплинарный подход, основанный на применении социологических и статистических методов, в статье выявлены причины возникновения конфликтов в группе высшего менеджмента на примере компании Хуавэй (КНР) и сформулированы эффективные пути решения. В результате исследования сделан вывод о том, что главной причиной конфликтов между топ-менеджерами выступает низкая эффективность коммуникации, отсутствие доверия и сплоченности. Поэтому создание эффективной системы коммуникации, повышение уровня доверия между топ-менеджерами и их сплоченности будет способствовать сокращению негативного эффекта конфликта и росту его положительного влияния на процесс принятия решений.

Ключевые слова: организационный конфликт, социально-профессиональная группа, высшее руководство, команда топ-менеджеров, причины возникновения конфликтов, управление конфликтами, Китай, Хуавэй.

Введение.

Возникновение конфликта в компании является неизбежным явлением. Согласно статистическим данным, уровень конфликтности деловой среды в России в 2019 г. возрос на 46 % [6]. Наиболее значимую роль в деятельности предприятия играют конфликты, возникающие в социально-профессиональной группе топ-менеджеров. В практике известны случаи, когда конфликты внутри группы высшего руководства компании приводят к снижению эффективности ее деятельности, а иногда и вовсе к закрытию предприятия. В связи с этим, изучение причин этих

Tian Xiaoyu

Postgraduate student of 2 courses,
Faculty of Sociology,
Specialty «Economic
Sociology and Demography»,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
alla_liberi@mail.ru

THE REASONS AND WAYS OF SOLVING ORGANIZATIONAL CONFLICTS WITHIN TOP MANAGEMENT

Annotation. Top management plays a special role in the activities of any enterprise. It is the most valuable human resource of the company and the success of its work determines the success of the results of the enterprise as a whole. The research problem is the need to improve the efficiency of the company's top management. Conflicts among senior management can have a negative impact on their work. Using an interdisciplinary approach based on the use of sociological and statistical methods, the article identifies the causes of conflicts in the senior management group using the example of Huawei (China) and formulates effective solutions. The study concluded that the main reason for conflicts between top managers is low communication efficiency, lack of trust and cohesion. Therefore, the creation of an effective communication system, increasing the level of trust between top managers and their cohesion will help reduce the negative effect of the conflict and increase its positive impact on the decision-making process.

Keywords: organizational conflict, social and professional group, top management, top management team, causes of conflicts, conflict management, China, Huawei.

конфликтов, их разновидностей, а также формулирование путей их решения является актуальным. Проблемой исследования явилась необходимость повышения эффективности деятельности высшего руководства предприятия.

С целью изучения природы организационных конфликтов внутри высшего руководства и определения путей решения организационных конфликтов, в статье были поставлены задачи исследования, включающие анализ научной литературы и выявление причин организационных конфликтов в социально-профессиональной группе высшего

руководства предприятия, эмпирический анализ причин конфликтов между топ-менеджерами в китайских компаниях, формулирование путей решения конфликтов.

Обзор литературы.

Конфликты среди группы высшего руководства часто возникают в процессе принятия стратегических решений. Все конфликты в социально-профессиональной группе топ-менеджеров принято делить на конфликты задач и конфликты отношений. Конфликт задач – конфликт, вызванный разными взглядами руководителей на решение задачи. Он обусловлен различиями в восприятии рабочего процесса участниками конфликта [9, с. 86]. Исследователи полагают, что конфликт задач может повысить эффективность принятия решений [1, с. 34], находить решения сложных нетрадиционных задач, раскрывая преимущества совместной работы [3, с. 289]. Конфликт отношений фокусируется на внутренних отношениях и проявляется в негативных эмоциях из-за различий на личностном уровне – в ценностях, личных установках, предпочтениях [5, с. 24]. Конфликт в отношениях между топ-менеджерами оказывает отрицательное влияние на качество решения и его эмоциональное принятие [2, с. 134]. Умеренный конфликт способствует коллективному обучению, развитию инновационного мышления руководителей, поэтому он необходим для поиска нетрадиционных решений.

По мнению исследователей [7, с. 52], [8, с. 26], причиной возникновения конфликтов среди группы высшего управления компании является неоднородность, проявляющаяся в различиях в возрасте, образовании и системы ценностей участников. Последовательные ценности заставляют членов команды топ-менеджеров с большей вероятностью соглашаться с целями и мнениями друг друга и использовать аналогичные методы для интерпретации информации, тем самым уменьшая конфликты задач; согласованные ценности позволяют участникам взаимодействовать друг с другом, что приводит к усилению чувства

идентичности, что снижает конфликты в отношениях. Исследователи [3, с. 290], [4, с. 143] отмечают, что к причинам конфликтов также относятся пол и неоднородность профессионального опыта.

Анализ литературы позволяет сформировать вывод о том, что между неоднородностью группы высшего руководства и эффективностью его работы существует взаимосвязь. Группы топ-менеджеров с высокой неоднородностью более склонны к возникновению разных видов конфликтов. Неоднородность оказывает опосредованное влияние на эффективность организации через процесс конфликтного взаимодействия внутри социально-профессиональной группы. Когда задачи команды сложны и нетрадиционны, межличностные отношения между членами группы топ-менеджмента с высоким уровнем сплоченности более гармоничны, это в свою очередь приводит к достижению глубокого уровня доверия и консенсуса в принятии решений корпоративных задач.

Методы и методология исследования.

Для исследования состояния конфликтов в группе топ-менеджеров компании была использована Шкала внутригрупповых конфликтов (Intragroup Conflict Scale), разработанная Дженом [10, с. 261]. В ее основе лежат теоретические положения, согласно которым все конфликты делятся на конфликты задач и конфликты отношений. Для оценки каждого конфликта используются девять показателей, измеряемых по пятибалльной шкале оценки Лайкерта, в которой 1 балл соответствует совершенному несогласию респондента, а 5 баллов – полному согласию. Шкала характеризуется высоким коэффициентом внутренней согласованности ($\alpha = 0,88$). Кроме этого, конфликт отношений и конфликт задач между собой также в высокой степени согласованы, коэффициенты согласованности равны 0,92 и 0,87, соответственно [10, с. 268]. Эта шкала широко используется в исследованиях для измерения конфликтности и включает следующие показатели (табл. 1).

Таблица 1

Шкала внутригрупповых конфликтов для оценки уровня конфликтности в социально-профессиональной группе топ-менеджеров

Переменная	Характеристика
rc1	Насколько сильно трение между членами вашего рабочего подразделения?
rc2	Насколько очевидны личностные конфликты на вашем рабочем месте?
rc3	Насколько напряжены члены вашего рабочего подразделения?
rc4	Насколько сильны эмоциональные конфликты между сотрудниками вашего подразделения?
tc5	Как часто сотрудники в вашем рабочем подразделении расходятся во мнениях относительно выполняемой работы?
tc6	Как часто в вашем рабочем подразделении возникают конфликты по поводу идей?
tc7	Насколько сильно противоречит ваша работа в вашем рабочем подразделении?
tc8	Насколько разнятся мнения в вашем подразделении?

Источник: [10, с. 268].

Всего было опрошено 69 сотрудников в Китае. В выборку вошли руководители ключевых подразделений компании, включая финансовый, бытовой, маркетинговый отделы. Опрос был проведен

на месте. Средний возраст участников выборки составил 42,3 года, от 30 до 56 лет. Гендерное распределение было достаточно равномерным (48,7 % мужчин; 51,3 % женщин). Средний стаж

работы на руководящей должности участников опроса составил 5,8 лет. Участники опроса были проинформированы, что все данные останутся анонимными и будут использованы только в исследовательских целях.

Все аналитические расчеты и графики были выполнены с помощью программного средства MS Office Excel.

Результаты исследования.

В результате оценки конфликтности в социально-профессиональной группе топ-менеджеров компании Хуавэй, были получены значения по каждому из показателей шкалы внутригрупповых конфликтов и рассчитано среднее арифметическое по каждому из них. Были получены следующие средние оценки (рис. 1).

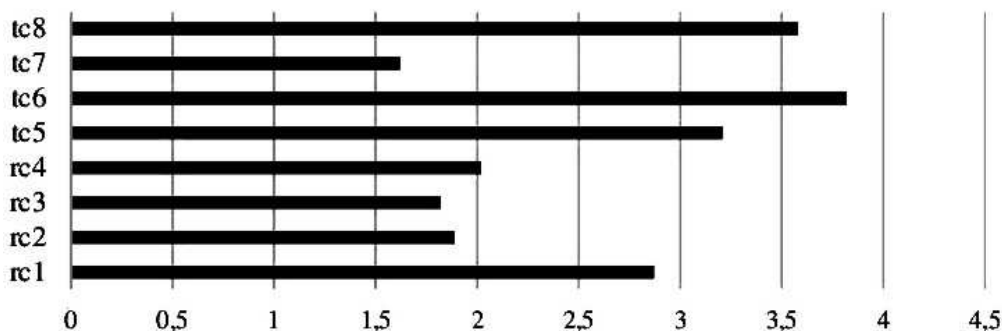

Рисунок 1 – Средние оценки показателей конфликтности в группе высшего руководства компании Хуавэй, балл, 2020 г.

Наибольший средний балл был рассчитан для показателя возникновения конфликтов по поводу идей. Это означает, что в ходе поиска решений проблем конфликты идей в компании Хуавэй случаются достаточно часто. Респонденты отмечают, что степень различий мнений руководителей имеет средний уровень (средний балл 3,58). Общее интегральное значение конфликтности среды, рассчитанное по средним баллам показателей конфликтности, составило 0,52 п.п. Тем самым, конфликтность в группе топ-менеджеров компании Хуавэй можно оценить как среднюю.

В ходе опроса было выявлено, что 41,2 % респондентов полагают, что в большинстве случаев причиной конфликта среди топ-менеджеров компании выступают сбои в коммуникации между участниками конфликта. По мнению 35,2 % главной причиной конфликтов выступает недоверие между высшими руководителями 21,1 % отметил, что причиной конфликтов внутри социально-профессиональной группы руководства выступает низкая сплоченность команды топ-менеджеров (рис. 2).

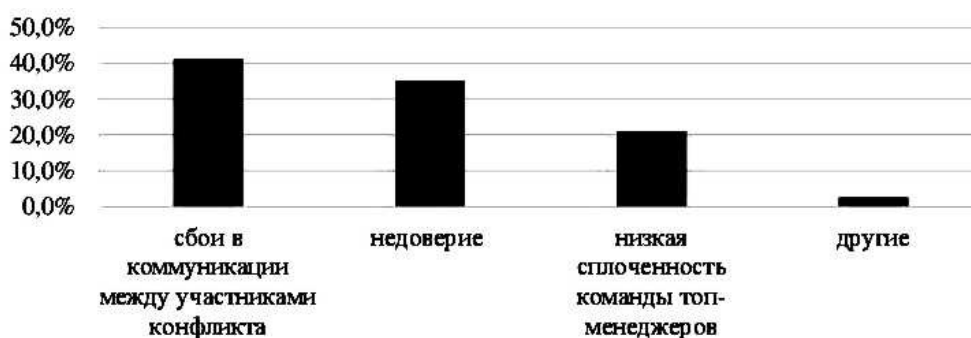

Рисунок 2 – Причины конфликтов в группе топ-менеджеров Хуавэй, %, 2020 г.

Следовательно, в ходе исследования были получены следующие основные результаты:

- в компании Хуавэй часты конфликты задач среди руководства, обусловленные различиями мнений по поводу направлений решения возникающих рабочих вопросов и проблем;

- главной причиной конфликтов между топ-менеджерами выступают сбои в коммуникации, недоверие и низкая сплоченность между участниками конфликта.

Обсуждение результатов исследования.

Разрешая конфликт необходимо направить усилия на его предотвращение и способствовать тому, чтобы подобный конфликт в дальнейшем не повторился. Поэтому методы разрешения конфликтов, в совокупности формирующие стратегию управления конфликтами, должны учитывать причины их возникновения. Конфликт – это противоречивое явление. Возникая в группе топ-менеджеров, он может привести к значительному ущербу предприятию, но также к конструктивному решению проблемы. Эффективное управление

конфликтами очень важно для результативной деятельности предприятия, поэтому создание полной и эффективной системы управления конфликтами на предприятии является важной задачей. На основе полученных результатов исследования были разработаны основные направления управления конфликтами между топ-менеджерами в компании Хуавэй.

Во-первых, создание эффективной системы коммуникации. Когда топ-менеджеры могут своевременно и беспрепятственно обмениваться разными точками зрения и предложениями, конфликт будет эффективным. Поэтому необходимо содействовать возникновению мягких конфликтов посредством разумной коммуникации и способствовать совершенствованию процесса принятия решений руководством предприятия. Обмен мнениями в неформальной обстановке будет способствовать увеличению частоты общения и расширению сферы общения до частной, повышению идентичности членов команды топ-менеджмента и эффективности принятия решений.

Во-вторых, необходимо повысить уровень доверия между топ-менеджерами. Стабильная и эффективная команда руководителей – это залог успеха предприятия. Поддержание стабильности и эффективности высшего руководства – важный управленческий вопрос для компании. В процессе принятия стратегических решений высшим руководством повышение доверия между членами высшего руководства является эффективным способом повышения стабильности и производительности команды топ-менеджеров. Доверие способствует более свободному выражению мнений среди членов команды, обмену их уникальными точками зрения и проведению углубленных обсуждений, поскольку окончательное мнение команды является результатом того, что все члены команды разделяют взгляды друг друга. С другой стороны, доверие может способствовать формированию благоприятных моделей конфликтов внутри коллектива, дополнительно сдерживать конфликты в отношениях и улучшать

Литература:

1. Ван Минь. Исследование влияния конфликта на командную производительность // Журнал Гуансийского университета науки и технологий. 2019. № 8. С. 34–37.
2. Гу Мэн. Конфликты топ-менеджеров и скорость стратегических изменений: различный эффект стиля руководства генерального директора / Гу Мэн, И Яцюнь, Ван Дунхань // Soft Science. 2020. № 34. С. 133–139.
3. Ли Хунсинь. Анализ управления внутренними конфликтами на китайских предприятиях // Налогообложение. 2018. № 12. С. 289–290.
4. Лю Жун. История устойчивого развития компании Huawei // Ежемесячный обзор финансов и бухгалтерского учета. 2019. № 17. С. 143–149.
5. Ма Пэн. Исследование предотвращения конфликтов в отношениях в организациях // Журнал

корпоративную деятельность. Доверие внутри команды может создать хорошую атмосферу сотрудничества для команды и способствовать формированию активных и совместных интерактивных отношений между членами команды топ-менеджеров.

И, наконец, необходимо повышение сплоченности высших руководителей, что будет способствовать более эффективному управлению конфликтами среди них. Межличностные отношения между членами группы топ-менеджеров с высоким уровнем сплоченности более гармоничны. Они могут откровенно высказывать свое собственное уникальное мнение, что помогает стимулировать конфликт задач в команде и подавлять конфликт в отношениях. Непосредственными результатами высокой сплоченности организации являются достижение целей организации, улучшение чувства выполненного долга, а также увеличение количества и качества общения между членами организации, в то время как низкая сплоченность увеличивает сложность достижения цели, вероятность роспуска команды топ-менеджеров.

Заключение.

Конфликты в социально-профессиональной группе высшего руководства играют важную роль в деятельности предприятия. Управление конфликтами сводится к их выявлению, поиску и максимизации положительных эффектов противоречий между топ-менеджерами. Конфликты способствуют стимулированию инновационной активности, поиску конструктивных решений нетрадиционных задач. Для того, чтобы обеспечить эффективность конфликтов в группе топ-менеджеров необходимо создать эффективную систему коммуникации, повысить уровень доверия между топ-менеджерами и способствовать улучшению их сплоченности. Это позволит снизить разрушающее действие конфликта и увеличить его положительный эффект для предприятия.

Literature:

1. Wang Min. Investigating the Impact of Conflict on Team Performance // Journal of the Guangxi University of Science and Technology. 2019. № 8. P. 34–37.
2. Gu Meng. Conflicts of top managers and the speed of strategic changes: different effects of the CEO's leadership style / Gu Meng, Yi Yajun, Wang Donghan // Soft Science. 2020. № 34. P. 133–139.
3. Li Hongxin. Analysis of the management of internal conflicts at Chinese enterprises // Taxation. 2018. № 12. P. 289–290.
4. Liu Rong. Huawei's Sustainability History // Finance and Accounting Monthly. 2019. № 17. P. 143–149.
5. Ma Peng. Study of Conflict Prevention in Relationships in Organizations // Journal of Tianjin

Тяньцзиньского финансово-экономического университета. 2019. № 3. С. 24–25.

6. *Харсеев О.* Аналитики оценили конфликтность бизнеса в Черноземье // Коммерсантъ. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/4373628> (дата обращения 08.09.2020).

7. *Чжоу Цзе.* Исследование влияния неоднородности управленческих команд на эффективность предприятия // Журнал Юго-западного университета. 2019. № 1. С. 52–53.

8. *Чэнь Цзыян.* Исследование управления конфликтами интеллектуальных работников в производственной компании А : дис. ... на соиск. степени магистра социол. наук. Далянь, Даляньский технологический университет, 2019.

9. *De Dreu C.K.* When too little or too much hurts: Evidence for a curvilinear relationship between task conflict and innovation in teams / C.K. De Dreu, W. Van // Journal of Management. 2016. № 32. P. 83–107.

10. *Jehn K.A.* A multimethod examination of the benefits and detriments of intragroup conflict // Administrative Science Quarterly. 2015. № 40. P. 256–282.

University of Finance and Economics. 2019. № 3. P. 24–25.

6. *Kharseev O.* Analysts have estimated the conflict of business in the Chernozem region // Kommersant. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/4373628> (date of access 09/08/2020).

7. *Zhou Ze.* Investigation of the influence of the heterogeneity of management teams on the efficiency of the enterprise // Journal of the Southwestern University. 2019. № 1. P. 52–53.

8. *Chen Ziyang.* A Study of Conflict Management of Intellectual Workers in Manufacturing Company A : dis. ... for a master's degree in sociological sciences. Dalian, Dalian University of Technology, 2019.

9. *De Dreu C.K.* When too little or too much hurts: Evidence for a curvilinear relationship between task conflict and innovation in teams / C.K. De Dreu, W. Van // Journal of Management. 2016. № 32. P. 83–107.

10. *Jehn K.A.* A multimethod examination of the benefits and detriments of intragroup conflict // Administrative Science Quarterly. 2015. № 40. P. 256–282.

Узун В. В.

доктор политических наук,
доцент,
директор,
Крымский филиал
Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН
vladimir.uzunov@mail.ru

Vladimir V. Uzunov

Doctor of Political Science,
Associate Professor,
Head,
Crimean branch
of Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
vladimir.uzunov@mail.ru

Чигрин В. А.

доктор социологических наук,
профессор,
научный руководитель,
Крымский филиал
Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН
sociochigrin@mail.ru

Victor A. Chigrin

Doctor of Sociological Science,
Professor,
Research Supervisor,
Crimean branch
of Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
sociochigrin@mail.ru

Захарова В. А.

кандидат философских наук,
старший научный сотрудник,
Крымский филиал Федерального
научно-исследовательского
социологического центра РАН
zakharova7vera@mail.ru

Vera A. Zakharova

Candidate of Philosophical Sciences,
Senior Researcher,
Crimean branch
of Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
zakharova7vera@mail.ru

**СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
В КОНТЕКСТЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО
РАЗВИТИЯ РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ВТОРОГО КРЫМСКОГО
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ФОРУМА)**

**SOCIAL TRANSFORMATIONS
IN THE CONTEXT OF SPATIAL
DEVELOPMENT OF RUSSIA
(ON THE MATERIALS OF THE SECOND
CRIMEAN SOCIOLOGICAL FORUM)**

■ ■ ■
Аннотация. В статье приведены основные содержательные характеристики научного мероприятия, прошедшего 28–29 сентября в Республике Крым – Второго Крымского социологического форума на тему «Социальные трансформации в контексте пространственного развития России». Авторами освещены главные тематические направления работы, а также, результаты обсуждения актуальных проблем пространственного развития страны и регионов ведущими представителями российской социологии – участниками и гостями форума.

■ ■ ■
Annotation. The article provides the main substantive characteristics of the scientific event that took place on September 28–29 in the Republic of Crimea – the Second Crimean Sociological Forum «Social transformations in the context of the spatial development of Russia». The main thematic areas of the forum's work are highlighted, as well as the results of the discussion of topical problems of the spatial development of the country and regions by leading representatives of Russian sociology – participants and guests of the forum.

■ ■ ■
Ключевые слова: пространственное развитие, Республика Крым, социальные трансформации, ФНИСЦ РАН, форум.

■ ■ ■
Keywords: spatial development, Republic of Crimea, social transformations, FCTAS RAS, forum.

■ ■ ■
28–29 сентября 2020 года в Республике Крым прошел Второй Крымский социологический форум «Социальные трансформации в контексте пространственного развития России».

■ ■ ■
Организаторами Форума выступили Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН [1], Правительство Республики Крым, Крымский федеральный университет имени

В.И. Вернадского, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета, Крымский филиал ФНИСЦ РАН, Южнороссийский филиал ФНИСЦ РАН, АНО ПОО Университет Экономики и Управления. Мероприятие прошло в режиме онлайн.

Форум, проводившийся на базе Крымского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, был направлен на объединение усилий исследователей различных направлений и ведущих социологических школ для обсуждения и решения ряда актуальных проблем российского общества. Основной темой стала проблема социальных трансформаций в контексте пространственного развития России, а также анализ перспектив развития региональных структур ФНИСЦ РАН.

С приветственным словом к участникам и гостям Форума обратился директор ФНИСЦ РАН, академик РАН М.К. Горшков. Напомнив присутствующим о моментах и датах, ознаменовавших начало сотрудничества ФНИСЦ РАН с Крымом и непосредственно связанных с появлением Крымского филиала ФНИСЦ РАН, Михаил Константинович подчеркнул важность сотрудничества представителей власти и научного сообщества в деле разработки программ пространственного развития регионов, а также отметил актуальность темы Второго Крымского социологического форума, в особенности, для оптимизации усилий в деле преодоления регионального неравенства.

В адрес Форума был передан ряд приветствий:

С.В. Аксёнов, Глава Республики Крым отметил ценность проведения подобных мероприятий, способствующих консолидации потенциала ведущих научных социологических центров России вокруг проблем регионального развития и преодолению «перекосов», доставшихся Крыму в наследство от украинского периода его истории. Глава Крыма также подчеркнул насущную важность получения оперативных социологических данных для принятия эффективных управленческих решений.

М.С. Афанасьев, министр внутренней политики, информации и связи Республики Крым, обращаясь к участникам и организаторам, отметил, что Форум – принципиально новый формат взаимодействия представителей научного сообщества и власти, в котором очень нуждается крымская общественность и специалисты, а также пожелал успеха в проведении мероприятия такого уровня.

Г.А. Иоффе, председатель Общественной палаты Республики Крым, в своем приветственном слове выразил надежду на то, что традиция проведения Крымских социологических форумов станет нерушимым мостом, скрепляющим и консолидирующим отечественное социологическое научное сообщество.

М.А. Боровская, доктор экономических наук, профессор, Президент Южного Федерального университета приветствовала участников от имени Совета ректоров вузов Южного федерального

округа, акцентировав внимание на важности обсуждения вопросов регионального развития, в том числе, связанных с научной и образовательной сферами, в особенности, в аспекте проблем максимальной эффективности в реализации национальных проектов.

А.В. Сериков, кандидат социологических наук, доцент, руководитель направления по взаимодействию с партнерами АНО «Россия – страна возможностей» в обращении к участникам Форума сказал о важности грамотного научного сопровождения работы по повышению региональной привлекательности и региональному развитию, о роли качественной экспертной аналитики в эффективном управлении регионом.

Н.Г. Скворцов, доктор социологических наук., профессор, декан социологического факультета СПбГУ, рассказал о достижениях в деле сотрудничества между Крымом и Санкт-Петербургом в научном и образовательном направлениях.

А.М. Кумыков, доктор философских наук, проректор Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета, передал приветствие от социологов региона и пожелал успешной и плодотворной работы Форуму.

На пленарном заседании с докладами выступили:

М.К. Горшков, академик Российской академии наук, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН выступил с докладом о пространственном развитии России в контексте изучения и решения проблем малых городов и представил результаты исследования в этом направлении [2], отметив, что в основе их заложен социо-пространственный подход.

В.В. Узунов, доктор политических наук, директор Крымского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, осветил в своем выступлении региональную специфику Крыма как одной из наиболее компонентно-насыщенных территорий России, а также, коснулся темы факторов социальной консолидации в процессе интеграции крымского социума в социальное пространство России.

Ю.Г. Волков, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, директор Южнороссийского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, в своем докладе обратился к теме института лидерства в региональном пространстве России. Юрий Григорьевич отметил важность осмысления института лидерства как совокупности организационных, социально-мобильных, социально-профессиональных и социально-проективных ресурсов, направленных на закрепление тенденции развития регионального пространства.

Р.Д. Хунагов, доктор социологических наук, профессор, директор Научно-исследовательского

института комплексных проблем Адыгейского государственного университета, представил доклад о необходимости и возможностях совершенствования административно-территориального устройства на Юге России в контексте проблем обеспечения региональной целостности.

В.А. Чигрин, Заслуженный работник образования Республики Крым, доктор социологических наук, профессор, научный руководитель Крымского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, посвятил свой доклад теме социально-психологических последствий пандемии в контексте проблем нарушения системы социальных связей и социального контроля, в особенности в отношении молодежи.

В.И. Мукомель, доктор социологических наук, руководитель сектора изучения миграционных и интеграционных процессов ФНИСЦ РАН, представил доклад, посвященный теме характеристик трудовой миграции в России период кризиса, связанного с распространением коронавирусной инфекции.

Также на пленарном заседании прозвучали доклады А.В. Бедрика, Н.А. Вялых, Д.Н. Мищенко и В.А. Захаровой.

Тематика пространственного развития регионов была расширена в рамках секционных заседаний по четырем основным направлениям:

1. Тема роли и места социокультурных факторов в пространственном развитии России была затронута в докладах, представленных М.Ю. Поповым (Краснодар), С.И. Самыгиным (Ростов-на-Дону),

Литература:

1. Второй Крымский социологический форум «Социальные трансформации в контексте пространственного развития России». URL : https://www.isras.ru/institute_news.html?id=8900

2. Малые города в социальном пространстве России : монография / А.Ю. Ардалянова, П.В. Бизюков, Р.Г. Браславский и [др.]; Отв. ред. В.В. Маркин, М.Ф. Черныш; Предисл. акад. М.К. Горшков. М. : ФНИСЦ РАН, 2019. 545 с. URL : https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7751

С.В. Гузениной (Тамбов), З.А. Жаде (Майкоп), Е.Г. Городецкой (Симферополь) и др.

2. Демографическая ситуация и ее влияние на развитие регионов России стала предметом научного интереса в докладах А.В. Верещагиной (Ростов-на-Дону), И.В. Журавлевой, Н.В. Лакомовой (Москва), Н.В. Проказиной (Барнаул), Т.А. Гужавиной (Вологда), А.В. Пронозы (Рязань).

3. Молодежь регионов России: социальный портрет и жизненные планы. В данной секции особое внимание привлекли актуальные выступления Н.В. Чигриной (Симферополь), Е.Ю. Колесниковой (Ростов-на-Дону), Л.И. Щербаковой (Новочеркасск), Д.В. Руденкина (Екатеринбург), В.О. Вагиной (Ростов-на-Дону), А.Ю. Шадже (Майкоп).

4. Этноконфессиональный аспект территориально-пространственного развития России рассмотрели в своих работах А.В. Баранов (Краснодар), О.А. Грива (Симферополь), И.П. Рязанцев (Москва), М.М. Шахбанова (Махачкала), Г.Ф. Габдрахманова (Казань).

Также, в рамках Форума были проведены два круглых стола: «Социология в регионах России – проблемы и перспективы» (В.А. Мансуров, Е.Н. Икинрин, Г.И. Макарова, С.В. Устинкин) и «Институты и субъекты муниципальной публичной политики» (Л.Г. Никовская, В.Н. Якимец, В.А. Чигрин, В.В. Узунов, К.В. Воденко, А.В. Дятлов). Второй Крымский социологический форум стал площадкой для профессиональных дискуссий, встречи авторитетных экспертных мнений и выработки эффективных рекомендаций в вопросах пространственного развития регионов.

Literature:

1. Second Crimean Sociological Forum «Social Transformations in the Context of Spatial Development of Russia». URL : https://www.isras.ru/institute_news.html?id=8900

2. Small cities in the social space of Russia : monograph / A.Yu. Ardalyanova, P.V. Bizyukov, R.G. Braslavsky and [oth.]; Editor-in-chief V.V. Markin, M.F. Chernysh; Foreword by acad. M.K. Gorshkov. M. : FNISTs RAN, 2019. 545 p. URL : https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7751

Халунов Абакар Насибович
кандидат филологических наук,
доцент кафедры романо-германских
и восточных языков,
Дагестанский государственный
педагогический университет,
проректор,
Дагестанский гуманитарный институт
kubaev76@mail.ru

РЕЛИГИОЗНОСТЬ И МУСУЛЬМАНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ДАГЕСТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация. Проблема религиозного возрождения является важнейшей в современном российском обществе, причем возросший к нему интерес объясняется происходящими в конфессиональной сфере деструктивными явлениями, в частности, появлением в массовом сознании идей радикального исламизма. Проведенный вторичный анализ эмпирических данных показывает, что для опрошенного дагестанского населения ключевым фактором определения сути понятия «истинно верующий человек» является нравственный параметр. Кроме того, установлено, что религиозность населения обуславливает повышение роли и значимости мусульманского образования в современном дагестанском обществе, более того, можно констатировать их взаимовлияние.

Ключевые слова: религиозность, мусульманское образование, дагестанское население, религия, ислам.

Постановка проблемы.

В постсоветский период развития Российского государства наблюдается мощное развитие религиозного сознания, повышение интереса к религиозному образованию, интенсивность культового поведения населения. Причем, для этого имеются объективные факторы, ибо «в критические моменты развития общества популярность религиозных взглядов и ценностей возрастает. В условиях повышения общественной значимости религии как мировоззрения, а церкви как социального института усиливается актуальность изучения процесса секуляризации населения социологическими методами» [6, с. 95]. Однако необходимо учесть, что изучение конфессиональной сферы является очень сложной и противоречивой, потому что в социологии религии не сложилась однозначная теоретико-методологическая модель изучения религиозности населения, более того, проблему усложняет и появление религиозного образования, которое широко

Abakar N. Halunov
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Romano-Germanic and Oriental languages,
Dagestan State
Pedagogical University,
Vice Rector,
Dagestan Humanitarian Institute
kubaev76@mail.ru

RELIGIOSITY AND MUSLIM EDUCATION IN MODERN DAGESTAN SOCIETY: PROBLEMS AND TRENDS

Annotation. The problem of religious revival is the most important in modern Russian society, and the increased interest in it is explained by the destructive phenomena occurring in the confessional sphere, in particular, the appearance of ideas of radical Islamism in the mass consciousness. A secondary analysis of empirical data shows that for the interviewed Dagestan population, the moral parameter is the key factor in determining the essence of the concept of «truly believing person». In addition, it has been established that the religiosity of the population leads to an increase in the role and importance of Muslim education in modern Dagestan society, moreover, their mutual influence can be stated.

Keywords: religiosity, Muslim education, Dagestan population, religion, Islam.

распространилось особенно на территориях мусульманского вероисповедания [7, с. 98]. Из-за отсутствия теоретико- методологической базы и учебных программ, такие же противоречия имели место и в конфессиональных учебных заведениях дореволюционного Дагестана [8, с. 148–158].

В рамках исследования религиозного вероучения необходимо исходить из того, что «на протяжении практически всего XX столетия господствующие механизмы управления явно или латентно воспроизводили либерально-светское мировоззрение, которое стало одним из краеугольных камней современности, ее культурной сущностью. Однако социальные реалии конца XX – начала XXI вв. «вытащили» религию из периферийной зоны социума на авансцену, придав ей новое качество, актуализировав не востребуемые долгое время ее социальные роли, что катализировало новые культурные сдвиги» [4, с. 110]. Иными словами, можно согласиться с позицией

С.Г. Кара-Мурзы: «советский человек был, да и по сей день в большинстве своем остается глубоко религиозным. Именно это – советское – государство, созданное «коммунистами и беспартийными», было проникнуто религиозным чувством, – в этом была его сила, и его слабость... борьба большевиков с Церковью была столкновением сходных по внутренней убежденности сил» [10, с. 5].

Таким образом, актуальность изучения религиозного фактора в настоящее время закономерно требует выявления уровня религиозности населения и его отражения на состоянии религиозного образования. При этом необходимо учесть, что религия проникла во все социальные сферы и пытается осуществлять там доминирующую роль.

Исследователями религиозной проблематики отмечается активная деятельность священнослужителей в современном социальном пространстве, стремление духовных организаций влиять на значимые общественные сферы, соответственно, возникает вполне обоснованный вопрос «Что это – ренессанс религиозного мировоззрения или нарастание клерикальных тенденций?», ибо «многим из людей старшего поколения, воспитанным в условиях советского атеизма, это представляется несколько непонятным и тревожным» [1, с. 135], более того, совершенно обоснованно утверждение, что если раньше верующие скрывали религиозные убеждения, то сейчас подверглись остракизму убежденные атеисты: «при советской власти нельзя было признаться в том, что ты верующий, при нынешней – что атеист» [5, с. 97]. Таким образом, даже поверхностный взгляд на феномен «религиозность» показывает, что он является очень сложным по своей структуре, содержанию и смыслу явлением, более того, каждый исследователь вкладывает в нее (религиозность – Авт.) свое понимание, тем самым еще более усложняя ее изучение [15]. Например, в православии исследование религиозности проводится через призму определения воцерковленности, которое есть «добровольное признание человеком влияния Церкви через усвоение себе установленного в ней образа жизни и образа мыслей» [13, с. 11], через метод «В-индекс». По мнению М.Ю. Смирнова, «сам термин (воцерковленность – Авт.) является рецепцией из церковно-православного лексикона от понятия «воцерковление», подразумевающего включенность православного верующего во все религиозные действия, обязательные для церковной жизни» [11, с. 139].

В рамках социологии религии российскими учеными рассматривается целый комплекс вопросов связанных с повышением роли религиозного компонента:

а) специфика исследования религиозности населения в условиях десекуляризации российского общества (методология и методика исследования);

б) определение роли церкви в российском государстве и религии в структуре социальных и духовных ценностей общества;

в) особенности конфессионального и межрелигиозного развития полиэтнических регионов;

г) определение индикаторов воспроизводства религиозной и этнической идентичностей при существовании межнациональных противоречий [14, с. 59].

Если обратиться к определению ключевых понятий, то Д.М. Угринович «религиозность» трактует как «воздействие религии на сознание и поведение как отдельных индивидов, так и социальных и демографических групп» [12, с. 127]. И.Н. Яблоков определяет религиозность как «социальное качество индивида и группы, выражающее в совокупности их религиозных свойств» [17, с. 123]; Р.А. Лопаткин рассматривает религиозность как «определенное состояние индивидов и человеческих общностей различного масштаба, отличительной чертой которого является вера в Бога (и сверхъестественное) и поклонение ему, их приверженность к религии и принятие ее вероучения и предписаний» [2, с. 194].

В последнее время в научной литературе появились новые подходы и теории, пытающиеся изучить феномен религиозности. Таковой является теория депривации, используемая для исследования нетрадиционной религиозности, и она подробно рассмотрена В.Б. Исаевой [3, с. 39].

В данной статье на основе вторичного анализа социологического материала поставлена цель показать проявление религиозности населения на примере Дагестана, а также его отношение к религиозному образованию.

Результаты исследования.

При выделении типов и критериев религиозности, по мнению И.Н. Яблокова, необходим комплексный подход, который включал бы в себя учет объема, содержания и уровня религиозного сознания, степень включенности индивида в религиозные отношения, интенсивность религиозного поведения, соответственно, необходимо учитывать следующие параметры:

«1) содержание и интенсивность религиозной веры;

2) интенсивность религиозного поведения и его место в общей системе деятельности человека;

3) роль индивида в религиозной группе;

4) степень активности в распространении религиозных взглядов;

5) место религиозных мотивов в структуре мотивации религиозного и нерелигиозного поведения» [17, с. 129].

Базируясь на вышеназванных параметрах, И.Н. Яблоков выделяет следующие типы религиозности людей:

1. Верующие, у которых определяющей жизненной ориентацией выступает религиозная ориентация.

2. Верующие, у которых религиозная ориентация является важной, но не определяющей, а рядоположенной с другими.

3. Верующие, у которых религиозная ориентация подчинена нерелигиозным.

4. Колеблющиеся между верой и неверием [17, с. 130].

Реальную приверженность религиозному вероучению и степень религиозности, по мнению религиоведов, следует определять с учетом характера различных форм религиозного поведения, которое можно выявить путем установления частотности соблюдения тех или иных религиозных предписаний, поэтому важным является анализ соотношения степени или типа религиозности и религиозного поведения людей [16].

Эмпирические данные на вопрос: **«Как Вы думаете, что должен делать верующий человек?»** показывают существующую в массовом сознании дагестанских верующих иерархию религиозных правил. По важности, первое ранговое место занимает религиозное предписание «совершать намаз (читать молитвы)» (77,9 %), причем, на него указывают респонденты независимо от типа религиозности, на втором – «соблюдать пост» (74,0 %), на третьем – «праздновать религиозные праздники (Ураза-Байрам, Курбан-Байрам, Пасха, Рождество и т.д.)» (60,5 %), на четвертом – «читать религиозные тексты» (52,1 %), на пятом – «посещать религиозные службы» (41,9 %), на шестом – «регулярно посещать мечеть (церковь)» (41,3 %) и, чуть меньше опрошенных отмечают, что верующий человек должен «совершить паломничество» (28,0 %), и «выплачивать религиозный налог» (27,5 %).

Выделяется подгруппа неверующих, которая при слабом проявлении религиозности демонстрирует ориентированность на активное культовое поведение – «праздновать религиозные праздники» (57,1 %), «совершать намаз (читать молитвы)» (47,6 %), «регулярно посещать мечеть (церковь)» (38,1 %) и «соблюдать пост» (47,6 %). Такое противоречие между типом религиозности и соблюдением религиозных предписаний предполагает установление, кого опрошенные относят к группе «истинно верующих». Так, респондентам был задан вопрос: **«Кого Вы считаете истинно верующим человеком?»**. Полученные результаты социологического опроса показывают, что опрошенные к когорте «истинно верующий» относят «того, кто соблюдает требования имама (вера в единого Аллаха, вера в ангелов, вера в священные книги, вера в пророков, вера в Судный день, вера в предопределение судьбы)» (61,9 %) и «истинно верующим человеком может быть только нравственный человек» (41,1 %); третье ранговое место занимает вариант ответа «того, кто живет по религиозным канонам и соблюдает все религиозные предписания (шахада, намаз, Ураза-пост, закят, хадж)» (38,8 %). Обращает на себя внимание стремление опрошенного населения комбинировать полностью не соответствующие друг другу положения: «истинно верующим» можно считать человека, который в своей

жизни добросовестно следует конфессиональным постулатам, более того, ведущий нравственный образ жизни. Однако данный факт не является констатацией существования в позициях респондентов несогласованности, ибо ключевым в любом вероучении является провозглашение нравственных правил. Только вопрос в том, как часто, вернее «правильно», «истинно верующий человек» руководствуется ими в своем повседневном поведении, поэтому неслучайно каждый четвертый опрошенный придерживается позиции, что «истинно верующим» можно считать «нравственного человека, независимо от своего отношения к вере». Следует также обратить внимание на то, что респонденты независимо от типа своей религиозности подчеркивают значимость нравственного начала, выбрав суждение «истинно верующим человеком может быть только нравственный человек» и среди них выделяются подгруппы «верующих» (44,1 %), «колеблющихся» (45,8 %) и «неверующих» (71,4 %). Далее, эти же подгруппы относят к когорте «истинно верующих» «нравственного человека, независимо от своего отношения к вере» – 26,2 % верующих, 39,6 % колеблющихся и 28,6 % неверующих.

Эмпирические данные показывают, что среди выделенных групп можно увидеть подгруппы «активных» по мировоззренческим убеждениям, в частности, для нас интерес представляют подгруппы «колеблющихся», «неверующих» и «убежденно неверующих», которые при невыраженной религиозности обозначают необходимость придерживаться религиозных постулатов. Также, в каждой подгруппе могут быть люди, самоидентифицирующиеся как «верующие», хотя под верой понимают не веру в единого Аллаха (Бога), а в какие-то сверхъестественные силы, и, наоборот, самоидентифицирующиеся как «неверующие», но при этом не отрицающие существования сверхъестественного начала, следовательно, и необходимости следовать некоторым религиозным правилам.

Исследование религиозности закономерно требует выявления факторов, способствующих повышению интереса к исламскому образованию в целом [7]. Результаты ответов на вопрос: **«Как Вы думаете, чем обусловлено повышение интереса к мусульманскому образованию в современном обществе?»** показывают, что повышенное внимание к мусульманскому образованию в современном обществе подавляющая часть экспертов связывает с ренессансом ислама и усилением роли духовенства в современном обществе (37,7 %), 15,3 % объясняют стремлением мусульманских школ стабилизировать межрелигиозную ситуацию и обеспечить национальную безопасность в современном российском обществе. На деятельность местного духовенства и Муфтията, стремящего через мусульманское образование приобщить население к исламу указали 13,6 % экспертов. Далее, повышенный интерес к мусульманскому образованию стремлением родителей обучать своих детей основам исламского учения объяснили 10,2 % экспертов, а 11,9 % опрошенных указали на стремление самих детей получить основы исламского учения; 8,5 % обозначили заинтересованность гражданского

общества (общественности) знать о деятельности мусульманских образовательных учреждений (чему обучают, как обучают и т.д.), 7,1 % научным интересом исследовать деятельность мусульманских образовательных учреждений и статистически незначимая доля экспертов рост интереса к мусульманскому образованию объяснили стремлением официальной власти контролировать мусульманский образовательный процесс (3,4 %).

Заключение.

Таким образом, проведенное исследование показывает востребованность в массовом сознании дагестанских народов религиозной принадлежности, причем в этой системе очень важное значение имеет нравственный компонент. Так, по всей выборке опрошенные ключевым параметром в определении содержания «истинно верующий

человек» определили морально-нравственный маркер, хотя собственно религиозные индикаторы имеют немаловажное значение. При этом повышение интереса к мусульманскому образованию эксперты объясняют возрождением ислама и усилением роли духовенства в современном обществе, стремлением мусульманских школ стабилизировать межрелигиозную ситуацию и обеспечить национальную безопасность в современном российском обществе, деятельностью местного духовенства и Муфтията, стремящемся через мусульманское образование приобщить население к исламу, стремлением, как родителей, так и самих детей получить основы исламского учения, ростом интереса гражданского общества (общественности) о деятельности мусульманских образовательных учреждений (чему обучают, как обучают и т.д.), научным интересом исследовать деятельность мусульманских образовательных учреждений.

Литература:

1. *Анурин В.Ф.* Религия как фактор социальной интеграции // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 135–146.
2. Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние) / Отв. ред. Ф.Г. Овсиенко, М.И. Одинцов, Н.А. Трофимчук. М. : Изд-во РАГС, 1996. 257 с.
3. *Исаева В.Б.* Теория депривации как инструмент изучения нетрадиционной религиозности // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 39–50.
4. *Каргина И.Г.* Ключевые тренды в изучении современных проявлений религиозности // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 108–115.
5. *Кублицкая Е.А.* Особенности религиозности в современной России // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 96–107.
6. *Кублицкая Е.А.* Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. № 5. С. 95–103.
7. *Магомедова З.А.* Распространение и развитие арабо-мусульманских культурных традиций в Дагестане в XVIII – начале XIX века // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадаса. 2012. № 2. С. 97–100.
8. *Маламагомедов Д.М.* Конфессиональные школы конца XIX – начала XX в. в городах Дагестанской области // Вопросы истории. 2018. № 7. С. 148–158.
9. *Рамазанов Р.О.* Вопросы мусульманского образования в современном российском обществе: состояние и тенденции / Р.О. Рамазанов; Под общей ред. Н.А. Саркаровой // Духовно-нравственные и идеологические проблемы в современном обществе. Сборник статей. Махачкала : АЛЕФ, 2020. С. 178–187.

Literature:

1. *Anurin V.F.* Religion as a factor of social integration // Sociological research. 2013. № 1. P. 135–146.
2. State-church relations in Russia (past experience and modern state) / Executive Editor F.G. Ovsienko, M.I. Odintsov, N.A. Trofimchuk. M. : RAGS Publishing House, 1996. 257 p.
3. *Isaeva V.B.* Theory of deprivation as a tool for the study of unconventional religiosity // Sociological studies. 2019. № 9. P. 39–50.
4. *Kargina I.G.* Key trends in the study of modern manifestations of religiosity // Sociological research. 2013. № 6. P. 108–115.
5. *Kublitskaya E.A.* Features of religiosity in modern Russia // Sociological studies. 2009. № 4. P. 96–107.
6. *Kublitskaya E.A.* Traditional and unconventional religiosity: experience of sociological study // Sociological research. 1990. № 5. P. 95–103.
7. *Magomedova Z.A.* Dissemination and development of Arab-Muslim cultural traditions in Dagestan in the XVIII – early XIX centuries // Bulletin of the Institute of language, literature and art named G. Tsadasa. 2012. № 2. P. 97–100.
8. *Malamagomedov D.M.* Confessional schools of the late 19th and early 20th centuries in the cities of the Dagestan region // Questions of history. 2018. № 7. P. 148–158.
9. *Ramazanov R.O.* The questions of Muslim education in modern Russian society: state and trends / R.O. Ramazanov; Under the general editorship of N.A. Sarkarova // Spiritual, moral and ideological problems in modern society. Collection of articles. Makhachkala : ALEF, 2020. P. 178–187.

10. Русский коммунизм глазами христианского теолога // Наука и религия. 2013. № 11. С. 5–11.
11. *Смирнов М.Ю.* Религиозная социология и социология религии // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 136–142.
12. *Угринович Д.М.* Введение в религиоведение. М. : Мысль, 1985. 273 с.
13. *Чеснокова В.Ф.* Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М. : Академический Проект, 2005. 304 с.
14. *Шахбанова М.М.* Религиозная ситуация в республике: состояние и тенденции (по материалам социологического опроса) // Региональные аспекты социальной политики. 2008. № 10. С. 56–64.
15. *Шахбанова М.М.* Этническая идентичность малочисленных дагестанских народов в современных условиях // Социологические исследования. 2013. № 10(354). С. 88–97.
16. *Шахбанова М.М.* Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества. Махачкала : АЛЕФ, 2016. 358 с.
17. *Яблоков И.Н.* Социология религии. М. : Мысль, 1979. 182 с.
10. Russian communism through the eyes of a Christian theologian // Science and religion. 2013. № 11. P. 5–11.
11. *Smirnov M.Yu.* Religious sociology and sociology of religion // Sociological research. 2014. № 8. P. 136–142.
12. *Ugrinovich D.M.* Introduction to Religious Studies. M. : Mysl, 1985. 273 p.
13. *Chesnokova V.F.* Cramped way: the process of churching the population of Russia at the end of the XX century. M. : Academic Project, 2005. 304 p.
14. *Shakhbanova M.M.* Religious situation in the republic: state and trends (based on a sociological survey) // Regional aspects of social policy. 2008. № 10. P. 56–64.
15. *Shakhbanova M.M.* Ethnic identity of small Dagestani Peoples in modern conditions // Sociological research. 2013. № 10 (354). P. 88–97.
16. *Shakhbanova M.M.* Ethnic, religious and state-civil identity of the Dagestan peoples in the context of the transformation of Russian society. Makhachkala : ALEF, 2016. 358 p.
17. *Yablokov I.N.* Sociology of religion. M. : Mysl, 1979. 182 p.

Шагина Инна Рудольфовна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры физики, математики
и медицинской информатики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
inna_shagina@mail.ru

Кубекова Алия Салаватовна

старший преподаватель
кафедры психологии и педагогики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
alya_kubekova@mail.ru

Смахтина Татьяна Александровна

кандидат психологических наук,
доцент кафедры
психологии и педагогики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
t.sm.2019@bk.ru

**ОЦЕНКА КАЧЕСТВА
ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ
В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ**

Аннотация. В статье анализируется качество дистанционного обучения в медицинском университете. В связи с переходом на дистанционное обучение было проведено анкетирование преподавателей с целью оценки качества дистанционного обучения. Подобная форма обучения позволяет организовать образовательный процесс таким образом, чтобы обеспечивать реализацию основных требований к нему. По результатам анкетирования, преподаватели отмечают, что в связи с вынужденной самоизоляцией и переходом на дистанционное образование у них произошло увеличение рабочего дня. Было отмечено, повышение эмоционального фона преподавателей, весь период дистанционного обучения. Среди главных недостатков, более половины опрошенных считают отсутствие прямого диалога.

Ключевые слова: медицинский вуз; самостоятельная работа; дистанционное обучение; образовательный процесс; студенты медицинского вуза; коронавирусная инфекция; качество дистанционного обучения.

Введение. В настоящее время в связи со вспышкой и распространением опасной вирусной инфекции COVID-19 произошел экстрен-

Inna R. Shagina

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Physics, Mathematics
and Medical Informatics,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
inna_shagina@mail.ru

Alia S. Kubekova

Senior Lecturer of the Department
of Psychology and Pedagogy,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
alya_kubekova@mail.ru

Tatyana A. Smakhtina

Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Psychology and Pedagogy,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
t.sm.2019@bk.ru

**QUALITY ASSESSMENT
OF DISTANCE LEARNING
IN A MEDICAL UNIVERSITY**

Annotation. The article analyzes the quality of distance learning at a medical university. In connection with the transition to distance learning, a survey of teachers was carried out in order to assess the quality of distance learning. This form of training allows you to organize the educational process in such a way, ensuring the implementation of the basic requirements for it. According to the results of the survey, teachers note that due to the forced self-isolation and the transition to distance education, their working hours have increased. It was noted that teachers have an increased emotional background during distance learning. More than half of the respondents consider the lack of direct dialogue among the main shortcomings.

Keywords: medical school; independent work; distance learning; educational process; medical students; coronavirus infection; the quality of distance learning.

ный переход на дистанционную форму обучения. Безусловно, ситуация, связанная с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19),

привнесла поправки в образовательную деятельность университета. Дистанционное обучение затронуло и медицинские вузы. Данная форма обучения является одним из приоритетных направлений при подготовке специалистов. Дистанционное обучение имеет свои преимущества, например, доступность и относительная дешевизна. Дистанционное обучение признано одним из ключевых направлений основных культурно-образовательных программ ЮНЕСКО, в течение последних десятилетий оно стало глобальным явлением образовательной информационной культуры. В исследовании Е.Ф. Касьяненко, Л.Н. Рубцовой, И.Д. Димова, В.Ю. Богомоловой [5] было установлено, что студенты практически готовы к дистанционной форме обучения и активно используют мобильные технологии и ресурсы в образовательном процессе. Дистанционное обучение предполагает удобство и доступность не только для обучающихся, но и для преподавателей. В связи с этим был проведен анкетный опрос преподавателей Астраханского государственного медицинского университета, с целью изучения их отношения к дистанционному образованию в период самоизоляции, а также выделить положительные и отрицательные стороны при использовании различных форм дистанционного обучения.

Цель исследования заключалась в оценке качества дистанционного обучения преподавателями медицинского университета в период пандемии коронавируса.

Материалы и методы. Анкетный опрос был проведен в течение июня 2020 года в ФГБОУ ВО

«Астраханский государственный медицинский университет» Минздрава России. Всего опрошено 350 преподавателей всех кафедр медицинского университета. Анкетные данные позволяли легко перевести ответы в проценты и дать количественный анализ ответов. В исследовании использовался опросный метод – анкетирование. Анкета разрабатывалась и согласовывалась с социологом и включала 30 открытых и закрытых вопросов. Анкетирование было анонимное. Результаты социологического исследования были подвергнуты качественному и количественному анализу. Результаты исследования представлены в таблице.

Результаты и обсуждение. В результате социологического исследования было установлено, что преподаватели в связи с вынужденной самоизоляцией и переходом на дистанционное образование произошло увеличение рабочего дня – 93,0 % (табл. 1). По этой причине преподаватели отмечают, что им приходится распределять рабочее время и свой график.

Из результатов анкетного опроса было установлено, что главными недостатками дистанционного обучения преподаватели считают – это отсутствие прямого диалога с обучающимися (91,0 %).

У подавляющего количества преподавателей отмечается повышенный эмоциональный фон во время дистанционного обучения (89,0%), они отмечают, что у них повышенное состояние тревожности, ощущение неопределенности в период самоизоляции.

Таблица 1

Показатели восприятия дистанционного обучения преподавателями медицинского университета

Реакция преподавателей на дистанционное обучение		%
1.	Подготовка преподавателей вуза к дистанционному обучению	46,0 %
2.	Работа без участия аудитории	87,0 %
3.	Отсутствие прямого диалога	91,0 %
4.	Невозможность подачи полного объема материала	74,0 %
5.	Слабая активность студенческого коллектива	64,0 %
6.	Неготовность студентов к самостоятельной работе	78,0 %
7.	Большой объем занимаемого времени подготовки к занятиям	72,0 %
8.	Минимальная видимость результатов удаленного обучения	83,0 %
9.	Повышенный эмоциональный фон у преподавателей	89,0 %
10.	Технически увеличенный рабочий день	93,0 %
11.	Малая возможность практических навыков	69,0 %

Значительное количество опрошенных преподавателей отмечают в качестве недостатков дистанционного обучения работу без участия аудитории (87,0 %). Для преподавателей это является главной «помехой» при реализации образовательного процесса.

Также, для преподавателей наибольшей сложностью является минимальная видимость результатов удаленного обучения (83,0 %), они отмечают, что у студентов есть проблемы в самоорганизации. Преподаватели отмечают неготовность студентов к самостоятельной работе (78,0 %). Среди проблем дистанционного обучения выделяют

невозможность подачи полного объема материала (74,0 %) и большой объем занимаемого времени подготовки к занятиям (72,0 %).

Подготовка преподавателей вуза к дистанционному обучению установлено на относительно невысоком уровне – 46,0 %, что указывает на то, что преподаватели желают повысить уровень своей компетентности в плане дистанционных образовательных технологий.

Заключение. На основе представленных в таблице результатов можно сделать следующие выводы:

– по результатам анкетирования, преподаватели отмечают, что в связи с вынужденной самоизоляцией и переходом на дистанционное образование у них произошло увеличение рабочего дня;

– было отмечено, что у преподавателей повышенный эмоциональный фон вовремя дистанционного обучения. Среди главных недостатков

Литература:

1. Андреев А.А. Дистанционное обучение и дистанционные образовательные технологии // Открытое образование. 2013. № 5. С. 40–46.
2. Богданова А.В. Актуальные вопросы оценки качества дистанционных учебных курсов / А.В. Богданова, Е.Ю. Коновалова // АНИ: педагогика и психология. 2016. № 4(17). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-otsenki-kachestva-distantsionnyh-uchebnyh-kursov> (дата обращения 30.09.2020).
3. Дмитриева Е.Н. Содержание оценки качества дистанционного обучения в вузе / Е.Н. Дмитриева, Г.В. Курицына // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 6. URL : <http://science-education.ru/ru/article/view?id=23913> (дата обращения 29.09.2020).
4. Захарова Т.Г. Самостоятельная работа курсантов и дистанционное обучение / Т.Г. Захарова, И.И. Барон, Г.Н. Захаров // Земский врач. 2013. № 2(19). С. 49–50.
5. Касьяненко Е.Ф. Дистанционное и мобильное обучение в медицинских вузах: проблемы и перспективы / Е.Ф. Касьяненко, Л.Н. Рубцова, И.Д. Димов, В.Ю. Богомолова // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 5. URL : <http://science-education.ru/ru/article/view?id=29216> (дата обращения 29.09.2020).
6. Марчук Н.Ю. Психолого-педагогические особенности дистанционного обучения // Педагогическое образование в России. 2013. № 4. С. 75–85.
7. Одинокая М.А. Самостоятельная работа студентов в системе высшего профессионального образования в России. М., 2019. С. 34–36.
8. Сабеев И.А. Проблемы создания дистанционного (ДО) и смешанного обучения (СО) // Образовательные технологии и общество. 2009. Т. 12. № 4. С. 479–484.
9. Тонконог В.В. Дистанционное обучение в региональном образовательном пространстве в процессе подготовки студентов разных направлений и специальностей / В.В. Тонконог, П.И. Ананченкова // Путеводитель предпринимателя. 2017. № 35. С. 284–293.
10. Тулупова Т.В. Модель обучаемого в автоматизированной обучающей системе / Т.В. Тулупова, С.П. Кучинская, В.В. Грязнова // Проблемы информатики в образовании, управлении, экономике и технике: сб. статей XIV Междунар. научно-техн. конф. Пенза : ПДЗ, 2014. С. 181–184.

более половины опрошенных считают – отсутствие прямого диалога.

Тем не менее, для максимально эффективного внедрения дистанционного образования необходимо организовать проведение информирующих мероприятий.

Literature:

1. Andreev A.A. Distance learning and distance educational technologies // Open education. 2013. № 5. P. 40–46.
2. Bogdanova A.V. Topical issues of assessing the quality of distance learning courses / A.V. Bogdanova, E.Yu. Konovalova // ANI: pedagogy and psychology. 2016. № 4(17). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-otsenki-kachestva-distantsionnyh-uchebnyh-kursov> (date accessed 09/30/2020).
3. Dmitrieva E.N. The content of the assessment of the quality of distance learning at the university / E.N. Dmitrieva, G.V. Kuritsyna // Modern problems of science and education. 2015. № 6. URL : <http://science-education.ru/ru/article/view?id=23913> (date accessed 09/29/2020).
4. Zakharova T.G. Independent work of cadets and distance learning / T.G. Zakharova, I.I. Baron, G.N. Zakharov // Zemsky doctor. 2013. № 2(19). P. 49–50.
5. Kasyanenko E.F. Distance and mobile learning in medical universities: problems and prospects / E.F. Kasyanenko, L.N. Rubtsova, I.D. Dimov, V.Yu. Bogomolova // Modern problems of science and education. 2019. № 5. URL : <http://science-education.ru/ru/article/view?id=29216> (date accessed 09/29/2020).
6. Marchuk N.Yu. Psychological and pedagogical features of distance learning // Pedagogical education in Russia. 2013. № 4. P. 75–85.
7. Lonely M.A. Independent work of students in the system of higher professional education in Russia. M., 2019. P. 34–36.
8. Sabaev I.A. Problems of creating distance learning (DL) and blended learning (SO) // Educational technologies and society. 2009. Vol. 12. № 4. P. 479–484.
9. Tonkonog V.V. Distance learning in the regional educational space in the process of training students of different directions and specialties / V.V. Tonkonog, P.I. Ananchenkova // Entrepreneur's Guide. 2017. № 35. P. 284–293.
10. Tulupova T.V. Model of a student in an automated training system / T.V. Tulupova, S.P. Kuchinskaya, V.V. Gryaznova // Problems of informatics in education, management, economics and technology: collection of articles. articles XIV Intern. scientific and technical. conf. Penza : PDZ, 2014. P. 181–184.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Абрамов Иван Александрович
начальник кафедры организации
оперативно-разыскной деятельности,
Томский институт
повышения квалификации работников
Федеральной службы
исполнения наказаний России
ivan32127@mail.ru

К ВОПРОСУ О ВОЗРАСТЕ ЛИЦ, ОКАЗЫВАЮЩИХ НЕГЛАСНОЕ СОДЕЙСТВИЕ НА КОНТРАКТНОЙ ОСНОВЕ, ОРГАНАМ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Аннотация. Законодатель выделил два обязательных требования, необходимых для заключения контракта на негласное содействие между органом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность (далее – ОРД) и гражданином – это его совершеннолетие и дееспособность. Автор обосновывает вывод, что необходимо наращивать оперативные позиции в преступной и околопреступной среде несовершеннолетних, которые требуют профессиональных негласных источников.

В качестве решения предлагается законодательное установление возраста граждан, с которыми оперативные подразделения могут заключать контракты на негласное содействие, с 16-ти лет.

Ключевые слова: негласное содействие, оперативно-разыскная деятельность, возраст негласного содействия, контракт, несовершеннолетний, дееспособность.

Опасность умышленных преступлений заключается (помимо собственно тяжести деяния), прежде всего, в их скрытом, замаскированном характере. Борьба с преступностью среди несовершеннолетних является одним из самых острых и сложных аспектов социально-экономической и организационной работы. Осуществлять эффективную борьбу с преступностью без использования негласных сил, средств и методов крайне затруднительно. Практика оперативных подразделений разных стран в борьбе с преступностью показывает, что первое место среди методов работы, даже при результативности использования технических средств, справедливо занимает негласное содействие граждан органам, осуществляющим ОРД [13].

В Российской Федерации метод негласного содействия хорошо был знаком гражданам страны. Он не только пропагандировался правоохранительными органами, но и рассматривался как

Ivan A. Abramov
Head of the Department
for the Organization
of Operational-Search Activity,
Tomsk Institute
for Advanced Training of Employees
Federal Penitentiary Service of Russia
ivan32127@mail.ru

ON THE ISSUE OF THE AGE OF PERSONS PROVIDING TACIT ASSISTANCE ON A CONTRACT BASIS TO BODIES CARRYING OUT OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

Annotation. The legislator has identified two mandatory requirements necessary for concluding a contract for tacit assistance between the body carrying out operational-search activities (hereinafter – ORD) and the citizen – this is his majority and legal capacity. The author substantiates the conclusion that it is necessary to build up operational positions in the criminal and near-criminal environment of minors, which require professional secret sources.

As a solution, it is proposed to legally establish the age of citizens with whom operational units can conclude contracts for covert assistance, from the age of 16.

Keywords: covert assistance, operational-search activity, age of covert assistance, contract.

обязанность в выявлении и раскрытии преступлений вплоть до революционных событий 1917 года [2].

Так, в XIX веке формируется законодательная база, предназначенная для розыска преступников, в том числе и среди несовершеннолетних. Широко применяются приемы организации притонов-ловушек, осведомительство, негласное наблюдение, использование маскировки под различные категории правонарушителей. Главным основанием для тайного розыска преступников служила информация, полученная от постоянно действующей и совершенно секретной агентуры из разных социальных классов населения, в том числе из преступной среды [6]. В России оформляется агентурная деятельность, которая активно помогает противодействию преступлениям, в том числе среди несовершеннолетних. В учебных заведениях к негласному сотрудничеству привлекались гимназистки и гимназисты. Со временем, по

этическим соображениям, данная практика была запрещена.

С 1917 года меняется отношение к негласной оперативной работе. Считается, что Советскому гражданину нечего скрывать, а негласная работа это пережиток буржуазного строя, занятие постыдное, провокационное.

В период становления Советской республики особое внимание обращалось на раскрытие и профилактику преступлений исключительно гласными средствами и методами, в основном посредством открытого обвинения. Но советская власть в кратчайшие сроки осознала, что ей не обойтись без использования негласных методов работы. Осуществлять ОРД без использования негласного содействия граждан, полагаясь только на гласную помощь, было нецелесообразно и весьма затруднительно по объективным причинам.

Однако, учитывая, весьма специфические взаимоотношения советского государства и общества, отчасти также от того, что до Октябрьской революции в борьбе за власть большевиками активно использовались негласные методы деятельности, - негласное содействие, как часть оперативной работы, было засекречено до начала 1990-х годов и регулировалось исключительно ведомственными нормативными актами органов внутренних дел и структур, обеспечивающих государственную безопасность.

Современный этап негласного содействия, в том числе и на контрактной основе, начался с принятием Закона РФ от 13.03.1992 № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации», в котором на государственном уровне впервые в практике осуществления ОРД открыто предложена гражданам возможность негласного содействия органам, осуществляющим ОРД. Впервые в современной России было совершено отступление от правового регулирования ОРД только ведомственными нормативно-правовыми актами, с ограничительным доступом (секретные). При этом лица, оказывающие негласное содействие органам, осуществляющим ОРД, получили правовые и социальные гарантии защиты со стороны государства. В настоящее время основным законом, регламентирующим негласное содействие на контрактной основе является Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) [1].

Формы негласного содействия лиц органам, осуществляющим ОРД, могут быть различными, но одной из важнейших и наиболее ценной с оперативной точки зрения, считается негласное содействие, организуемое на контрактной основе. Ее отличительными особенностями от бесконтрактного содействия являются профессионализм негласного источника в борьбе с преступностью, устойчивые и длительные взаимоотношения между гражданином и оперативным подразделением.

Право гражданина на контракт предусмотрено законодателем в ч. 1 ст. 17 ФЗ об ОРД.

Возможность заключения договора о труде (контракта) органами, осуществляющими ОРД, с отдельными лицами, привлекаемыми к подготовке и проведению оперативно-розыскных мероприятий, максимально индивидуализировано, что позволяет оговорить условия негласного содействия с учетом личностной специфики гражданина и его возможностей по предоставлению интересующей информации [13].

Правовые последствия негласного содействия по контракту граждан, с оперативными подразделениями, наступают с момента его заключения и прекращаются по желанию одной из них, либо по основаниям, предусмотренным ФЗ об ОРД, ведомственным нормативным правовым актам ограниченного распространения. Граждане, заключившие контракт, по заданиям оперативных подразделений ведут активную разведывательно-поисковую деятельность в целях борьбы с латентной преступностью.

Со стороны государства исключительно лишь контрактная система негласного содействия в полной мере обеспечивает гражданину социальную и правовую защиту, предусмотренную ст. 18 ФЗ об ОРД.

В содержательном смысле ч. 2 ст. 17 ФЗ об ОРД устанавливает, что негласное содействие по контракту может осуществляться с любым лицом, отвечающим двум основным взаимосвязанным требованиям: оно должно быть совершеннолетним и дееспособным. При этом пол, национальность, гражданство, образование, имущественное, должностное и социальное положение, принадлежность к общественным объединениям, отношение к религии и политические убеждения не влияют на заключение контракта.

Такие лица обязаны сохранять в тайне сведения, ставшие им известными в ходе подготовки или проведении оперативно-розыскных мероприятий. Согласно ст. 12 ФЗ об ОРД такая информация приравнена к сведениям составляющие государственную тайну. Также эти лица не вправе предоставлять заведомо ложную информацию органам, осуществляющим ОРД.

Сопоставляя сущностное правовое наполнение категорий «дееспособность» и «совершеннолетие», мы наблюдаем их различную юридическую природу. В частности:

1. В ст. 21 Гражданского кодекса Российской Федерации сказано, что совершеннолетие и дееспособность возникают одновременно и в полном объеме по достижении лицом 18 лет.
2. Законодатель допускает вступление в брак лиц не достигших 18 лет. Лицо, не достигшее этого возраста, приобретает в полном объеме дееспособность со времени вступления в брак. Приобретенная дееспособность сохраняется в полном объеме и в случае расторжения брака до достижения 18 лет. В исключительных случаях органы местного самоуправления по месту жительства лиц, желающих вступить в брак, вправе по просьбе данных лиц разрешить вступить в брак

лицам, достигшим возраста 16 лет (ст. 13 Семейного кодекса РФ).

3. Эмансипация. Лицо достигшие 16 лет, может быть объявлено полностью дееспособным, если он работает по трудовому договору, в том числе по контракту (ст. 27 Гражданского кодекса РФ).

4. Статья 20 Уголовного кодекса РФ устанавливает общее правило, согласно которому возрастом наступления уголовной ответственности считается достижение лицом 16-ти лет.

5. Субъектом преступления за разглашение государственной тайны и заведомо ложный донос является физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста и обладающее вменяемостью.

Считается, что несовершеннолетние граждане, достигшие возраста привлечения к уголовной ответственности, в достаточной мере могут осмысливать свои действия и нести ответственность за них [12].

По нашему мнению, в современных условиях необходимость обязательного совершеннолетия при заключении контракта на негласное содействие для достижения целей ОРД крайне незначительно.

Так, по мнению А.И. Ушатикова и Б.Б. Казака возрастом считается ступень психического развития индивида и его развития как личности, характеризующая совокупностью закономерных физиологических и психологических изменений. Возрастная характеристика развития личности отражает определенную систему требований, предъявляемых обществом к человеку на том или ином этапе жизни, сущность его отношений с окружающими и его общественное положение [15].

При установлении возраста уголовной ответственности законодатель учитывает не только способность лица к этому возрасту осознавать социальный смысл своих поступков и руководить ими, но также и способности перенести связанные с уголовной ответственностью физические, моральные, психологические тяготы уголовного наказания, а также понять и осознать смысл самой ответственности за противоправное поведение [7].

Проблемы, связанные с определением оптимального возраста наступления уголовной ответственности являются одними из обсуждаемых в России. Так, в 2009 году в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации вносился законопроект о снижении возраста уголовной ответственности до 12 лет (Проект Федерального закона № 293093-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»). Несмотря на спорность предлагаемого возраста наступления уголовной ответственности и принимая во внимание факт отклонения данного законопроекта, на наш взгляд в современном обществе идут необратимые процессы, указывающие на интенсификацию эмансипации несовершеннолетних.

Изучением вопроса о влиянии возраста на преступность вообще, и конкретные виды преступлений в частности, занимались отечественные и зарубежные ученые Ч. Ломброзо, М.Н. Гернет, В.Н. Кудрявцев, О.Д. Ситковская, К. Бартол и др.

Современная криминологическая наука выделила следующие возрастные группы осужденных: подростковая – 12–16 лет, юношеская – 16–21 год, молодежная – 21–35 лет, зрелого возраста – 35–60 лет, пожилого – 60–75 лет, старческого – 75–90 лет. Следует отметить, что границы возраста неоднозначны и динамичны. Пенитенциарные психологи считают наиболее криминальный возраст 16–17 лет [15].

В настоящее время озабоченность вызывает интенсивная криминализация несовершеннолетних.

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации несовершеннолетние ежегодно совершают или участвуют более чем в 40 тысячах преступлений и все чаще совершают деяния насильственного характера, тяжкие и особо тяжкие преступления.

В 2019 году около 2/3 (63,7 %) несовершеннолетних совершили преступления в возрасте 16–17 лет. Доля лиц в возрасте 14–15 лет – 36,3 %.

Несовершеннолетняя преступность характерна более высоким показателем групповых преступлений, чем для взрослых преступников. Ежегодно почти половина несовершеннолетних преступников действовали в группе (в 2017 году – 46,8 %; в 2018 году – 47,7 %; в 2019 году – 47,1 %). Для сравнения среди взрослых – это всего 12 % (в 2017 году – 12,0 %, в 2018 году – 12,1%, в 2019 году – 11,8 %).

Стабильно высокие показатели несовершеннолетних, ранее уже совершавшие преступления. В 2017 году – 25,9 % от всех несовершеннолетних, совершивших преступления; в 2018 году – 24,6 %; в 2019 году – 24,7 %. Среди них около 40 % ранее судимы: в 2017 году – 38,5 %, в 2018 году – 38,0 %, в 2019 году – 37,6 %. Из этого следует, что почти для четверти несовершеннолетних преступление является повторным, что свидетельствует о профессионализации такого вида преступности.

Продолжается рост числа особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними. В 2017 году число преступлений данной категории возросло на 14,2 % по сравнению с предыдущим годом; в 2018 году – на 5,6 %; в 2019 году – на 6,9 %. Более того, в 2019 году на 3,4 % увеличилось и количество тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними. В целом тяжкие и особо тяжкие преступления составляют почти четверть в структуре преступности данного вида.

Преступления несовершеннолетних тесно связаны с совершаемыми ими правонарушениями. В 2019 году на 2,3 % по сравнению с 2018 годом возросло число несовершеннолетних, поставленных на учет в подразделения по делам несовершеннолетних (144643 человек). Из них 76847 человек (51,3 %) совершили административное

правонарушение, в том числе до достижения возраста, с которого наступает административная ответственность (что больше, чем в 2018 году на 5,5 %) [10].

В двадцати двух действующих на данный момент воспитательных колониях уголовно-исполнительной системы содержится 952 несовершеннолетних преступника [11].

Мы можем констатировать, что в среде граждан, не достигших совершеннолетия, имеется умышленная преступность не обеспеченная должным образом оперативным прикрытием со стороны органов, осуществляющих ОРД. Отсутствие в подростковой преступной и околопреступной среде (напр., в криминально-активном движении АУЕ или в воспитательных колониях) источника информации, оказывающего негласное содействие на контрактной (профессиональной) основе, негативно сказывается на решении задач ОРД.

Кроме того, на наш взгляд, нормы действующего ФЗ об ОРД препятствуют использованию негласного содействия несовершеннолетних оперативными подразделениями, исключая возможность заключения с ними контракта, но при этом не запрещает использование их содействия для подготовки или проведения оперативно-розыскных мероприятий на бесконтрактной основе, о чем свидетельствует судебная практика. Например, привлечение несовершеннолетних к участию в оперативно-розыскных мероприятиях (проверочная закупка) в целях получения доказательств виновности в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «Г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года № 2875-О, от 23 июня 2016 года № 1323-О).

Буквальное толкование ч. 1 ст. 17 ФЗ об ОРД также позволяет правоприменителям игнорировать возраст содействующего лица, хотя это и породило научную полемику, неоднозначную практику и, как следствие – необходимость толкования данной нормы Президиумом Верховного Суда РФ, в итоге признавшим легитимность использования оперативными подразделениями содействия лиц моложе 18-ти, но не младше 16-ти летнего возраста (Постановление Президиума Верховного Суда от 21 января 2004 года № 891 п2003) [14].

В научной литературе и судебной практике встречаются различные позиции по вопросу возрастного критерия привлечения к негласному содействию, в том числе и на контрактной основе [5]. В частности О.В. Вагин полагает, что возрастные пределы участия несовершеннолетних в ОРД должны ограничиваться возрастом уголовной ответственности, установленным Уголовным кодексом Российской Федерации. Если лицо способно осознавать общественно опасный характер своего поведения, то соответственно способно и оценить подобные действия других лиц и информировать об этом оперативные подразделения [3]. Аналогичной точки зрения придерживается В.В. Новиков, который считает важным

приблизить возраст лиц, оказывающих негласное содействие оперативным подразделениям в борьбе с преступностью несовершеннолетних, к возрасту профилактируемых, проверяемых и разрабатываемых. В связи с этим он выступает за законодательное закрепление положения о возможности привлечения для конфиденциального содействия с оперативными подразделениями лиц, достигших минимального возраста уголовной ответственности, то есть 14 лет [9].

Кроме того, помимо полученного нами, проведенным опросом практических оперативных сотрудников, мнения о необходимости понижения возраста привлечения граждан к негласному сотрудничеству органам, осуществляющим ОРД, существует и иное, противоположное мнение на рассматриваемый в настоящей статье вопрос. Так, А.А. Хайдаров, канд. юрид. наук, доцент, профессор кафедры прокурорского надзора за исполнением законов в ОРД и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Казанского юридического института (филиала) Академии Генпрокуратуры РФ в своей статье «Законно ли привлекать несовершеннолетних для участия в ОРД» привел результат опроса работников прокуратуры, которые выразили единое мнение о запрете применения содействия несовершеннолетних для проведения оперативно-розыскных мероприятий, в том числе «проверочных закупок» и «оперативных экспериментов». Вместе с тем, из представленных выше решений, суды не соглашались с мнением прокуроров. И хотя в ст. 17 ФЗ об ОРД нет четкого ответа можно ли привлекать несовершеннолетних к проведению оперативно-розыскных мероприятий, судебная практика в пользу правоохранительных органов [16].

Кукарцев В.Н. с целью защитить права и свободы несовершеннолетнего, а также, чтобы исключить сомнение следственных органов и суда в достоверности результатов оперативно-розыскных мероприятий предложил рекомендации процедуры привлечения несовершеннолетних к участию в оперативно-розыскных мероприятиях. Например, не привлекать к негласному содействию несовершеннолетнего, если есть другая возможность получить оперативно-значимую информацию, исключить участие несовершеннолетнего в оперативно-розыскных мероприятиях создающих реальную угрозу его жизни и здоровью, максимально обеспечить конфиденциальность участия несовершеннолетнего в содействии оперативным подразделениям и т.п. [8].

Анализируя вышесказанное мы видим, что:

– одной из задач ОРД является профилактика и раскрытие преступлений,

– для профилактики и раскрытия преступлений органы, осуществляющие ОРД, могут использовать негласное содействие граждан, в том числе и на контрактной основе с совершеннолетними дееспособными лицами,

– совершеннолетие и дееспособность возникают одновременно и в полном объеме по достижении лицом 18-летнего возраста,

– эмансипация, вступления в брак позволяют объявить лицо 16 лет полностью дееспособным,

– в соответствии с Уголовным кодексом РФ уголовная ответственность наступает с 16-ти лет, а в особых случаях и с 14 лет,

– по данным Генеральной прокуратуры РФ несовершеннолетние совершают или участвуют более чем в 40 тысяч преступлений, в возрасте 16–17 лет (63,7 %), 14–15 лет – 36,3 %,

– пенитенциарные психологи считают наиболее криминальный возраст 16–17 лет [Ушаков, 2003],

– в истории России использовалась секретная агентура из числа несовершеннолетних, но по этическим соображениям была запрещена [6].

Для эффективного решения задач ОРД среди несовершеннолетних целесообразно использовать «профессиональные» негласные источники, владеющие знаниями, умениями, навыками и обладающие готовностью к борьбе с преступностью. С этой целью нами предлагается внести изменения в ч. 2 ст. 17 ФЗ об ОРД, исключив слово «совершеннолетними», добавив слова «достигшими возраста 16 лет,». Таким образом, в новой редакции ч. 2 ст. 17 ФЗ об ОРД предлагается: «Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, могут заключать контракты с дееспособными лицами, достигшими возраста

16 лет, независимо от их гражданства, национальности, пола, имущественного, должностного и социального положения, образования, принадлежности к общественным объединениям, отношения к религии и политических убеждений».

По нашему мнению, становится целесообразным и необходимым участие несовершеннолетних лиц в проведении оперативно-розыскных мероприятий, при раскрытии либо выявлении преступлений совершенными лицами, не достигшими восемнадцатилетнего возраста.

Установленный законодателем возрастной критерий в виде 18-ти лет для лиц, оказывающих негласное содействие на контрактной основе органам, осуществляющим ОРД, лишает оперативные подразделения возможности завести профессионально-качественный негласный аппарат, что дает преимущество преступной деятельности среди несовершеннолетних.

Снижение возраста лиц, оказывающих негласное содействие на контрактной основе до уровня уголовной ответственности в Российской Федерации (16 лет) позволит оперативным подразделениям воспитывать и обучать негласный аппарат, что даст более эффективно осуществлять борьбу с преступностью, а также обеспечит данным гражданам социальную и правовую защиту со стороны государства в полном объеме.

Литература:

1. *Абрамов И.А.* Историко-правовая характеристика негласного содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность в исправительных учреждениях, на контрактной основе // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» // Академия права и управления ФСИН. Рязань. 2017. С. 70–76.

2. *Агарков А.В.* Исторический и организационно-правовой аспекты развития оперативных подразделений в местах лишения свобод : монография / А.В. Агарков; Федар. служба исполнения наказаний, Владим. юрид. ин-т Федер. Службы исполнения наказаний. Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2010. 168 с.

3. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный) / А.И. Алексеев, О.А. Вагин, Д.В. Закаляпин и [др.]; Под ред. А.И. Алексеева, В.С. Овчинского. М., 2011. С. 89.

4. *Ананьев Б.Г.* Психология человека. СПб., 1997. 90 с.

5. *Вормсбехер И.А.* Участие несовершеннолетних лиц в проведении оперативно-розыскных мероприятий // Актуальные вопросы организации и правового регулирования деятельности оперативных подразделений МВД России (посвящается памяти профессора Д.В. Ривмана). Материалы региональной научно-практической конференции. 2016. С. 73–78.

Literature:

1. *Abramov I.A.* Historical and legal characteristics of the tacit assistance of citizens to bodies carrying out operational-search activities in correctional institutions, on a contract basis // III International Penitentiary Forum «Crime, Punishment, Correction» // Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service. Ryazan. 2017. P. 70–76.

2. *Agarkov A.V.* Historical and organizational and legal aspects of the development of operational units in places of deprivation of liberty : monograph / A.V. Agarkov; Fedar. service of execution of punishments, Vladim. jurid. Institute Feder. Penitentiary services. Vladimir : VYUI FSIN of Russia, 2010. 168 p.

3. Commentary on the Federal Law «On Operational Investigative Activity» (itemized) / A.I. Alekseev, O.A. Vagin, D.V. Zakalyapin et [al.]; Ed. A.I. Alekseeva, V.S. Ovchinsky. M., 2011. P. 89.

4. *Ananiev B.G.* Human psychology. SPb., 1997. 90 p.

5. *Wormsbeher I.A.* Participation of minors in the conduct of operational-search activities // Topical issues of organization and legal regulation of the activities of operational units of the Ministry of Internal Affairs of Russia (dedicated to the memory of Professor D.V. Rivman). Materials of the regional scientific and practical conference. 2016. P. 73–78.

6. *Дошчицын А.Н.* Ретроспективный обзор нормативного правового регулирования профилактики и противодействия преступлениям несовершеннолетних в дореволюционной России // История государства и права. 2014. № 11. С. 19–23.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и [др.]; Отв. ред. В.М. Лебедев. М. : Юрайт, 2017. Т. 1: Общая часть. 316 с.
8. *Кукарцев В.Н.* К вопросу об участии несовершеннолетних лиц в проведении оперативно-розыскных мероприятий // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. Барнаул, 2016. С. 48–49.
9. *Новиков В.В.* Особенности привлечения лиц к негласному сотрудничеству для работы среди несовершеннолетних // Проблемы формирования и использования спецаппарата в борьбе с наиболее опасными проявлениями преступности: материалы круглого стола. Волгоград. 2006. С. 62.
10. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL : <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1828306/> (дата обращения 01.10.2020).
11. Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний // краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. URL : <http://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения 01.10.2020).
12. Развитие уголовного законодательства Российской Федерации : учеб.-практ. пособие / Отв. ред. В.П. Кашепов. М., 2007.
13. *Смирнов М.П.* Комментарии законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации и за рубежом: учебное пособие (постатейный). 5-е изд., расширенное и перераб. // СПС КонсультантПлюс. 2012.
14. *Тамбовцев А.И.* Коллизии законодательного регулирования содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 3(47). С. 25–33.
15. *Ушатиков А.И.* Пенитенциарная психология : учеб. 2-е изд., перераб. и доп. / А.И. Ушатиков, Б.Б. Казак. Рязань : Академия права и управления Минюста России, 2003. 758 с.
16. *Хайдаров А.А.* Законно ли привлекать несовершеннолетних для участия в ОРД // Уголовный процесс. 2018. № 6(162). С. 80–84.
6. *Doshchitsyn A.N.* Retrospective review of legal regulation of prevention and counteraction to juvenile crime in pre-revolutionary Russia // History of State and Law. 2014. № 11. P. 19–23.
7. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation : in 4 vol. (itemized) / A.V. Brilliantov, A.V. Galakhova, V.A. Davydov and others; editor-in-chief V.M. Lebedev. M. : Yurayt, 2017. Vol. 1: General part. 316 p.
8. *Kukartsev V.N.* On the issue of the participation of minors in the conduct of operational-search activities // Actual problems of combating crimes and other offenses. Barnaul, 2016. P. 48–49.
9. *Novikov V.V.* Features of attracting individuals to secret cooperation for work among minors // Problems of the formation and use of a special apparatus in the fight against the most dangerous manifestations of crime: materials of the round table. Volgograd, 2006. P. 62.
10. The official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL : <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1828306/> (date of treatment 10/01/2020).
11. Official website of the Federal Penitentiary Service // brief description of the penal system. URL : <http://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (date of treatment 10/01/2020).
12. Development of the criminal legislation of the Russian Federation : textbook.-practical. manual / Resp. ed. V.P. Kashepov. M., 2007.
13. *Smirnov M.P.* Comments on the legislative regulation of operational-search activities in the Russian Federation and abroad : textbook (article by article). 5th ed., Expanded and revised. // SPS Consultant-Plus. 2012.
14. *Tambovtsev A.I.* Collisions of legislative regulation of assistance to bodies carrying out operational-search activities // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 3(47). P. 25–33.
15. *Ushatikov A.I.* Penitentiary Psychology : Textbook. 2nd ed., Rev. and add. / A.I. Ushatikov, B.B. Kazak. Ryazan : Academy of Law and Management of the Ministry of Justice of Russia, 2003. 758 p.
16. *Khaidarov A.A.* Is it legal to attract minors to participate in the ORD // Criminal Procedure. 2018. № 6(162). P. 80–84.

Абрамян Сюзанна Кароевна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
уголовного права и криминологии,
Новороссийский филиал Краснодарского
университета МВД России
abrsyuzanna@yandex.ru

КВАЛИФИКАЦИЯ СЛУЖЕБНОГО ПОДЛОГА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

Аннотация. Ежедневно наращиваются объемы передаваемой информации между различными государственными институтами, ведомствами, учреждениями в целях повышения эффективности государственного управления. В этой связи вопросы обеспечения достоверности передаваемой информации приобретают особое значение. В системе правового воздействия на противоправное поведение, связанное с подлогом официальных документов, существенная роль принадлежит именно уголовному закону. Искажение официальных документов нарушает законную деятельность государственных органов и органов местного самоуправления, затрудняет выстраивание результативной административной политики. А как часть преступлений коррупционной направленности, подлог вызывает у граждан стойкое недоверие к властным структурам, подрывает их авторитет и, как итог, снижает эффективность общественных процессов. Следовательно, вопросы, касающиеся служебного подлога и ответственности за него, по сей день являются актуальными как для науки, так и для практической деятельности.

Ключевые слова: служебный подлог, квалификация, уголовное право, уголовная ответственность.

Научные разработки легли в основу солидного банка данных по проблемам выявления, градации и установления уголовно-правовых последствий служебного подлога. При этом следует отметить существенные изменения за последние годы в Российской Федерации вектора борьбы с коррупцией. Реформа антикоррупционного законодательства носит планомерный характер. Программы противодействия и профилактики указанного противоправного явления разрабатываются в соответствии с новейшими достижениями криминальной науки. Оценить реальное состояние преступности в данной области представляется достаточно трудным, поскольку данному составу присуща крайне высокая степень латентности. Объяснить это можно рядом обстоятельств. Во-первых, субъект преступления обладает специальными познаниями в сфере своей

Suzanna K. Abramyan
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Novorossiysk branch
of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
abrsyuzanna@yandex.ru

QUALIFICATION OF OFFICIAL FORGERY IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF RUSSIA

Annotation. The volume of information transmitted between various state institutions, departments, and institutions is increasing daily in order to improve the efficiency of public administration. In this regard, the issues of ensuring the reliability of the transmitted information are of particular importance. In the system of legal influence on illegal behavior related to forgery of official documents, a significant role belongs to the criminal law. Misrepresentation of official documents violates the legitimate activities of state and local government bodies. It makes it difficult to build effective administrative policies. And as part of corruption-related crimes, it causes citizens to have a strong distrust of government structures, undermines their authority and, as a result, reduces the effectiveness of public processes. Consequently, issues related to official forgery and responsibility for it are still relevant for both science and practice.

Keywords: official forgery, qualification, criminal law, criminal liability.

деятельности, которые позволяют ему эффективно затруднять обнаружение преступных деяний. Во-вторых, данные деяния могут совершаться непосредственными руководителями и нейтрально восприниматься со стороны коллег. В-третьих, это – недостаточная правовая регламентация [1, с. 27].

Кроме того, данные судебно-следственной практики подтверждают, что действующее уголовное законодательство не в полной мере отражает появление новых форм подлога, содержит неточности законодательных формулировок понятия «предмет подлога документов», расплывчатые формулировки квалифицирующих признаков и тому подобное.

Большой юридический словарь трактует подлог как создание, подгонку или имитацию объектов,

статистики или документов, имеющих целью введение в заблуждение физическое или юридическое лицо. Свое начало это понятие берет еще в Римском праве, где оно определялось как подделка разного рода императорских документов, монет, печатей, мер весов. В Российской империи уже царь Иван Грозный наказывал за подлог смертной казнь. В последующие периоды степень взыскания напрямую зависела от важности документа, который был подделан, но в любом случае проступок не оставался безнаказанным. Нарушители закона, как минимум, подвергались аресту, как максимум – отправлялись на каторгу. Уголовное право Советского Союза определяло подлог как преступное составление ложных или подделку подлинных материалов должностным или частным лицом. Уголовно-правовая наука постсоветской России считает подлогом специальный вид злоупотребления должностными полномочиями, оценивает его как преступление, направленное против государственной службы, против порядка обеспечения задач и функций местного самоуправления и как экономическое преступление. Согласно разъяснениям Б.В. Здравомыслова, совершая служебный подлог, «виновный использует свои должностные или служебные полномочия». Часто, именно на служебном подлоге впоследствии основываются преступления коррупционной направленности.

Актуальной проблемой представляется предмет служебного подлога. У подлога есть свои признаки, и обязательным среди них является наличие предмета преступления. Когда речь идет о подлоге, в качестве предмета преступления выступает официальный документ.

Документов, различающихся по всевозможным признакам, достаточно много. Все документы можно разделить по видам, по формам и т.д. В подлоге участвуют именно официальные документы. Для того, чтобы понять официальным ли является документ, он должен пройти ряд проверок.

В действующих на территории нашей страны законах можно найти списки тех документов, которые принято считать официальными. В каждом законе или законодательном акте эти списки отличаются. Это говорит о том, что официального деления документов на официальные и на не официальные в действующем законодательстве нет. А это, в свою очередь, порождает много споров.

Если рассматривать действующие на территории РФ законы и законодательные акты, то в них понятия «документ» и «официальный документ» четко не сформулированы, что не дает возможности считать статус документа официальным. Это, в свою очередь, делает расплывчатым определение происхождения, направленности и содержания документа. Официальным признается документ, созданный согласно установленному порядку организацией или должностным лицом.

Русский язык толкует термин «официальный» двояко:

- 1) должностной, правительственный,
- 2) составленный на основе законодательных требований, действующих на территории России.

От характера документа и его носителя зависит перечень обязательных реквизитов, в который входят заголовок, отображающий суть документа, виза, отметки о согласовании и утверждении, сведения о месте, дате и времени составления документа, подпись (подпись может поставить как руководитель, так и лицо, имеющее на это право). Если документ был составлен в электронном виде, то он имеет свои требования, которые в обязательном порядке должны быть выполнены.

Происхождение официального документа обуславливается объектом преступления, нанесшим вред путем нарушения закона и субъектами подлога.

Официальными могут быть не только те документы, которые отправляются в компании, но еще и те, которыми пользуются внутри компании, которыми руководствуются сотрудники компании во время выполнения своих служебных обязанностей.

В качестве примера такого официального документа можно привести приказ о назначении сотрудника на новую должность. Официальные документы могут быть созданы:

- физическими лицами, то есть людьми, которые работают в какой-либо компании,
- юридическими лицами, то есть, документ составляется от имени компании.

Для того, чтобы документ можно было считать официальным, необходимо чтобы он был включен в официальное делопроизводство ряда учреждений, таких как:

- государственные учреждения (к примеру, федеральное собрание);
- муниципальные учреждения (к примеру, больницы, детские садики, библиотеки).

Таким образом, документ, рассматриваемый как предмет подлога, признается официальным, если он:

- 1) составлен с учетом всех требований и оформлен в бумажном и электронном виде;
- 2) имеет официальную форму: в нем перечислены юридические акты, регламентируется прекращение или заключение определенных отношений согласно требованиям содержания;
- 3) составлен должностным либо уполномоченным лицом.

Изготовление, сбыт и использование подложных документов квалифицируются как серьезные, административно и уголовно наказуемые правона-

рушения. Для привлечения нарушителя закона к ответственности следует грамотно классифицировать подлог, четко разграничить понятия «служебный подлог документов» и «подделка документов».

Бумага, подверженная подделке, изначально не имеет статуса официальной. Преступники, используя различные способы и средства, лишь придают ей такой вид. При подделке незаконно меняются отдельные части подлинника либо изготавливаются или подбираются составные части официального документа в виде бланка, печати, штампа и т.п.

Литература:

1. *Сокальский Б.Б.* Подлог документов в уголовном праве России и Германии: сравнительно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 175 с.

Подлог документа – это его изменение должностным лицом. Следует разделять понятия «фиктивные документы (подделки)» и «подложные документы». В качестве образцов для изготовления фиктивных документов берутся официальные бумаги. Подложные документы являются заведомо официальными, но имеют недостоверные данные или искажающие их содержание изменения. Наиболее часто подделываются паспорта, удостоверения водителей и сотрудников правоохранительных органов, справки о доходах и о нетрудоспособности, больничные листы. При подлоге в них и другие документы вносятся не соответствующая действительности информация.

Literature:

1. *Sokolsky B.B.* Forgery of documents in the criminal law of Russia and Germany: comparative legal research : dis. ... cand. law sciences. M., 2016. 175 p.

Адыгезалова Гюльназ Эльдаровна
доктор юридических наук,
доцент,
кафедра теории
и истории государства и права,
Кубанский государственный университет
gyulnaz_2000@mail.ru

Ралка Елисей Борисович
студент 2 курса,
Кубанский государственный университет
Milena.555@mail.ru

ЗАКРЕПЛЕНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ СВОБОДЫ СЛОВА В ИСТОРИИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ США: ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННОЙ ДОКТРИНЫ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. Конституция США, дополненная Биллем о правах, закрепила естественные права и свободы человека и гражданина. Одним из наиболее значимых ее пунктов стала свобода слова, зафиксированная в первой поправке. В данной статье рассмотрен процесс толкования поправки в ходе формирования судебной практики Верховным судом США. Не только Верховный суд США, но и Конгресс США в своей деятельности пытались установить границы возможной реализации свободы слова. Позиции этих органов власти не всегда совпадали, но в центре внимания всегда находился вопрос о соотношении индивидуального и публичного, социального интересов.

Ключевые слова: Верховный суд США, Билль о правах, Конституция США, права и свободы, Конгресс США, толкование права, конституционный контроль, конституционная доктрина, правовая система.

Конституция США, принятая в 1787 г. на Конституционном Конвенте в Филадельфии, не содержала норм о правах и обязанностях человека и гражданина. Её задачей было закрепление перехода от конфедерации к федерации, поэтому она наметила только общие очертания конституционного строя в государстве, в связи с чем, многие штаты в качестве условия её ратификации требовали дополнить содержание документа жизненно важным разделом о правах и свободах человека и гражданина.

Отсутствие в Конституции перечня прав и свобод «отцы-основатели» обосновывали по-разному. Например, Дж. Вильсон и А. Гамильтон доказывали на Конвенте в Филадельфии, что Конституция сама по себе является Биллем о правах и,

Gyulnaz E. Adygezalova
Doctor of Law,
Associate Professor,
Department of Theory
and History of State and Law,
Kuban State University
gyulnaz_2000@mail.ru

Elisey B. Ralka
2nd year Student,
Kuban State University
Milena.555@mail.ru

CONSOLIDATION AND IMPLEMENTATION OF FREEDOM OF SPEECH IN THE HISTORY OF THE US LEGAL SYSTEM: ISSUES OF CONSTITUTIONAL DOCTRINE AND JUDICIAL PRACTICE

Annotation. The US Constitution, supplemented by the Bill of Rights, enshrined the natural rights and freedoms of man and citizen. One of the most significant was the freedom of speech, enshrined in the first amendment. This article examines the interpretation process of the amendment in the course of the formation of jurisprudence by the US Supreme Court. Not only the US Supreme Court, but also the US Congress, in their activities tried to establish the boundaries of the possible realization of freedom of speech. The positions of these authorities did not always coincide, but the focus has always been on the relationship between individual and public, social interests.

Keywords: US Supreme Court, Bill of Rights, US Constitution, rights and freedoms, US Congress, interpretation of law, constitutional review, constitutional doctrine, legal system.

соответственно, его принятие не требуется, а также, что специальный свод прав и свобод является «конституционным излишеством», ведь, если они являются естественными, то их запись не требуется. На это сторонники поправок обоснованно заявляли, что федеральная Конституция в отличие от Статей конфедерации объединяет не штаты, сохраняя их суверенитет, а население страны, поэтому включение Билля о правах было необходимо. Этот вопрос был вынесен на обсуждение уже на первой сессии Конгресса США в 1789 году. По сути, существование самой федерации было поставлено в зависимость от решения данного вопроса. На протяжении четырёх лет после принятия Конституции США в конгресс со всех штатов стекались предложения, нашедшие

отражение в подготовленных Джеймсом Мэдисоном дополнениях, которые и составили десять первых поправок к Конституции США, утверждённых конгрессом 25 сентября 1789 года. С 15 декабря 1791 года после ратификации этих поправок законодательными собраниями штатов они стали составной частью Конституции США. В результате, Билль заложил основы единой, по своей сути, хотя и двухуровневой по структуре, конституционной системы прав и свобод. Некоторые политики считали, что он был внесён сторонниками Конституции (автор большинства поправок Дж. Мэдисон также являлся и автором Вирджинского плана) в качестве уступки за её ратификацию штатами, в которых были сильны позиции антифедералистов. В дальнейшей истории США эти поправки, обеспечившие соблюдение и защиту прав и свобод граждан, стали предметом многих судебных разбирательств, в которых они трактовались неоднозначно.

Первая поправка, включённая в Билль о правах, предусматривала право граждан США на свободу слова, религии, прессы, собраний, на подачу петиции с просьбой удовлетворения жалоб. Необходимо обратить внимание на то, что правоспособность человек приобретает с рождением, а соответственно – и естественные права, которыми он уже обладает, не провозглашаются Биллем о правах, а защищаются им от ограничений со стороны власти. Это можно проследить в стиле и терминологии Билля, ведь он не декларирует, а запрещает: «Конгресс не должен издавать ни одного закона, ...», «Право народа ... не должно нарушаться».

В американской конституционной доктрине свобода слова считается наиболее важной, так как без неё невозможно и немислимо осуществление остальных прав и свобод. Один из отцов-основателей США и автор Конституции Бенджамин Франклин сказал: «Свобода слова является основанием свободного правительства, а лишение людей этой свободы приведет к подрыву конституции свободного общества» [3]. Если рассматривать современное толкование этого понятия, то Верховный суд США рассматривает свободу слова как свободу не только в её политическом аспекте, но и свободу проведения различных дискуссий, прений, мнений, а по форме реализации она может быть осуществлена не только в словах, но и в какой-либо символике, художественных образах, действиях, выражениях и т.д. Верховный суд США при осуществлении своей функции конституционного контроля давал широкую трактовку, рассматривая данный вопрос в соответствии с целью недопустимости ограничения прав и свобод граждан, что может не соотноситься с позицией других органов власти.

Показательным стало столкновение между Верховным судом и Конгрессом США по вопросу «об осквернении национального флага», которое началось с дела «Техас против Джонсона» 1989 г. [3]. Грегори Ли Джонсон в 1984 году на демонстрации против политики президента Рональда Рейгана облил флаг США керосином и сжёг его под одобрительные выкрики толпы. За это действие в соответствии с законами штата Техас,

Джонсон был осуждён за вандализм к году лишения свободы и штрафу в 2000 долларов. Джонсон подал апелляцию в пятый апелляционный суд штата Техас, но здесь он не добился успеха. Затем, Джонсон обратился в Апелляционный суд по уголовным делам штата Техас. Представители штата при рассмотрении дела в этой инстанции заявили, что сохранение порядка и защита символа национального единства важнее права на свободу слова, выраженного, по их мнению, в символической и неоднозначной форме. Однако суд занял прямо противоположную позицию и признал неправомерным осуждение Джонсона. В итоге, по инициативе штата дело было передано в Верховный суд США, который установил, что при данных обстоятельствах сожжение Джонсоном флага представляло собой выразительное поведение, позволяющее ему сослаться на первую поправку. Суд пришел к выводу, что, несмотря на практику ограничения правительством выразительного поведения, оно не может запрещать определенное поведение лишь на том основании, что имеет выразительные элементы. Также, суд отклонил ответный иск Техаса о том, что сжигание флага наказуемо на том основании, что такое действие имеет тенденцию подстрекать к нарушению мира, постановив, что штат может наказывать только за конкретные слова, которые подстрекают к неизбежным незаконным действиям. В ответ на это Конгресс США в октябре 1989 года принял закон, который закрепил, что действия по осквернению национального флага являются тяжким преступлением.

Немного позже Шон Эйхман сжёг флаг на ступенях Капитолия США – местопребывания Конгресса США, протестуя против внутренней и внешней политики правительства, за что был арестован и осуждён на год лишения свободы [5]. После этого Эйхман подал апелляцию в Верховный суд США по поводу ущемления свободы слова и её выражения через действия. В июне 1990 г. Верховный суд США по делу «Соединённые Штаты против Эйхмана» признал закон Конгресса неконституционным. Судья Уильям Бреннан в объяснении решения указал: «Заявленная цель закона по защите флага связана с подавлением свободы слова и её выражения. Это подтверждается наличием разрешения сжигать флаг на церемонии захоронения и одновременным запретом для протестующих поджигать его во время политического протеста, при этом в обоих случаях символ государства фактически уничтожается, но это влечет разные последствия» [5]. Было подтверждено, что заинтересованность правительства в сохранении флага как символа не перевешивает право человека совершать действия с этим символом, используя выразительное поведение.

Однако при всей видимой абсолютизации свободы слова американская конституционная доктрина и судебная практика имеют возможность ограничивать её. Это возможно в случае призывов к насилию, которые пропагандируют применение силы и требуют немедленного совершения незаконного действия, осознанной клеветы или непристойной речи с прямыми оскорблениями.

Все эти действия, безусловно, должны считаться незаконными и противоестественными, неприемлемыми при реализации фундаментального права человека на выражение своего мнения.

Кроме того, в США существует цензура, которая может ограничить свободу слова в конкретной ситуации. Например, в 1919 г. по делу «Абрамс против Соединённых Штатов» [6] рассматривалась законность «Акта о шпионаже», принятого во время Первой мировой войны в той его части, где речь шла об ограничениях, накладываемых на антиправительственные антивоенные высказывания. В 1918 г. были арестованы 7 евреев-эмигрантов из России во главе с Джейкобом Абрамсом, который сдал остальным в аренду подвальное помещение типографии. Обвинение считало, что в этом здании были напечатаны антиправительственные листовки против администрации Вудро Вильсона. Судья «особых мнений», основоположник идей правового реализма Оливер Холмс [1] постановил: «Конгресс имеет право запрещать соответствующие слова, которые несут непосредственную угрозу и могут нанести существенный ущерб. Не подлежит защите свобода слова человека, который злонамеренно закричит «пожар» в театре и вызовет панику у людей» [6]. В итоге, Верховный суд США принял решение осудить всю группу на длительные тюремные сроки (кроме одного человека, сотрудничавшего со следствием), на том основании, что критика участия США в Первой мировой войне не подлежит защите первой поправкой, поскольку они выступили за забастовку в связи с производством боеприпасов и за насильственное свержение правительства.

В 1942 г. прошёл процесс «Чаплински против Нью-Гэмпшира» [7], на котором обвиняемым был гражданин Чаплински, распространявший литературу организации «Свидетели Иеговы», называя её рэкетирской. Местным жителям не понравились его действия, они вызвали полицию, которая запретила ему оскорблять религиозную организацию, а позже после нарушения этого запрета арестовала его. При аресте Чаплински заявил полицейскому, что он сам и вся администрация г. Рочестера, штата Нью-Гэмпшир являются «проклятыми рэкетирами и фашистами». По закону штата он был осуждён за обращение к официальному лицу, носящее оскорбительный или насмешливый характер. Чаплински обратился в Верховный суд США с просьбой обжаловать

Литература:

1. *Адыгезалова Г.Э.* Оливер Уэнделл Холмс // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. № 5(268). С. 184–196.
2. *Адыгезалова Г.Э.* Социологическая юриспруденция США в XX в.: формирование доктрины, развитие и совершенствование правопорядка : дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2017.
3. *Франклин Б.* URL : <https://share.america.gov/ru/freedom-words-against-language-enmity/> (дата обращения 01.05.2020).

приговор, потому что расценил закон, как «слишком расплывчатый» и нарушающий его свободу слова по первой поправке. Однако Верховный суд единогласным решением оставил арест в силе, а судья Фрэнк Мёрфи заявил: «Существуют четко определенные и узко ограниченные типы речи, пресечение и наказание которых никогда не вызвали никаких конституционных проблем. К ним относятся непристойные, оскорбительные или клеветнические слова, те, которые самим своим высказыванием наносят вред или склоняют, провоцируют к немедленному нарушению мира. Выражения такого рода не являются существенной частью какого-либо изложения идей и имеют незначительную социальную ценность, не являются шагом к истине, так что любая выгода, которая может быть извлечена из них, явно перевешивается социальным интересом к порядку и морали» [7]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что не всё сказанное или совершённое защищалось или будет защищаться судом, а органы власти оставляют за собой исключительное право идеологического, политического и финансового контроля за осуществлением свободы слова для недопущения дестабилизации обстановки в государстве.

Практика реализации широкой конституционной нормы Билля о правах США наглядно демонстрирует, что толкование одной и той же нормы могло быть разным в конкретно-исторические периоды жизни американского общества. На чашу весов всегда ставились, с одной стороны, индивидуальный, частный интерес выражения своего мнения любыми доступными способами, а с другой, – общественный интерес в стабильности жизни, государственный интерес в обеспечении безопасности и государственного порядка [2]. Стремление оценить каждый конкретный случай с учетом всех фактических обстоятельств дела являлось достоинством американской правовой системы. Категоричность законодательной власти, представленной Конгрессом, сглаживалась деятельностью Верховного суда США, который не механически применял правовую норму, а тщательно соотносил цель, преследуемую нормой, с рассматриваемыми обстоятельствами дела. Реализуя функцию конституционного контроля и толкования конституционной нормы, Верховный суд США стремился реализовать главную функцию права – обеспечение и поддержание порядка путем сбалансирования интересов.

Literature:

1. *Adygezalova G.E.* Oliver Wendell Holmes // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 2006. № 5(268). P. 184–196.
2. *Adygezalova G.E.* Sociological jurisprudence of the United States in the twentieth century: the formation of doctrine, the development and improvement of the rule of law : diss. doctor of Law. Krasnodar, 2017.
3. *Franklin B.* URL : <https://share.america.gov/ru/freedom-words-against-language-enmity/> (date of access 01.05.2020)

4. U.S. Reports: Texas v. Johnson, 491 U.S. 397. URL : <https://tile.loc.gov/storage-services/service//usrep/usrep491/usrep491397/usrep491397.pdf> (date of access 01.05.2020)

5. U.S. Reports: United States v. Eichman, 496 U.S. 310. URL : <https://tile.loc.gov/storage-services/service//usrep/usrep496/usrep496310/usrep496310.pdf> (date of access 01.05.2020)

6. U.S. Reports: Abrams v. United States, 250 U.S. 616. URL : <https://tile.loc.gov/storage-services/service//usrep/usrep250/usrep250616/usrep250616.pdf> (date of access 01.05.2020)

7. U.S. Reports: Chaplinsky v. New Hampshire., 315 U.S. 568. URL : <https://tile.loc.gov/storage-services/service//usrep/usrep315/usrep315568/usrep315568.pdf> (date of access 01.05.2020).

4. U.S. Reports: Texas v. Johnson, 491 U.S. 397. URL : <https://tile.loc.gov/storage-services/service//usrep/usrep491/usrep491397/usrep491397.pdf> (date of access 01.05.2020)

5. U.S. Reports: United States v. Eichman, 496 U.S. 310. URL : <https://tile.loc.gov/storage-services/service//usrep/usrep496/usrep496310/usrep496310.pdf> (date of access 01.05.2020)

6. U.S. Reports: Abrams v. United States, 250 U.S. 616. URL : <https://tile.loc.gov/storage-services/service//usrep/usrep250/usrep250616/usrep250616.pdf> (date of access 01.05.2020)

7. U.S. Reports: Chaplinsky v. New Hampshire., 315 U.S. 568. URL : <https://tile.loc.gov/storage-services/service//usrep/usrep315/usrep315568/usrep315568.pdf> (date of access 01.05.2020).

Амосова Анна Александровна
аспирантка кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
aarassohina77@mail.ru

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОЛУЧЕНИЕ ВЗЯТКИ В УК РФ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ ОПТИМИЗАЦИИ

Аннотация. В статье осуществлено рассмотрение вопросов дифференциации уголовной ответственности за получение взятки в соответствии с Уголовным Кодексом Российской Федерации, определены перспективы оптимизации процесса ее осуществления. Автором проводится анализ мнений ученых-юристов, а также, правоприменительной практики. Автор предлагает внести изменения в ч. 5 ст. 290 УК РФ, что, по его мнению, позволит учесть такие дифференцирующие признаки для преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 290 УК РФ, как его совершение группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, а также, с вымогательством взятки. Делается предложение, что уголовная ответственность за получение мелкой взятки должна быть более строгой, чем за ее дачу, что связано с правовым статусом получателя взятки и с тем, что данное деяние оказывает негативное воздействие на всю систему государственного и муниципального управления и на различные сферы жизни общества. Автором делается вывод о том, что дифференцирующие признаки уголовной ответственности за получение взятки в настоящее время не являются удовлетворительными. Необходимо дальнейшее реформирование норм уголовного законодательства в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: коррупция, получение взятки, мелкое взяточничество, уголовная ответственность, дифференциация уголовной ответственности, квалифицирующие признаки.

За последние несколько лет российское уголовное законодательство претерпело значительные изменения как в сторону его либерализации в отношении некоторых видов преступлений, так и в сторону усиления уголовной ответственности за отдельные посягательства. В последние годы законодатель неоднократно изменял статьи Уголовного кодекса РФ, предусматривающие ответственность за взяточничество, в связи с усилением борьбы с коррупцией, а также с взятыми на себя Россией международными обязательствами в области противодействия коррупции. Значительному изменению нормы уголовного

Anna A. Amosova
Postgraduate student of the Department
Criminal Law and Criminology,
Kuban State University
aarassohina77@mail.ru

DIFFERENTIATION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR OBTAINING THE BRIBERY IN THE CC OF THE RUSSIAN FEDERATION AND PROSPECTS OF ITS OPTIMIZATION

Annotation. The article deals with the issues of differentiation of criminal liability for accepting a bribe in accordance with the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the prospects for optimizing the process of its implementation. The analysis of the opinions of legal scholars, as well as law enforcement practice. In a scientific article, the author suggests introducing amendments to Part 5 of Art. 290 of the Criminal Code of the Russian Federation. This will take into account such differentiating signs for a crime under Part 2 of Art. 290 of the Criminal Code of the Russian Federation, as its commission by a group of persons by prior conspiracy or by an organized group, as well as with extortion of a bribe. It is also proposed that criminal liability for accepting a small bribe should be stricter than for giving it, which is related to the legal status of the recipient of a bribe and the fact that this act has a negative impact on the entire system of state and municipal administration, as well as on various spheres of society. The author concludes that the differentiating signs of criminal liability for accepting a bribe are currently not satisfactory. It is necessary to further reform the norms of criminal legislation in this area.

Keywords: corruption, bribery, petty bribery, criminal liability, differentiation of criminal liability, qualifying features.

законодательства подверглись в 2011 г., что было связано с принятием ряда Федеральных законов [5].

Изменения антикоррупционного законодательства также касаются и дифференциации уголовной ответственности за получение взятки. В частности, в 2011 г. была осуществлена более детальная дифференциация уголовной ответственности за получение взятки, исходя из ее размера путем включения в качестве квалифицирующего и особо квалифицирующего признаков значительного и особо крупного размеров взятки.

В 2016 г. в очередной раз была скорректирована ответственность за получение взятки. Был принят Федеральный Закон от 03 июля 2016 г. № 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», что ознаменовало следующий этап реформирования уголовного законодательства об ответственности за взяточничество [6]. Данным законом в УК РФ была введена норма, предусматривающая ответственность за мелкое взяточничество, а именно ст. 291.2. Полагаем, что установление ответственности за мелкое взяточничество также является реализацией процесса дифференциации ответственности за получение взятки.

Вместе с тем ответственность за мелкое взяточничество не дифференцирована в зависимости от совершенных действий, состава участников и квалифицирующих признаков [9]. Важное значение по данному вопросу имеет разъяснение Президиума Верховного Суда РФ. Отвечая на вопрос нижестоящих судов о том, как следует квалифицировать получение взятки в размере, не превышающем 10000 руб., если эти деяния совершены при наличии квалифицирующих признаков, названных в ст. 290 УК РФ, высшая судебная инстанция указала на то, что ст. 291.2 УК РФ содержит специальные нормы по отношению к нормам ст. 290 и 291 УК РФ. В ней не содержится такого условия её применения, как отсутствие квалифицирующих признаков деяний, предусмотренных ч. 2–6 ст. 290 или ч. 2–5 ст. 291 УК РФ. В связи с этим, получение взятки, дача взятки в размере, не превышающем 10000 руб., влекут ответственность по ст. 291.2 УК РФ независимо от того, когда (до 15 июля 2016 года или после этой даты) и за какие действия (законные или незаконные) они совершены, в каком составе участников (единолично или группой лиц), а также, наличия или отсутствия других квалифицирующих признаков [10].

Рассмотрим подробнее каждый из дифференцирующих признаков изучаемого преступления. Прежде всего, необходимо отметить, что уголовная ответственность за получение взятки дифференцируется исходя из размера взятки. В частности, ст. 291.2 УК предусмотрена ответственность за мелкую взятку, размер которой не превышает 10 тыс. рублей.

В течение длительного времени велись дискуссии по поводу необходимости принятия особой нормы, регулирующей наступление юридической ответственности за мелкое взяточничество и в конечном итоге данное положение было принято. В целом, данное нововведение следует оценить положительно, так как нередко мелкие взятки, хотя и являясь уголовным преступлением, тем не менее, обладают меньшей общественной опасностью, ввиду чего нуждаются в дополнительном правовом регулировании, что и было осуществлено путем проведения дифференциации взятки и выделение мелкого взяточничества в качестве отдельной нормы права.

В ч. 2 ст. 290 УК РФ в качестве дифференцирующего признака указан значительный размер

взятки, которым признается сумма денег, стоимость ценных бумаг либо иного имущества, а равно, услуг имущественного характера, иных имущественных прав, которая превышает 25 тыс. рублей.

Часть 5 ст. 290 УК РФ предусматривается такой дифференцирующий признак, как получение взятки в крупном размере, то есть, на сумму, превышающую 150 тыс. рублей.

В свою очередь, ч. 6 ст. 290 УК РФ устанавливает ответственность за получение взятки в особо крупном размере, то есть, на сумму, превышающую 1 млн рублей.

Часть 3 ст. 290 УК РФ предусматривает ответственность за получение взятки за незаконное действие (либо бездействие). При этом в качестве незаконного действия (бездействия) следует понимать те действия, которые были совершены должностным лицом с использованием им своего служебного положения, но при отсутствии предусмотренных для их реализации оснований; данные действия (бездействия) могут относиться к полномочиям другого должностного лица или же совершаются должностным лицом единолично, в то время, как они могут быть совершены либо коллегиально, либо по согласованию с другим должностным лицом или органом. Данное незаконное действие (бездействие) состоит в неисполнении служебных обязанностей, а также, в совершении действий (бездействия), которые никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать.

Часть 4 ст. 290 УК РФ предусматривается такой дифференцирующий признак получения взятки, как совершение данного преступления лицом, которое занимает государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно - главой органа местного самоуправления. В рамках данной нормы субъект преступления является узкоспециальным. Из должностных лиц выделен особый круг специальных субъектов, занимающих государственную должность, государственную должность субъекта федерации или муниципального образования. Полагаем, что его выделение является оправданным, так как указанные лица занимают наиболее важные для функционирования всего государства должности. В частности, под лицами, занимающими государственные должности Российской Федерации, следует понимать лиц, которые занимают должности, устанавливаемые Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий государственных органов. В свою очередь, под лицами, занимающими государственные должности субъектов Российской Федерации, понимаются лица, занимающие должности, устанавливаемые конституциями или уставами субъектов Российской Федерации для непосредственного исполнения полномочий государственных органов. К данным лицам будут относиться работники различных федеральных служб и их управлений, работники министерств и департаментов субъектов Федерации и иные лица.

В ч. 5 ст. 290 УК РФ предусмотрена ответственность за деяния, указанные в ч. 1, 3 и 4 ст. 290 УК РФ, если при этом преступление было совершено группой лиц по предварительному сговору или организованной группой лиц с вымогательством взятки в крупном размере. Таким образом, крупный размер взятки фактически приравнивается к таким дифференцирующим признакам, как совершение преступного деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой лиц, а также, к вымогательству взятки.

При этом, говоря о проблемах и перспективах развития дифференциации уголовной ответственности за получение взятки, следует отметить, что в специальной литературе неоднозначно оценивается ее осуществление в ч. 5 ст. 290 УК РФ. Так, Т. Сабитов полагает, что «типичная степень общественной опасности получения взятки группой лиц по предварительному сговору (п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ) в законодательстве предусмотрена выше степени общественной опасности совершения того же преступления лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации (ч. 4 ст. 290 УК РФ)» [8, с. 70]. Он утверждает, что групповое получение взятки может быть менее опасным деянием, чем получение взятки лицом, занимающим государственную должность в Российской Федерации. С этим мнением автора следует согласиться.

Кроме того, в ч. 5 ст. 290 УК РФ усматривается определенное упущение. При описании особо квалифицированного состава получения взятки законодатель не сделал указание на деяние, предусмотренное ч. 2 данной статьи, – получение взятки в значительном размере. Это означает, что получение взятки в значительном размере группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо с вымогательством взятки не может квалифицироваться по п. «а» или п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ. Полагаем, что наличие указанных обстоятельств при получении взятки в значительном размере существенно повышает степень общественной опасности содеянного, поэтому данный недостаток следует устранить, представив норму в следующей редакции:

«Деяния, предусмотренные частями первой, второй третьей или четвертой настоящей статьи, если они совершены:

а) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

б) с вымогательством взятки;

– а также деяния, предусмотренные частями первой, третьей или четвертой настоящей статьи, если они совершены:

в) в крупном размере».

Таким образом, деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 290 УК РФ, в случае его совершения группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо с вымогательством взятки можно будет квалифицировано по п. «а» или п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ. Таким образом, после принятия предлагаемых нами изменений,

существующее в норме права упущение будет ликвидировано.

Для более точной дифференциации уголовной ответственности за получение взятки, на наш взгляд, необходимо предпринять ряд шагов.

В настоящее время критерии дифференциации ответственности за получение взятки могут быть классифицированы как на общие, к которым следует отнести совершение преступления группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, и специальные дифференцирующие обстоятельства, круг которых образуют размер взятки, правовая оценка действий (бездействия) лица по службе, правовой статус должности взяткополучателя, а также вымогательство взятки.

Полагаем, что размер взятки при этом не должен являться основным критерием оценки степени общественной опасности деяния. По нашему мнению, дифференциация уголовной ответственности должна учитывать, прежде всего, законность или незаконных действий (бездействия) должностного лица, вымогательство взятки, а также, совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Безусловно, размер взятки должен учитываться, что подтверждено законодателем и при формулировании ст. 290, и при дополнении УК РФ ст. 291.2, предусматривающей ответственность за мелкое взяточничество. Введение данной нормы следует рассматривать в качестве проявления гуманизации уголовной политики в сфере противодействия получению взятки на бытовом уровне, для которого характерен ее незначительный размер. Вместе с тем, мы считаем возможным рассмотреть предложение относительно осуществления дифференциации уголовной ответственности и за само мелкое взяточничество. В частности, полагаем, что в ст. 291.2 УК РФ целесообразно предусмотреть ответственность самостоятельно (в отдельных частях статьи) за дачу мелкой взятки и за ее получение. Как известно, в настоящее время ответственность за то и за другое деяние предусматривается в ч. 1 ст. 291.2 УК РФ. Полагаем, что уголовная ответственность за получение мелкой взятки должна быть более строгой, чем за ее дачу, что связано с правовым статусом получателя взятки и с тем, что данное деяние оказывает негативное воздействие на всю систему государственного и муниципального управления, а также, на различные сферы жизни общества. Получение взятки, несомненно, обладает большим уровнем общественной опасности, что следует учесть законодателю. Таким образом, мы можем говорить о том, что уголовная ответственность за дачу мелкой взятки должна быть меньше, нежели чем ответственность за ее получение. Это связано также и с тем, что субъектом получения взятки является лицо, обладающее должным правосознанием, образованием и способное осознавать негативный характер своих противоправных действий для всей государственной системы. В том время, как лицо, давшее мелкую взятку, может находиться в заблуждении (получив ложное утверждение, что

необходимо оплатить те или иные действия), а также, не в полной мере осознавать противоправность своих деяний, в том числе, в результате недостатка образования и правосознания.

Кроме того, предлагаем внести ранее предложенные изменения в ч. 5 ст. 290 УК РФ. Это позволит учесть такие дифференцирующие признаки для преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 290 УК РФ, как его совершение группой лиц по

Литература:

1. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2013 года № 24 с изм. и доп. от 03 декабря 2013 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Г.А. Есаков и [др.]; Под ред. Г.А. Есакова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. 838 с.

3. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ с изм. и доп. от 03 апреля 2017 года // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (Ч. 1). Ст. 6228; Собрание законодательства РФ. 2017. № 1 (Ч. I). Ст. 46.

4. Арямов А.А. Формулирование юридических дефиниций (на примере антикоррупционного законодательства РФ) / А.А. Арямов, Е.О. Руева // Lex russica. 2017. № 8. С. 90–100.

5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции: Федеральный закон от 04 мая 2011 года № 97-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 19. Ст. 2714; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции: Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 329-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6730; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 03 июля 2016 года № 324-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (Ч. II). Ст. 4257.

7. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря

предварительному сговору или организованной группой, а также, с вымогательством взятки.

Дальнейшее совершенствование процесса дифференциации уголовной ответственности за получение взятки будет способствовать оптимизации процесса противодействия данному виду преступлений, более действенной реализации уголовно-правовых принципов в этой сфере и в первую очередь – принципа справедливости.

Literature:

1. On judicial practice in cases of bribery and other corruption-related crimes: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 09, 2013 № 24 with amendment. and add. of December 03, 2013 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2013. № 9.

2. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (itemized) / K.A. Barysheva, Yu.V. Gracheva, G.A. Esakov and [oth.]; ed. G.A. Esakova. 7th ed., Rev. and add. M.: Prospect, 2017. 838 p.

3. On Anti-Corruption: Federal Law of December 25, 2008 № 273-FZ as amended. and additional from 03 April 2017 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2008. № 52 (Part 1). Art. 6228; Collection of legislation of the Russian Federation. 2017. № 1 (Part I). Art. 46.

4. Aryamov A.A. Formulation of legal definitions (on the example of anti-corruption legislation of the Russian Federation) / A.A. Aryamov, E.O. Rueva // Lex russica. 2017. № 8. P. 90–100.

5. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of the Russian Federation on administrative offenses in connection with the improvement of public administration in the field of combating corruption: Federal Law № 97-FZ dated May 04, 2011 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. № 19. Art. 2714; On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in connection with the improvement of public administration in the field of combating corruption: Federal Law of November 21, 2011 № 329-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. № 48. Art. 6730; On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of 07.12.2011 № 420-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. № 50. Art. 7362.

6. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of 03 July 2016 № 324-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2016. № 27 (Part II). Art. 4257.

7. On the practice of appointing criminal punishments by the courts of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the

2015 года № 58 с изм. и доп. от 29 ноября 2016 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

8. *Сабитов Т.* Дифференциация ответственности за взяточничество и коммерческий подкуп: критический взгляд // Уголовное право. 2012. № 1. С. 70–75.

9. *Ружева Е.О.* Нарушение принципа справедливости в результате несовершенства юридической техники уголовного закона // Российский следователь. 2016. № 4. С. 42–46.

10. Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению федеральных законов от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ – 326-ФЗ, направленных на совершенствование уголовной ответственности за коррупционные преступления и преступления экономической направленности, а также оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности (вступили в силу с 15 июля 2016 года: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28.09.2016 г. // СПС «Консультант-Плюс».

Russian Federation of December 22, 2015 № 58 with amendment. and add. of November 29, 2016 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2016. № 2.

8. *Sabitov T.* Differentiation of responsibility for bribery and commercial bribery: a critical view // Criminal law. 2012. № 1. P. 70-75.

9. *Rueva EO* Violation of the principle of justice as a result of imperfection of the legal technique of criminal law // Russian investigator. 2016. № 4. P. 42-46.

10. Answers to questions from the courts on the application of federal laws dated July 03, 2016 № 323-FZ – 326-FZ, aimed at improving criminal responsibility for corruption and economic crimes, as well as the grounds and procedure for exemption from criminal liability (entered into force on July 15, 2016: approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on September 28, 2016 // ATP ConsultantPlus.

Андреева Ольга Александровна

доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры
теории и истории государства и права,
Таганрогский институт
управления и экономики
ol-andr1@yandex.ru

Карягина Оксана Владимировна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
уголовного права и процесса,
Таганрогский институт
управления и экономики
o.karyagina@tmei.ru

Карягина Анжелика Владимировна

кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры
уголовного права и процесса,
Таганрогский институт
управления и экономики
a.karyagina@tmei.ru

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ,
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ
И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В ПРОЦЕССЕ
РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ
ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА**

■ ■ ■

Аннотация. Актуальность темы исследования определяется тем, что в российском законодательстве отсутствует понятие «уголовная политика», а проблема его введения является предметом научных дискуссий, как среди теоретиков уголовного права, так и государства и права. В результате установлено, что уголовная политика государства выражается в практической его деятельности по реализации функций в процессе комплексного обеспечения эффективного регулирования общественных отношений и поддержания правопорядка, общественной и национальной безопасности. Реализация уголовной политики государства осуществляется посредством регулятивных и охранительных его функций, в процессе правоприменительной деятельности достигаются ее цели, закрепленные в материальном и процессуальном законодательстве.

Ключевые слова: государство, политика, законодательство, уголовное право, принципы уголовной политики, преступность, правоприменительная деятельность.

■ ■ ■

Olga A. Andreeva

Doctor of Philosophy,
Professor,
Professor of the Department
Theories and Histories of State and Law,
Taganrog Institute
Governance and Economics
ol-andr1@yandex.ru

Oksana V. Karyagina

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of the Department
Criminal Law and Proceedings,
Taganrog Institute
Governance and Economics
o.karyagina@tmei.ru

Angelika V. Karyagina

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Criminal Law and Proceedings,
Taganrog Institute
Governance and Economics
a.karyagina@tmei.ru

**THE IMPROVEMENT
OF LEGISLATIVE, LAW ENFORCEMENT
AND JUDICIAL PRACTICE
IN THE PROCESS OF IMPLEMENTING
THE STATE'S CRIMINAL POLICY**

■ ■ ■

Annotation. The relevance of the research topic is determined by the fact that there is no concept of «criminal policy» in Russian legislation, and the problem of its introduction is the subject of scientific discussions, both among theorists of criminal law and state and law. As a result, it is established that the criminal policy of the state is expressed in its practical activities for the implementation of functions in the process of complex ensuring effective regulation of public relations and maintaining law and order, public and national security. The implementation of the state's criminal policy is carried out through its regulatory and protective functions, and in the course of law enforcement activities, its goals set out in the material and procedural legislation are achieved.

Keywords: state, politics, legislation, criminal law, principles of criminal policy, crime, law enforcement.

■ ■ ■

В условиях возрастающих вызовов и угроз общественной безопасности со стороны преступной деятельности, актуальность приобретает анализ уголовной политики государства, направленной на ее преодоление. Политика государства, связанная с определенной неэффективностью принимаемых решений, запоздалой управленческой реакцией по разрешению возникающих политических и экономических проблем, становится причиной роста преступности, способной влиять и даже реконструировать политическую и правовую реальность. Разработка концептуальных основ уголовной политики в сфере противодействия ее деструктивному воздействию на общество и государство во многом зависит от принципов правовой политики, находящих отражение в законодательстве. В формировании участвуют государственные деятели, учреждения и институты власти, юристы, социологи, политтехнологи и т.д., которые, исследуя с разных сторон общественные отношения, вырабатывают ее стратегию и тактику, определяют содержание и перспективы развития.

Средства юридической техники в этом процессе способны совершенствовать нормативно-правовые формы, применять их к формированию накопленного материала с тем, чтобы обеспечить системность, непротиворечивость, целостность российского уголовного законодательства. А.В. Малько и А.П. Мазуренко отмечают, что «в основе правовой политики современного государства лежат особые идеи - правовые идеи стратегического характера, которые в своем единстве образуют научно обоснованную, продуманную, адекватную юридической практике и закреплённую в официальных государственных документах концепцию или доктрину» [5, с. 11]. В РФ такой основой являются стратегии социально-экономического развития, включающие совершенствование нормативных правовых актов и связанных с ними юридической техники и технологии. Развитие уголовного права не связано исключительно с линейным прогрессом, его перемены и сдвиги, отраженные в абстрактных формах нормативных правовых актов, определяют правовое или не правовое поведения, что, впрочем, сохраняется, как в условиях изменения содержания историко-правовых процессов, так и при кардинальной трансформации политической конъюнктуры.

Уголовная политика государства строится на допущении, что политические проблемы уже решены в процессе установления того или иного общественного строя и достигнуто согласие на него со стороны общественности демократическим или иным путем. Задача уголовного права наиболее адекватно зафиксировать степень достигнутого консенсуса, так как правовые системы, построенные на иных основаниях, испытали в истории все перипетии классовой борьбы и революционных потрясений, разрушивших то, что было создано усилиями юридической мысли и техники в прошлом. Как пример, подтверждающий эти рассуждения, можно привести историю диссидентства в 60–80-е гг. XX века в СССР. В то время ни один из репрессированных не подал заявлений по поводу пересмотра судебного дела, апеллируя к праву амнистии. Признаваясь в своей

сознательной антисоветской деятельности, решения судов они не считали судебной ошибкой или несовершенством уголовного законодательства. Диссиденты обвиняли существовавший в стране политический режим, уголовно-правовая политика которого основывалась на УК РСФСР, содержащем статьи, карающие за антисоветскую пропаганду и деятельность. В настоящее время, когда обстоятельства изменились, их деятельность признана правозащитной, а, следовательно, правомерной, поскольку они критиковали ушедшие в историю советские законы и официальные ценности.

Государственная власть реагирует на изменения, происходящие в общественных отношениях, но не всегда в соответствии с правовыми и конституционными принципами. Так, конституционное закрепление в 1918 году в РСФСР идеи диктатуры пролетариата и принудительного разделения людей на классы, общенародной собственности и международного права между антагонистическими субъектами и т. д. показывает, что советское право и законодательство были созданием искусственным, целью которого являлось удовлетворение потребностей новой власти. Об этом свидетельствует и ст. 6 Конституции СССР (1977), в которой закреплялась роль КПСС как правящей партии, что явилось вызовом традиционной системе международного права.

Стремясь контролировать общественное сознание, деятельность политической оппозиции и преступность, государственная власть вырабатывает уголовную политику, как стратегию предупреждения деяний, несущих угрозы политическому режиму в целом, что в свою очередь влияет и на нормотворческий процесс. Поэтому актуальным становится исследование базовых принципов правового обеспечения уголовной политики государства, ориентированной на совершенствование законодательной, правоприменительной и судебной практики.

А.П. Кузнецов, определяя принципы уголовной политики в РФ, указывает, что они есть «исходные руководящие начала, обусловленные потребностями и закономерностями общественного развития, определяющие генеральные стратегические и тактические направления деятельности по реализации уголовного законодательства» [4, с. 13]. Поэтому можно говорить об их доктринальном характере, позволяющем посредством юридической техники и нивелирования нюансов в возникающих правоотношениях, исключить условия, приводящие к социальной нестабильности.

Современные новации уголовного законодательства, постоянно происходящие в нем процессы криминализации и декриминализации общественных отношений, поставили задачу научного исследования базовых принципов правового обеспечения уголовной политики государства, поскольку они определяют стратегию и тактику публичной власти, с одной стороны, а, с другой, должны учитывать уровень нравственного развития общества и его интересы. В теории уголовного права их определяют как базовые положения, поскольку они являются обязательными, как

для законодательных, так и правоохранительных органов.

В процессе осуществления правоохранительной деятельности государство на законодательном уровне формирует объекты уголовно-правовой охраны и разрабатывает в целях их защиты формы институционального обеспечения. А.В. Серебrenникова отмечает, что «при определении основных направлений современной уголовно-правовой политики большое внимание уделяется охране личности человека, и, прежде всего, его жизни, здоровья, собственности, однако, акцента на обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по непонятной нам причине не делается» [7, с. 170]. Впрочем, данный тезис можно рассматривать как рекомендательный, поскольку возможны противоречия между конституционными правами человека и гражданина и принципами уголовного материального и процессуального права. Такого рода противоречия устраняются Конституционным судом РФ; принципы же уголовной политики скорее необходимы для установления направлений совершенствования законодательства и правоприменительной практики в целом, что в настоящее время носит дискуссионный характер и пока законодательно не закреплено.

Принципы уголовного законодательства отличаются от принципов уголовной политики государства тем, что в первом случае УК и УПК РФ закрепляют базовые основы деятельности государственных институтов в области уголовного права, а во втором – отношения и ценности, которые защищаются этой деятельностью. Принципы уголовной политики содержатся в задачах уголовного законодательства. Так, в ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса РФ указано, что его задачами является «охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений» [1]. Следует отметить, что, в уголовно-процессуальном кодексе задачи процессуального законодательства не декларируются, хотя именно посредством реализации уголовных процедур достигаются цели уголовной политики государства, соответствующие принципу равенства всех перед законом и судом.

В то же время, в п. 2 ст. 1 уголовно-исполнительного кодекса прямо указывается, что задачами «уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации являются регулирование порядка и условий исполнения и отбывания наказаний, определение средств исправления осужденных, охрана их прав, свобод и законных интересов, оказание осужденным помощи в социальной адаптации» [2]. Таким образом, уголовная политика обеспечивает функцию государства по поддержанию стабильности, общественной безопасности и эффективности управления ими.

Среди теоретиков сложились различные подходы к определению принципов отечественной уголовной политики. К примеру, А.П. Кузнецов пишет,

что «в уголовно-правовой науке выделяют общеправовые принципы уголовной политики и принципы уголовной политики, выводимые из совокупности правовых норм» [4, с. 13]. Существует мнение о недопустимости включения принципов научности и научной обоснованности правовой политики государства в перечень в связи с тем, что они имеют неполитическую природу, а некоторые исследователи вообще указываются, что «система уголовно-правовых принципов не предполагает выделения принципов уголовно-правовой политики в качестве ее отдельного звена. Принципы уголовного права не основываются на принципах уголовно-правовой политики, потому что уголовно-политическим можно считать любой уголовно-правовой принцип» [6, с. 65]. Таким образом, принципы правовой политики РФ из-за отсутствия прямого закрепления в законодательстве становятся активными предметами научного дискурса, в связи с чем, необходимо высказать и свою точку зрения на данную проблему.

Политическая деятельность государства в сфере борьбы с преступностью заключается в исполнении функций, которые в теории государства и права подразделяются на регулятивные и охранительные. На первый взгляд может показаться, что деятельность по реализации уголовной политики государства выражается только в рамках охранительных его функций, однако это неверно. Основной уголовной политики любого государства является определенность отношений в социуме по критерию антиобщественной опасности, в связи с чем, в процессе нормотворчества разрешается вопрос о криминализации либо декриминализации ее отдельных видов, что относится к регулятивной функции государства.

Задачей охранительной функций государства является создание условий, обеспечивающих широкие возможности развивать социальные и экономические, и другие связи, которые должны оставаться стабильными и защищенными от деструктивных действий со стороны преступности. Следовательно, охранительные функции обеспечивают в полной мере реализацию принципа диспозитивности права в социуме и императивности норм, сохраняющих целостность правового поля. С этим также связана корреляция сложившихся в научной литературе принципов уголовной политики РФ и принципов, содержащихся в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве.

В практической деятельности правоприменители руководствуются специальными принципами уголовной политики РФ, к которым относят принцип экономии уголовной репрессии, включающий одновременно оптимизацию строгой ответственности лица и формирование наиболее мягких форм наказаний. Они используют применение различных форм досрочного освобождения от наказания, его замены на более мягкие формы и др., что может привести к повышению эффективности достижения целей наказания осужденных. Данный принцип позволяет использовать государственное принуждение к осужденным лицам максимально целесообразно, не ущемляя при этом их конституционно закрепленных прав и свобод.

Другим специальным, связанным с правоприменительной практикой принципом уголовной политики государства, является гуманизм. Он включает в себя не только смягчение строгости уголовных наказаний, но и совершенствование условий их отбывания, что повышает вероятность исправления осужденных и последующей интеграции их в социум. Данный принцип прямо закрепляется в ст. 7 УК РФ, а раскрывается в главе 2 УИК РФ о правовом положении осужденных. Помимо гарантии безопасности лиц, отбывающих наказание, данный принцип включает незыблемость прав человека и гражданина, которые, хотя и ограничены в целях их исправления, но исключают унижение, что служит превентивной мерой, направленной против дискриминации осужденных как социальной группы. В результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что уголовная политика государства проявляется в процессе реализации его функций и находит отражение в задачах, решение которых происходит в рамках материального и процессуального права. В процессе борьбы с преступностью необходимо максимально избегать возможных процессуальных ошибок и действий, ущемляющих права граждан.

Уголовная политика государства представляет собой более широкое явление, чем уголовное нормотворчество, поскольку она своей деятельностью обеспечивает конституционно-правовую целостность страны и единообразие форм и

методов воздействия на общественные отношения. Основу уголовной политики составляет охранительная функция государства, защищающая общество от наиболее опасных проявлений поведения лиц, хотя не только ею ограничивается, но и в процессе защиты прав и свобод граждан затрагивает каждую сферу деятельности публичной власти.

В результате проведенного исследования уголовной политики РФ и ее принципов установлено, что она является политической деятельностью публичной власти, направленной на достижения социальной значимых задач по противодействию преступной активности, выявлению и исправлению лиц, совершающих преступления. Поскольку в российском законодательстве отсутствует понятие «уголовная политика», то проблема его введения становится предметом научных дискуссий, как среди теоретиков уголовного права, так и государства и права. Существуют различные подходы к ее принципам и их классификации, также встречаются точки зрения, отрицающие вообще целесообразность такой научной категории. В рамках проведенного исследования авторами был предложен подход, показывающий реализацию уголовной политики государства посредством регулятивных и охранительных функций, где в процессе правоприменительной деятельности достигаются цели, закрепленные в материальном и процессуальном законодательстве государства.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ // Собрание законодательства РФ 1997. № 2. Ст. 198.
3. *Кузнецов А.П.* Принципы уголовной политики // Общество и право. 2017. № 1(59). С. 13.
4. *Кузнецов А.П.* Принципы уголовной политики // Общество и право. 2017. № 1(59). С. 13.
5. *Малько А.В.* Правотворческая политика в современной России / А.В. Малько, А.П. Мазуренко // Сборник научных трудов по материалам всероссийского круглого стола. Саратов; Мин. Воды, 2009. С. 11.
6. *Сабитов Т.Р.* Существуют ли принципы уголовно-правовой политики? // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 2. С. 65.
7. *Серебренникова А.В.* О понятии уголовной политики: постановка проблемы // Проблемы экономики и юридической практики. 2014. № 2. С. 170.

Literature:

1. Criminal code of the Russian Federation from 13.06.1996 № 63-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.
2. Criminal Executive code of the Russian Federation № 1-FZ of 08.01.1997 // Collection of legislation of the Russian Federation 1997. № 2. Art. 198.
3. *Kuznetsov A.P.* Principles of criminal policy // Society and law. 2017. № 1(59). P. 13.
4. *Kuznetsov A.P.* Principles of criminal policy // Society and law. 2017. № 1(59). P. 13.
5. *Malko A.V.* law-Making policy in modern Russia / A.V. Malko, A.P. Mazurenko // Collection of scientific papers based on the materials of the all-Russian round table. Saratov; Min. Vody, 2009. P. 11.
6. *Sabitov T.R.* Are there principles of criminal law policy? // Russian law: education, practice, science. 2020. № 2. P. 65.
7. *Serebrennikova A.V.* On the concept of criminal policy: problem statement // Problems of Economics and legal practice. 2014. № 2. P. 170.

Белоногов Андрей Викторович
магистрант Юридического института,
Алтайский государственный университет
anblngv@gmail.com

Стаценко Дарья Алексеевна
магистрант Юридического института,
Алтайский государственный университет
dariastatsenko01@gmail.com

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ РАБОТОДАТЕЛЯ – ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА

Аннотация. В статье авторы анализируют проблемные вопросы правосубъектности работодателя – физического лица. Выделены две категории работодателей – физических лиц: индивидуальные предприниматели и вступающие в трудовые отношения с работниками в целях личного обслуживания и помощи по ведению домашнего хозяйства, сформулированы особенности и условия возникновения их правосубъектности. Новизна исследования заключается в недостаточной разработанности данной темы, как в науке, так и на законодательном уровне.

Ключевые слова: работодатель, работодатель – физическое лицо, категории работодателей, работодательская правосубъектность, индивидуальный предприниматель.

Трудовая правосубъектность – один из важнейших элементов правового статуса работодателя. Она представляет собой совокупность прав и обязанностей работодателя, закрепленных в нормах трудового права, в сочетании со способностью обладать и осуществлять их, основанной на законе (в том числе, нести юридическую ответственность) [6, с. 7].

В рамках данного исследования хотелось бы сосредоточиться на характеристике правосубъектности работодателя-физического лица ввиду актуальности этого вопроса.

Сегодня среди работодателей значительное место занимают физические лица. Между тем, ни в науке трудового права, ни на законодательном уровне не решен вопрос о правосубъектности работодателя-физического лица, условий ее возникновения и содержания.

Действующее законодательство и практика определяют две категории физических лиц, выступающих в качестве работодателей.

Первая категория – физические лица, являющиеся индивидуальными предпринимателями, то

Andrey V. Belonogov
Master of the Law Institute
Altai State University
anblngv@gmail.com

Daria A. Statsenko
Master of the Law Institute
Altai State University
dariastatsenko01@gmail.com

ABOUT ISSUES OF THE LEGAL PERSONALITY OF AN EMPLOYER-INDIVIDUAL

Annotation. In the article the authors analyze the problematic issues of the legal personality of an employer-individual. Two categories of employers-individuals are distinguished: individual entrepreneurs and who entering into labor relations with employees for the purpose of personal service and assistance in housekeeping, the features and conditions for the emergence of their legal personality are formulated. The novelty of the study lies in the insufficient development of this topic both in science and at the legislative level.

Keywords: employer, employer-individual, categories of employers, employer legal personality, individual entrepreneur.

есть физические лица, которые обладают полной правосубъектностью для ведения самостоятельной предпринимательской и иной хозяйственной деятельности с целью получения прибыли, зарегистрированные в установленном законе порядке. К этой же группе следует отнести и физические лица, имеющие соответствующий статус, который дает им право на получение дохода, – это частные нотариусы, адвокаты и иные лица, чья профессиональная или общественная деятельность подлежит обязательной регистрации и в некоторых случаях лицензированию.

Вторая категория – физические лица, не относящиеся к индивидуальным предпринимателям, вступающие в трудовые отношения с работниками в целях личного обслуживания и оказания помощи по ведению домашнего хозяйства. Действующее трудовое законодательство закрепляет право любого физического лица вступать в трудовые взаимоотношения с работниками прямо или через законных представителей в целях личного обслуживания и помощи по ведению домашнего хозяйства.

Нам представляется, что правосубъектность работодателей – физических лиц, являющихся

индивидуальными предпринимателями, складывается из двух элементов – правосубъектности работодателя и индивидуального предпринимателя.

Формальное признание государством правосубъектности работодателей – физических лиц, являющихся индивидуальными предпринимателями, связывается в научной литературе с моментом регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя.

Мы полагаем целесообразным выделить предпосылки возникновения правосубъектности работодателей – физических лиц, являющихся индивидуальными предпринимателями, и формальные основания ее признания.

Наиболее общими предпосылками возникновения работодательской правосубъектности является наличие определенных условий для вступления в трудовое отношение – имущественных и организационных.

В свою очередь, в качестве материальных (имущественных) предпосылок возникновения работодательской правосубъектности можно рассматривать наличие целей деятельности. Для того, чтобы реализовать их, необходимо приобрести имущество. Отсюда вытекает имущественная обособленность субъекта трудового правоотношения, которая позволяет ему не только распоряжаться имуществом в определенных целях, но и заключать трудовые договоры. Можно констатировать, что наличие собственного имущества – одно из важнейших условий возникновения работодательской правосубъектности, поскольку его отсутствие не позволит работодателю иметь права и исполнять обязанности, вытекающие из факта возникновения трудового правоотношения, а также отвечать по обязательствам и нести ответственность.

Изложенная точка зрения находит свое отражение во многих научных работах авторов, интересующихся проблемой правосубъектности работодателя [8].

Также, некоторые ученые полагают, что основания признания правосубъектности за работодателями – физическими лицами связаны с регистрацией в качестве индивидуального предпринимателя и даже заключением трудового договора [4]. Возможность или способность вступления в трудовое правоотношение составляет главный элемент работодательской правосубъектности.

Между тем, формально работодательская правосубъектность у индивидуальных предпринимателей возникает одновременно с гражданской, то есть именно с момента регистрации. В данном случае, реализуя ее, лицо вступает в трудовое правоотношение, и на этом этапе важны те критерии правосубъектности работодателя, которые выработаны в доктрине: наличие фонда оплаты труда, наличие цели деятельности и другие.

Гораздо сложнее обстоят дела с правосубъектностью работодателей – физических лиц, вступающих в трудовые отношения с работниками в

целях личного обслуживания и помощи по ведению домашнего хозяйства.

Статья 20 Трудового кодекса РФ предусматривает основные критерии, при наличии которых физическое лицо может стать работодателем: достижение лицом 18-летнего возраста, а также наличие гражданской дееспособности в полном объеме [2].

Однако законодатель допускает возможность признания в качестве работодателя и физического лица, не достигшего возраста 18 лет. В этом случае изменяется и условие о полной дееспособности, а именно – в части ее приобретения в результате эмансипации, предусмотренной статьёй 27 Гражданского кодекса РФ, а также о приобретении несовершеннолетним дееспособности в полном объёме в результате вступления в брак до достижения восемнадцатилетнего возраста (статья 21 Гражданского кодекса РФ) [1].

Между тем, не все основания эмансипации однозначны и признаются в науке.

А.М. Лушников и М.В. Лушникова полагают, что такое основание эмансипации, как занятие несовершеннолетним предпринимательской деятельностью, несмотря на наличие согласия законных представителей (родителей или усыновителей), содержит в себе внутреннее противоречие. По нашему мнению, в рассматриваемом аспекте деятельность несовершеннолетнего незаконна, поскольку гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица только с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя (статья 23 Гражданского кодекса РФ) [1; 5]. В то же время, несовершеннолетний не может быть зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя до момента эмансипации.

Данный подход нам видится оправданным. Следовательно, чтобы несовершеннолетний смог законно заниматься предпринимательской деятельностью, ему необходимо пройти процедуру государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, а для ее прохождения необходимо наличие полной гражданской дееспособности [3].

В качестве работодателей в ряде случаев могут выступать и лица, не обладающие полной гражданской дееспособностью. Так, в соответствии со статьёй 20 Трудового кодекса РФ, физические лица, имеющие самостоятельный доход, достигшие возраста восемнадцати лет, но ограниченные судом в дееспособности, имеют право с письменного согласия попечителей заключать трудовые договоры с работниками в целях личного обслуживания и помощи по ведению домашнего хозяйства [2].

Недостаточно верной нам видится формулировка части 10 статьи 20 Трудового кодекса РФ, в которой определено, что несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет, за исключением

несовершеннолетних, приобретших гражданскую дееспособность в полном объеме, вправе заключать трудовые договоры с работниками при наличии собственных заработков, стипендии, иных доходов, и с письменного согласия законных представителей (родителей, опекунов и попечителей) [2]. Между тем, в соответствии с пунктом 1 статьи 32 Гражданского кодекса РФ, опека устанавливается над малолетними (то есть, не достигшими возраста 14 лет), а также над гражданами, признанными судом недееспособными вследствие психического расстройства. Следовательно, опекуны не являются законными представителями несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет [1].

Также, статья 20 Трудового кодекса РФ регламентирует, что от имени физических лиц, имеющих самостоятельный доход, достигших возраста восемнадцати лет, но признанных судом недееспособными, их опекунами могут заключаться трудовые договоры с работниками в целях личного обслуживания этих физических лиц и помощи им по ведению домашнего хозяйства [2].

Следовательно, когда работодателями выступают лица, не обладающие полной гражданской дееспособностью, одним из условий, обуславливающих возможность заключения ими трудового

договора, является наличие самостоятельного дохода. Таким образом, на первый план выходит платежеспособность такого работодателя – физического лица [7].

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что условиями правосубъектности работодателя – физического лица по общему правилу являются:

– наличие полной правосубъектности (достижение 18-летнего возраста, либо эмансипация);

– платежеспособность, то есть, наличие средств для оплаты труда и уплаты различных взносов.

В качестве вторичных, дополнительных условий можно выделить наличие статуса индивидуального предпринимателя, наличие лицензии, соответствующего статуса.

В заключение можно сделать вывод о том, что специфика правосубъектности работодателей – индивидуальных предпринимателей, и работодателей – физических лиц, нанимающих работников без цели извлечения прибыли, предопределяет необходимость соответствующего сравнительного исследования и выработки предложений о разграничении нормативного регулирования труда работающих у них лиц.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 12.05.2020) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Трудовой Кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 №197-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Российская газета. 2001. № 256.
3. *Бородина Е.И.* Условия возникновения работодательской правосубъектности физических лиц: проблемные аспекты // Экономика, управление и право: инновационное решение проблем: сборник статей XI Международной научно-практической конференции. 2018. С. 31–33.
4. *Кузнецов Ю.А.* Трудовое право России: Проблемы теории : коллективная монография. Екатеринбург : Уральская государственная юридическая академия, 2006. 256 с.
5. *Лушников А.М.* Курс трудового права : учеб. : в 2 т. Т. 1 : Сущность трудового права и история его развития. Трудовые права в системе прав человека. Общая часть. М. : Статут, 2009. 879 с.
6. *Машукова Е.М.* Правосубъектность юридических лиц как работодателей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05. М., 2006. 28 с.
7. *Тулупова Ю.Г.* Нетипичные работодатели по трудовому праву Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05. Оренбург, 2014. 22 с.
8. *Черных Н.В.* Виды работодателей и их трудовая правосубъектность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05. М., 2004. 29 с.

Literature:

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 30.11.1994 № 51-FL (as amended by 12.05.2020) // Assembly of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.
2. Labor Code of the Russian Federation dated 30.12.2001 № 197-FL (as amended by 31.07.2020) // Russian newspaper. 2001. № 256.
3. *Borodina E.I.* Conditions for the emergence of the employer legal personality of individuals: problematic aspects // Economics, management and law: innovative solution to problems: collection of articles of the XI International Scientific and Practical Conference. 2018. P. 31–33.
4. *Kuznetsov Yu.A.* Labor Law of Russia: Problems of Theory : collective monograph. Yekaterinburg : Ural State Law Academy, 2006. 256 p.
5. *Lushnikov A.M.* Course of labor law: study : in 2 tons Vol. 1: Essence of labor law and the history of its development. Labor rights in the human rights system. General part. M. : Statute, 2009. 879 p.
6. *Mashukova E.M.* Legal personality of legal entities as employers : autoref. dis. ... cand. of legal sciences: 12.00.05. M., 2006. 28 p.
7. *Tulupova Yu.G.* Atypical employers in labor law of the Russian Federation autoref. dis.... cand. of legal sciences: 12.00.05. Orenburg, 2014. 22 p.
8. *Chernykh N.V.* Types of employers and their labor legal personality : autoref. dis. ... cand. of legal sciences: 12.00.05. M., 2004. 29 p.

Беляева Юлия Леонидовна
соискатель кафедры
прав человека и международного права,
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя
Ms.JLBelyaeva@gmail.com

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ КОНФИСКАЦИИ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Аннотация. Модернизация института конфискации доходов, полученных в результате коррупционных преступлений, является одной из мер антикоррупционной политики Евросоюза, которая направлена на обеспечение эффективного режима возврата незаконных доходов для компенсации экономических последствий от коррупции. В статье проведен анализ правовых актов институтов Европейского Союза, обеспечивающих гармонизацию законодательств, координацию и сотрудничество государств-членов ЕС в сфере конфискации доходов, полученных в результате коррупционных преступлений. Рассмотрена эффективность и перспективы введения в законодательство ЕС механизма конфискации без обвинительного приговора в целях изъятия незаконного обогащения.

Ключевые слова: Европейский Союз, противодействие коррупции, расширенная конфискация, конфискация без обвинительного приговора, европейское право, взаимное признание ордеров на конфискацию в ЕС.

Единые стандарты конфискации доходов, полученных преступным путем на территории ЕС, установлены Директивой 2014/42/ЕС Европейского парламента и Совета от 3 апреля 2014 г. «О замораживании и конфискации орудий и доходов от преступлений в Европейском Союзе» [6] (далее – Директива ЕС, 2014). Помимо классической конфискации средств и доходов от преступлений или имущества, стоимость которого соответствует таким средствам и доходам, при условии вынесения окончательного обвинительного приговора за преступление, в Европейском Союзе предусмотрены специальные механизмы конфискации имущества, полученного в результате коррупции.

Директива ЕС, 2014 обязывает государства-члены ЕС ввести «расширенную конфискацию» имущества осужденного за коррупционные преступления, если доказано, что стоимость такого

Yuliya L. Belyaeva
Applicant for the Department
Human Rights and International Law,
Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikotya
Ms.JLBelyaeva@gmail.com

THE LEGAL FRAMEWORK ON THE CONFISCATION OF PROCEEDS OF CORRUPTION CRIMES IN THE EUROPEAN UNION

Annotation. Modernization of the EU rules on confiscation of criminal assets from corruption is one of the measures of the EU anti-corruption policy, which is aimed on ensuring an effective regime of the illegally acquired asset recovery to compensate the economic consequences of corruption. The article analyzes the legal acts of the institutions of the European Union, ensuring the harmonization of legislation, coordination and cooperation of the EU member states in the field of confiscation of proceeds from corruption crimes. There are considered the efficiency and prospects of introducing into the EU legislation the mechanism of non-conviction based confiscation aimed to seize illicit enrichment.

Keywords: European Union, countering corruption, extended confiscation, non-conviction based confiscation, European law, mutual recognition of confiscation orders in EU.

имущества несоразмерна законному доходу осужденного. Расширенная конфискация позволяет конфисковать активы, не связанные напрямую с преступлением, за которое осужден обвиняемый, и, фактически, распространяется на другие, вероятно, преступные активы, принадлежащие ему, если суд приходит к выводу о том, что они носят незаконный характер [2, с. 2].

Также, инструмент вводит «конфискацию доходов или имущества у третьих лиц», если его стоимость соответствует доходам, переданным или приобретенным от обвиняемого/осужденного лица, когда третьи лица знали или должны были знать, что цель такой передачи заключалась в том, чтобы избежать конфискации на основании конкретных фактов или обстоятельств, включая передачу или приобретение имущества бесплатно либо в обмен на сумму значительно ниже рыночной стоимости. Такая мера позволяет

изъять доходы от коррупции даже в том случае, если они не находились во владении у преступника.

Сотрудничество государств-членов ЕС имеет решающее значение для эффективного возвращения преступных активов. Помимо гармонизации законодательств государств-членов ЕС в данной сфере, Офисы по возврату активов, созданные в каждом государстве-члене ЕС в соответствии с Решением Совета ЕС 2007/845/JHA от 06 декабря 2007 г. «О сотрудничестве между Офисами по возврату активов государств-членов в области розыска и идентификации доходов от, или иного имущества, связанного с преступлением» [4], облегчают розыск и идентификацию доходов и имущества, связанных с коррупционными преступлениями, которые могут стать объектом ордеров на замораживание, арест или конфискацию, посредством обмена информацией и установления прямых контактов.

Новая Директива (ЕС) 2019/1153 Европейского парламента и Совета от 20 июня 2019 г. «Об установлении правил, облегчающих использование финансовой и иной информации в целях предотвращения, выявления, расследования и уголовного преследования за определенные уголовные преступления, отмена Решения Совета 2000/642/JHA» [7], предоставила Офисам по возврату активов прямой доступ к информации о банковских счетах в целях борьбы с серьезными преступлениями, что позволяет более эффективно отслеживать активы, полученные в результате коррупции.

Важным шагом в укреплении сотрудничества государств-членов ЕС в сфере конфискации доходов, полученных в результате коррупционных преступлений, является принятие нового Регламента (ЕС) 2018/1805 Европарламента и Совета от 14 ноября 2018 г. «О взаимном признании ордеров о замораживании и конфискации» [11], который предусматривает взаимное признание и исполнение государствами-членами ЕС любых ордеров на замораживание и конфискацию, изданных в результате судебного разбирательства, также тех, что не охватываются Директивой ЕС, 2014, включая вынесенные без окончательного осуждения по делу, даже в случае отсутствия таких видов ордеров в правовой системе запрашиваемого государства-члена ЕС. Принятый инструмент призван сделать конфискацию преступных активов на всей территории ЕС быстрее и проще, что позволяет обеспечить эффективный режим трансграничного возврата доходов, полученных в результате коррупции.

Особый интерес в контексте противодействия коррупции представляет конфискация без вынесения обвинительного приговора, которая особенно эффективна в целях конфискации незаконного обогащения от коррупции. Директива ЕС, 2014 включает конфискацию без вынесения обвинительного приговора, но только в случае бегства или побега подозреваемого/обвиняемого.

Некоторые государства-члены ЕС уже ввели конфискацию имущества без вынесения обвини-

тельного приговора в гражданско-правовом или административном порядке. Например, в Италии предусмотрена «превентивная конфискация» в отношении «социально-опасных» лиц, подозреваемых в причастности к мафиозным организациям или к совершению тяжких преступлений, когда стороной обвинения доказано, что имеющиеся у лица доходы несоразмерны законным и вероятно получены в результате преступной деятельности [8]. В таком случае устанавливается социальная опасность лица, которое, может быть и не осуждено по окончательному приговору. Превентивная конфискация – это мера административного характера, применяющаяся правоохранительными органами под судебным надзором вне уголовного судопроизводства и менее строгими правилами доказывания [1, с. 215].

В Ирландии Закон «О коррупционных преступлениях в уголовном правосудии» 2018 г. [5] предусматривает «презумпцию коррупционного обогащения», которая предполагает, что «земля или другое имущество, которое должно быть заявлено в декларации о финансовых интересах должностного лица Ирландии, но не было заявлено, произошло в результате подарка, вознаграждения или преимущества, полученного в качестве побуждения, вознаграждения или иным образом, в целях совершения им действия относительно своих полномочий, службы, должности или обязанностей, если не доказано обратное». Если ответчик не докажет обратное, предполагается, что имеет место коррупционное поведение, и имущество подлежит конфискации в гражданско-правовом порядке.

Основным преимуществом конфискации незаконного обогащения без вынесения обвинительного приговора является отсутствие необходимости доказывать взаимосвязь между преступлением и полученным обогащением. В процессуальном порядке такая конфискация предусматривает гражданский иск против самого актива, вероятно полученного преступным путем. Это отдельное от уголовного процесса действие, устанавливающее принадлежность актива на основе стандарта баланса вероятностей, требующее предоставления доказательств от ответчика. Так как иск подается против собственности, а не против ответчика, уголовно-правовой принцип презумпции невиновности в таком случае не нарушается.

Принимая Директиву ЕС, 2014, Европарламент и Совет ЕС призвали Еврокомиссию проанализировать целесообразность и преимущества от введения общих правил конфискации имущества, полученного в результате преступной деятельности, при отсутствии осуждения [9, с. 1].

В анализе мер конфискации без обвинительного приговора в ЕС, опубликованном Еврокомиссией в апреле 2019 г. [3], отмечено, что на совещаниях экспертов, организованных Еврокомиссией, стороны высказались в поддержку необходимости гармонизации национальных законодательств в этой области. Статистические данные из Италии и Ирландии показывают, что принятые режимы конфискации без обвинительного приговора способствуют увеличению количества конфискован-

ных активов. Еврокомиссия заключила, что различие режимов конфискации между государствами-членами ЕС может нарушить экономическую активность в ЕС, поскольку активы преступных групп все чаще инвестируются посредством коррупции в другие государства-члены, имеющие слабые режимы возвращения активов, что приводит к пагубным последствиям для нормального функционирования внутреннего рынка ЕС.

В своем докладе Европейскому парламенту и Совету ЕС «Возврат и конфискация активов: гарантия того, что преступление не окупится» от 2 июня 2020 г. [10, с. 17] Еврокомиссия заключила, что в целях дальнейшего прогресса в области возвращения активов возникает необходимость введения механизма конфискации без обвинительного приговора, что потребует возможного пересмотра Директивы ЕС, 2014.

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. С целью эффективного возврата доходов, полученных в результате коррупции, в ЕС, помимо классической конфискации, установлены специальные механизмы:

а) расширенной конфискации имущества осужденного, полученного в результате коррупции;

Литература:

1. Administrative approaches to crime. Administrative measures based on regulatory legislation to prevent and tackle (serious and organized) crime. Legal possibilities and practical applications in 10 EU Member States / Ed. by A.C.M. Spapens, M. Peters, D. Van Daele. Hague : Dutch Ministry of Security and Justice, 2015. 577 p.

2. *Cirlig C.-C.* Mutual recognition of freezing and confiscation orders: briefing. Luxembourg : European Parliamentary Research Service, 2018. 12 p.

3. Commission Staff working document: Analysis of non-conviction based confiscation measures in the European Union // SWD (2019) 1050 final. Brussels, 12.04.2019.

4. Council Decision 2007/845/JHA of 6 December 2007 concerning cooperation between Asset Recovery Offices of the Member States in the field of tracing and identification of proceeds from, or other property related to, crime // Official Journal of the EU. № L 332. 18.12.2007. P. 103–105.

5. Criminal Justice (Corruption Offences) Act of the Republic of Ireland № 9 of 2018. URL : <http://www.irishstatutebook.ie/eli/2018/act/9/enacted/en/print> (date of application 10.10.2020).

6. Directive 2014/42/EU of the European Parliament and of the Council of 3 April 2014 on the freezing and confiscation of instrumentalities and proceeds of crime in the European Union // OJ of the EU. № L 127. 29.04.2014. P. 39–50.

б) конфискации доходов или имущества у третьих лиц, если его стоимость соответствует доходам, переданным или приобретенным от обвиняемого/осужденного лица.

2. Координация сотрудничества Офисов по возврату активов государств-членов ЕС и наделение их полномочиями доступа к информации о банковских счетах способствует своевременному выявлению и замораживанию преступных доходов, полученных в результате коррупции.

3. Коммунитарный механизм взаимного признания и исполнения государствами-членами ЕС любых ордеров на замораживание и конфискацию, изданных в результате судебного разбирательства, включая вынесенные без окончательного осуждения по делу, даже в случае отсутствия таких видов ордеров в правовой системе запрашиваемого государства-члена ЕС, способствует эффективному возврату доходов от коррупции в трансграничных делах.

4. Механизм конфискации без обвинительного приговора в гражданско-правовом или административном порядке позволяет изъять коррупционное обогащение, минуя уголовно-процессуальные процедуры. Институты ЕС нацелены на внедрение данного механизма для дальнейшей модернизации сферы конфискации преступных доходов в ЕС.

Literature:

1. Administrative approaches to crime. Administrative measures based on regulatory legislation to prevent and tackle (serious and organized) crime. Legal possibilities and practical applications in 10 EU Member States / Ed. by A.C.M. Spapens, M. Peters, D. Van Daele. Hague : Dutch Ministry of Security and Justice, 2015. 577 p.

2. *Cirlig C.-C.* Mutual recognition of freezing and confiscation orders: briefing. Luxembourg : European Parliamentary Research Service, 2018. 12 p.

3. Commission Staff working document: Analysis of non-conviction based confiscation measures in the European Union // SWD (2019) 1050 final. Brussels, 12.04.2019.

4. Council Decision 2007/845/JHA of 6 December 2007 concerning cooperation between Asset Recovery Offices of the Member States in the field of tracing and identification of proceeds from, or other property related to, crime // Official Journal of the EU. № L 332. 18.12.2007. P. 103–105.

5. Criminal Justice (Corruption Offences) Act of the Republic of Ireland № 9 of 2018. URL : <http://www.irishstatutebook.ie/eli/2018/act/9/enacted/en/print> (date of application 10.10.2020).

6. Directive 2014/42/EU of the European Parliament and of the Council of 3 April 2014 on the freezing and confiscation of instrumentalities and proceeds of crime in the European Union // OJ of the EU. № L 127. 29.04.2014. P. 39–50.

7. Directive (EU) 2019/1153 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 laying down rules facilitating the use of financial and other information for the prevention, detection, investigation or prosecution of certain criminal offences, and repealing Council Decision 2000/642/JHA // Official Journal of the EU. № L 186. 11.07.2019. P. 122–137.

8. Italiano Decreto Legislativo, 06.09.2011. № 159. Codice delle leggi antimafia e delle misure di prevenzione, nonche' nuove disposizioni in materia di documentazione antimafia, a norma degli articoli 1 e 2 della legge 13 agosto 2010. № 136 // GU della Repubblica Italiana, № 226, del 28.09.2011.

9. Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on the freezing and confiscation of proceeds of crime in the European Union (first reading) Statements // ST 7329 2014 REV 1 ADD 1. Brussels. 31.03.2014.

10. Report from the Commission to the European Parliament and the Council «Asset recovery and confiscation: Ensuring that crime does not pay» // COM (2020) 217 final. Brussels. 02.06.2020.

11. Regulation (EU) 2018/1805 of the European Parliament and of the Council of 14 November 2018 on the mutual recognition of freezing orders and confiscation orders // Official Journal of the EU. № L 303. 28.11.2018. P. 1–38.

7. Directive (EU) 2019/1153 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 laying down rules facilitating the use of financial and other information for the prevention, detection, investigation or prosecution of certain criminal offences, and repealing Council Decision 2000/642/JHA // Official Journal of the EU. № L 186. 11.07.2019. P. 122–137.

8. Italiano Decreto Legislativo, 06.09.2011. № 159. Codice delle leggi antimafia e delle misure di prevenzione, nonche' nuove disposizioni in materia di documentazione antimafia, a norma degli articoli 1 e 2 della legge 13 agosto 2010. № 136 // GU della Repubblica Italiana, № 226, del 28.09.2011.

9. Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on the freezing and confiscation of proceeds of crime in the European Union (first reading) Statements // ST 7329 2014 REV 1 ADD 1. Brussels. 31.03.2014.

10. Report from the Commission to the European Parliament and the Council «Asset recovery and confiscation: Ensuring that crime does not pay» // COM (2020) 217 final. Brussels. 02.06.2020.

11. Regulation (EU) 2018/1805 of the European Parliament and of the Council of 14 November 2018 on the mutual recognition of freezing orders and confiscation orders // Official Journal of the EU. № L 303. 28.11.2018. P. 1–38.

Боровских Роман Николаевич
доктор юридических наук,
доцент
borovskih80@yandex.ru

Зыков Даниил Алексеевич
кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
daniilzykov@mail.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО

■ ■ ■

Аннотация. В настоящее время, институт уголовной ответственности за мошенничество в действующей редакции уголовного законодательства РФ включает в себя четыре относительно самостоятельных блока уголовно-правовых норм. В статье авторы рассматривают современное состояние института уголовной ответственности за мошенничество. Авторы указывают на ряд недостатков, как системного, так и частного характера, которые определяют возникновение и существование ряда проблемных вопросов уголовно-правовой квалификации мошеннических посягательств.

Ключевые слова: мошенничество, специальные виды мошенничества, проблемы квалификации, уголовная политика.

■ ■ ■

Федеральным законом РФ от 29 ноября 2012 года № 207-ФЗ в Уголовный кодекс РФ введены статьи 159.1–159.6 УК РФ, предусматривающие положения об уголовной ответственности за так называемые специальные виды мошенничества. К настоящему времени законодатель дополнил данные уголовно-правовые положения двумя федеральными законами.

Федеральным законом РФ от 3 июля 2016 года № 325-ФЗ признаны утратившими силу положения статьи 159.4 УК РФ, которые ранее Конституционным Судом Российской Федерации были определены как антиконституционные. Наряду с этим, данным Федеральным законом РФ уточнено содержание санкций за совершение преступлений, предусмотренных статьи 159.1–159.6 УК РФ.

Федеральным законом РФ от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ статья 159 УК РФ дополнена частя-

Roman N. Borovskikh
Doctor of Law,
Associate Professor
borovskih80@yandex.ru

Daniil A. Zykov
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
of Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Service
of Execution of Punishments
daniilzykov@mail.ru

CURRENT STATE OF THE INSTITUTION OF CRIMINAL LIABILITY FOR FRAUD

■ ■ ■

Annotation. Currently, the institution of criminal responsibility for fraud in the current version of the criminal law of the Russian Federation includes four relatively independent blocks of criminal and legal norms. In the article, the authors consider the current state of the institution of criminal liability for fraud. The authors point out a number of shortcomings, both systemic and private, which determine the emergence and existence of a number of problematic issues of criminal law qualification of fraudulent attacks.

Keywords: fraud, special types of fraud, the problems of qualification of criminal policy.

■ ■ ■

ми 5–7, предусматривающими ответственность за совершение мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности.

Федеральным законом РФ от 03 июля 2016 года № 323-ФЗ в Уголовный кодекс РФ введена также статья 158.1 УК РФ, которой предусмотрена ответственность за мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию. К мелкому хищению законодателем отнесено, в частности, совершенное в форме мошенничества хищение чужого имущества стоимостью более одной тысячи рублей, но не более двух тысяч пятисот рублей, при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных частями 2–4 статьи 159–159.6 УК РФ.

Таким образом, в настоящее время, институт уголовной ответственности за мошенничество в

действующей редакции уголовного законодательства РФ включает в себя четыре относительно самостоятельных блока уголовно-правовых норм и выглядит следующим образом.

1. Блок уголовно-правовых норм об ответственности за мошенничество, предусмотренное частями 1–4 статьи 159 УК РФ («материнские» нормы о мошенничестве).

2. Блок специальных уголовно-правовых норм об ответственности за пять разновидностей мошенничества:

– мошенничество в сфере кредитования (статья 159.1 УК РФ);

– мошенничество при получении выплат (статья 159.2 УК РФ);

– мошенничество с использованием электронных средств платежей (статья 159.3 УК РФ);

– мошенничество в сфере страхования (статья 159.5 УК РФ);

– мошенничество в сфере компьютерной информации (статья 159.6 УК РФ).

Критерии выделения данных специальных видов мошенничества различны:

– определенная сфера экономической деятельности (статьи 159.1, 159.5 УК РФ);

– способ и средства совершения преступления (статьи 159.3, 159.5, 159.6 УК РФ);

– предмет преступления (статьи 159.2, 159.5 УК РФ).

Характерно, что в отличие от понятия «мошенничество», предусмотренного частью 1 статьи 159 УК РФ, специальные виды мошенничества (за исключением мошенничества в сфере компьютерной информации) определены законодателем только как хищения чужого имущества (такой родовой признак мошенничества как «приобретение права на чужое имущество» в данных составах не предусматривается).

3. Блок уголовно-правовых норм об ответственности за наиболее общественно опасный вид мошенничества, которое сопряжено с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности (части 5–7 статьи 159 УК РФ).

Данные правовые нормы установлены в УК РФ как результат приведения законодательства об уголовной ответственности за мошенничество в соответствие с Конституцией РФ в связи с признанием антиконституционными положений, ранее закрепленных в статье 159.4 УК РФ («Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности»).

Законодатель определил границы действия указанных уголовно-правовых норм, указав, что они распространяются на случаи преднамеренного

неисполнения договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, когда сторонами договора являются индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации.

4. Блок уголовно-правовых норм об ответственности за мелкое хищение, совершенное в форме мошенничества лицом, подвергнутым административному наказанию (статья 158.1 УК РФ).

Условиями уголовной ответственности за мелкое хищение в форме мошенничества по действующему уголовному законодательству РФ являются:

1) стоимость похищенного имущества не превышает 2500 рублей;

2) совершение лицом хищения путем мошенничества (во всех его разновидностях, кроме мошенничества в сфере предпринимательской деятельности (части 5–7 статьи 159 УК РФ));

3) отсутствие в совершенном деянии квалифицирующих или особо квалифицирующих обстоятельств совершения мошенничества, предусмотренных частями 2–4 статей 159–159.6 УК РФ;

4) лицо ранее было подвергнуто административному наказанию за совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 7.27 КоАП РФ.

В целом, конструкцию уголовно-правового института об ответственности за мошенничество, воплощенную законодателем в действующей редакции Уголовного кодекса РФ, следует оценить положительно. Вместе с тем, рассматриваемая система правовых норм, образующих сложнейший институт уголовного права, не лишена ряда недостатков, как системного, так и частного характера, которые определяют возникновение и существование ряда проблемных вопросов уголовно-правовой квалификации мошеннических посягательств.

Основные недостатки рассматриваемого института видятся в следующем:

1) в отсутствии однозначных критериев отграничения отдельных видов мошенничества, как друг от друга, так и от мошенничества, предусмотренного «материнскими» нормами;

2) в сохраняющейся неясности многих бланкетных признаков специальных видов мошенничества;

3) в нечетком видении требуемых объемов криминализации отдельных видов мошеннических проявлений (например, лишь по истечении шести лет действия положений статьи 159.3 УК РФ, законодатель увидел «узость круга» криминализованных мошеннических деяний (мошенничество с платежными картами) и принял решение о существенном расширении сферы действия рассматриваемых положений (сегодня установлена ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа);

4) в недостаточной проработанности вопроса о содержании квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков применительно к определенным видам мошенничества (например, признак «причинением значительного имущественного ущерба гражданину» относительно мошенничества в сфере страхования (часть 2 статьи 159.5 УК РФ) выглядит излишним).

Многие проблемные вопросы практики применения вышеуказанных уголовно-правовых норм находят разрешение. Этому, в частности, способствуют разъяснения, сформулированные в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее по тексту – Постановление). Данную тенденцию следует, безусловно, оценить положительно.

Вместе с тем, необходимо отметить следующее.

Специальные виды мошенничества постепенно заняли свою определенную «нишу» в структуре регистрируемых мошеннических посягательств. Данная «ниша» характеризуется стабильными статистическими показателями, что говорит об определенной степени сформированности правоприменительной практики квалификации, выявления и расследования специальных видов мошенничества. В структуре регистрируемых специальных видов мошенничества преобладающий удельный вес занимают мошенничество, предусмотренное «материнскими нормами» (ч. 1–4 ст. 159 УК РФ), мошенничество в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ) и мошенничество при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ).

Сформировавшийся «перекос», как нам представляется, во многом объясним тем, что законодательные формулировки преступлений, закрепленных в статьях 159.1–159.2 УК РФ, более понятны правоприменителю, нежели сложносочиненные и насыщенные бланкетностью положения статей 159.3–159.6 УК РФ. Очевидно, что правоохранительная деятельность в данном направлении оказывается подчиненной принципу работы «на предсказуемый положительный результат». В итоге, сложившаяся в настоящее время практика противодействия «специальным» видам мошенничества в значительной степени является избирательной, и как свой результат имеет нейтрализацию лишь той части мошеннических проявлений:

– преступный характер которых очевиден;

Литература:

1. *Лопашенко Н.А.* Посягательства на собственность : монография. М. : Норма, Инфра-М, 2012
2. *Боровских Р.Н.* Мошенничество в сфере страхования: специфические черты конструкции уголовно-правовой нормы / Р.Н. Боровских, Д.А. Зыков // Вестн. Владим. юрид. ин-та. 2016. № 1.
3. *Шеслер А.В.* Проблемы квалификации мошенничества // Вестн. Владим. юрид. ин-та. 2013. № 1.

– квалификация которых не вызывает особых сложностей и в своей основе имеет консолидированную межведомственную позицию;

– в отношении выявления, раскрытия и расследования которых имеется определенный опыт, в том числе правоохранителей других регионов РФ;

– выявление которых по каналам ОРД в достаточной степени отлажено;

– сбор доказательственной базы по уголовным делам о которых сравнительно несложен;

– обвиняемые по уголовным делам о которых, как правило, согласны на особый порядок судебного рассмотрения.

Относительно мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности (ч. 5–7 ст. 159 УК РФ), практика еще более избирательна. Данные уголовно-правовые нормы, являются, на взгляд, ключевыми для решения задачи разграничения «бытовых» и «коммерческих» видов мошенничества. Вместе с тем, практика их применения недостаточно эффективна.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что имеется определенный прогресс в решении важнейшей уголовно-политической задачи нейтрализации коррупционных механизмов разрешения хозяйственных споров уголовно-правовыми средствами. Законодателем и высшей судебной инстанцией предприняты заметные усилия с тем, чтобы провести грань между, так называемым, «бытовым» мошенничеством общеуголовного характера и мошенническими посягательствами в сфере предпринимательства, устраняя, тем самым, «рычаги» незаконного перераспределения собственности. В целом, реализуемый в законодательстве и правоприменительной практике концептуальный подход о дифференциации уголовной ответственности за различные виды мошеннических посягательств, демонстрирует положительные результаты. Тем не менее, по-прежнему остаются нерешенными многие проблемные вопросы законодательного конструирования и практики уголовно-правовой квалификации специальных видов мошенничества, предусмотренных статьями 159–159.6 УК РФ, что делает соответствующие уголовно-правовые положения недостаточно эффективными.

Literature:

1. *Lopashenko N.A.* Encroachment on property rights : monograph. M. : Norma, Infra-M, 2012.
2. *Borovskih R.N.* Fraud in the insurance industry: specific features of the design of criminal law norms / R.N. Borovskih, D.A. Zykov // Bulletin of Vladimir law Institute. 2016. № 1.
3. *Shesler A.V.* Problems of fraud qualification // Bulletin of Vladimir law Institute. 2013. № 1.

Бохан Андрей Петрович
кандидат юридических наук,
доцент,
профессор кафедры
уголовного права и криминологии,
Новороссийский филиал Краснодарского
университета МВД России
boxan@mail.ru

Чмырёв Сергей Николаевич
кандидат юридических наук,
доцент,
начальник кафедры государственных
и гражданско-правовых дисциплин,
Новороссийский филиал Краснодарского
университета МВД России
boxan@mail.ru

Чернецкий Вадим Артемович
преподаватель кафедры
тактико-специальной подготовки,
Волгодонской филиал Ростовского
юридического института МВД России
vadim23101977@gmail.com

ВЫБОР ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ С ОТЯГЧАЮЩИМИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ И УЧЁТ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ СОВЕРШЕННОГО ДЕЯНИЯ

Аннотация. В представленной статье рассматривается проблема выбора вида исправительного учреждения лицам, которые осуждены за совершение дорожно-транспортного преступления в состоянии опьянения, повлекшее по неосторожности причинение смерти человеку. Изучаемый вопрос актуален в связи с изменениями, внесенными в ст. 15 УК РФ. Данные изменения коснулись категорий преступлений, совершенных по неосторожности. В результате их внесения образовался пробел при определении вида исправительного учреждения. С учетом проведенного анализа авторами предложена новая редакция п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ.

Ключевые слова: категории преступлений, тяжкое преступление, неосторожная форма вины, вид исправительного учреждения, колония-поселение, исправительная колония общего режима, Уголовный кодекс Российской Федерации.

Andrey P. Bokhan
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Novorossiysk branch
of the Krasnodar University Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation
boxan@mail.ru

Sergey N. Chmyryov
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of State
and civil law disciplines,
Novorossiysk branch
of the Krasnodar University Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation
boxan@mail.ru

Vadim A. Chernetsky
Lecturer of the Department
Tactical and Special Training,
Donbass branch of the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
vadim23101977@gmail.com

SELECTION OF CORRECTIONAL INSTITUTION IN SENTENCING FOR ROAD TRAFFIC CRIME WITH AGGRAVATING CIRCUMSTANCES AND TAKING INTO ACCOUNT PUBLIC DANGER OF THE COMMITTED ACT

Annotation. The article presented considers the problem of choosing the type of correctional institution for persons who are convicted of a traffic crime while intoxicated, which, by negligence, caused death to a person. The issue under study is relevant due to changes made to Art. 15 of the Criminal Code. These changes affected in the categories of crimes committed by negligence. As a result of the changes, a gap was formed in the definition of the type of correctional institution. Taking into account the analysis, the authors proposed a new version of paragraph «а» of part 1 of Art. 58 of the Criminal Code.

Keywords: categories of crimes, serious crime, careless form of guilt, type of correctional institution, colony-settlement, penal colony of general regime, Criminal Code of the Russian Federation.

Очередное резонансное дорожно-транспортное происшествие [1], в результате которого наступила смерть потерпевшего, дальнейшее судебное разбирательство и вынесенный приговор послужили толчком к изучению, а также, к научному осмыслению назначения возможного вида исправительного учреждения виновному лицу.

Уголовное законодательство в ст. 58 УК РФ урегулировало вопросы определения вида исправительного учреждения. Так, например, лица, осужденные за преступления, совершенные по неосторожности, отбывают наказание в колониях-поселениях. Однако с учетом обстоятельств совершения преступления и личности виновного суд может назначить указанным лицам отбывание наказания в исправительных колониях общего режима с указанием мотивов принятого решения. Пункт «б» ч. 1. ст. 58 УК РФ называет условия отбывания наказания мужчинами, осужденными к лишению свободы за совершение тяжких преступлений, ранее не отбывавшим лишение свободы, в исправительных колониях общего режима [2].

Так, как в качестве примера нами рассматривается конкретное дорожно-транспортное происшествие, т.е., лицо обвиняется в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 4 ст. 264 УК РФ. За совершение данного преступления предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до двенадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Для правового анализа признаков ст. 58 УК РФ мы определим форму вины и категорию совершённого преступления.

Рассмотрим п. «а» ч. 4 ст. 264 УК РФ – «Нарушение лицом, находящимся в состоянии опьянения, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть человека». В диспозиции рассматриваемой нормы есть прямое указание на форму вины по отношению к последствиям в виде смерти. Неосторожная форма вины. Несмотря на то, что отношение виновного к самому факту нарушения правил дорожного движения, употребления алкогольной продукции, наркотических средств или психотропных веществ может являться умышленным, данное обстоятельство, в конечном итоге, не влияет на признание такого преступления, как совершенного по неосторожности.

Следующее обстоятельство, которое мы устанавливаем – это категория «совершенное преступление». Как мы уже указали выше, рассматриваемое нами преступление наказывается лишением свободы на срок от пяти до двенадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет. В ст. 15 УК РФ раскрываются категории преступлений. С учетом вида наказания, формы вины и срока или размера наказания мы определяем данное преступление

как тяжкое. Тяжкими преступлениями признаются неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное Уголовным кодексом Российской Федерации, не превышает пятнадцати лет лишения свободы.

Возникает закономерный вопрос: Почему законодатель перевел в разряд тяжких преступлений неосторожные преступления, а при назначении наказания данная тенденция не отражена?

В пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» указано, что «проект федерального закона направлен на реализацию Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» в части совершенствования государственной политики в области безопасности дорожного движения. В пункте 8 данного нормативного правового акта определяется задача по снижению уровня смертности в результате дорожно-транспортных происшествий в 3,5 раза по сравнению с 2017 годом – до уровня, не превышающего 4 человек на 100 тысяч населения, а к 2030 году – к приблизительно нулевому уровню. Эту задачу в числе иных мер предлагается реализовать посредством ужесточения ответственности водителей за нарушение правил дорожного движения» [3]. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, по статье 264.1 УК РФ в 2016 году осуждено более 75 тысяч человек, в 2017 – более 72 тысяч, а в первом полугодии 2018 года – более 31 тысячи [4].

Приведенные показатели свидетельствуют о недостаточной эффективности превентивного воздействия уголовного закона в части наказания за преступные нарушения Правил дорожного движения в состоянии опьянения (части 2, 4, 6 статьи 264 УК РФ).

Так, в первом полугодии 2018 года из 677 человек по части 2 статьи 264 УК РФ 423 подсудимых, то есть 65 %, осуждены условно. В 2017 году из 1401 условное осуждение применено к 876 лицам (62,5 %).

Из осужденных, которым определено наказание в виде лишения свободы, в первом полугодии 2018 года 87 лицам назначено до 1 года лишения свободы, 131 человеку – от 1 до 2 лет, 17 лицам – от 2 до 3 лет. Свыше 3 лет наказание по части 2 статьи 264 УК РФ не назначалось.

В первом полугодии 2018 года из 468 человек по части 4 статьи 264 УК РФ осуждено условно 65 или 13,8 %. В 2017 году осуждено 1048 лиц, из которых 166 (15 %) условно.

При том, что единственным и безальтернативным наказанием по части 4 статьи 264 УК РФ является лишение свободы на срок от двух до семи лет, к наказанию до 1 года лишения свободы приговорены 7 человек в 2017 году и 9 в первом полугодии 2018 года. Наказание от 1 года до 2 лет в 2017 году назначено 132 лицам, а в первом полугодии

2018 года 63. Таким образом, в среднем 15 % осужденных по части 4 статьи 264 УК РФ приговоривались к наказанию ниже нижнего порога санкции.

Даже по части 6 статьи 264 УК РФ, предусматривающей особо тяжкие последствия в виде смерти двух или более лиц и наказание в виде лишения свободы на срок от четырех до девяти лет, из 59 лиц, осужденных в первом полугодии 2018 года, 1 человек осужден условно, 2 лица – к наказанию от 2 до 3 лет и 35 – от 3 до 5 лет. В 2017 году по данной части статьи 264 УК РФ осуждено 152 человека, из которых 4 условно, еще 4 лица – к наказанию от 1 до 2 лет, 6 человек – от 2 до 3 лет и 83 лица – от 3 до 5 лет лишения свободы. Таким образом, более 62 % осужденным по части 6 статьи 264 УК РФ назначается наказание ниже нижнего предела санкции или минимально возможного.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что закон не ориентирует водителей транспортных средств, а также правоприменительные органы на реальный уровень общественной опасности обозначенных преступлений, что негативно отражается на степени превентивного воздействия уголовного закона и способствует росту количества ДТП в состоянии опьянения и уровню смертности в результате их совершения [5. с. 24].

В целях соотнесения уголовно-правовых санкций с реальной степенью общественной опасности указанных деяний проект закона предусматривает увеличение наказания за преступления, предусмотренные частями 2, 4 и 6 статьи 264 УК РФ.

Принимая во внимание размер предлагаемых к изменению санкций статьи 264 УК РФ, соответствующие корректировки вносятся и в статью 15 УК РФ [6].

Законодатель обращает внимание на реальную степень общественной опасности деяний ответственность за совершение которых, предусмотрена ч. 2, 4 и 6 ст. 264 УК РФ, что находит свое выражение в санкциях данных частей в которые были внесены изменения Федеральным законом от 17.06.2019 № 146-ФЗ «О внесении изменений

Литература:

1. Все подробности смертельной аварии с пьяным Михаилом Ефремовым: актеру грозит до 12 лет колонии. URL : <https://www.kuban.kp.ru/daily/27140/4232708/> (дата обращения: 23.09.2020)
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 31.07.2020) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 03.10.2020).
3. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/685843-7> (дата обращения 03.10.2020).

в Уголовный кодекс Российской Федерации». Так, сравнивая санкции п. «а» ч. 4 ст. 264 УК РФ в действующей редакции и ранее действовавшей, обращаем внимание на ужесточение санкций. В предыдущей редакции: «наказывается лишением свободы на срок от двух до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет». В действующей редакции: «наказывается лишением свободы на срок от пяти до двенадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет» [7]. Законодатель повысил нижний предел санкции в виде лишения свободы на три года и верхний предел на пять лет. Характер и степень общественной опасности рассматриваемого деяния очень высока и, как мы ранее установили, соответствует категории «тяжкие».

Мы считаем, что законодателем не учтена общественная опасность преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 264 УК РФ (и ч. 6 ст. 264 УК РФ) в рамках назначения осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения. Лица, совершившие неосторожные преступления, которые являются тяжкими, не могут отбывать наказание в колониях-поселениях.

В результате проведенного исследования предлагаем внести изменения в п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ. С учетом внесенных изменений п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ предлагаем изложить в следующей редакции:

«1. Отбывание лишения свободы назначается:

а) лицам, осужденным за преступления, совершенные по неосторожности (за исключением осуждения за совершение тяжкого преступления), а также лицам, осужденным к лишению свободы за совершение умышленных преступлений небольшой и средней тяжести, ранее не отбывавшим лишение свободы, – в колониях-поселениях. С учетом обстоятельств совершения преступления и личности виновного суд может назначить указанным лицам отбывание наказания в исправительных колониях общего режима с указанием мотивов принятого решения».

Literature:

1. All the details of the fatal accident with the drunk Mikhail Efremov: the actor faces up to 12 years in prison. URL : <https://www.kuban.kp.ru/daily/27140/4232708/> (date of appeal 23.09.2020)
2. Criminal Code of the Russian Federation: federal law of 13.06.1996 № 63-ФЗ (с. amended and supplemented by 31.07.2020) // Legal Reference System «ConsultantPlus» (circulation date 03.10.2020).
3. Explanatory note to the draft Federal Law «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation». URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/685843-7> (date of appeal 03.10.2020).

4. Судебная статистика по делам, рассматриваемым федеральными арбитражными судами, федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения 03.10.2020).

5. *Бохан А.П.* Анализ назначаемого наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в ст. 264 и 264.1 УК РФ / А.П. Бохан, С.Н. Чмырев, С.П. Бондарев; Отв. ред. Н.С. Сорокун // Актуальные проблемы применения уголовного законодательства: Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. Ростов-н/Д., 2020.

6. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/685843-7> (дата обращения 03.10.2020).

7. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 31.07.2020) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 03.10.2020).

4. Judicial statistics on cases heard by federal arbitration courts, federal courts of general jurisdiction and magistrates. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (date of appeal 03.10.2020).

5. *Bohan A.P.* Analysis of the imposed punishment in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities in Art. 264 and 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation / A.P. Bohan, S.N. Chmyrev, S.P. Bondarev; editor-in-chief N.S. Sorokun // Current problems of the application of criminal legislation: Collection of scientific works of the International Scientific and Practical Conference. Rostov-on/D., 2020.

6. Explanatory note to the draft Federal Law «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation». URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/685843-7> (date of appeal 03.10.2020).

7. Criminal Code of the Russian Federation: federal law of 13.06.1996 № 63-ФЗ (с. amended and supplemented by 31.07.2020) // Legal Reference System «ConsultantPlus» (circulation date 03.10.2020).

Варченко Игорь Александрович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
Новороссийский филиал
Краснодарского университета МВД России
igorvarchenko@yandex.ru

Igor A. Varchenko

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure and Criminalistics,
Novorossiysk branch
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
igorvarchenko@yandex.ru

Сафонов Андрей Александрович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
техничко-криминалистического
обеспечения экспертных исследований,
Московский университет МВД России
safonov_volga@mail.ru

Andrey A. Safonov

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Technical and Criminalistic
Providing Expert Research,
Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
safonov_volga@mail.ru

**ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА
ИДЕНТИФИКАЦИОННОЙ
ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)**

**SEPARATE ISSUES
OF APPOINTMENT AND PRODUCTION
OF IDENTIFICATION HANDWRITING
EXPERTISE (CONTINUATION)**

Аннотация. По общему правилу, при производстве судебной экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении могут присутствовать те участники процесса, которым такое право предоставлено процессуальным законодательством РФ. В статье рассматриваются некоторые особенности назначения и производства судебно-почерковедческой экспертизы почерка. Результаты почерковедческой экспертизы следователь оценивает наряду с другими доказательствами по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании всех имеющихся в деле доказательств; результаты такой оценки необходимо отразить в решении, в котором приводятся мотивы.

Ключевые слова: почерковедческая экспертиза, эксперт, образцы почерка, копии документов.

Annotation. According to the general rule, those participants of the process, who are given such a right by the procedural legislation of the Russian Federation, may be present in the state forensic institution. The article discusses some features of the appointment and production of forensic handwriting expertise. The investigator evaluates the results of the handwriting examination, along with other evidence, based on his inner conviction, based on a comprehensive, complete, objective and direct study of all the evidence available in the case; the results of such an assessment should be reflected in the decision that provides the reasons.

Keywords: handwriting expertise, expert, handwriting samples, copies of documents.

По общему правилу, при производстве судебной экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении могут присутствовать те участники процесса, которым такое право предоставлено процессуальным законодательством РФ (ст. 24 Закона о судебно-экспертной деятельности). Например, в силу ч. 1 ст. 197 УПК РФ при проведении экспертизы вправе присутствовать следователь, а в соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 198 УПК РФ, подозреваемый, обвиняемый, его защитник, потерпевший, представитель вправе

присутствовать с разрешения следователя при производстве судебной экспертизы, давать объяснения эксперту.

В п. 2 ст. 83 АПК РФ закреплено, что лица, участвующие в деле, могут присутствовать при проведении экспертизы за исключением случаев, если такое присутствие способно помешать нормальной работе экспертов, но не вправе вмешиваться в ход исследований. Аналогичная норма закреплена в ч. 3 ст. 84 ГПК РФ.

Однако ч. 3 ст. 83 АПК РФ особо выделяет, что при составлении экспертом заключения и на стадии совещания экспертов и формулирования выводов, если судебная экспертиза проводится комиссией экспертов, присутствие участников арбитражного процесса не допускается (ч. 3 ст. 24 Закона о судебно-экспертной деятельности).

Кроме того, в п. 11 Постановления Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» разъяснено, что судам необходимо исходить из того, что лица, участвующие в деле, вправе реализовать свое процессуальное право на присутствие при проведении экспертизы (если экспертиза проводится не в месте нахождения лица, участвующего в деле, и вне зала судебного заседания), подав в суд до назначения экспертизы ходатайство об этом. При разрешении данного ходатайства суд учитывает, возможно ли присутствие лиц, участвующих в деле, при проведении экспертизы, не помешает ли оно нормальной работе эксперта. На присутствие лица, участвующего в деле, при проведении экспертизы, орган ее инициирующий, указывает в постановлении (определении) о назначении экспертизы.

В любом случае участники процесса, присутствующие при производстве судебной экспертизы, не вправе вмешиваться в ход исследований, но могут давать объяснения и задавать эксперту вопросы, относящиеся к предмету судебной экспертизы.

Если участник процесса, присутствующий при производстве судебной экспертизы, мешает эксперту, последний вправе приостановить исследование и ходатайствовать перед органом или лицом, назначившим судебную экспертизу, об отмене разрешения указанному участнику процесса присутствовать при производстве судебной экспертизы (ч. 4 ст. 24 Закона о судебно-экспертной деятельности).

Практическое положение вещей при назначении и производстве экспертизы по уголовным делам так же свидетельствует, что норма о возможном присутствии участников процесса при производстве экспертизы не применяется. Формально она присутствует и, безусловно, может быть соблюдена, но ее выполнение более чем затруднительно. Не говоря о серьезной профессиональной загруженности сотрудников ОВД, стоит отметить тот факт, что само производство именно почерковедческой экспертизы носит долговременный, творческий характер, связанный с формированием экспертного убеждения на основании оценочных признаков. В свою очередь, для оценки таковых эксперту требуется провести не один час, а иногда и не один день, чтобы дифференцировать объекты, описать общие признаки почерка в каждом из них, подготовить соответствующие таблицы-разработки частных признаков, выделить и зафиксировать наиболее значимые, повторяющиеся, идентификационно значимые признаки и т.д. Присутствие посторонних лиц в большинстве случаев носит отвлекающий характер, особенно, если присутствующее лицо не

понимает сути происходящего, постоянно просит объяснить принципы работы с объектами экспертизы и пр. Нам представляется, что именно поэтому, положения нормы УПК о присутствии лиц при производстве экспертизы, не применяются, либо носят перманентный характер. Вполне можно допустить, что при производстве такой достаточно наглядной экспертизы, как дактилоскопическая (приведем совершенно абстрактный пример со следами, не требующими специальных методов исследования), где увеличив сравниваемые объекты и указав разметкой на частные совпадающие/различающиеся признаки, и потратив на ее производство не более часа-двух с составлением фототаблицы, могут присутствовать участвующие в деле лица. Но при производстве почерковедческой экспертизы, подобное положение закона практически не применимо, а иногда и контрпродуктивно.

Говоря о сроках производства почерковедческой экспертизы, в первую очередь, следует обратиться к нормативным актам Министерства внутренних дел Российской Федерации, которые определяют в этом отношении общий порядок для всех видов экспертных исследований, проводимых в экспертно-криминалистических подразделениях системы МВД. Так, в соответствии с Приказом МВД России № 511, экспертизы в ЭКП производятся, как правило, в срок, не превышающий пятнадцати суток, в порядке очередности поступления материалов [1]. Более длительный срок производства экспертизы устанавливается руководителем в случаях, когда требуется исследование значительного объема материалов, применение продолжительных по времени методик исследования, а также, при наличии в производстве у эксперта значительного количества экспертиз, о чем информируется орган или лицо, назначившее экспертизу. В случаях недостаточности представленных эксперту материалов для решения поставленных вопросов эксперт составляет ходатайство, которое в установленном порядке направляется лицу (органу), назначившему экспертизу. Производство экспертизы до получения необходимых и достаточных материалов (разрешения) приостанавливается, но не более чем на двадцать суток.

В соответствии с Приказом Минюста России №346, сроки производства судебных экспертиз устанавливаются руководителем экспертного учреждения при даче соответствующего поручения эксперту (экспертам) в пределах 30 календарных дней. При этом учитываются объем, сложность предстоящих исследований, нормативные затраты времени на их проведение, фактическая загруженность экспертов, иные обстоятельства, связанные с производством экспертизы [2].

Также, стоит отдельно остановиться на рассмотрении вопроса о выводах эксперта при производстве почерковедческой экспертизы. Вопрос оценки таких выводов следователем по-прежнему достаточно актуален. Как правило, не возникает каких-то трудностей в плане оценки категорических выводов (положительного, либо отрицательного). Следователь ориентируется на

выполнение общих требований процессуального законодательства к форме заключения эксперта, в редких случаях – изучает содержание исследовательской части и выясняет актуальность методик исследования. Однако достаточно проблематичной выступает оценка вероятностного вывода, который даже при всех выполненных условиях и требованиях законодательства к экспертизе в целом, имеет спорный характер, его невозможно достоверно положить ни в основу обвинения, ни в основу оправдания лица. В то же время, позиция экспертного сообщества в этом вопросе однозначна – при наличии ограниченного объема исследуемого материала (короткие по содержанию записки) практически невозможно дать категорический вывод.

В то же время, обращаясь к основам судебно-почерковедческой экспертизы, можно увидеть не до конца конкретизированные и дифференцированные основания для формулирования вывода в вероятностной форме и вывода о невозможности решения вопроса об исполнителе (так называемого вывода в форме НПВ).

В.В. Серегин, характеризуя формы выводов идентификационной почерковедческой экспертизы, традиционно выделяет пять вариантов – два категорических, два вероятностных и вывод о невозможности решения вопроса об исполнителе. При этом, описывая в частности особенности формирования вероятностного отрицательного вывода и вывода о невозможности решения вопроса об исполнителе, он отмечает следующее. Вероятностный отрицательный вывод дается, когда не прослеживается устойчивость выявленных различающихся признаков и общее количество признаков невелико (короткий текст), а совпадающие признаки носят общий характер и их появление объяснимо. Вывод о невозможности решения вопроса об исполнителе формулируется в случаях, когда количество и идентификационные значимости признаков таковы, что их совокупность не служит основанием ни для категорического, ни для вероятностного выводов (краткость исследуемого текста, недостаточность образцов почерка проверяемого лица, простота выполнения знаков, умышленное изменение почерка и пр.) [3].

Как мы видим, основания для дачи, по сути разных выводов очень тесно пересекаются между собой. Краткость текста в первом случае, в результате которой невозможно проследить устойчивость тех или иных признаков, также присутствует и в основании для вывода в форме НПВ.

Литература:

1. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации. Приказ МВД России от 29 июня 2005 года № 511 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
2. Об утверждении Методических рекомендаций по производству судебных экспертиз в

Более подробно В.В. Серегин дает характеристику вероятной форме вывода в идентификационном почерковедческом исследовании уже в более позднем издании [4]. В основе вероятного вывода эксперта лежат два критерия:

– степень убежденности эксперта в правильности, сделанной им оценки выявленной совокупности признаков, оценки отдельных признаков и их идентификационной значимости;

– степень научной обоснованности, значимости совокупности выявленных признаков.

Так или иначе, по нашему мнению, в случае с формулированием вероятного вывода в идентификационной почерковедческой экспертизе, первоочередное значение принадлежит компетенции эксперта, его опыту и убежденности. Об этом, как раз, и говорил В.В. Серегин, отмечая, что в основе дифференцирования выводов эксперта на категорические и вероятные лежит степень уверенности в истинности полученного знания и степень научной обоснованности данного суждения. Вполне понятно, в этой связи, и высказывание М.П. Кошманова о том, что в настоящее время оценка признаков почерка во многом зависит от субъективных качеств эксперта (опыта, интуиции, профессионального образования и т.п.). В конечном счете, указанные обстоятельства препятствуют формализации признаков, что, в свою очередь ограничивает возможности применения компьютерной техники в почерковедческой экспертизе. По этой же причине и процесс экспертного исследования почерка «страдает» значительной долей субъективизма [5].

Таким образом, для нужд корректной оценки заключения эксперта по-прежнему рекомендуется помнить о том, что подобное заключение вне зависимости от формы вывода в нем, не имеет для следователя заранее установленной силы. Результаты почерковедческой экспертизы следователь оценивает наряду с другими доказательствами по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании всех имеющихся в деле доказательств; результаты такой оценки необходимо отразить в решении, в котором приводятся мотивы, по которым одни доказательства приняты в качестве средств обоснования выводов, а другие доказательства отвергнуты, а также – основания, по которым одним доказательствам отдано предпочтение перед другими (ст. 17 УПК РФ, ст. 67 ГПК РФ, ст. 84 КАС РФ, ст. 26.4 КоАП РФ, ст. 71 АПК РФ).

Literature:

1. Issues related to the organization of forensic examinations in forensic units of the internal Affairs bodies of the Russian Federation. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia № 511 of June 29, 2005 // Legal-reference system «ConsultantPlus».
2. About the approval of Methodical recommendations on production of judicial examinations in the

государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации. Приказ Минюста РФ от 20 декабря 2002 года № 346 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

3. *Кантор И.В.* Криминалистические экспертизы. Характеристики экспертных методик. Библиография : учебное пособие / И.В. Кантор, В.В. Серегин, Г.А. Беляева, Т.Г. Шаова, В.И. Фокин, В.И. Бойчук, И.В. Кантор, В.Ф. Зайцев, И.А. Чулков. Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1990. С. 4–7.

4. Почерковедение и почерковедческая экспертиза : курс лекций / Под ред. В.В. Серегина. Волгоград : ВА МВД России, 2002. С. 107.

5. *Кошманов П.М.* Классификация идентификационных признаков в почерковедческой экспертизе : учебное пособие / П.М. Кошманов, М.П. Кошманов. Волгоград : ВЮИ МВД России, 2000. С. 39–44.

state judicial expert institutions of system of the Ministry of justice of the Russian Federation. Order of the Ministry of justice of the Russian Federation № 346 of December 20, 2002 // Legal-reference system «ConsultantPlus».

3. *Kantor I.V.* Forensic examinations. Characteristics of expert methods. Bibliography : textbook / I.V. Kantor, V.V. Seregin, G.A. Belyaeva, T.G. Shomova, V.I. Fokin, V.I. Boychuk, I.V. Kantor, V.F. Zaitsev, I.A. Chulkov. Volgograd : HIS MIAUSSR, 1990. P. 4–7.

4. Handwriting and handwriting expertise : course of lectures / Under the editorship of V.V. Seregin. Volgograd : VA Ministry of internal Affairs of Russia, 2002. P. 107.

5. *Koshmanov P.M.* Classification of identification Features in handwriting expertise : textbook / P.M. Koshmanov, M.P. Koshmanov. Volgograd : VLI MIA of Russia, 2000. P. 39–44.

Грешнова Наталья Алексеевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории
государства и права,
ученый секретарь,
Саратовская государственная
юридическая академия
tsovon001@gmail.com

Natalia A. Greshnova

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of the Department
Theory States and Rights,
Scientific secretary,
Saratov State
Law Academy
itsovon001@gmail.com

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
УЧАСТИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ
В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ
КАК УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ
СУДОПРОИЗВОДСТВА И ЗАЩИТЫ
ЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН**

**THEORETICAL ANALYSIS
OF THE PARTICIPATION
OF A REPRESENTATIVE
IN CIVIL PROCEEDINGS AS A CONDITION
FOR ENSURING THE PRINCIPLE
OF ADVERSARIAL PROCEEDINGS
AND PROTECTING THE PERSONAL
INTERESTS OF CITIZENS**

■ ■ ■
Аннотация. Действующее процессуальное законодательство предусматривает возможность возмещения затрат на оплату услуг представителя для лица, в чью пользу вынесено судебное решение. При этом при определении суммы, подлежащих выплате судебных расходов, суды должны руководствоваться критерием разумности, что, как правило, приводит к необоснованному снижению суммы взыскиваемых судебных расходов. Автором приводится ряд предложений по возможному регулированию данного дискуссионного вопроса.

Ключевые слова: состязательность, принцип состязательности, судопроизводство, защитник, представитель, личный интерес, защита личных интересов.

■ ■ ■
Annotation. The current procedural legislation provides for the possibility of reimbursing the costs of paying for the services of a representative for a person in whose favor a court decision is made. At the same time, when determining the amount of legal costs to be paid, the courts should be guided by the criterion of reasonableness, which, as a rule, leads to an unreasonable decrease in the amount of legal costs recoverable. The author provides a number of proposals on the possible regulation of this discussion issue.

Keywords: competitiveness, principle of competitiveness, legal proceedings, defender, representative, personal interest, protection of personal interests.

■ ■ ■
Состязательность судопроизводства и теоретическое обоснование принципа состязательности приобретает большое практическое значение в вопросе реализации прав граждан на судебную защиту и построении демократического государства. Демократизация общества и судебной системы не может осуществляться без одного из основных принципов юридического процесса – принципа состязательности.

В юриспруденции под результатом реализации состязательного демократического судопроизводства подразумевается вынесение судебного решения на основании всестороннего, полного, объективного исследования относимых, достоверных, доступных и достаточных доказательств, представленных сторонами процесса. В свою очередь, суд обязан направлять действия сторон и контролировать их законность, так как от их активности зависит вынесение справедливого и объективного решения [1, с. 15–16].

■ ■ ■
Тем не менее, невозможно не учесть низкий уровень правовых знаний многих граждан, которые в силу объективных обстоятельств не могут обеспечить профессиональную и полную защиту своих прав и интересов в судебном заседании, что непосредственно может отразиться на процессе сбора доказательств, необходимых для внесения судебного акта [2, с. 87–89]. Так как суд не вправе самостоятельно собирать доказательства, граждане могут обратиться за такими услугами к представителю, адвокату, как правило, не безвозмездно. И таким образом, участие профессионала на стороне гражданина зависит от финансового состояния последнего.

Данное обстоятельство открывает перед нами актуальную проблему обеспечения участия представителя в современном юридическом процессе как условия гарантированной реализации состязательного демократического судопроизводства.

В действующем законодательстве Российской Федерации в сфере обеспечения судопроизводства оговорены условия, при которых имеется возможность возместить затраты на услуги представителя лица, в чью пользу вынесено судебное решение. К сожалению, суммы судебных расходов, подлежащие выплате, часто занижаются, так как суд руководствуется критерием разумности, более того все эти средства могут быть взысканы только при условии их перечисления представителю в полном объеме [3, с. 7–8]. Поэтому лицо, обратившееся за услугами к представителю, в любом случае терпит убытки, даже если верность его позиции подтверждена решением суда, так как сумма расходов, которые он затратил для защиты своих прав, в полном объеме ему не будет возмещена. Данный факт негативно отражается на авторитете судебной власти и одновременно ставит возможность получения профессиональной помощи при защите своих прав и законных интересов в зависимость от финансового положения лица, что в итоге непосредственно влияет на состязательность судопроизводства.

Статьей 48 Конституции РФ каждому гарантирована возможность получения квалифицированной юридической помощи, в том числе бесплатной в отдельных случаях, предусмотренных законом.

В настоящее время лишь в уголовном судопроизводстве действует четко обозначенный механизм оказания бесплатной юридической помощи гражданам, хотя гражданские дела в судах общей юрисдикции рассматриваются гораздо чаще. Данный факт свидетельствует о необходимости изучения вопроса обеспечения участия представителя в гражданском процессе для реализации принципов состязательности и равноправия сторон.

Согласно ст. 50 ГПК РФ, суд назначает адвоката в качестве представителя в случае отсутствия представителя у ответчика, место жительства которого неизвестно, а также - в других предусмотренных федеральным законом случаях.

Также, в Гражданском процессуальном кодексе РФ имеются статьи, конкретизирующие случаи обязательного участия представителя в гражданском процессе. Так, участие представителя в обязательном порядке предоставляется лицам, в отношении которых решается вопрос о принудительной госпитализации или о продлении срока их принудительной госпитализации.

Проанализировав статью 50 ГПК РФ, представляется возможным обратить внимание на некоторые проблемные аспекты. Одним из таких моментов выступает невозможность понимания позиции ответчика адвокатом, назначенным судом при отсутствии сведений о месте пребывания ответчика. Указанная проблема может негативно сказываться на некоторых правоотношениях, если, к примеру, ответчик, узнав о поданном в отношении него иске, захотел бы воспользоваться своим правом на мировое соглашение или признание иска. Тем не менее, в Постановлении

Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 года № 23 «О судебном решении» разъясняется, что суд не вправе при вынесении решения признавать признание иска или признание обстоятельств, на которых истец основывает свои требования, совершенные адвокатом, назначенным судом в качестве представителя ответчика на основании статьи 50 ГПК РФ, поскольку это, помимо воли ответчика, может привести к нарушению его прав. Поэтому адвокат, назначенный судом в порядке ст. 50 ГПК РФ, имеет право только отрицать все предъявляемые требования и обвинения и предпринимать действия для защиты прав ответчика.

Остается актуальной проблема оплаты услуг представителя, назначенного судом в порядке ст. 50 ГПК РФ. До 2016 года размер вознаграждения адвоката, участвующего в гражданском или административном судопроизводстве по назначению суда, согласно разъяснениям Верховного Суда РФ в обзоре законодательства и судебной практики за третий квартал 2008 года, был не урегулирован, поэтому имелась возможность применять аналогичные нормы, регулирующие оплату труда адвокатов, назначаемым по уголовным делам. При этом не было ясно, откуда должно поступать финансирование на оплату труда адвоката. Согласно ч. 2 ст. 100 ГПК РФ в случае, если в установленном порядке услуги адвоката были оказаны бесплатно стороне, в пользу которой состоялось решение суда, расходы на оплату услуг адвоката взыскиваются с другой стороны в пользу соответствующего адвокатского образования. Тем не менее, вероятны ситуации, при которых решение по делу будет вынесено в пользу другой стороны, противостоящей по отношению к стороне, которой были оказаны бесплатные адвокатские услуги. Нам представляется справедливым в таком случае также руководствоваться аналогией по выплатам адвокатам, назначаемым по уголовным делам.

После 2016 года в Положение о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда РФ, утвержденном Постановлением Правительства РФ от 01.12.2012 № 1240 (ред. от 28.07.2020), были внесены изменения и, согласно пункту 23 (1) Положения, размер вознаграждения адвоката, участвующего в гражданском судопроизводстве по назначению суда в порядке, предусмотренном статьей 50 ГПК РФ, за один рабочий день участия составляет не менее 550 рублей и не более 1200 рублей, а в ночное время – не менее 825 рублей и не более 1800 рублей. Оплата вознаграждения адвоката, участвующего в гражданском судопроизводстве по назначению суда, осуществляется за счет средств федерального бюджета. После указанных изменений отношения по оплате услуг адвоката по гражданским делам стали более урегулированными, и применение судами статьи 50 ГПК РФ выступает значимым моментом для обеспечения состязательности процесса, так как способствует

реализации профессиональной защиты личных интересов граждан в процессе, а также, позволяет суду в заседании оставаться беспристрастным и не пользоваться правом по оказанию помощи в сборе доказательств, что благоприятным образом действует на принятие объективного решения.

Нам представляется необходимым расширить полномочия суда по возможности назначения бесплатного адвоката по гражданским делам не только в случаях, указанных в Гражданском процессуальном кодексе РФ, но и в других ситуациях, когда сочтет такое решение необходимым для непосредственной реализации принципа состязательности в процессе, а также в случаях, если у стороны отсутствует объективная возможность получения профессиональной квалифицированной юридической помощи, и она может это доказать и подтвердить документально.

Подводя итог изложенному выше, предлагаем дополнить статью 50 ГПК РФ частью 2 следующего содержания: «Суд с учетом обстоятельств дела для обеспечения реализации принципа состязательности и равноправия сторон вправе по ходатайству стороны назначить ей бесплатного адвоката в качестве ее представителя. Ходатайство о назначении адвоката должно содержать доказательства невозможности или затруднительности представления своих интересов в суде самостоятельно, а также доказательства невозможности оплаты услуг представителя».

Закрепление такой нормы имеет двойственное значение:

– во-первых, устанавливается возможность получения профессиональной квалифицированной юридической помощи для реализации права граждан на судебную защиту;

Литература:

1. *Панько Н.К.* Деятельность адвоката-защитника по обеспечению состязательности. Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2000. 146 с.
2. *Либанова С.Э.* Проблемы состязательности в гражданском процессе в условиях правового нигилизма // Вестник ЮУрГУ. 2009. № 6. С. 87–89.
3. *Неретин Н.Н.* Роль стороны защиты в реализации принципа состязательности // Администратор суда. 2010. № 1. С. 7–8.

– во-вторых, закрепляются обоснования необходимости назначения бесплатного адвоката, при которых суд вправе его назначить, что исключает возможность злоупотребления процессуальным правом.

Также, норма не исключает возможность лица самостоятельно представлять свои личные интересы в судебном разбирательстве, что соответствует состязательному и демократическому судопроизводству и приводит к необходимости дополнения и изменения корреспондирующих ей статей. Нам представляется возможным дополнить часть 2 статьи 100 ГПК РФ абзацем следующего содержания: «В иных случаях, выплаты адвокатам, назначенным в порядке статьи 50 настоящего Кодекса, осуществляются на основании действующего законодательства».

Указанная норма направляет к Федеральному закону РФ от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ». Мы считаем целесообразным абзац 1 пункта 8 статьи 25 указанного федерального закона изложить в следующей редакции: «Труд адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда либо участвующего в качестве представителя в гражданском судопроизводстве по назначению суда, оплачивается за счет средств федерального бюджета. Расходы на эти цели учитываются в федеральном законе о федеральном бюджете на очередной год в соответствующей целевой статье расходов».

Таким образом, предложенные нами изменения будут способствовать эффективной защите личных прав граждан в состязательном демократическом гражданском процессе, в том числе, посредством участия бесплатного представителя в процессе.

Literature:

1. *Panko N.K.* The activities of a defense lawyer to ensure adversariality. Voronezh : Publishing house of the Voronezh state University, 2000. 146 p.
2. *Libanova S.E.* Problems of adversariality in civil proceedings in the context of legal nihilism // Bulletin of SUSU. 2009. №. 6. P. 87–89.
3. *Neretin N.N.* The role of the defense in the implementation of the adversarial principle // Court administrator. 2010. №. 1. P. 7–8.

Гусева Екатерина Дмитриевна
магистрант кафедры теории
и истории государства и прав,
Кубанский государственный юрисконсульт,
Общество с ограниченной
ответственностью
Дорожно-эксплуатационное
предприятие «Мосты и Тоннели»
gylnaz_2000@mail.ru

Адыгезалова Гюльназ Эльдаровна
доктор юридических наук,
доцент,
кафедра теории
и истории государства и права,
Кубанский государственный университет
gylnaz_2000@mail.ru

ВНЕШНЯЯ МИГРАЦИЯ: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРАВА НА ПЕРЕДВИЖЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА

■ ■ ■

Аннотация. В статье обозначаются основные проблемы правового регулирования внешней миграции в Российской Федерации применительно к иностранным гражданам и лицам без гражданства, определяется круг субъектов внешней миграции, порядок их въезда на территорию страны и выезда за ее пределы. Обозначена проблема отсутствия легального определения внешней миграции, что затрудняет понимание законодательства и процесс правоприменения. Вопросы внешней миграции и реализации права на передвижение иностранных граждан и лиц без гражданства являются актуальными в условиях активации миграционных процессов в мире. Для эффективного сочетания методов контроля и учета передвижения населения и конституционного права на свободное передвижение и выбор места пребывания необходимо совершенствование миграционного законодательства.

Ключевые слова: иностранные граждане, лица без гражданства, миграционное законодательство, внешняя миграция, легальная дефиниция.

■ ■ ■

Основным законом, регламентирующим порядок въезда в Россию и выезд за ее пределы, является Федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» от 15 августа 1996 года [8]. Именно в нем отражаются основные принципы и основополагающие начала государственного регулирования внешней миграции.

Ekaterina D. Guseva
Master of the Department Theory
and the History of the State and Rights,
Kuban State Legal Council,
Limited Company Responsibility
Road and Operational
Enterprise «Bridges and Tunnels»
gylnaz_2000@mail.ru

Gyulnaz E. Adygezalova
Doctor of Law,
Associate Professor,
Department of Theory
and History of State and Law,
Kuban State University
gylnaz_2000@mail.ru

EXTERNAL MIGRATION: FEATURES OF LEGAL REGULATION OF THE RIGHT TO MOVEMENT FOR FOREIGN CITIZENS AND STATELESS PERSONS

■ ■ ■

Annotation. The article identifies the main problems of legal regulation of external migration in the Russian Federation related to foreign citizens and stateless persons, defines the range of subjects of external migration, the procedure for their entry into the country and exit from its borders. The problem of the lack of a legal definition of external migration is identified. This makes it difficult to understand the law and the law enforcement process. The issues of external migration and the implementation of the right to movement of foreign citizens and stateless persons are relevant in the context of activation of migration processes in the world. To effectively combine the methods of monitoring and accounting for population movement and the constitutional right to free movement and choice of place of stay, it is necessary to improve migration legislation.

Keywords: foreign citizens, stateless persons, immigration laws, external migration legal, definition.

■ ■ ■

В первую очередь при рассмотрении внешней миграции следует определить понятие и формы внешней миграции, а также круг субъектов внешней миграции и их статус. Особое значение это имеет в связи с тем, что легальной дефиниции «внешняя миграция» российское законодательство не содержит.

Отличительная особенность внешней миграции состоит в том, что при таком виде миграции происходит пересечение населением внешних границ государства. Внешняя миграция включает в себя эмиграцию (выезд населения в другую страну) и иммиграцию (въезд населения в страну, что часто связано с получением нового гражданства) [3, с. 38]. Также выделяют реэмиграцию и репатриацию. Под реэмиграцией понимается возвращение мигранта в страну-выхода, а под репатриацией возвращение на свою этническую родину [1, с. 52]. Кроме того, внешние миграции делятся на два больших класса: межконтинентальные и внутриконтинентальные. Отдельно также выделяется внешняя трудовая миграция, под которой понимается осуществление лицом трудовой деятельности в государстве, гражданином которого он не является.

Соответственно данному разделению субъектами внешней миграции будут являться граждане РФ, иностранные граждане и лица без гражданства, осуществляющие такие перемещения. Законодательством РФ детально регламентировано правовое положение и порядок въезда внешних мигрантов в страну и выезда за ее пределы, а также порядок и условия пребывания отдельных категорий мигрантов на ее территории. При этом стоит отметить, что все перечисленные выше обстоятельства зависят от наличия у лица гражданства РФ, права на постоянное проживание на ее территории или же международного договора со страной-выхода мигранта, а также признание лица беженцем в установленном законом порядке.

Согласно ст. 24 закона № 114-ФЗ, иностранные граждане имеют право въезжать в РФ и выезжать из РФ только при наличии визы и действительных документов, которые удостоверяют их личность и признаются в Российской Федерации в качестве таковых. В отдельных случаях, установленных в основном международными договорами, граждане иностранных государств имеют право на пересечение границы нашего государства в безвизовом порядке. С каждым из таких государств у России есть договор, который регулирует порядок въезда и выезда из страны граждан этих государств, а также определяет предельный срок их

Литература:

1. *Борисов В.А.* Демография. М., 2001. С. 52.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 29 мая 2019 г. № 114-ФЗ) // Российская газета. 2001. № 256.
3. *Матлин И.С.* Моделирование размещения населения. М., 1975. С. 38.
4. О беженцах: Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. (в ред. от 31 июля 2020 г. № 280-ФЗ) // Российская газета. 1993. № 54; 2020. № 173.

нахождения на территории РФ. Такими странами в настоящее время являются Турция, Абхазия, Армения, Азербайджан, Аргентина, Сербия, Таиланд и т.д. Следует отметить, что и для граждан Российской Федерации в данных странах вводится режим безвизового въезда и пребывания.

Схожий порядок для въезда в РФ и выезда из нее установлен и для лиц без гражданства, единственным отличием является то, что они пребывают на территории России по документам, выданным соответствующими органами государства их постоянного проживания.

Иностранные граждане, получившие вид на жительство в РФ, осуществляют въезд в РФ и выезд из РФ на основании действительных документов, удостоверяющих их личность и признаваемых РФ в этом качестве, и вида на жительство. Лица без гражданства, получившие вид на жительство в РФ, осуществляют въезд в РФ и выезд из РФ на основании вида на жительство. Иностранцам гражданам или лицам без гражданства въезд и выезд могут быть не разрешены по основаниям, предусмотренным Законом о выезде и въезде.

Что касается иностранных граждан и лиц без гражданства, признанных в установленном порядке беженцами, они могут выезжать из РФ и въезжать в РФ на основании проездного документа беженцев [4]. Иностранцы граждане и лица без гражданства, в отношении которых принято решение об административном выдворении за пределы РФ или о депортации, выезжают из нашей страны на основании данного решения [2].

В заключение необходимо отметить, что в настоящий момент несмотря на достаточно детальное урегулирование российским законодательством вопросов территориального перемещения внешних мигрантов, оно не содержит легальной дефиниции «внешняя миграция», что является необходимым. Закрепление указанного термина позволит не только усовершенствовать нормы права и внести определенность, но и обеспечить эффективность правоприменения путем закрепления основных свойств внешней миграции, ее субъектов и их правового статуса.

Literature:

1. *Borisov V.A.* Demography. M., 2001. C. 52.
2. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: Federal Law of December 30, 2001 № 195-ФЗ (as amended on May 29, 2019 № 114-ФЗ) // Russian newspaper. 2001. № 256.
3. *Matlin I.S.* Modeling of population placement. M., 1975. C. 38.
4. On refugees: Federal Law of February 19, 1993 (as amended on July 31, 2020 № 280-ФЗ) // Russian newspaper. 1993. № 54; 2020. № 173.

5. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ (в ред. от 31 августа 2020 г. 305-ФЗ) // Российская газета. 1996. № 159.

5. On the procedure for leaving the Russian Federation and entering the Russian Federation: Federal Law of August 15, 1996 № 114-ФЗ (as amended on August 31, 2020 305-ФЗ) // Russian newspaper. 1996. № 159.

Дубровская Инга Сергеевна
ассистент кафедры
уголовного права и процесса,
Тюменский государственный университет
inga.dubrovskaya@yahoo.com

СОЦИАЛЬНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ КАК УГРОЗА ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье рассматривается социальный экстремизм как вид экстремизма, понятие и признаки социального экстремизма, его отличительные черты от иных видов экстремизма. Определяется обоснование изучения социального экстремизма как явления. В статье указывается нормативная база для понимания важности и ценности выделения социального экстремизма как отдельного вида экстремизма. Также, автором анализируются понятия «общественная безопасность», «внутренняя безопасность государства и общества», в целом.

Ключевые слова: социальный экстремизм, общественная безопасность, социальная группа, свобода слова, вражда, ненависть.

Основные права и свободы человека как неотъемлемые права получили свое закрепление в документе международного уровня - во Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 года [1]. На основе международных стандартов была разработана и принята Конституция Российской Федерации, в которой основные права и свободы человека и гражданина закреплены на законодательном уровне. Конституция РФ является гарантом безопасности, как личности, так и государства в целом.

Вместе с тем, можно заметить, что право на «свободу слова», порой, порождает проявления экстремизма. Зачастую, с развитием такого демократического института как «свобода слова» и бесконтрольным распространением информации в настоящее время развивается и пропаганда социального экстремизма. Немаловажно отметить, что возможность свободно высказывать свое мнение и выступать открыто в средствах массовой информации является правом на свободу убеждений и свободу совести, которое также является одним из основных демократических постулатов. Тем не менее, в настоящее время прослеживается тенденция злоупотребления данными правами в рамках пропаганды превосходства либо неполноценности по признакам принадлежности к каким-либо социальным группам. Соответственно, «свобода слова» должна «заканчиваться» там, где начинается экстремистская деятельность по унижению человеческого достоинства, а равно – пропаганда ненависти либо

Inga S. Dubrovskaya
Assistant of the Department
of Criminal Law and Procedure,
Tyumen State University
inga.dubrovskaya@yahoo.com

SOCIAL EXTREMISM AS A THREAT TO THE INTERNAL SECURITY OF THE STATE

Annotation. The article considers social extremism as a type of extremism, the concept and features of social extremism, its distinctive features from other types of extremism. The rationale for studying social extremism as a phenomenon is determined. The article specifies the regulatory framework for understanding the importance and value of identifying social extremism as a separate type of extremism. The article also analyzes the concept of public security, internal security of the state and society as a whole.

Keywords: social extremism, public security, social group, freedom of speech, hostility, hatred.

вражды по признакам половой принадлежности либо принадлежности к каким-либо социальным группам.

На современном этапе развития российского общества прослеживаются:

– тенденция к обострению деструктивной конфликтности;

– рост социальной напряженности;

– усиление агрессивности во всех сферах общественных отношений.

Так, результаты социологических исследований показывают, что в стране начинает нарастать, так называемый, «махровый экстремизм» на почве воинствующего шовинизма, религиозной нетерпимости, ксенофобии, расизма и социальной конфликтности [2, с. 10]. Мы считаем, что выделение социального экстремизма на доктринальном уровне как самостоятельного вида экстремизма поможет более глубоко подойти к его изучению и разработке высокоэффективных инструментов противодействия. Однако заметим, что выделение социального экстремизма на законодательном уровне нам представляется нецелесообразным, поскольку это может создать проблемы в правовой оценке видов экстремизма.

В качестве ключевых детерминант, способствующих развитию социального экстремизма, можно выделить следующие:

– социально-экономические – существенное расхождение общества по уровню достатка либо по социальному положению в обществе, порождающие у значительной части его членов чувство несправедливости и социального неравенства, что провоцирует дисбаланс общественных отношений;

– идеологические – состояние идеологической пустоты провоцирует наполнение идеологического пространства общества радикальными идеологиями.

При этом развитие сети «Интернет» позволяет легко и свободно распространять любую идеологию, в том числе экстремистскую, в связи с чем, имеется возможность внедрения технологического управления в поведенческой сфере социума [3, с. 8]. Как правило, проявления социального экстремизма, зачастую, совершаются в медиапространстве с использованием информационных технологий, из чего следует, что информационный экстремизм может рассматриваться в контексте социального экстремизма. Стоит указать на то, что практика правоприменения антиэкстремистского законодательства сталкивается с определенными проблемами при определении социальных групп. Так, с одной стороны, разжигается социальная ненависть либо совершаются преступные посягательства наопределенного рода социальные группы. В то же время, представители социальных групп по общепринятым понятиям и представлениям порой ведут аморальный, безнравственный образ жизни. Более того, этот фактор является, как правило, ключевым «кредо» социальной группы. В то же время, некоторые правоприменители отмечают, что социальная группа вне зависимости от рода деятельности должна охраняться от преступных посягательств, а самосуд, также как и самоуправство, а равно – и унижение человеческого достоинства по признаку принадлежности к какой-либо социальной группе, неприемлемы. Иные правоприменители не относят антисоциальные группы к социальным группам, что, в свою очередь, затрудняет применение антиэкстремистского законодательства и защиту прав человека и гражданина от экстремистских посягательств для всех без исключения. Мы полагаем, что защита граждан от преступных экстремистских посягательств является одной из главных задач государства и показателем высокой общественной стабильности, тесно связанной с безопасностью государства.

Федеральный Закон «О противодействии экстремистской деятельности», принятый 25.07.2002 г., № 113-ФЗ (ред.02.12.2019 г.) [4] дает понимание того, что именно можно считать экстремистской деятельностью. Интерпретируя законодательные положения, под социальным экстремизмом мы понимаем пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку половой принадлежности либо принадлежности к какой-либо социальной группе, а также, нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда здоровью и имуществу граждан, мотивом которых служит, в том числе, ненависть к представителям определенного пола, определенной социальной группы либо социального происхождения потерпевших.

Раскрывая понятие «социальный экстремизм» и экстремизма в целом, следует отметить, что главными признаками экстремистских преступлений являются ненависть и вражда, что подтверждено социологическими, философскими и правовыми исследованиями. Однако мотивы ненависти все еще вызывают существенные затруднения в правоприменительной практике по делам об экстремистских преступлениях. Так, А.Н. Трайнин предлагал следующие мотивы (побуждения) совершения преступлений: нейтральные (ревность, страх); низменные (корысть, месть, зависть, ненависть); альтруистические (сострадание, стремление помочь людям) [5, с. 222].

Нет сомнения в том, что мотив совершения экстремистского преступления значительно влияет на квалификацию экстремистского посягательства для того, чтобы наиболее точно установить степень общественной опасности. Мы предлагаем понимать также под действиями, посягающими на общественную безопасность, действия по дестабилизации общественной ситуации в стране, побуждения к совершению тяжких преступлений, основанных на неприязненном отношении (низменном мотиве) в отношении какой-либо социальной группы либо половой принадлежности. Понимание социального экстремизма как проблемы общенационального масштаба находит свое отражение и в Указе Президента РФ «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», где отмечается, что «основными угрозами государственной и общественной безопасности являются деятельность радикальных общественных объединений и группировок, ... направленная на дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране, включая инспирирование «цветных революций» а также, разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, ... деятельность, связанная с использованием информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма, нанесения ущерба гражданскому миру, политической и социальной стабильности в обществе» [6]. Таким образом, экстремизм может проявляться по-разному – от возбуждения ненависти либо вражды среди граждан до создания бандформирований, ставящих цели изменение государственного устройства Российской Федерации.

Применительно к формам экстремизма, Р.С. Тамаев выделяет три основные: политический, национальный и религиозный [7, с. 12]. О.В. Книгтельшот считает наиболее правильным выделение экономического, националистического, экстремизма в культурной области, религиозного и экологического экстремизма [8, с. 6]. Заметим, что авторы научных работ по уголовному праву, криминологии и социологии уделяют мало внимания проблемам «социального экстремизма» либо совсем не выделяют его как отдельную доктринальную форму экстремизма.

Мы, в свою очередь, предлагаем выделять формы экстремизма в зависимости от направленности самих экстремистских действий на объекты

экстремистского посягательства, закрепленные в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ), например:

- гендерный (только по признаку пола);
- расово-национальный;
- религиозный;
- лингвистический;
- социальный и др.

Стоит указать на то, что в некоторых научных источниках превалирует мнение о социальной группе и социальном экстремизме как чисто классовом явлении – экстремизм в отношении социально группы по признаку материального положения ее членов. Мы с классовой позицией отчасти согласны. Но, исходя из практического применения антиэкстремистского законодательства и отдельных статей УК РФ, посвященных преступлениям экстремистского характера, судами принято считать, что классовые признаки отнюдь не являются основополагающими в рамках интерпретации социального экстремизма. Общество на сегодняшний день представляется огромным организмом, в котором деление происходит не только на классы, а также, общество делится по признаку материального положения, происхождения, отношения к религии, профессии, половой принадлежности, список достаточно обширен. Таким образом, практически любое различие экстремисты могут использовать для пропаганды ненависти и вражды, а равно – для унижения человеческого достоинства по признаку принадлежности к какой-либо из перечисленных социальных групп. Мы предполагаем, что выделение социального экстремизма в качестве вида преступного посягательства является очень важным для изучения этого явления. Изучение социального экстремизма в виде явления и разновидности экстремизма поможет ответить на многие вопросы квалификации преступных посягательств, раскрыть мотивы и детерминанты преступлений экстремистского характера в отношении представителей социальных групп. Также, выделение и детальное исследование проблемы социального экстремизма поможет выработать концепцию противодействия преступлениям и преступным посягательствам именно в этой области, которые смогут помочь усовершенствовать законодательство, посвященное новым социальным угрозам безопасности государства. Полагаем, что в рамках исследования вопросов социального экстремизма необходимо разработать механизм предупреждения и нейтрализации социальных

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека // Российская газета. 1995. 05 апреля.
2. *Галышина Е.И.* Лингвистика vs экстремизма : в помощь судьям, следователям, экспертам / Е.И. Галышина; Под ред. проф. М.В. Горбаневского. М. : Юридический Мир, 2006. 96 с.

конфликтов, приводящих к появлению и распространению экстремизма в целом. Детальное изучение личности преступников, совершивших преступления экстремистского характера в отношении социальных групп либо по признаку половой принадлежности потерпевшего, поможет выработать действенные механизмы предупреждения подобного рода преступлений. Также, изучение социального экстремизма как отдельной категории экстремизма поможет в будущем избежать некорректного применения правоохранительными органами и судами антиэкстремистского законодательства в части определения социальных групп как объектов преступного экстремистского посягательства, а также, в части понимания общественной опасности данного вида преступлений. Угроза социального экстремизма также состоит в том, что объектами преступных посягательств могут быть неопределенный круг лиц (священнослужители, врачи, представители молодежных субкультур, дети родителей определенных профессий и др.). Учитывая, что общественные отношения развиваются колоссальными темпами, в том числе, и, благодаря средствам массовой информации, следует отметить опасность распространения социального экстремизма по признаку ненависти либо вражды в рамках общественных дискуссий, а также в интернет-пространстве, что говорит о необходимости совершенствования ряда нормативных правовых актов, регулирующих ряд общественных отношений и институтов. Также, о необходимости выделения и изучения социального экстремизма свидетельствуют постоянный рост преступлений, имеющих экстремистский характер, основанный на социальной неприязни, нетерпимости и ненависти.

Кроме того, необходимость выделения социального экстремизма как самостоятельного вида экстремизма на доктринальном уровне обусловлена следующими факторами:

- численным ростом преступлений экстремистского характера в отношении социальных групп;
- осознанием государством социального экстремизма как самостоятельной его формы;
- преступлением, основанным на ненависти к какой-либо социальной группе, на половой принадлежности потерпевших, а также, на экстремистском мотиве, угрожает не только конкретной социальной группе, но и посягает на общественную и социальную безопасность, конституционный строй, а также на общественную безопасность, в целом.

Literature:

1. The universal Declaration of human rights // Russian newspaper. 1995. April 05.
2. *Galyashina E.I.* Linguistics vs extremism: To help judges, investigators, and experts / E.I. Galyashina; Ed. by prof. M.V. Gorbanevsky. M. : Legal World, 2006, 96 p.

3. Духовные основы противодействия идеологии экстремизма и терроризма : учебное пособие / А.Л. Анисин, Н.В. Блажевич, А.И. Числов и др.; Под ред. А.Л. Анисина. Тюмень : Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2017. 98 с
4. Федеральный Закон «О противодействии экстремистской деятельности», принятый 25.07.2002, № 113-ФЗ (ред. 02.12.2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.
5. *Трайнин А.Н.* Общее учение о составе преступления. М. : Госюриздат, 1957. 363 с.
6. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.
7. *Тамеев Р.С.* Уголовно-правовое и криминологическое обеспечение противодействия экстремизму : монография. 2-е изд. М. : ЮНИТИ : Закон и право, 2008. 279 с.
8. *Кнителшот О.В.* Система противодействия политическому экстремизму в современном российском обществе : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов : Сарат. юрид. ин-т МВД РФ, 2006. 18 с.
3. Spiritual foundations of countering the ideology of extremism and terrorism : textbook / A.L. Anisin, N.V. Blazhevich, A.I. Chislov et [al.]; Ed. by A.L. Anisin. Tyumen : Tyumen Institute for advanced training of employees of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2017. 98 p
4. Federal Law «On countering extremist activities», adopted on 25.07.2002, № 113-FZ (ed. 02.12.2019) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. № 30. Art. 3031.
5. *Traynin A.N.* General doctrine of the composition of the crime. M. : Gosyurizdat, 1957. 363 p.
6. Decree Of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 № 683 «On The national security strategy of the Russian Federation» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2016 № 1 (part II). Art. 212.
7. *Tamaev R.S.* Criminal law and criminological support of counteraction to extremism: monograph. 2nd ed. M. : UNITY : Lawandlaw, 2008. 279 p.
8. *Knitelshot O.V.* System of counteraction to political extremism in modern Russian society : abstract dis. ... of candidate of sociological sciences. Saratov : Sarat. the faculty of law. in-t of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation, 2006. 18 p.

Заикин Вадим Юрьевич
преподаватель кафедры
тактико-специальной подготовки,
Волгодонский филиал Ростовского
юридического института МВД РФ
dlozovsky@mail.ru

Лозовский Денис Николаевич
доктор юридических наук,
доцент,
профессор кафедры
уголовного процесса,
Краснодарский университет МВД России
dlozovsky@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ДЕЛАМ О КОРЫСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Аннотация. Первоначальный этап расследования преступлений и тактика производства следственных действий представляет особый интерес среди криминалистов в виду распространенности и общественной опасности преступлений. В статье рассмотрены организационные и тактические особенности производства осмотра места происшествия при расследовании корыстных преступлений, совершенных несовершеннолетними. Предложены рекомендации, направленные на повышение эффективности производства данного следственного действия.

Ключевые слова: методика расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, тактика производства отдельных следственных действий, осмотр места происшествия, несовершеннолетних.

Первоначальный этап расследования данных преступлений и тактика производства следственных действий представляет особый интерес среди криминалистов в виду их распространенности и общественной опасности пр. Своевременное и квалифицированное производство следственных действий на первоначальном этапе расследования способствует качественно и оперативно раскрытию преступлений, совершенных несовершеннолетними.

Ученые-криминалисты связывают расследование преступлений с определенной системой организационных мер, следственных действий, криминалистических, оперативно-разыскных и других поисковых мер, обеспечивающих начальную стадию расследования в установленном законом

Vadim Yu. Zaikin
Teacher of the Department
of Tactical and Special Training,
Volgodonsk branch
of the Rostov Law Institute
dlozovsky@mail.ru

Denis N. Lozovsky
Doctor of Law,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Criminal Procedure,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
dlozovsky@mail.ru

FEATURES OF CONDUCTING AN INSPECTION OF THE SCENE OF AN ACCIDENT IN CASES OF SELF-SERVING CRIMES COMMITTED BY MINORS

Annotation. The initial phase of the investigation of these crimes and the tactics of investigation is of particular interest among criminologists in view of the prevalence and public danger of crimes. The article considers the organizational and tactical features of conducting an inspection of the scene of an accident in the investigation of mercenary crimes committed by minors. Recommendations aimed at improving the efficiency of this investigative action are proposed.

Keywords: methods of investigation of crimes committed by minors, tactics of individual investigative actions, inspection of the scene, minor.

порядке быстрое и полное выявление, закрепление следов преступления и обнаружение виновного лица [1, с. 14].

Осмотр места происшествия является процессуальным действием, которое свидетельствует об уровне профессиональной подготовки не только следователя, но и других сотрудников полиции (дознаватели, оперативные сотрудники, участковые уполномоченные, эксперты-криминалисты), участвующих в осмотре места происшествия.

В ходе производства осмотра места происшествия перед следователем (дознавателем), сотрудниками оперативных подразделений стоит не легкая задача поиска доказательств совершенного преступления. Это достигается ими в

результате выполнения профессионально грамотных действий, основанных не только на неукоснительном соблюдении норм уголовно-процессуального законодательства, но и на четкой организации и тактике производства осмотра места происшествия.

После возбуждения уголовного дела проводятся первоначальные следственные действия, порядок и последовательность которых определяются совершенным и расследуемым преступлением. Рекомендации по частным методикам расследования некоторых видов преступлений с точки зрения планирования, основанные на типичных следственных ситуациях, также применимы и к расследованию корыстных преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Особенности расследования корыстных преступлений, совершенных несовершеннолетними, связаны с конкретными тактическими методами (приемами) проведения отдельных следственных действий.

Планируя производство следственных действий по корыстным преступлениям, совершаемым несовершеннолетними, необходимо помнить, что по данной категории уголовных дел особенно важно выполнять требования закона о разумных сроках уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ), а также – обеспечивать всесторонность, полноту и объективность расследования. При обеспечении законных интересов несовершеннолетнего необходимо проводить глубокое воспитательное и профилактическое воздействие на подростка и его окружение для выявления обстоятельств, связанных с условиями его жизни и условиями воспитания, состоянием здоровья, причинами и условиями, способствовавшими совершению преступления. Следовательно, нужно тщательно готовиться к каждому следственному действию с участием несовершеннолетнего.

Расследование преступлений указанной категории имеет определенную специфику при производстве следственных и иных процессуальных действий, особенно это касается таких следственных действий, как осмотр места происшествия. Так, осмотр места происшествия по делам указанной категории, позволяет создать представление о механизме совершения преступления, выдвинуть версию о причастности к совершению преступления несовершеннолетних, а также предполагает использование специальной методики.

Осмотр места происшествия – сложное следственное действие, которое требует тщательной подготовки. Необходимо заранее провести организационные мероприятия, которые позволят держать наготове транспорт, технико-криминалистические средства, произвести расчет сил и средств, которые потребуются при производстве осмотра [3, с. 23]

При проведении такого следственного действия, как осмотр места происшествия, в первую очередь, необходимо проанализировать способ совершения корыстного преступления, указывающий на личностные качества несовершеннолетнего.

По прибытии на место происшествия необходимо:

- мысленно определить границу и порядок предстоящего осмотра;

- удалить посторонних лиц с места происшествия, если таковые имеются, и принять меры к недопущению их вновь;

- опросить очевидцев происшествия и лиц, первыми его обнаружившими;

- оценить обстановку, обсудить с оперативным сотрудником вопросы о проведении срочных оперативно-разыскных мероприятий, направленных на установление и задержание преступника;

- пригласить понятых, если следователь (дознатель) принял решение проводить данное следственное действие с их участием;

- окончательно определить состав лиц, участвующих в осмотре места происшествия, разъяснить им права и обязанности

В том случае, если к моменту начала осмотра места происшествия установлена личность несовершеннолетнего подозреваемого или он задержан, то при производстве данного следственного действия необходимо установить сведения, подтверждающие или опровергающие причастность данного лица к совершению конкретного преступления, а также – его роль в расследуемом событии. Несовершеннолетней может быть привлечен участию в осмотре места происшествия в том случае, если он не отрицает своего участия в преступлении.

В том случае, если лицо, совершившее преступление, не установлено или предполагается только участие несовершеннолетнего в совершении корыстного преступления, то при проведении осмотра места происшествия следователю необходимо обращать внимание на особенности материальных следов (следы ног, рук и другое) [2, с. 24].

В частности, по следам рук и ног, благодаря экспертам-криминалистам, можно установить примерный возраст подозреваемого (по количеству папиллярных линий на единицу длины), определить примерный рост, особенности походки (по длине шага и стопы). Особенностью следов несовершеннолетнего преступника может быть: ширина шага немного больше, чем у взрослого человека, а угол шага менее открыт. Кроме того, тип обуви (например, спортивная, молодежная обувь) может также помочь при определении возраста преступника. Обнаружение на продуктах питания (шоколад, конфеты, сыр и т.п.) следов зубов может также говорить о том, что преступление совершено несовершеннолетним.

При производстве осмотра места происшествия стоит обращать особое внимание на личные вещи, оставленные преступником, хаотичность его действий:

- вещи раскиданы, мебель, иные предметы повреждены без необходимости;

– потерпевшему при совершении корыстного преступления причинены телесные повреждения;

– похищены продукты питания и алкоголь, малогабаритная техника, одежда, иные вещи, но не тронуты ценные предметы.

На совершение корыстного преступления несовершеннолетним, кроме всего прочего, могут указывать следы преодоления, повреждения преград: проникновение через открытые окна, вентиляционные шахты, форточки, раздвинутые решетки, сломанные окна, проломы в ограждениях.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что осмотр места происшествия – это неотложное следственное действие, самое «необходимое», так как позволяет установить большой объем обстоятельств, относящихся ко всем сторонам состава преступления, требующих применения

Литература:

1. *Сидоров В.Е.* Начальный этап расследования: организация, взаимодействие, тактика. М., 2014.
2. *Ивашков В.А.* Предварительные исследования материальных объектов на месте происшествия : методические рекомендации. М. : ЭКЦ МВД России, 2015.
3. *Афонькин Г.П.* Условия успешного производства осмотра места происшествия : методические рекомендации / Г.П. Афонькин, Т.В. Астишина, Е.В. Маркелова. Домодедово : ВИПК МВД России, 2014.

комплекса тактических приемов и криминалистической техники.

При проведении такого следственного действия, как осмотр места происшествия, основные усилия направляются на выявление следов и изучение обстановки совершения преступления. Выявленные признаки помогают выдвинуть версию о том, что корыстное преступление совершено несовершеннолетним лицом.

Успешный осмотр места происшествия является надежной базой для раскрытия преступлений, совершенных несовершеннолетними, но для того, чтобы иметь успех, он должен осуществляться в тесном взаимодействии следователя (дознавателя), оперативного сотрудника, эксперта-криминалиста, участкового уполномоченного и других участников уголовного процесса.

Literature:

1. *Sidorov V.E.* The initial phase of the investigation: organization, interaction, tactics. M., 2014.
2. *Ivashkiv V.A.* Preliminary studies of material objects at the scene: methodological recommendations. M. : ECC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015.
3. *Afonkina G.P.* conditions for successful production of inspection of the scene : methodical recommendations / G.P. Afonkina, T.V. Astishina, E.V. Markelova. Domodedovo : VIPK MVD of Russia, 2014.

Звонов Андрей Викторович

кандидат юридических наук,
доцент,
начальник кафедры
криминологии и организации
профилактики преступлений
юридического факультета,
Академия права и управления
Федеральной службы
исполнения наказаний России
Aasavin33@mail.ru

Савин Андрей Александрович

старший преподаватель кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Aasavin33@mail.ru

**КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА
КАК ИНАЯ МЕРА
УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос неурегулированности существующего порядка конфискации имущества лица при вынесении обвинительного приговора суда. Рассматривается вопрос о необходимости применения такого вида дополнительного наказания. Авторы делают вывод о необходимости проявления законодательной инициативы по формированию как судебной, так и общеправовой практики в данном вопросе в связи с постоянным совершенствованием законодательства в части правоотношений, когда конфискация может быть применена.

Ключевые слова: конфискация, уголовно правовая мера, изъятие имущества, обеспечение взыскания.

Конфискация имущества является мерой уголовно-правового характера, которой выделена отдельная глава в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ). Под конфискацией имущества понимается принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора суда имущества, закрепленное в ст. 104.1 УК РФ [1].

Актуальность рассматриваемого вопроса несомненна и определяется тем, что данная уголовно-правовая мера необходима для усиления наказания за преступные деяния, а также – для их предотвращения, что, в свою очередь, должно способствовать дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, более

Andrei V. Zvonov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
of Criminology and Organization
Crime Prevention Law School
Academy of Law and Management
of the Federal Penitentiary Service of Russia
Aasavin33@mail.ru

Andrei A. Savin

Senior lecturer of the Department
of Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Enforcement of Sentences
Aasavin33@mail.ru

**CONFISCATION
OF PROPERTY AS A MEASURE
OF CRIMINAL LAW**

Annotation. The article deals with the issue of non-regulation of the existing procedure for confiscation of a person's property when passing a court verdict of guilty. The question of the necessity of applying this type of additional punishment is being considered. The author concludes that it is necessary to take legislative initiatives to form both judicial and General legal practice in this matter in connection with the constant improvement of legislation in terms of legal relations when confiscation can be applied.

Keywords: confiscation, criminal law measure, seizure of property, enforcement of recovery.

широкому применению наказаний имущественного характера, не исключая штраф и исправительные работы. Правовая значимость исследований конфискации имущества стала еще более очевидной в связи с ее введением в УК РФ в качестве иной меры уголовно-правового характера на основании Федерального закона от 27 июля 2006 года № 153-ФЗ.

Конфискация имущества широко используется в уголовном законодательстве не только как мера, применяемая в сфере противодействия финансированию терроризма и легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, но и к имуществу, с помощью которого совершалось преступление. Конфискация имущества осуществляется в соответствии с Федеральным

законом от 02.10.2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» и только по решению суда.

Включение конфискации имущества в УК РФ на основании Федерального закона № 153 от 27.07.2006 года продиктовано не стремлением законодателя усилить карательный потенциал назначаемого вида наказания, а интересами лишения виновных лиц незаконно полученных денег, ценностей и иного имущества, устранения экономической основы терроризма, организованной преступности, изъятия у них орудий и иных средств совершения преступлений, то есть, в конечном итоге, стремлением предупредить совершение новых преступлений [2].

Согласно Европейской конвенции об отмытии, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 08.11.1990 года, конфискация определяется как «мера, назначенная судом в результате производства в связи с уголовным правонарушением или уголовными правонарушениями, приводящая к лишению имущества» [3]. Каждая страна обязана и вправе принимать «законодательные и другие меры, которые могут быть необходимы, чтобы предоставить ей возможность конфисковывать орудия и доходы или имущество, стоимость которых соответствует этим доходам». Как верно заметил В.В. Лунев, «отсутствие данной меры правового воздействия способствовало тому, что этим было устранено самое эффективное и самое гуманное наказание, которое несло в себе серьезное предупредительное начало» [4]. Восстановление конфискации имущества в ином качестве призвано устранить возникшее противоречие.

Исходя из самого определения меры, можно выделить признаки конфискации имущества, на которых она построена. В первую очередь, это мера принуждения по причине того, что при изъятии имущества не требуется согласия его собственника и, кроме того, это безвозмездное изъятие имущества. В случае его конфискации расходы, связанные с причиненным ущербом от данной меры собственнику имущества, не возмещаются.

Существуют исключения, при которых уголовное законодательство все-таки подразумевает возможность возмещения расходов, связанных с причиненным ущербом от указанной меры собственнику имущества, но лишь в случаях, предусмотренных частью 2 статьи 104.3 УК РФ, а именно – в случае отсутствия у собственника имущества, на которое также может быть обращено взыскание в виде конфискации. В таких случаях ему возвращается только сумма причиненного ущерба, связанного с конфискацией, а оставшаяся часть обращается в доход государства.

Зачастую, понятия «конфискация» и «арест имущества» не разграничивают, так как арест имущества производится намного чаще, чем конфискация.

Под арестом имущества понимается мера, которая принимается при необходимости гарантий реализации исполнительного документа, выданного

на основании решения суда и содержащего требования об имущественных взысканиях [5].

Арест на имущество должника может быть наложен:

– во-первых, для обеспечения сохранности имущества, которое подлежит передаче взыскателю или его реализации;

– во-вторых, при исполнении судебного акта о конфискации имущества;

– в-третьих, при исполнении судебного решения о наложении ареста на имущество в счет обеспечения исполнения решения суда, принадлежащее должнику и находящееся у него или у третьих лиц.

В свою очередь, обращение имущества лица в собственность государства подразумевает владение, пользование и распоряжение таким имуществом Российской Федерации (органами, осуществляющими полномочия от имени РФ). В случаях применения ареста собственником такого имущества может быть физическое, юридическое лицо, муниципальное или федеральное учреждение, то есть, любое лицо, имеющее подтвержденные основания на него.

Обвинительный приговор суда – это один из важнейших этапов признания имущества конфискованным, так как именно в ходе судебного разбирательства в отношении лица, нарушившего норму уголовно-правового характера имущество, на которое наложен арест, приобщается к делу в качестве вещественного доказательства.

Доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее УПК РФ), проводит необходимые процессуальные действия по установлению наличия или отсутствия обстоятельств, которые должны быть собраны и которым должна быть дана должная правовая оценка при доказывании или опровержении вины условно виновного лица, что закреплено ст. 74 УПК РФ [6].

В свою очередь, вещественными доказательствами являются и признаются любые объекты, если есть основания полагать об их использовании при совершении преступления, на которых могли остаться следы предполагаемого преступника, потерпевшего или иная информация, которая могла бы существенно приблизить и помочь в раскрытии и расследовании совершенного преступления, регулируется ст. 81 УПК РФ [7].

Так, в соответствии с пунктом 3 статьи 81 УПК РФ, в случае вынесения судом приговора по уголовному делу должен быть решен вопрос и о том, как поступить с вещественными доказательствами, а также – изменения их статуса с «вещественного доказательства» на «конфискованное имущество». Таким образом, имущество обращается в собственность государства после решения суда и передается для этого в уполномоченные на то органы.

Конфискация имущества как отдельная уголовно-правовая мера, предусматривает четкое соблюдение ее признаков и если, хотя бы, один признак не соблюден, такое имущество не может иметь данный статус.

Конфискация имущества является структурированным процессом. Имущество конфискуется в случаях:

– если оно является орудием или средством, использованным для подготовки или осуществления преступного деяния;

– если это – денежные средства, иное имущество, полученное в результате совершения преступления, а также предметы, изъятые из свободного оборота.

Под орудием понимают предмет, который использовался для достижения преступной цели для непосредственного разрушающего воздействия на предмет преступления или для причинения физического вреда жертве.

Под средством обычно рассматривают использованные для подготовки или осуществления преступления предметы, при использовании которых осуществляется преступный умысел, но которые не наносят прямого вреда и являются лишь вспомогательными средствами.

Законодательно может быть наложено ограничение на оборот ряда объектов гражданских прав, а

Литература:

1. Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25.
2. *Додонов В.Н.* Сравнительное уголовное право. Общая часть / В.Н. Додонов; Под общ. ред. С.П. Щербы. М. : Юрлитинформ, 2016 год С. 317.
3. Российская газета от 31.05.2001 г. № 2715.
4. *Лунев В.В.* Конфискация имущества из УК РФ незаконно исключена: что дальше? // Государство и право. 2006. № 4. С. 5–10.
5. Полюбить должника // Российская газета от 06.10.2007. № 4486.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2020). Ст. 74.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2020). Ст. 81.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020). Ст. 129.

именно, которые могут принадлежать лишь определенным участникам оборота либо совершение сделок, которые допускаются только по специальному разрешению, ст. 129 ГК РФ [8].

Прогресс не стоит на месте, и люди создают более новые, совершенные и все более опасные предметы и вещества, свободный оборот которых попросту недопустим. В свою очередь, Законодательство РФ с появлением новых видов имущества, которое опасно для жизни и здоровья населения, пополняет имеющиеся перечни и создает новые. Если не отслеживать тенденцию появления и распространения таких предметов, это может привести к крайне неблагоприятным последствиям.

Учитывая изложенное, следует прийти к выводу о том, что конфискации должны подлежать предметы, являющиеся орудиями преступления, предметы, добытые преступным путем и предметы, при помощи которых реализовывался преступный умысел. Иными словами, конфискации подлежат то, ради чего совершалось преступление, и то, с помощью чего оно было совершено. Решение о применении данной меры в соответствии с Законом в любом случае должно оставаться за судом. Однако при рассмотрении дела он вправе не применять ее, ведь рассмотрение этого вопроса основывается на фактических обстоятельствах, доказательствах и на внутреннем убеждении судьи.

Literature:

1. Russian Federation Legislation Meeting. 1996. № 25.
2. *Dodonov V.N.* Comparative criminal law. General part / V.N. Dodonov; under the general ed. S.P. Shcherba. M. : Yurлитinform, 2016. P. 317.
3. Russian newspaper from 31.05.2001. № 2715.
4. *Lunev V.V.* Confiscation of property from the Criminal Code of the Russian Federation is illegally excluded: what next? // State and law. 2006. № 4. P. 5–10.
5. Love the debtor // Rossiyskaya Gazeta dated 06.10.07. № 4486.
6. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation from 18.12.2001 № 174-ФЗ (ed. From 31.07.2020). Art. 74.
7. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation from 18.12.2001 № 174-ФЗ (ed. From 31.07.2020). Art. 81.
8. Civil Code of the Russian Federation (part one) from 30.11.1994 № 51-ФЗ (ed. From 31.07.2020). Art. 1297.

Зеленин Алексей Анатольевич
доктор политических наук,
профессор,
заведующий кафедрой истории России,
Кемеровский
государственный университет
kir.kemsu@yandex.ru

Распопин Антон Владимирович
соискатель,
Кемеровский
государственный университет
gavrosh66@mail.ru

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1920-е ГОДЫ

Аннотация. Авторы рассматривают одно из существенных направлений деятельности прокуратуры – осуществление надзора за деятельностью органов следствия и дознания. В статье анализируются нормативные основания прокурорского надзора в данной сфере, детерминируются принципиальные изменения, происшедшие в процессуальном законодательстве рассматриваемого периода. На примере территориальных органов советской прокуратуры исследуется механизм взаимоотношений органов прокурорского надзора, ОГПУ и милиции. Обращается внимание на проблемы в реализации органами следствия и дознания, предусмотренных действующим законодательством полномочий. На основе статистических материалов региональных архивов анализируется результативность органов прокурорского надзора, выявляются факторы, негативно отражающиеся на реализации правоохранительной политики в регионе.

Ключевые слова: советская прокуратура, прокурорский надзор, советская милиция, объединенное государственное политическое управление.

Одним из направлений практической деятельности прокурорских учреждений в 1920-е гг. являлся надзор за деятельностью органов дознания.

Следует отметить, что в рассматриваемый период само понятие «дознание» претерпело некоторые изменения, что обусловило и некоторую специфику этой стороны работы представителей прокурорского корпуса.

Советское уголовно-процессуальное право придало институту дознания принципиально новое содержание. В уголовном процессе России,

Aleksei A. Zelenyn
Doctor of Political Science,
Professor,
Head of the Department
of History of Russia,
Kemerovo State University
kir.kemsu@yandex.ru

Anton V. Raspopin
Applicant,
Kemerovo
State University
gavrosh66@mail.ru

PROSECUTOR'S SUPERVISION OF THE ACTIVITIES OF INVESTIGATIVE BODIES IN WESTERN SIBERIA IN THE 1920s.

Annotation. The authors consider one of the essential activities of the Prosecutor's office – supervision of the activities of investigative bodies. The article analyzes the regulatory basis of Prosecutor's supervision in this area. Fundamental changes in the procedural legislation of the period under review are determined. For example, territorial bodies of the Soviet prosecutors investigated the mechanism of the relationship between prosecution agencies, the OGPU and the Soviet police. Attention is drawn to the problems in the implementation of the powers provided for by the current legislation by the investigation and inquiry bodies. On the basis of statistical materials from regional archives, the effectiveness of Prosecutor's supervision bodies is analyzed, and factors that negatively affect the implementation of law enforcement policy in the region are identified.

Keywords: soviet prosecutor's office, prosecutor's supervision, soviet police, united state political bureau.

начиная с советского периода, он оценивается как процессуальная деятельность, полностью основанная на нормах закона. Формулировка столь, не соответствующего объективной юридической природе этой деятельности, постулата связана с утверждением в 1923 г. Уголовно-процессуального кодекса РСФСР [1, с. 318]. В соответствии со ст. 98 данного нормативного правового акта, материалы дознания являются достаточными основаниями для предания суду, но только лишь по делам, которые не предусматривают производства предварительного следствия. Ст. 101 уточняет, что в этих случаях само дознание производится по тем же правилам, которые

предусмотрены для предварительного следствия. В переданных на рассмотрение следователя делах материалы предварительного следствия, с точки зрения доказательственной силы, не превосходили материалы дознания. Таким образом, народный следователь уже не был обязан дублировать действия, уже предпринятые дознавательными органами.

В соответствии с анализируемым узаконением, народный следователь не только мог быть освобожден от необходимости осуществления некоторых процессуальных действий, но и в принципе освобождался от обязанности ведения предварительного следствия, в том случае, если материалы, собранные в процессе дознания, будут оценены как достаточно полные (ст. 109).

В соответствии с нормами советского уголовно-процессуального права, дознавательными полномочиями были наделены территориальные органы и должностные лица народной милиции. В соответствии с Инструкцией Наркоматов внутренних дел и Юстиции, принятой еще в 1918 г., органы Рабоче-крестьянской милиции были уполномочены на осуществление обыска, выемки и осмотра, то есть, на проведение тех действий, которые в случае обнаружения преступления требовали особой спешности. Речь, по сути, идет о первом нормативном закреплении одного из основных принципов дознания в его современном понимании.

Реформирование уголовного процесса и принятие УПК 1923 г. внесло существенные коррективы в формулировки Инструкции 1918 г. Во-первых, увеличивается количество органов дознания. Во-вторых, конкретизируются цели деятельности этих органов. Наконец, в-третьих, расширяется перечень неотложных следственных действий, отнесенных к функционалу структур дознания. Так, в соответствии с новым Уголовно-процессуальным кодексом, именно органы дознания должны были обеспечить реализацию мер, направленных на сохранность следов преступления от возможного укрытия, либо уничтожения. Эти меры, в соответствии с содержанием ст. 99 узаконения, состояли в осуществлении не только выемки, обыска, осмотров, но и в проведении опроса свидетелей и самого подозреваемого, а также – освидетельствования.

Необходимо отметить и демонстрируемую разработчиками УПК 1923 г. изобретательность. В процессе кодификации они демонстрировали самые различные подходы к расследованию преступлений, не представляющих особой сложности и, чаще всего, не отличавшихся значительной степенью общественной опасности. Некоторые составители кодекса предлагали введение по таким делам упрощенного производства, ограниченного по времени. Более радикально настроенные законодатели выступали за полное освобождение народных следователей от ведения подобного рода дел.

Результатом стало промежуточное решение: Уголовно-процессуальный кодекс 1923 г., наряду с классическим предварительным следствием,

устанавливает новую, в которой было закреплено принципиально новое процессуальное положение: наряду с предварительным следствием была установлена новая самостоятельная его разновидность – уголовное дознание, не предшествующее предварительному следствию, как было установлено Судебными уставами 1864 г., а полностью его заменяющее. Таким образом, при расследовании незначительных и простых уголовных дел дознанием теперь исчерпывалось все предварительное производство.

Реформирование института дознания потребовало включения в УПК 1923 г. специальной статьи (ст. 98), нормативно закрепляющей существование двух видов дознания. Первый вид предполагал обязательное производство предварительного следствия. Второй же – возможность его использования. Критерием дифференциации двух видов дознания стала степень общественной опасности противоправного деяния и уголовное наказание, грозившее обвиняемому: дело передавалось в суд без производства предварительного следствия тогда, когда срок предполагаемого тюремного заключения не превышал одного года.

Как отмечалось выше, еще одной новеллой УПК 1923 г. стало расширение перечня органов дознания. В соответствии со ст. 97. Кодекса, помимо народной милиции и уголовного розыска, к ним были причислены территориальные подразделения органов государственной безопасности (ОГПУ) и различного рода инспекции (налоговая, санитарно-техническая, трудовая, торговая и продовольственная). Субъектами дознания по делам, связанным с незаконными действиями государственных служащих, являлись органы исполнительной власти и вышестоящие должностные лица. Такого рода дознание могло продолжаться в течение не более 72 часов, после чего дело передавалось по подсудности.

Дать объективную оценку результативности прокурорского надзора за деятельностью ОГПУ на протяжении рассматриваемого периода чрезвычайно сложно. В региональных архивах полностью отсутствуют документы, связанные с данным направлением работы прокуроров. В отчетах Округных прокуроров Соловьева и Лепедина никаких сведений на сей счет не содержатся, в статистических материалах нет данных о количестве прокурорских проверок, обследований органов ГПУ. На наш взгляд, это связано с особым характером деятельности учреждения, призванного обеспечивать государственную безопасность и, соответственно, ее секретным характером. В то же время, ставить под сомнение сам факт осуществления прокурорского надзора над органами ОГПУ, нельзя. Ситуация выглядела достаточно парадоксально: прокуратура была обязана контролировать деятельность органов ОГПУ в части соблюдения последними норм УПК, однако, при расследовании дел о шпионах и вредителях могли проводить дознание в обход существующих процессуальных норм, что, т.о., представляло им своеобразную «индальгенцию» от прокурорского преследования. Практика деятельности органов прокурорского надзора свидетельствует

о том, что отношения с ОГПУ представляли собой, пожалуй, самую болезненную проблему. Так, осуществление надзорной функции предполагало свободный доступ к материалам дознания, которого в действительности органы ОГПУ не предоставляли. По крайней мере, именно к этому выводу пришел в 1925 г. Краевой прокурор П.Г. Алимов: «прокуроры владели лишь только той информацией, которую считали нужным показать сотрудникам ОГПУ».

Некоторая стабилизация отношений наступает лишь в конце 1925 г. Связано это было с решением Сибирского Крайкома ВКП(б) о возложении обязанностей наблюдения за органами ГПУ на окружных прокуроров [2, л. 240]. По мнению исследователя И.А. Гридуновой, «данное решение способствовало росту авторитета прокуратуры в глазах сотрудников ГПУ, что, в свою очередь, позитивным образом отразилось на взаимоотношениях рассматриваемых органов, сгладило между ними трения, повысило качество прокурорского надзора» [3, с. 82]. К основным направлениям работы прокуратуры при надзоре за деятельностью ГПУ относились непосредственное руководство производством дознания, наблюдение за следствием, составление заключений по делам, направляемым во внесудебном порядке [2, л. 42].

В ходе надзора за дознанием и следствием органов ОГПУ, прокуратура обращала внимание на допущенные процессуальные нарушения, неправильную квалификацию преступлений, качество обвинительных заключений. В случае отсутствия состава преступления или недостаточности собранных улик следственные дела прокурорами прекращались.

Сотрудниками Краевой и Окружных прокуратур за полтора года было рассмотрено 1699 жалоб на действия сотрудников ОГПУ, 40 % которых (674) были удовлетворены. Однако, приведенная выше статистика, помимо результативности системы надзора демонстрирует еще одну, более печальную тенденцию – рост общего количества несудебных дел ОГПУ. Ужесточение политического режима в период продовольственного кризиса, вызванного срывом кампании хлебозаготовок 1927 и 1928 гг., переход к силовым методам борьбы с кулачеством, привлечение к осуществлению этой политики органов ГПУ грозили нарушением баланса взаимодействия прокуратуры и органов госбезопасности, и, в последствии, фактически способствовали превращению прокурорского надзора за их деятельностью в пустую формальность.

Особенностью организации прокурорского надзора за милицией было то, что прокуратура не осуществляла непосредственного наблюдения за производством дознания. Согласно Постановлению ВЦИК от 16 октября 1924 г., такого рода функции возлагались на следователей [4, с. 784]. Прокурор же осуществлял общее руководство и надзор, а непосредственное наблюдение за производством дознания возлагалось на следователей. Поэтому, чаще всего, прокурор анализировал с работу органов милиции посредством следственных органов, координировал надзорную

деятельность следователя, а в случае необходимости – выступал в роли арбитра, разрешая противоречия, возникшие между следственными и милицмейскими структурами.

При этом сотрудниками прокуратуры оказывалась и непосредственная практическая помощь милиции. Одной из главных задач в 1920-е гг. являлось создание системы подготовки кадров для милицмейских структур, повышение их квалификации. Правовой основой работы в этом направлении стал Циркуляр Народного Комиссариата Юстиции «Об оказании ответственным работниками губсудов и губпрокуратуры поддержки в деле повышения уровня знаний по правовым вопросам работников милиции» [5, с. 181], принятый еще в 1923 г. Сами руководящие работники прокуратуры осознавали важность его положений: «Одной из основных работ прокуратуры среди органов дознания было и остается воспитание основных кадров милиции и других органов дознания в области усвоения советского законодательства вообще, и, в частности, усвоения производства дознания по установленным нормам Уголовно-процессуального кодекса. Наряду с этим, необходимо преподавать основы Конституции и кодексов РСФСР, а главным образом, работать в области приспособления аппарата органов дознания к более успешной борьбе и пресечению преступности во всех ее видах» [6, л. 324].

Осуществлялась и собственно надзорная функция. Так, за 1-ю пол. 1927 г. сотрудниками Краевой и Окружных прокуратур были проведены 238 обследований органов милиции, были рассмотрены 2042 жалобы на их действия, на основании которых было возбуждено 121 уголовное дело и 159 дисциплинарных производств.

В целом, качество этих обследований было достаточно высоким: в отличие, к примеру, от пропагандистской работы, сотрудники прокуратуры прекрасно понимали значимость своего участия в этих мероприятиях. Поэтому и формальное отношение к этому делу всегда пресекалось Краевым и Окружными прокурорами, причем, достаточно жестко.

Причинами провалов и просчетов в деятельности милицмейских структур были кадровый дефицит и низкий профессиональный уровень. Негативно влияло на деятельность органов милиции и то обстоятельство, что в рассматриваемый нами период времени она была обременена не своими функциями исполнения обязанностей, вмененных ей 33-мя центральными и ведомственными актами, предпринимая меры по реализации обязательных постановлений исполкомов, выполняя дополнительные поручения партийных комитетов и Советов [7, с. 336]. Далеко не случайным, в этой связи, нам представляется высказывание Краевого прокурора П.Г. Алимова: «Аппарат органов дознания, особенно в лице милиции в условиях Сибирского края представляет собою боевой кадр передовых позиций, ведущий в чрезвычайно тяжелых условиях борьбу за основы и укрепление мощи Советской власти» [8, л. 132].

К концу 1920-х гг., осознав, наконец, порочность сложившейся практики, прокуратура начинает кампанию по «разгрузке» милиции от второстепенных функций. В Кузнецком округе в 1927 г. для этого была создана даже специальная комиссия во главе с зам. прокурора П.И. Родина.

Несмотря на то, что в архивных фондах отсутствуют какие-либо документы о ее деятельности, мы можем уверенно предположить, что определенных результатов достигнуть удалось. Архивные материалы свидетельствуют о сокращении сроков проведения дознаний. Сами прокуроры

Литература:

1. История и современные тенденции развития гражданского общества и государства: правозащитный аспект / Под. ред. С.О. Гаврилова, А.В. Гавриловой. М., 2019.
2. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 19.
3. *Гридунова И.А.* Прокуратура Алтая в годы новой экономической политики : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010.
4. Собрание Узаконений (СУ) РСФСР. 1924. № 78.
5. Еженедельник советской юстиции. 1923. № 7–8.
6. Государственный архив Кемеровской области (ГАО). Ф.Р-40. Оп. 1. Д. 3.
7. *Мулукаев Р.С.* История Отечественных органов внутренних дел / Р.С. Мулукаев, А.Е. Епифанов, А.Я. Малыгин. М., 2005.

отмечали, что уголовные дела стали отвечать требованиям УПК, а доказательная база становилась более солидной [6, л. 344].

Данные положительные результаты, с нашей точки зрения, не означали полное решение всех проблем региональной милиции, однако, безусловно, свидетельствуют о начале процесса повышения качества ее, в котором прокурорский надзор сыграл далеко не последнюю роль.

Literature:

1. History and current trends in the development of civil society and the State: the protective aspect. ed. S.O. Gavrilova, A.V. Gavrilova. M., 2019.
2. State Archive of the Novosibirsk Region (GANO). F. P-20. Op. 2. D. 19.
3. *Gridunova I.A.* Altai Prosecutor's Office during the years of the new economic policy : dis. ... cand. historical sciences. Barnaul, 2010.
4. Collection of Laws (SU) of the RSFSR. 1924. № 78.
5. Weekly of Soviet justice. 1923. № 7–8.
6. State Archive of the Kemerovo Region (GAKO). F.R-40. Op. 1. D 3.
7. *Mulukaev R.S.* History of Domestic Internal Affairs Bodies / R.S. Mulukaev, A.E. Epifanov, A.Ya. Malygin. M., 2005.

Комарова Яна Бахрузовна
старший преподаватель кафедры
теории и истории государства и права,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Ya.Ireland@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БАКАЛАВРОВ-ЮРИСТОВ НА ОСНОВЕ ИММЕРСИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. Политика Российской Федерации направлена на развитие международного сотрудничества во всех отраслях, таких как научно-техническая, экономическая и многих других. Данная тенденция детерминирует спрос на высококвалифицированных сотрудников обладающих не только системой знаний в той или иной отрасли, но имеющих практический опыт осуществления профессиональной деятельности, как на российских площадках, так и при составлении и заключении международных договоров и контрактов. В данной статье анализируется возможность и необходимость применения иммерсивных технологий в образовательном процессе будущих бакалавров-юристов, а ее актуальность обусловлена необходимостью пересмотра существующих традиционных форм, методов и средств обучения в связи с переходом к широкому использованию иммерсивных технологий в образовательном процессе вуза.

Ключевые слова: виртуальная реальность, дополненная реальность, иммерсивные технологии, моделирование, образовательная организация, профессиональная компетентность, среда.

Политика Российской Федерации направлена на развитие международного сотрудничества во всех отраслях, таких как научно-техническая, экономическая и многих других. Данная тенденция детерминирует спрос на высококвалифицированных сотрудников обладающих не только системой знаний в той или иной отрасли, но имеющих практический опыт осуществления профессиональной деятельности, как на российских площадках, так и при составлении и заключении международных договоров и контрактов.

Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию от 15 января 2020 года сделал акцент на том, что «Рынок труда сегодня динамично меняется, постоянно появляются новые профессии, усложняются требования к существующим, и высшая

Yana B. Komarova
Senior lecturer of the Department
Theories and Histories of State and Law,
Vladimir Law Institute
the Federal Service
of Execution of Punishments
Ya.Ireland@mail.ru

FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF BACHELOR LAWYERS ON THE BASIS OF INTENSIVE TECHNOLOGIES

Annotation. The policy of the Russian Federation is aimed at developing international cooperation in all sectors such as scientific, technical, economic and many others. This trend determines the demand for highly qualified employees who have not only a system of knowledge in a particular industry, but also have practical experience in carrying out professional activities both on Russian sites and in drafting and concluding international agreements and contracts. This article analyzes the possibility and necessity of using immersive technologies in the educational process of future bachelor lawyers, and the relevance is due to the need to review the existing traditional forms, methods and means of training in connection with the transition to the widespread use of immersive technologies in the educational process of higher education.

Keywords: virtual reality, augmented reality, immersive technologies, modeling, educational organization, professional competence, environment.

школа должна гибко и быстро реагировать на эти запросы».

В современном деловом мире для успешной профессиональной деятельности будущего юриста одного лишь знания законодательства и нормативно-правовой базы не достаточно. На наш взгляд, для осуществления взаимовыгодного международного сотрудничества для юриста чрезвычайно важно наличие практического опыта необходимого для ведения конструктивного диалога не только с российскими, но и с зарубежными партнерами, что в свою очередь является залогом успеха.

В соответствии с Государственной программой Российской Федерации «Развитие образования», на 2018–2025 годы для современной системы

высшего образования актуальна задача повышения уровня профессиональной подготовки на основе сетевого взаимодействия с использованием цифровых образовательных ресурсов образовательной организации.

Анализ научно-педагогических исследований, учебно-методической литературы, опыта использования цифровых технологий в процессе обучения будущих бакалавров-юристов позволил выявить дисбаланс между потребностью работодателей в квалифицированных кадрах и реальным состоянием процесса подготовки юристов для осуществления будущей профессиональной деятельности.

На наш взгляд, в процессе обучения будущих бакалавров-юристов необходимо большое внимание уделить аспектам, связанным с подготовкой к будущей профессиональной деятельности в условиях динамично развивающегося и изменяющегося цифрового общества за счет массового внедрения цифровых технологий, как в российскую, так и в международную правовые системы.

Данная тенденция предполагает, что подготовка будущих бакалавров-юристов, а именно формирование у них общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций должно осуществляться не только с опорой на ФГОС ВО, но и на основе иммерсивных технологий.

Что же такое иммерсивные технологии? Как они могут быть применены в образовательном процессе будущих бакалавров-юристов?

Данная дефиниция произошла от английского «immersive», что можно перевести как погружение или создание эффектов для моделирования профессионально-ориентированных ситуаций.

Данные технологии достаточно часто применяются в кинематографе, при постановке театрализованных представлений, в литературе, живописи. Погружение в среду способствует более активному мыслительному процессу.

По нашему мнению, применение иммерсивных технологий в образовательном процессе будущих бакалавров-юристов способно совершить переворот в системе образования.

Говоря об образовательном процессе, использование иммерсивных технологий позволяет визуализировать процесс обучения, делая его более наглядным и зрелищным. Для юриста очень важно быть профессионалом в своей области. Для наработки навыков построения и ведения диалога зачастую в образовательном процессе

Литература:

1. *Бешенков С.А.* Информационно-когнитивные технологии в обществе цифровой экономики / С.А. Бешенков, М.И. Шутикова, Э.В. Миндзаева // Ученые записки ИУО РАО. 2017. № 4(64). С. 29–33.

традиционно используются ролевые игры. Однако это очень неудобно, так как требует много времени и человеческих ресурсов. Применение иммерсивных технологий (использование 3D-образов способных вести диалог) позволяет существенно экономить – живых тренеров и преподавателей.

Иммерсивные технологии также называют технологиями расширенной реальности. В их список входит виртуальная и дополненная реальность, а также 360°-видео.

VR – virtual reality, виртуальная реальность, рассматривается нами как полностью смоделированная реальность с тактильными ощущениями для которой необходима маска (или шлем) с датчиками или без. Надевая маску, человек погружается в вымышленную или воссозданную среду. Например, можно попасть на Марс или пройтись по улицам Нью-Йорка, при этом находясь у себя дома. Самое большое распространение эта технология имеет в vr-играх. Пользователь надевает шлем и попадает в иное, виртуальное пространство, с которым и взаимодействует.

AR – augmented, дополненная реальность. Технология, которая, дословно, «дополняет» уже существующую реальность вокруг нас – RR (Real Reality) – и для неё теперь есть своя аббревиатура) – виртуальными изображениями, анимацией, визуальными эффектами, титрами. Так: например, Скачав AR-приложение на смартфон, можно увидеть дополнительные цифровые объекты в пространстве – от сердца человека (Google Expeditions) до оживающих картин (ZIR)

На наш взгляд, применение данных технологий в образовательном процессе вуза имеет ряд неоспоримых плюсов, а именно, в процессе изучения той или иной дисциплины с применением виртуальной или дополненной реальностей обучаемый не просто получает теоретические знания, а происходит процесс погружения в ту обучающую среду, в которой ему предстоит не просто работать, а проявить себя как грамотного и компетентного специалиста. При этом происходит более быстрая отдача.

Общаясь с виртуальным собеседником на профессиональные темы, студент проговаривает фразы, которые потом будет использовать в работе или проигрывает различные сценарии решения профессиональных задач, с которыми он может столкнуться в процессе осуществления профессиональной деятельности. Иммерсивное обучение позволяет не только получать практические знания, но и оттачивать «мягкие» навыки (soft skills).

Literature:

1. *Beshenkov S.A.* Information and cognitive technology in society digital economy / S.A. Beshenkov, M.I. Shytikova, E.V. Mindzaev // Scientific notes of iuo RAO. 2017. № 4(64). P. 29–33.

2. *Ленсу Я.Ю.* На пути к виртуальной реальности (из истории зарождения представления о виртуальной реальности) // Инновационные образовательные технологии. 2014. № 1(37). С. 71–76.

3. *Михалева О.В.* Виртуальная реальность и её место в подготовке будущих бакалавров-лингвистов в неязыковых вузах // В сборнике: «ЭРНО-2018» Электронные ресурсы в непрерывном образовании. Труды VII Международного научно-методического симпозиума. Ростов-н/Д.; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2018. С. 114–117.

4. *Морозов А.В.* Влияние современного информационно-образовательного пространства на формирование социокультурной и межкультурной коммуникации как одна из важнейших составляющих повышения качества образования будущих бакалавров-лингвистов / А.В. Морозов, О.В. Михалева // Ученые записки ИУО РАО. 2017. № 3(63). С. 305–310.

5. *Полат Е.С.* Современные педагогические и информационные технологии в системе образования / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина. М. : Академия, 2010. 368 с.

2. *Lensu Ya.Yu.* On the way to virtual reality (from the history of the origin of the idea of virtual reality) // Innovative educational technologies. 2014. № 1(37). P. 71–76.

3. *Mikhaleva O.V.* Virtual reality and its place in the training of future bachelor linguists in non-linguistic universities // In the collection: «ERNO-2018» Electronic resources in continuing education // proceedings of the VII International scientific and methodological Symposium. Rostov-on/D.; Taganrog : Southern Federal University press, 2018. P. 114–117.

4. *Morozov A.V.* Influence of modern information and educational space on the formation of socio-cultural and intercultural communication as one of the most important components of improving the quality of education of future bachelor linguists / A.V. Morozov, O.V. Mikhaleva // Scientific notes of IUE RAO. 2017. № 3(63). P. 305–310.

5. *Polat E.S.* Modern pedagogical and information technologies in the education system / E.S. Polat, M.Yu. Bukharkina. M. : Academy, 2010. 368 p.

Кузьмин Дмитрий Игоревич
кандидат экономических наук,
доцент кафедры правового
обеспечения государственного
и муниципального управления,
Владимирский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
nb-33@inbox.ru

Наумова Наталья Валерьевна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры конституционного
и муниципального права,
Владимирский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Россия, Владимир
natalya.naumova.69@list.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПОДГОТОВКИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ ДЛЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ УКРЕПЛЕНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО И МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО СОГЛАСИЯ

Аннотация. В настоящее время, несмотря на гуманизацию правоотношений, связанную с развитием интеграционных процессов в рамках мирового сообщества, наблюдается усиление социальных рисков, обусловленных усилением классовой дискриминации. В ответ на это национальные сообщества сталкиваются с дестабилизацией межнациональных и межрелигиозных связей. В перспективе эти процессы способны создать условия для дисфункции органов государственной и муниципальной власти создавая излишнюю конкуренцию за право применения силы. В статье особый упор делается на Вооруженных Силах Российской Федерации, причиной этого являются: концентрация летальных средств вооружений и значительные возможности для противодействия вышеуказанным процессам по отношению к личному составу.

Ключевые слова: государственные служащие, вооруженные силы, межнациональное согласие, межрелигиозное согласие.

Мировое сообщество в ходе исторического процесса развивало межнациональные и межрелигиозные взаимоотношения в условиях

Dmitriy I. Kuzmin
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department
of Legal Providing State
and Municipal Government,
Vladimir branch
Russian Academy of National Economy
and Public Administration under
the President of the Russian Federation
nb-33@inbox.ru

Natalia V. Naumova
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Constitutional and Municipal Law,
Vladimir branch
Russian Academy of National Economy
and Public Administration under
the President of the Russian Federation
natalya.naumova.69@list.ru

CONSTITUTIONAL AND LEGAL FRAME- WORK FOR THE TRAINING OF CIVIL SERVANTS FOR THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF STRENGTHENING INTER-ETHNIC AND INTER-RELIGIOUS HARMONY

Annotation. Currently, despite the deep humanization of legal relations associated with the development of integration processes within the world community, there is an increase in social risks caused by increased class discrimination. In response, national communities face destabilization of interethnic and interreligious ties. In the future, these processes are able to create conditions for the dysfunction of state and municipal authorities creating excessive competition for the right to use force. The article focuses on the Armed Forces of the Russian Federation, the reason for this is: the concentration of lethal weapons and significant opportunities to counter the above processes in relation to personnel.

Keywords: civil servants, Armed Forces, interethnic consent, interreligious consent.

парадигмы конфликта. В итоге, к началу и середине XX века мир столкнулся с Первой и Второй мировыми войнами. По этой причине в 1948 году

Организация Объединенных Наций приняла Всеобщую декларацию прав человека [1]. Этот шаг со стороны мирового сообщества положил начало продолжительной процедуре перемещения верховенства общечеловеческих прав над гражданскими.

В тоже время, защита прав человека находится в постоянной конкуренции с различного рода дискриминациями:

Ксенофобия, что означает «чужак», «незнакомец» и «страх» – неоднозначный термин, обозначающий состояние человека, который оказывается в навязчивом страхе по отношению к чужеземцам или ненависть к ним.

Вместе с тем, правоохранительные органы в полной мере проводят работу по предупреждению проявлений ксенофобии и расовой дискриминации. Органы внутренних дел должны играть положительную роль в борьбе с дискриминацией, однако, люди рискуют столкнуться с нарушением своих прав со стороны правоохранителей из-за своей расовой, этнической или религиозной принадлежности. Бытует мнение о том, что они чаще других подвергаются проверке документов и могут пострадать от вымогательств, необоснованного задержания. Органы власти должны принимать решительные меры в борьбе с ксенофобией и расистскими преступлениями, осуществляемыми как негосударственными субъектами, так и государственными служащими, должны также способствовать развитию взаимоотношений в обществе. Многие мигранты, работая на открытых рынках, сопряжены с тяжелыми условиями труда.

В настоящее время зачастую можно наблюдать все возможные размышления касательно формирования мононациональных государственных или квазигосударственных агломераций. При этом используются неоспоримые преимущества, касающиеся незначительных социальных противоречий и большую устойчивость к внешним дестабилизирующим факторам. Порочность же данной позиции связана с процессами глобализации, предусматривающей свободное перемещение трудовых ресурсов – которые обусловлены эволюционным развитием и цивилизационной адаптацией к новым вызовам. С другой стороны, следует помнить, что Российская Федерация существует в исторических предпосылках многонационального сосуществования в рамках единой территории (более 160 наций). Дополнительно можно утверждать, что именно смешение культурных, религиозных и национальных составляющих формирует уникальный феномен продолжительного сохранения устойчивого равновесия эволюционирующего сообщества в нашей стране.

С другой стороны, XXI век создал условия, по средствам развития информационных технологий, для интеграции институтов гражданского общества в образовательный процесс по средствам обеспечения неформального образования.

В этой связи, возникает необходимость синтеза системы компетентных признаков, в рамках

которых молодежные объединения, могут способствовать укреплению межнационального и межрелигиозного согласия.

Основная задача сосредотачивается вокруг обеспечения устойчивости индивида к радикализации религиозных и националистических убеждений.

Здесь сразу надо оговориться почему именно индивид – обусловлено это понимание того что каждый субъект правоотношений воспринимает управляющее воздействие со стороны общества или государства по-разному ввиду влияния целого ряда факторов (экономических, морально-этических, социальных и так далее). По этой причине готова унифицированное решение для всей религиозной или национальной группы может возникнуть ситуация выпадения целых групп подобных субъектов.

Следующий момент касается потенциала радикализации некоторой идеи или верования – для первой области более характерно отсутствие возможностей реализовать свое видение устройства политической, социальной или культурной сферы существования некоторой национальной группы по средствам адекватного взаимодействия с правовым полем (и здесь большую роль приобретают региональные и муниципальные органы власти), вторые подвержены описываемым процессам через человеческий фактор восприятия догматических текстов.

Результатом данной работы со временем станет появление условий для социального диалога между разными религиозными и национальными группами. При этом нельзя забывать, что применение императивного подхода в этой области создаст дополнительные преференции, закрепленные на законодательном уровне для одной из этих групп, что, в конечном счете, лишь усилит противоречия.

Особое внимание необходимо уделять Вооруженным Силам Российской Федерации, именно здесь изначально созданы положительные условия для преодоления важных для нашей страны межрелигиозных и межнациональных противоречий. Это и возраст военнослужащих, и единая цель – служения родине, и возможность в некоторой степени медиации со стороны иерархических структур при наличии достаточного уровня авторитета среди военнослужащих [2].

Основой для деятельности государственных служащих представляющих Вооруженные Силы Российской Федерации является Конституция Российской Федерации [3]:

– Статья 26, определяет свободу определения национальной принадлежности. При этом дополнительно обеспечивается право на использование родного языка;

– Статья 28, призвана обеспечить свободу вероисповедания. Здесь надо учесть потенциал противоречий при появлении новых религиозных течений с неопределенным потенциалом деструктивного влияния на адептов.

Исходя из того, что Военная служба – особый вид федеральной государственной службы [4], достижение этих целей будет способствовать применению наработок одних наук в рамках развития других. Указанное свидетельствует о необходимости применения системного подхода и наработок общей теории систем для исследования государственного управления, так как оно требует построения интегрального конструкта, который будет сочетать наработки различных наук. По целевому назначению общая теория систем призвана выделить обобщенные законы, закономерности, принципы, которые будут универсальными и объективно действующими в рамках различных отраслей научного знания, в том числе и в государственном управлении.

Анализируя процесс самоорганизации в системах государственного управления, можно отметить существование закона дивергенции – рост разнообразия и сложности мира, что объективно обуславливает рост сложности и разнообразия управленческих структур, их организационных форм.

Объективные свойства системы: изменчивость, наследственность и отбор. Так, изменчивость – стохастичность и неопределенность – на первый взгляд видится недостаточно рациональной, так как, по сути, процесс управления направлен на достижение определенного результата, а, следовательно, эти факторы являются деструктивными и не должны существовать в процессе управления. Однако, когда мы говорим о сложной социальной системе, невозможно полностью предсказать конечный результат какого-либо влияния на такую систему, именно в этом и заключается стохастичность поведения. Особое значение приобретает в этом ключе роль механизмов обратной связи, наличие которых позволяет превратить деструктивное действие стохастичности поведения в конструктивный фактор развития. В любом случае, изменчивость образует «поле возможностей» для дальнейшего развития систем государственного управления.

При этом общество должно понимать, что это не основополагающее направление деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации, что

Литература:

1. *Брусилковский Д.А.* Реализация межкультурных возможностей диалога запада и востока в межрелигиозной сфере // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2016. № 1(61). С. 51–57.
2. Вопросы Министерства обороны Российской Федерации: Указ Президента РФ от 16.08.2004 № 1082 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014

означает необходимость способствования реализации подобных процессов со стороны местных диаспор и органов власти тех регионов, из которых пребывают военнослужащие. По этой причине считаем целесообразным:

– создать общественный орган, уполномоченный бороться с расовой дискриминацией в соответствии с международными стандартами и координировать деятельность министерства в этой области;

– вести мониторинг и регулировать все случаи расистских нападениях. Предоставлять доступ к этой информации правительственным органам, НПО и широкой общественности. Мониторинг должен проводиться на основе четкой методологии, определения критериев расистского нападения, в соответствии с международными стандартами;

– покончить с практикой, когда преступления на основе расовой ненависти квалифицируются правоохранительными органами как «хулиганство». Добиться того, чтобы, говоря о жестоких и явно расистских нападениях, официальные лица воздерживались от заявлений о том, что они были осуществлены «хулиганами» или «из хулиганских побуждений»;

– установить общественный контроль за тем, чтобы преступления, осуществленные по расовым мотивам, эффективно и тщательно расследовались и наказывались;

– составить четкие управленческие принципы и систему подготовки сотрудников министерства обороны, которые занимаются делами по расовой дискриминации, документы должны быть составлены с учетом обязательств Российской Федерации в рамках международного права в области прав человека.

В целом, в XXI веке общество должно самостоятельно прогнозировать риск возникающие в различных областях, касающихся межнационального и межрелигиозного взаимодействия и стремится оптимизировать институциональную среду для их минимизации.

Literature:

1. *Brusilovsky D.A.* Realization of the intercultural possibilities of the dialogue between the West and the East in the interreligious sphere // Bulletin of Astrakhan State Technical University. 2016. № 1(61). P. 51–57.
2. Decree of the President of the Russian Federation of August 16, 2004 № 1082 «Questions of the Ministry of Defense of the Russian Federation» // SPS «Consultant Plus».
3. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993) (with amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the

№ 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

4. О воинской обязанности и военной службе: федер. закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Russian Federation of 30.12.2008 № 6-FKZ, of 30.12.2008 № 7-FKZ, of 05.02.2014 № 2-FKZ, dated July 21, 2014 № 11-FKZ) // SPS Consultant Plus.

4. On conscription and military service: Feder. Law of 28.03.1998 № 53-FZ // Access from the ATP «ConsultantPlus».

Лабашева Наталья Александровна

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры
«иностраннй язык № 1»,
Кубанский государственный
технологический университет
Labdoc23@mail.ru

Трубчанинова Ирина Ивановна

кандидат педагогических наук
доцент кафедры
языкознания и иностранных языков,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
Svt57@mail.ru

**ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ
СИСТЕМЫ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ
НАУЧНОГО СТИЛЯ В ПРОЦЕССЕ
ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ
ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ**

Аннотация. Статья посвящена актуальной теме современности, которая обусловлена особым интересом к изучению системности языковых средств научного стиля русского и английского языков в процессе обучения студентов переводу юридических текстов. Точность изложения в юриспруденции является неотъемлемым условием перевода. Научный стиль достаточно стабильная система, сложно поддающаяся изменениям. Авторами выявлены и описаны формальные и содержательные стороны языковых средств научного стиля юридических текстов. Исследован теоретический материал по проблематике, дана общая характеристика текста, установлены разновидности научного стиля, выявлены свойства научного текста, установлена смысловая структура текста, языковые признаки: лексика, морфология, синтаксис, средства связи в научном тексте, язык и стиль, расширенные классификации, приведены примеры. Предложена классификация сокращений по тематике, по способам словообразования, по морфологическим признакам и способам применения. Существующая системность языковых средств научного стиля является актуальной. Даны рекомендации для закрепления грамматических навыков. Приведены общие требования к адекватному переводу. Перспектива изучения данной темы заключается в систематизации переводческой практики на базе языковых средств научного стиля английского и русского языков, исследовании новых методов и способов обучения студентов переводу научных юридических текстов и терминологической системы текстов научного стиля. Тема является предметом научных исследований и рекомендуется аспирантам, соискателям, преподавателям.

Natalya A. Labasheva

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department
Foreign Language № 1,
Kuban State Technological University,
Labdoc23@mail.ru

Irina I. Trubchaninova

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Linguistics and Foreign Languages,
North Caucasian branch
of the Russian State University of Justice
Svt57@mail.ru

**PRACTICAL APPLICATION
SCIENTIFIC STYLE LANGUAGE SYSTEM
MEANS IN THE COURSE LEGAL
TEXTS TRANSLATION TRAINING**

Annotation. Article is devoted to a hot topic of the present which is caused by a particular interest in studying of systemacity of language means of scientific style of the Russian and English languages in the course of training of students in the translation of legal texts. Scientific style rather stable system which is difficult giving in to changes. Authors revealed and described the formal and substantial parties of language means of scientific style of legal texts. Theoretical material on a perspective is investigated, the general characteristic of the text is given, kinds of scientific style are established, properties of the scientific text are revealed, the semantic structure of the text, language signs is established: lexicon, morphology, syntax, means of communication in the scientific text, language and style, expanded classifications, examples are given. Classification of reductions by subject, by ways of word formation, by morphological features and methods of application is offered. The existing systemacity of language means of scientific style is relevant. Recommendations for fixing of grammatical skills are made. The general requirements to adequate translation are provided. The prospect of studying of this subject consists in systematization of translation practice on the basis of language means of scientific style of the English and Russian languages, a research of new methods and ways of training of students in the translation of scientific legal texts and the terminological system of texts of scientific style. The subject is a subject of scientific research and is recommended to graduate students, applicants, teachers.

Ключевые слова: юридический, государственный, профессиональный, правоприменительный, стиль, системность, лексический, морфологический, авторский, синтаксический, эмоциональность, номинальность, абстрактность, логичность, общение, информация, содержание, рефлексия, последовательность, связанность.

Keywords: law, justice, style, systemacity, lexical, morphological, author's, syntactic, emotionality, meaning, abstractness, logicity, communication, information, contents, reflection, sequence, coherence.

Повышенный интерес к обмену международной научной информацией на английском языке вызывает острую необходимость компетентной поддержки участников иноязычного общения. Правовое сознание несомненно содержит в себе и мощный лингвистический компонент, поскольку функционирование права в обществе не может осуществляться вне его языкового бытия. Предметом исследования данной статьи является практическое применение системы языковых средств научного стиля английского и русского языков в процессе обучения переводу. Юриспруденцию и переводоведение связывают современные лингводидактические методы. Существующая системность научного стиля направлена на точную передачу явлений, гипотез, фактов, аспектов, сохранение языковой формы и достигается посредством комплекса методов, тактик и приемов.

Актуальность вопроса системности языковых средств обусловлена практической необходимостью и требует знания научного стиля русского и английского языков в области юриспруденции. Нуждаются в научном осмыслении лингвистические аспекты международного права, юридического перевода, конфликтологии полилингвального взаимодействия. Среди них такие, как освещение региональных проблем юрислингвистики: большой опыт работы муниципальных учреждений над правовыми документами, опыт средств массовой информации в профилактике и решении конфликтных ситуаций, работа судебных и следственных органов, связанных с речевой практикой – все эти аспекты «юрислингвистики на местах» нуждаются в обобщении и серьезном обсуждении.

В процессе обучения остро стоит задача помочь студентам усвоить терминологический минимум необходимый для понимания и перевода научной литературы по определенной тематике: основные словообразовательные модели английского языка, особенности неправильных глаголов, наиболее часто встречающиеся в текстах сокращения, грамматические навыки, системно строевые различия, синтаксические конструкции и другие значимые иноязычные средства. Цель данного исследования заключается в систематизации переводческой практики на базе языковых средств научного стиля английского и русского языков. Перевод научных текстов имеет свой алгоритм, обусловленный различными языковыми системами и структурами.

Многие ученые, в частности В. Харченко, Н.В. Чиркова, Дж. Тэлбота, С. Мамфорд, Э. Койалан, Д. Байбер, Б. Грей, И. Мартинез Г.И. Ахманова, О.И. Богомолова, К.А. Глушкова, Н.М. Разинкина,

И. Васильева и другие, отмечают, что всякий текст научного стиля имеет свою логику построения, некую законченную форму соответствующую законам структурирования, а также черты своеобразия ему придают функциональные особенности использования этих средств: обязательность нормирования, монологический характер, строгий отбор языковых средств. Содержание и цели научного сообщения определяют стиль научных работ.

В сфере юриспруденции идентификация текста обуславливается спецификой профессионализма. Языковая компетентность играет важную роль в процессе предметного понимания текстового фрагмента. Эквивалентный перевод достигается при достаточном знании, адекватной подготовке и сформированных навыков работы с юридическим текстом. Наличие вербального опыта гарантирует смысловую и стилистическую целостность текста [1].

Навыки научного перевода приобретаются в процессе работы над текстом. Профессиональный юридический научный стиль английского языка характеризуется такими терминами как consistency, coherence, cohesion, objectivity, hedging, etc., формирующие процесс перевода. Рассмотрим подробнее некоторые термины, одним из них является consistency – способ выражения логичности в английском используют как лексические, так и синтаксические средства. Сюда можно отнести производные от слов here, there, where используются в официальных документах права, чтобы достичь связанности в научном тексте; e.g.: hereby, thereby, whereby; herein, therein, wherein; hereupon, thereupon, whereupon, etc. в значении: in, under, related to, or following from the document under study. Эти примеры характерны официальному стилю государственного управления, указывающего на связь с юридическим контекстом. E.g. All previous rules hereto as regards the agreements between parties herein shall become null and avoid. Все предыдущие положения в отношении договоренности между сторонами аннулируются.

Последовательность (coherence) в научном юридическом тексте английского языка должна быть выражена логично и подкреплена лексически и синтаксически (main idea – supporting statement – example). В частности мысль выражается от общего к частному, демонстрируя пример [2].

«Факты говорят сами за себя безличным образом» – отметила И. Мартинез [5]. Безличные предложения (It is known that ... It can be said that ... There is an opinion that..., etc), пассивные конструкции, или местоимения 1-го лица множественного числа (we, our, etc) выражают

завуалированность авторских умозаключений, наблюдений и выводов в научных текстах. Речь идет об объективности, авторской скромности, что достигается грамматическими и синтаксическими средствами, в частности для достижения абстрактности и неопределенности используются неопределенно-личные, обобщенно-личные и безличные предложения.

Завуалированность авторского отношения в научных текстах соблюдается для передачи объективности. Судья сохраняет свою судебскую идентичность, с одной стороны, и адаптирует речевое поведение, чтобы выполнить поставленные задачи, с другой стороны. В английском языке количество таких ограничителей (*hedges*) – и, соответственно, степень отстранения автора – самое большое по сравнению с некоторыми другими языками [6]. Для отражения авторской интенции часто используется смягчение и уклончивость, которая достигается лексическими и грамматическими способами:

1) модальные глаголы и эквиваленты (*can, could, may, might, must, should, had better, have to, ought to, will, would, shall, be going to*) служат для выражения: – possibility/permission/ability; – necessity/owing; – prediction /will. предписывающий характер информации передается с помощью глагольных структур со значением модальности необходимости и модальности возможности: не могут, должен осуществляться, имеет права

2) наречия, *expressed certainty (actually, certainly, in fact, etc) – probability (apparently, perhaps, possibly, etc) – attitude (amazingly, interestingly, surprisingly, etc) – generalization (according to, generally, typically, etc) – frequency (always, often, sometimes, usually, etc)*

С целью формирования профессиональной юридической лексической базы следует выполнять лингвистический анализ и перевод текста с использованием пред текстовых и после текстовых упражнений, направленных на закрепление лексического материала и преодоление языковых трудностей, характерных для языка научной литературы, таких как: словосочетания, содержащие в своем составе разные части речи e.g.: *joint liability, several obligation; герундиальные обороты e.g.: banking hours, a working day, reviewing the sample contract; глагольные цепочки e.g.: ... shall be prescribed, ... is said to have been closely checked; именные фразы e. g.: a negotiation efforts failure, cards use, an account management, a power-of-attorney certification, civil law relationship; также синтаксические конструкции.*

Специфика перевода терминов в сфере юриспруденции характеризуется спецификой права и спецификой профессионального языка Информационный дефицит возникает в процессе перевода в тех случаях, когда появляются лакуны, профессионализмы, аббревиатуры, жаргонизмы, сокращения и ссылки. Все эти явления вызывают особое затруднение в процессе перевода, ставят перед необходимостью использовать субъективный опыт, знания или языковую компетенцию в процессе подготовки декодирования текста. Пример

лакун является самым ярким, поскольку проводимое изучение межъязыковых соответствий двух языков для выявления их различий, отмечает несходство в семантико-функциональной эквивалентности сравниваемых единиц и называют лакуну крайним случаем этих несовпадений [3]. Происходит потеря ассоциативно-образного языкового сознания, разрыв смыслового контура текста.

Межъязыковые лакуны бывают обобщающие и конкретизирующие. Все те лакуны, которые могут быть выражены словами: что-то; нечто; то, что можно отнести к обобщающим e.g.: то, что повторяется ежедневно – ср. *quotidian*; нечто не определенное, расплывчатое – ср. *nebulosity*; что-то продолжающееся всю ночь – ср. *nightlong*. Количество примеров без эквивалентных английских лексем можно расширить по разным признакам: качеству, количеству, значимости, месту, длине и т.д.

Конкретизирующие лакуны могут выделяться на основании отсутствия соответствующей конкретизации по определенному признаку e.g.: влиятельная политическая фигура представитель деловых или финансовых кругов, располагающий возможностями влиять на исход президентских выборов – ср. амер. *president-maker*; провалившийся на выборах кандидат – ср. *lame duck*; верный преданный член своей партии – ср. амер. *straightout*; безупречно воспитанный человек; с безукоризненными манерами – ср. *thoroughbred*; etc. Примеры конкретизирующих лакун имеют признаки воздействия, возможности осуществления действия, восприятия, интенсивности, качества, количества и т.д. и могут встречаться в научных текстах разной тематики. Такой пример политическое собрание с участием исключительно негритянских политических деятелей – ср. амер. *black caucus* можно отнести к тематической группе конституционного права зарубежных стран.

Переводческая калька обозначает профессиональные отраслевые понятия и может рассматриваться как лакуна e.g.: апелляция, арест, аукцион, аудит, баланс, банкрот, бандит, бартер, бизнес, бойкотировать, бонус, бюджет, вакансия, ваучер, гарантия, трастовый фонд, менеджмент, аутсорсинг, пенитенциарные учреждения, ювенальный, омбудсмен, барристер, атторней, etc.

В системе языковых средств научного стиля аббревиатуры используются на всех уровнях исследований и во всех сферах познания. Например, для работы со словарем необходимо знать ряд сокращений и аббревиатур, без которых сложно представить обучение переводу. Это могут быть общепринятые банальные сокращения: гл. – глагол; см. – смотри; ср. – сравни; тж. – также; и т.д.; или: adj. – adjective; adv. – adverb; n. – noun; v. – verb; etc. Однако в других случаях возникают затруднения и такие незначительные по своей информативности сокращения. E.g. AmE – американский английский; BrE – британский английский; ИЯ – исходный язык: язык оригинала и т.д. В ряду более сложных информативных аббревиатур стоят такие, как: УПК, ГК РФ, УК РФ, НК РФ, НДС, VAT, ООН, NATO, UN, CNN, IT, MTV, PR, SMS, etc.

Цепочки синонимов характерные для английского и русского языков позволяют производить замену, не меняя смысл текста. Множественная синонимия является чертой научного стиля права. Навык понимания отраслевых текстов отрабатывается в упражнениях по поиску и подбору синонимов, что заметно улучшает знание иностранного языка. Например: юридическая обоснованность, правовое обоснование, юридическая значимость – relevance in law, legal reasoning, legal rationale; an overdraft the account, an overdraft facility – перерасходовать средства.

Метафоричность чаще всего встречается как продуктивная модель метонимического и метафорического переноса значения, как механизма номинации обусловленная спецификой профессионального языка. Чаще всего существительные, образованные от глаголов, имеют высокую продуктивность: «Действие – Результат», например: to wash the acid: a yielding wash.

К синтаксическим характеристикам научного стиля юридического текста можно отнести сложные повествовательные построения с союзами, однородными членами предложения, причастными оборотами. В английском языке распространены придаточные условия с should относящиеся к будущему e.g.: Should the parties fail to agree on a dispute about damages they shall refer to the Arbitration Court. В случае если стороны не договорятся, они обратятся в арбитражный суд. Существуют и другие способы выражения условия в начале предложения e.g.: in the event, in case, where, in the event of, внутри предложения e.g.: subject to, provided (that), unless, etc. представить

Литература:

1. *Купавская А.А.* Особенности самостоятельной работы студентов при очно-заочном обучении иностранному языку В сборнике: Филологические и социокультурные вопросы науки и образования / А.А. Купавская, Е.И. Соболева // Сборник материалов IV Международной научно-практической очно-заочной конференции. 2019. С. 1084.
2. *Лабашева Н.А.* Проектирование профессионально ориентированного обучения иноязычному речевому общению студентов высших учебных заведений. Краснодар, 2020. С. 172.
3. *Лабашева Н.А.* Лингвистические особенности научного текста в английском языке // В сборнике: Филологические и социокультурные вопросы науки и образования. Сборник материалов IV Международной научно-практической очно-заочной конференции. 2019. С. 409–413.
4. *Стернин И.А.* Контрастивная лингвистика. Воронеж : «Истоки», 2004. С. 189.
5. *Martinez I.A.* Impersonality in the research article as revealed by analysis of the transitivity structure // English for Specific Purposes. 2011. № 20. P. 227–247.
6. *Vassileva I.* Commitment and detachment in English and Bulgarian academic writing // English for Specific Purposes. 2001. № 20. P. 83–102.

условие с отрицанием, как в начале предложения, так и в середине e.g.: unless- если только не, при условии, что не, except as otherwise provided in this provision – если иного не предусмотрено положениями.

Традиционные придаточные предложения с if – clauses сосуществуют с приведенными выше примерами e.g.: If we regard it in court – в случае если мы рассмотрим это в суде...

Исследование показало многообразие языковых средств английских научных юридических текстов. Знания системности языковых средств научного стиля русского или английского языков необходимо использовать в процессе преподавания. Синхронизацию теоретических и практических навыков можно осуществить с помощью использования практического материала на семинарских занятиях (научные тексты, рефераты и аннотации для проведения лингвистического анализа языка науки), научный текст юридических документов является двигателем в социально-правовом развитии общества. Посещение конференций и анализ речи, произнесенной учеными; организация совместных консультаций преподавателей по отдельным вопросам перевода текстов языка науки, таким, как структура текста, оценочные структуры в тексте закона, клише в научной монологической речи. Проведение научно-практических конференций на предмет развития научного юридического языка с приглашением преподавателей и студентов ускорит приобретение необходимой компетенции в сфере права.

Literature:

1. *Kupavskaya A.A.* Features of independent work of students in full-time learning of a foreign language In the collection: Philological and sociocultural issues of science and education / A.A. Kupavskaya, E.I. Soboleva // Collection of materials IV of the International Scientific and Practical Conference. 2019.
2. *Labasheva N.A.* Designing professionally oriented training in foreign-language speech communication of university students. Krasnodar, 2020. С. 172.
3. *Labasheva N.A.* Linguistic features of the scientific text in English // In the collection: Philological and sociocultural issues of science and education. Collection of materials IV of the International Scientific and Practical Conference. 2019. P. 409–413.
4. *Sternin I.A.* Contrasting Linguistics. Voronezh : «Istoki», 2004. P. 189.
5. *Martinez I.A.* Impersonality in the research article as revealed by analysis of the transitivity structure // English for Specific Purposes. 2011. № 20. P. 227–247.
6. *Vassileva I.* Commitment and detachment in English and Bulgarian academic writing // English for Specific Purposes. 2001. № 20. P. 83–102.

Литвяк Лариса Геннадиевна

кандидат юридических наук,
начальник кафедры
уголовного права и криминологии,
Новороссийский филиал Краснодарского
университета МВД России
abrsyuzanna@yandex.ru

Абрамян Сюзанна Кароевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
уголовного права и криминологии,
Новороссийский филиал Краснодарского
университета МВД России
abrsyuzanna@yandex.ru

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ
НЕВМЕНЯЕМОСТИ**

Аннотация. В статье анализируется уголовно-правовое значение невменяемости. В настоящее время институт невменяемости является разработанным и подробно регламентированным, однако, нуждается в дальнейшем усовершенствовании в соответствии с развитием общественных отношений. Вопрос о невменяемости лица, которое совершило общественно опасное деяние, должен решаться тщательно и в строгом соответствии с процессуальными нормами, чтобы избежать судебных ошибок и не допустить нарушения принципа справедливости в уголовном праве. В этих целях мы считаем необходимым разработать более детальную регламентацию критериев, позволяющих признать субъекта преступления невменяемым и обратить особое внимание на требования, предъявляемые к специалисту, осуществляющему судебно-психиатрическую экспертизу.

Ключевые слова: невменяемость, значение, ограниченная вменяемость, уголовное право.

Среди лиц, совершающих преступления, каждый третий, а то и каждый второй, имеет те или иные симптомы психических аномалий. Но при привлечении субъекта к уголовной ответственности наличие какого-либо психического расстройства у субъекта не всегда бывает подтверждено следственно-судебными органами, состояние вменяемости выступает в качестве презумпции [1, с. 510].

Субъектам, которые имеют подобного рода патологии, не должны выноситься наказания, равноценные по строгости наказаниям, назначаемым субъектам с нормальной психикой. Должны рассматриваться основания для смягчения наказания и применения мер принудительного

Larisa G. Litvyak

Candidate of Legal Sciences,
Head of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Novorossiysk branch of Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
abrsyuzanna@yandex.ru

Suzanna K. Abramyan

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Novorossiysk branch of Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
abrsyuzanna@yandex.ru

**CRIMINAL LAW SIGNIFICANCE
OF INSANITY**

Annotation. The article analyzes the criminal-legal significance of insanity. Currently, the Institute of insanity is developed and regulated in detail, but needs to be further improved in accordance with the development of public relations. The question of the insanity of a person who has committed a socially dangerous act must be resolved carefully and in strict accordance with the rules of procedure in order to avoid judicial errors and prevent violations of the principle of justice in criminal law. To this end, we consider it necessary to develop a more detailed regulation of the criteria for recognizing the subject of a crime as insane and pay special attention to the requirements for a specialist performing forensic psychiatric examination.

Keywords: insanity, meaning, limited sanity, criminal law.

медицинского характера. В ст. 22 УК не упоминается, что существует такое состояние вменяемости, как «ограниченная вменяемость». При ограниченной вменяемости лицо принимает волевые решения, но при этом несет некий иной посыл в своих действиях, который подвержен влиянию той самой психической аномалии. Например, при исследовании лиц, страдающих расстройством легкой формы шизофрении в клинике аффективной патологии НЦПЗ РАМН, было установлено, что данные субъекты испытывали негативное отношение к окружающим людям, которое выражалось в утверждениях о возмездии, в убеждениях, что окружающие получают по заслугам. При этом такое отношение они считали оправданным. Выделяют два этапа поведения субъектов на всем

протяжении подготовки до реализации преступления.

На первом этапе растёт психологическое напряжение, субъект осознает это и борется с ним. На втором этапе субъект уже не может воздержаться от реализации влечения, и психическая аномалия берет верх над действиями. Именно поэтому встает вопрос об уголовной ответственности подобного рода лиц. Даже при наличии психического расстройства, субъект будет признан вменяемым, если у него будут выявлены минимальные признаки интеллекта и воли.

В практической деятельности встретилось интересное уголовное дело. У подозреваемого в совершении преступления по ст. 162 УК РФ были замечены явные признаки наличия психического расстройства. При этом в судебном процессе был установлен факт наличия достаточно высокого уровня общего развития. Подсудимый апеллировал большим количеством различных терминов, определений, хорошо разобрался в истории и законодательстве.

При обследовании лиц, находившихся на стационарной судебно-психиатрической экспертизе в ФГУ «ГНЦССП Росздрава» с диагнозом «эпилепсия», было установлено наличие у них среднего специального образования и констатирована заинтересованность в занятиях квалифицированным физическим трудом.

Можно сделать вывод о том, что психическая аномалия может возникнуть и развиваться не только у субъекта с минимально значимым уровнем интеллекта и воли, но и у эрудированного, и высокообразованного человека, который также может быть крайне опасен для общества, если суд не уделит изучению его индивидуальных особенностей должного внимания. Таким образом, психотип «ограниченно вменяемого» субъекта остается недостаточно исследованным.

В самой статье 22 УК РФ видны большие пробелы. Во-первых, данная статья имеет вид и тех лиц, психическое расстройство которых никак не влияло на поведение человека в момент реализации преступления. Также, в статье прямо не указывается об обязательности вынесения судами смягчающего наказания лицам, имеющим различного рода психические аномалии (например, ст. 106).

Наиболее целесообразным нами считается назначение субъектам более мягких видов наказания вместе с принудительным лечением в условиях психиатрического стационара.

На современном этапе развития уголовного и уголовно процессуального законодательства ведется много споров по вопросам ограниченной вменяемости, что подразумевает под собой не только вопросы установления факта такой вменяемости, но и вопросы об ограничении ответственности таких лиц. Законодателем не определен теоретический подход к понятию «дееспособность» субъекта процессуальных отношений при наличии у него такого отклонения.

В то время как права и обязанности лиц, признаваемых невменяемыми, четко регламентированы и предусмотрены процессуальными нормами, в отношении лиц с патологией, не исключающей вменяемости, подобного закрепления не прослеживается.

Нами предлагается законодательно закрепить обязательное участие защитника в случае наличия у субъекта данной патологии с целью соблюдения прав и свобод последнего и формирования объективного подхода, а также, закрепить дефиницию ключевого понятия «ограниченная вменяемость» для дальнейшего учёта.

Невменяемость связана с медицинским подтекстом, но при этом является уголовной категорией. Невменяемым признается лицо, которое по независящим от него обстоятельствам, в силу своего болезненного психического состояния, не может осознавать опасность и противоправность своего преступного деяния. Сравнить поступки вменяемых и невменяемых людей нельзя. Психические болезни или отклонения мешают людям осознавать свои действия, отдавать себе отчет в том, что они делают.

В 2011 году Верховный суд установил необходимость проверки фактов о личности преступника в отношении установления невменяемости. Невменяемость исключает вину, а значит, приводит к отсутствию состава преступления и оснований для привлечения к уголовной ответственности лиц, которые совершили то или иное общественно опасное деяние.

Достаточно долго среди законодателей и правоведов шли споры по поводу критериев, определяющих содержание невменяемости. Именно волевой и интеллектуальный признаки лежат в основе установления конкретного возраста наступления уголовной ответственности за виновно совершенное общественно опасное деяние. Это объясняется тем, что в детском возрасте ребенок не понимает социальной значимости своих действий, не способен в полной мере управлять своими желаниями и осознавать последствия своих действий.

По достижении определенного возраста такое понимание с точки зрения психологии наступает, и данный факт позволяет устанавливать уголовную ответственность за совершение того или иного деяния.

Медицинский и юридический критерии при определении невменяемости рассматриваются в совокупности и, в какой-то мере, дополняют друг друга. Как правило, для признания субъекта преступления невменяемым необходимо установить наличие одного из признаков медицинского критерия и признаки юридического критерия, основным из которых является волевой, и именно его наличие позволяет сделать вывод о невменяемости лица.

При вынесении судом определения о невменяемости лица, совершившего общественно опасное деяние, такое лицо теряет статус преступника и

больше не является субъектом преступления. По решению суда лицо, признанное невменяемым, освобождается от уголовной ответственности, но к нему могут быть применены принудительные меры медицинского характера в случае, если деяние и болезненное состояние лица представляют угрозу для общества.

Несмотря на свою разработанность и достаточно подробную правовую регламентацию, институт невменяемости некоторые лица используют в

Литература:

1. *Серебренникова А.В.* Понятие вменяемости – невменяемости: уголовно-правовые аспекты // Психическое здоровье человека и общества. Актуальные междисциплинарные проблемы. 2018. С. 510–513.

недобросовестных целях. Например, заинтересованное лицо может поспособствовать, путем подкупа эксперта, признанию подсудимого невменяемым.

Подобные махинации в сфере уголовного права могут привести к тому, что опасный преступник сможет избежать уголовной ответственности. Именно по этим причинам вопросу о признании субъекта преступления невменяемым следует уделять особое внимание.

Literature:

1. *Serebrennikova A.V.* The Concept of sanity – insanity: criminal law aspects // Mental health of the individual and society. Actual interdisciplinary problems. 2018. P. 510–513.

Михайличенко Наталья Александровна
кандидат юридических наук,
преподаватель,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
namik28@rambler.ru

ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПОРЯДКА ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА (УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ) С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА

Аннотация. Современное развитие отечественного уголовно-процессуального законодательства характеризуется расширением перечня оснований для прекращения уголовного дела (преследования) как отражения международно-правовых стандартов либерализации и оптимизации уголовного процесса. В статье исследуются особенности законодательного регулирования процедуры прекращения уголовного дела и уголовного преследования, предусмотренной главой 51.1 УПК РФ. Предлагаются пути изменения и дополнения действующей законодательной регламентации порядка применения рассматриваемого нереабилитирующего основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования).

Ключевые слова: прекращение уголовного дела (уголовного преследования), судебный штраф, основание и порядок назначения.

Современное развитие отечественного уголовно-процессуального законодательства характеризуется расширением перечня оснований для прекращения уголовного дела (преследования) как отражения международно-правовых стандартов либерализации и оптимизации уголовного процесса. В значительной степени это обусловлено процессуальной экономией, необходимостью целесообразного и оптимального использования ресурсов судебной системы, сокращением числа лиц, осужденных за совершение преступлений небольшой тяжести.

Одним из этапов оптимизации уголовного судопроизводства стало введение в 2016 году нового нереабилитирующего основания для прекращения уголовного дела и уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа [3]. Появление рассматриваемого основания в целом положительно воспринято правоприменителем, что подтверждается судебной практикой и статис-

Natalia A. Mihailichenko
Candidate of Legal Sciences,
Teacher,
Russian Academy of National Economy
and Public Administration under
the President of the Russian Federation
namik28@rambler.ru

CONTRADICTIONS OF THE LEGAL REGULATION FOR THE PROCEDURE OF TERMINATION OF THE CRIMINAL CASE (CRIMINAL PROSECUTION) WITH THE IMPOSITION OF A JUDICIAL FINE

Annotation. The current development of domestic criminal procedure legislation is characterized by the expansion of the list of grounds for termination of criminal case (prosecution) as a reflection of international legal standards of liberalization and optimization of the criminal process. The article examines the features of the legislative regulation of the procedure for terminating a criminal case and criminal prosecution, provided for by Chapter 51.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The ways of changing and supplementing the current legislative regulation of the procedure for applying the considered non-rehabilitating grounds for terminating a criminal case are proposed.

Keywords: termination of a criminal case (criminal prosecution), a court fine, the basis and procedure for imposition.

тикой. Несомненными достоинствами института освобождения лица от уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа являются гуманизация и снижение репрессивности уголовного судопроизводства.

Вместе с тем, анализ практики прекращения уголовного дела и уголовного преследования с назначением судебного штрафа дает возможность выявить неполноту нормативного регулирования рассматриваемого нереабилитирующего основания прекращения уголовного дела. Отсутствие однозначных, ясных нормативных предписаний порождает неопределенность судебной практики.

Момент принятия судом решения о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования с назначением судебного штрафа определен законодателем в достаточно широких пределах: от стадии подготовки к судебному заседанию в

рамках предварительного слушания до удаления суда апелляционной инстанции в совещательную комнату для вынесения решения по делу).

Такое определение законодателем временных рамок нам представляется не совсем удачным, поскольку в рамках действующей процедуры предварительного слушания у суда отсутствуют надлежащие процессуальные инструменты для принятия законного и обоснованного решения о прекращении уголовного дела (преследования) с назначением судебного штрафа.

Решая вопрос о прекращении уголовного преследования с назначением судебного штрафа, суд должен установить ряд обстоятельств: категорию преступления, в совершении которого обвиняется подсудимый, совершение преступления впервые, факт возмещения ущерба или заглаживание вреда, причиненного преступлением, имущественное положение подсудимого.

В соответствии с правовой позицией Пленума Верховного Суда Российской Федерации, выраженной в п. 2.1 Постановления от 27.06.2013 года «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» под заглаживанием вреда (ст. 76.2 УК РФ), понимается имущественная, в том числе, денежная, компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также, принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления законных интересов личности, общества и государства [4]. Диапазон мер по заглаживанию причиненного вреда достаточно широк и не ограничивается одной лишь денежной компенсацией.

С учетом объема процессуальных прав и обязанностей суда в рамках предварительного слушания, полагаем, что установление всех перечисленных обстоятельств на этом этапе представляется затруднительным. В связи с чем, представляется справедливой точка зрения В.В. Кальницкого о том, что «принятие такого решения на предварительном слушании должно быть исключено» [1, с. 6–12].

Законодательная регламентация не препятствует тому, чтобы решение о прекращении уголовного дела (преследования) был принято как в рамках общего порядка рассмотрения дела, так и в особом порядке судебного разбирательства.

Если вопрос о прекращении уголовного преследования с назначением судебного штрафа решается в особом порядке, у суда также отсутствует возможность надлежащим образом исследовать вопрос, связанный с характером и размером вреда, причиненного преступлением, правоммерностью заявленных потерпевшей стороной имущественных требований. На практике это приводит к тому, что суд идет по более упрощенному пути и принимает в качестве основания к назначению судебного штрафа только полное возмещение подсудимым всех заявленных в порядке гражданского иска требований, даже если эти требования явно выходят за разумные пределы.

Такая позиция поддерживается и государственными обвинителями. При этом речь идет не только о размере заявленных требований, но и об адресате, которому они предъявлены. К примеру, в случаях, когда в соответствии с действующим нормативным регулированием, обязанность возмещения вреда возлагается на владельца источника повышенной опасности, а не на причинителя вреда, либо, по должностным преступлениям, на финансовый орган, выступающий от имени казны Российской Федерации.

Отсутствие понятных и однозначных законодательных предписаний, на практике приводят к тому, что подсудимый и его защитник ставятся перед выбором, не оспаривая заявленных требований, полностью удовлетворить их, получив, таким образом, возможность воспользоваться своим правом на рассмотрение дела в особом порядке с дальнейшим прекращением уголовного дела и назначением судебного штрафа, не обременяя суд и других участников работой по рассмотрению дела и исследованию всех доказательств в полном объеме. Либо жертвовать процессуальной экономией и пытаться оспорить характер и размер заявленных требований в процессе рассмотрения дела судом в общем порядке.

Колоссальная нагрузка, которой подвергается судебная система, общеизвестна, поэтому принцип процессуальной экономии должен иметь преобладающее значение в совершенствовании уголовно-процессуального законодательства. Подобные изменения, разумеется, не должны идти в разрез с соблюдением баланса прав и законных интересов участников процесса.

Нам представляется нецелесообразным отказ от возможности разрешения вопроса о прекращении уголовного дела (преследования) с назначением судебного штрафа в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением.

По нашему мнению, для устранения существующей правовой неопределенности следует дополнить часть 5 статьи 316 УПК РФ указанием на обязанность суда, в случае, если подсудимым заявлено ходатайство о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) с назначением судебного штрафа, исследовать обоснованность заявленных потерпевшей стороной имущественных требований, рассмотреть иные обстоятельства, необходимые для правильного разрешения заявленного ходатайства.

Существенное значение имеет и правильное разрешение вопроса о том, является ли подсудимый надлежащим ответчиком. В уголовно-процессуальном законе необходимо прямо указать на обязанность суда самостоятельно определять надлежащего ответчика и привлекать в качестве такового к участию в деле лицо, на которое в силу закона возложена ответственность по возмещению вреда, в том случае, когда гражданский истец неверно определил гражданского ответчика, либо затрудняется в его определении.

Таким образом, предусмотренная в настоящее время правовая регламентация порядка прекращения уголовного дела (преследования) и назначения судебного штрафа, нуждается в уточнении и конкретизации, что позволит избежать правовой

Литература:

1. *Кальницкий В.В.* Порядок прекращения судом уголовного дела (преследования) в связи с назначением судебного штрафа // Законодательство и практика. 2016. № 2. С. 6–12.
2. *Мазюк Р.В.* Судебный штраф как альтернатива приговору в уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 2(16). С. 23–35.
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL : <http://www.pravo.gov.ru>
4. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05 декабря 2006 г. № 60. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

неопределенности и снизить вероятность нарушения прав и свобод участников уголовного процесса в ходе применения рассмотренного нереабилитирующего основания для прекращения уголовного дела (уголовного преследования).

Literature:

1. *Kalnitsky V.V.* Procedure for termination of a criminal case (prosecution) by the court in connection with the appointment of a court fine // Legislation and practice. 2016. № 2. P. 6–12.
2. *Mazyuk R.V.* Judicial fine as an alternative to the sentence in criminal proceedings // Siberian criminal procedure and criminalistic readings. 2017. № 2(16). P. 23–35.
3. On amendments to the criminal code of the Russian Federation and The criminal procedure code of the Russian Federation on improving the grounds and procedure for exemption from criminal liability: Federal law № 323-FZ of 03.07.2016 // Official Internet portal of legal information. URL : <http://www.pravo.gov.ru>
4. On the application by courts of legislation regulating the grounds and procedure for exemption from criminal liability: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.06.2013 № 19 (ed. of 29.11.2016). Access from the Internet. legal system «ConsultantPlus».
5. About application by courts of a special procedure of judicial proceedings of criminal cases [Electronic resource]: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 05, 2006 № 60. Access from the Internet.-legal system «ConsultantPlus».

Михайлов Алексей Евгеньевич

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
правового обеспечения государственного
и муниципального управления,
Владимирский филиал РАНХиГС,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
urgantfk@mail.ru

Семенов Сергей Александрович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
kurlak09@rambler.ru

Тараканов Илья Александрович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры уголовного права
и криминологии юридического факультета,
полковник внутренней службы,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
il8@list.ru

**ПРЕСТУПНОСТЬ В СФЕРЕ
НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ
И ИХ ПРЕКУРСОРОВ:
СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению современного состояния преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Авторами анализируются особенности данного вида преступности, а также ее количественные и качественные показатели. В результате проведенного исследования сделаны выводы о негативных тенденциях преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также необходимости дальнейшего совершенствования профилактического воздействия на нее.

Alexey E. Mikhailov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
the Legal Provision of the State
and Municipal Administration,
Vladimir branch of RANEPА,
Associate Professor of the Department
Public Law Disciplines
Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute
Federal Service Enforcement of Sentences
urgantfk@mail.ru

Sergey A. Semenov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Service Enforcement of Sentences
kurlak09@rambler.ru

Ilya A. Tarakanov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Criminal Law
and Criminology of the Faculty of Law,
Colonel of Internal Service,
Vladimir Law Institute
Federal Service Enforcement of Sentences
il8@list.ru

**CRIME IN THE SPHERE
OF ILLICIT TRAFFIC
IN NARCOTIC DRUGS,
PSYCHOTROPIC SUBSTANCES
AND THEIR PRECURSORS:
STATUS AND TRENDS**

Annotation. The article is devoted to the current state of crime in the sphere of illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors. The authors analyze the features of this type of crime, as well as its quantitative and qualitative indicators. As a result of the study, conclusions were drawn about the negative trends in crime in the field of illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors, as well as the need to further improve the preventive impact on it.

Ключевые слова: преступность, наркотические средства, психотропные вещества, показатели, состояние, структура, динамика, тенденции.

Keywords: crime, narcotic drugs, psychotropic substances, indicators, state, structure, dynamics, trends.

Среди преступлений против здоровья населения особое место занимают преступления, посягающие на установленный порядок оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Совокупность данных преступлений образует такое негативное социально-правовое явление, как преступность в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

В соответствии положениями Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» в объем понятия «незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров» включают такие компоненты, как разработка, производство, изготовление, переработка, хранение, перевозка, пересылка, отпуск, реализация, распределение, приобретение, использование, ввоз на территорию России, вывоз с территории России уничтожение, осуществляемые в нарушение законодательства Российской Федерации. Данное определение охватывает полный цикл деятельности по движению указанных предметов преступления посредством их производства, распространения и потребления. Вместе с тем такой подход достаточно узок и при оценке характера наркопреступности к этим действиям необходимо дополнить также действия, сопутствующие их незаконному обороту и способствующие немедицинскому потреблению (ст. 230 УК РФ «Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов» и ст. 232 УК РФ «Организация либо содержание притонов или систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов»).

В международном праве преступность в сфере незаконного оборота наркотиков рассматривается еще шире и включает в себя действия по легализации имущества, полученного в результате их незаконного оборота, публичное подстрекательство или побуждение к совершению незаконного оборота. Подобный подход позволяет сформировать широкий взгляд на наркопреступность. При этом при его применении возникают трудности, поскольку нормы уголовного закона России, устанавливающие ответственность за организацию преступного сообщества и участие в нем, легализацию имущества, добытого преступным путем несут общий характер и в уголовной статистике специально не учитываются сведения о данных деяниях, совершенных по поводу незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Удельный вес преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков достаточно высок. Их доля общей структуре преступности России составляет 9,3 %. В 2019 году объем рассматриваемого вида преступности составил 190 197 эпизодов

преступной деятельности, причем 75% из них относятся к категории тяжких и особо тяжких преступлений.

Обращают на себя внимание негативные показатели динамики данного вида преступности. Так в 2010 году доля преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров в общей структуре преступности составляла 8,4 %. Абсолютное число данных преступлений с 2010 года снизилось на 15 %, хотя общая динамика снижения преступности за этот период составила 23 %. В целом, это свидетельствует о наличии негативных тенденций развития данной преступности, хотя темпы снижения преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров в более короткой ретроспективе выше, а по сравнению с 2018 годом, когда общая преступность продемонстрировала динамику роста на 1,6 %, преступность в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров продолжила снижение с динамикой в 5 %.

В структуре преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров преобладает сбыт указанных предметов преступления. В настоящее время его доля составляет 59 % (для сравнения, в 2010 г. – 51 % при темпах снижения в период с 2010 по 2019 год всего в 1 %), что свидетельствует об укреплении наркобизнеса в России.

Другие виды преступлений в структуре преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, отраженные в официальной статистике, представлены более скромно: контрабанда – порядка 0,3 %; незаконное производство – примерно 0,2 %; незаконная пересылка – около 0,2; хищение или вымогательство – порядка 0,1 %

Характеризуя структуру преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров следует отметить, что почти 35 % из них совершены в крупном и особо крупном размере.

Структура преступности по характеру наркотических средств и психотропных веществ в России отличается преобладанием наркотических средств каннабисной группы (доля составляет порядка 67 %). При этом наблюдается тенденция снижения данного вида наркотиков и рост синтетических наркотиков и наркотических средств амфетаминовой группы. Такой рост связывают с большей дешевизной синтетических наркотиков и концентрацией производства на территории России с ориентацией на внутренний рынок. Среди наиболее востребованных синтетических наркотиков последних лет выделяется дезоморфин, который представляет наивысшую опасность для

здоровья человека и здоровья населения, поскольку при его изготовлении зачастую применяются вредные и ядовитые вещества, а его употребление вызывает быстрое привыкание.

Скрытость рассматриваемой преступности отличается высоким уровнем. По мнению отдельных исследователей их латентность превышает зарегистрированную в 8-10 раз. Как полагает А.Е. Силяева, официальные статистические данные не способны объективно раскрыть реальную картину преступности, поскольку ряд преступлений не установлен правоохранительными органами [4].

Согласно исследованиям порядка 20 % населения нашей страны в возрасте от 11 до 40 лет пробовали наркотики, а среди учащихся учебных заведений этот показатель достигает 40 %. По мнению ряда исследователей намечается весьма негативная тенденция вовлечения несовершеннолетних в организацию незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, причем наблюдается рост числа таких несовершеннолетних [1]. При этом, по справедливому замечанию Е.В. Михайловой и Н.Н. Заливиной, вовлечение в незаконный оборот наркотиков нередко приводит к тому, что несовершеннолетний сам становится их потребителем [2].

Формированию высокого уровня латентности преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков способствует совместная заинтересованность сбытчика и потребителя наркотиков в сокрытии данных фактов и использование для сокрытия преступлений современных средств телекоммуникации. В последнее время участились случаи размещения предложений по сбыту наркотиков в закрытой части Интернета (Darknet), на сервисах интернет-общения (Viber, Whatsapp,

Jabber, ICQ), сервисы которых используют специальные способы шифрования данных. Это существенно затрудняет выявление и раскрытие преступлений. На эту проблему обращают внимание Е.О. Филиппова и Ю.А. Худяков, отмечая, что информационно-телекоммуникационные сети активно используются для продажи и распространения наркотических средств, причем позволяя обеспечить практически полную анонимность как продавца, так и покупателя [5].

В целом уровень раскрываемости данные преступлений составляет 54 %, что сопоставимо с раскрываемостью общей преступности. При этом обращает на себя уровень раскрываемости отдельных видов преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Так, раскрываемость незаконного сбыта наркотиков составляет всего 27 %, что свидетельствует о явном проигрыши правоохранительных органов в борьбе с наркобизнесом.

Таким образом, вопросы профилактического воздействия на преступность в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров продолжают оставаться весьма актуальными и требующими серьезного внимания со стороны государства. С учетом вышеизложенного следует согласиться с мнением исследователей, указывающих, что только комплексные меры воздействия, осуществляемые во взаимодействии государства и общества, позволят добиться постепенного снижения объема наркопотребления [3]. В целом сказанное свидетельствует о необходимости дальнейшего исследования преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и поиска системных, комплексных мер, позволяющих эффективно противодействовать наркотизации общества.

Литература:

1. Жилина Н.Ю. Преступность несовершеннолетних в сфере незаконного оборота наркотиков // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 5(96). С. 74–78.
2. Михайлова Е.В. Профилактика преступности несовершеннолетних в сфере незаконного оборота наркотиков // Защити меня. 2020. № 1. С. 29–31.
3. Павлова С.А. Социально-экономические предпосылки преступности в сфере незаконного оборота наркотиков и меры их преодоления // NovaUm.Ru. 2018. № 15. С. 112–116.
4. Силяева А.Е. Криминологическая характеристика преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков // Инновационное развитие: потенциал науки и современного образования. сборник статей V Международной научно-практической конференции : в 2 ч. Пенза, 2019. С. 155–158.

Literature:

1. Zhilina N.Y. Crime of minors in the field of drug trafficking // Science and education: agriculture and economics; business; law and management. 2018. № 5(96). P. 74–78.
2. Mikhailova E. Prevention of juvenile delinquency in the field of illegal drug trafficking // Protect me. 2020. № 1. P. 29–31.
3. Pavlova S. Socio-economic prerequisites of crime in the sphere of illegal drug trafficking and measures to overcome them. NovaUm.Ru. 2018. № 15. P. 112–116.
4. Silyaeva A. criminological characteristics of crime related to drug Trafficking // Innovative development: potential of science and modern education. collection of articles of the V International scientific and practical conference : in 2 hours. Penza, 2019. P. 155–158.

5. *Филлипова Е.О.* Преступность, связанная с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. распространение наркотиков с помощью современных технологий, нормативное регулирование этого процесса // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации. сборник статей V Международной научно-практической конференции. Пенза, 2018. С. 261–264.

5. *Filippova E.* Crime related to illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances. the distribution of drugs with the help of modern technologies, the legal regulation of this process // Modern jurisprudence: current issues, achievements and innovations. collection of articles of the V International scientific and practical conference. Penza, 2018. P. 261–264.

Некоз Сергей Сергеевич
Борзинский транспортный прокурор,
Забайкальский край
nekoz_s@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ПОСОБНИЧЕСТВА ПРИ НАЛИЧИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ

Аннотация. В статье анализируются проблемы квалификации действий пособника при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния. Анализ дифференцирован в двух направлениях в зависимости от того, имеются ли указанные обстоятельства на стороне исполнителя преступления или на стороне пособника. Установлено, что действия пособника, совершенные при наличии и соблюдении условий правомерности обстоятельств, исключающих преступность деяния, не влекут уголовной ответственности, равно как пособничество лицу, который причиняет вред при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, не составляет преступления. Однако пособничество лицу, которое заведомо для пособника причиняет вред при нарушении условий правомерности обстоятельств, исключающих преступность деяния, влечет ответственность пособника за соучастие в преступлении.

Ключевые слова: соучастие в преступлении, пособник преступления, исполнитель преступления, обстоятельства, исключающие преступность деяния, уголовная ответственность.

Непременным условием правильной уголовно-правовой оценки пособнических действий, наряду с установлением общих признаков пособничества и отграничением случаев соучастия от самостоятельно криминализованного оказания содействия в совершении общественно опасных деяний, выступает правоприменительная проверка самой возможности реализации уголовной ответственности, предполагающая установление обстоятельств, такую ответственность исключающих.

Разумеется, в реальной жизни установление обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, нельзя строго соотнести с каким-либо конкретным этапом правоприменительной деятельности. Они фиксируются и обсуждаются и при выборе подлежащей применению уголовно-правовой нормы, и при квалификации общественно опасного деяния. Однако в исследовательских целях, как нам представляется, вполне допустимо рассматривать проблему оценки пособничества в контексте указанных обстоя-

Sergei S. Nekoz
Borzinsky Transport Prosecutor,
Trans-Baikal Territory
nekoz_s@mail.ru

CRIMINAL LEGAL ASSESSMENT OF COMPLICITY IN THE PRESENCE OF CIRCUMSTANCES PRECLUDING THE CRIMINALITY OF THE ACT

Annotation. The article analyzes the problems of qualifying the actions of an accomplice in the presence of circumstances precluding the criminality of the act. The analysis is differentiated in two directions, depending on whether the specified circumstances are on the side of the perpetrator of the crime or on the side of the accomplice. It has been established that the actions of an accomplice committed in the presence and observance of the conditions of lawfulness of circumstances precluding the criminality of the act do not entail criminal liability, just as aiding a person who causes harm in the presence of circumstances precluding the criminality of the act does not constitute a crime. However, complicity to a person who, knowingly for an accomplice, causes harm in violation of the conditions of legality of circumstances precluding the criminality of the act, entails the responsibility of the accomplice for complicity in the crime.

Keywords: complicity in a crime, accomplice in a crime, perpetrator of the crime, circumstances precluding the criminality of the act, criminal liability.

тельств в качестве относительно самостоятельного предмета научного поиска.

В самом общем виде, исключающими ответственность обстоятельствами в доктрине уголовного права, признают предусмотренные законодательством РФ ситуации, характеризующие деяние, сходное с преступлением, которые при наличии установленных законом условий делают невозможным наступление уголовной ответственности за его совершение [1, с. 276; 2, с. 7, 17]. Такие ситуации являют собой весьма обширный список – от декриминализации преступления до наличия обстоятельств, исключающих преступность деяния. Охватить и рассмотреть их все применительно к относительно частной проблематике ответственности пособников не представляется целесообразным, да и возможным, как по причине чрезвычайного объема, так и, самое главное, по причине того, что многие из них не имеют своей специфики применительно к случаям совершения пособнических действий. Очевидно, что неiveness пособника (ст. 21 УК РФ) или пособничество в покушении на преступление средней

тяжести (ст. 30 УК РФ) не создает каких-либо специфических правоприменительных ситуаций, требующих отдельного исследовательского внимания. Однако некоторые из обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, порождают определенные сложности и потому требуют отдельного исследовательского внимания. В связи с этим, последующее изложение будет посвящено лишь одной группе обстоятельств, исключающих ответственность, а именно той, что регламентирована в законе в качестве обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Предваряя исследование, сделаем еще одну важную оговорку, поясняющую содержание нижеизложенного. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, как и иные факторы, влияющие на определение ее основания и объема, имеют подчеркнuto личный характер. Они проявляют себя и устанавливаются правоприменителем исключительно по отношению к деянию того или иного конкретного субъекта. В соучастии же, в силу его природы, представлены, как минимум, два лица, совместными усилиями совершающие преступление, причем одно из них, в силу акцессорных начал данного института, в обязательном порядке – исполнитель. В этой связи, появление обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, на стороне исполнителя не может не отражаться на оценке действий пособника, равно как и наоборот. Вместе с тем, это «отражение» не предполагает жесткой и однозначной зависимости решения вопроса об ответственности пособника от оценки обстоятельств, исключающих ответственность исполнителя преступления. В данном случае имманентные институту соучастия начала теории самостоятельной ответственности вполне допускают ответственность пособника при безответственности исполнителя, и наоборот. Как предписывает ч. 1 ст. 34 УК РФ, ответственность соучастников преступления определяется характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления. Эти достаточно сложные конфигурации наличия или отсутствия обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, на стороне исполнителя и (или) на стороне пособника представляют дополнительный объект анализа, необходимость исследования которого также повлияла на содержание настоящей части диссертации.

В системе оснований исключения ответственности обстоятельства, исключающие преступность деяния, занимают особое место. При наличии весьма обширной литературы, посвященной их анализу [3; 4; 5; 6], нельзя не сказать, что связь данных обстоятельств с институтом соучастия остается все еще крайне мало исследованной. Между тем, ее анализ позволяет выявить здесь ряд ощутимых проблем и предложить их собственные решения. При этом, опять же, важно конкретизировать, на стороне какого соучастника – исполнителя или пособника имеется то или иное обстоятельство, исключающее преступность деяния.

А) Необходимая оборона и задержание лица, совершившего преступление. Возможность совершения преступления в соучастии при превышении

пределов правомерности данных обстоятельств, исключающих преступность деяния, признается высшей судебной инстанцией. В п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27.09.2012 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» сказано: убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны несколькими лицами, совместно защищавшимися от общественно опасного посягательства, следует квалифицировать по ст. 108 УК РФ [7]. Однако это указание очевидно ограничивает соучастие только такой его формой, как соисполнительство. Относительно соучастия с распределением ролей постановление умалчивает. В науке же уголовного права соответствующий вопрос решается в целом положительно.

Одним из первых мысль о допустимости пособничества в причинении вреда при превышении пределов обороны высказал В.Ф. Кириченко [8, с. 80]. Позднее наиболее общие рекомендации по оценке пособничества в совершении преступления при превышении пределов обороны дал Н.Н. Паше-Озерский (их сегодня вполне можно распространить и на случаи причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление). Автор указывал: «Соучастие в преступлении, явившемся результатом превышения пределов обороны, возможно В форме пособничества... Сознанием пособника должно непременно охватываться..., что лицо, которому оказывается такое содействие, находится в состоянии необходимой обороны и что он, пособник, своими действиями помогает выполнению преступления, совершаемого при превышении пределов необходимой обороны. ... Вопрос о соучастии в преступлении, явившемся результатом превышения обороны, возникает лишь с того момента, когда уже существует состояние необходимой обороны, ибо без наличия такого состояния, как известно, невозможно и превышение пределов необходимой обороны» [9, с. 116]. Эти идеи получили поддержку в отечественной науке [10, с. 125–127; 11, с. 68–71; 12, с. 392]. Однако, по нашему мнению, они нуждаются в дополнительной конкретизации и уточнении.

Допуская соучастие с распределением ролей в преступлениях, совершенных при превышении обороны и мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, надо различать две ситуации.

В первой пособник находится в состоянии обороны и задержания, наряду с исполнителем (когда в отношении двух лиц осуществляется общественно опасное посягательство или два лица осуществляют задержание). Оценка действий пособника в такой ситуации не имеет принципиальных отличий от оценки действий исполнителя преступления, в том числе в части возможной оценки в качестве соисполнительских действий лиц, которые в процессе лишения жизни потерпевшего, применяли к нему насилие, необязательно повлекшее смерть (например, один подавлял сопротивление нападавшего, лишал его возможности защищаться, а другой причинил ему смертельные повреждения).

Вторая ситуация характеризуется тем, что в состоянии обороны или задержания находится только исполнитель преступления, в то время как на стороне пособника эти обстоятельства, исключющие преступность деяния, отсутствуют. Здесь необходимо, чтобы пособник оказывал содействие не просто лицу, защищающемуся или задерживаемому преступнику. До тех пор, пока обороняющийся или задерживающийся находятся в пределах обороны, любое содействие им есть пособничество в осуществлении правомерных действий, которое не может влечь ответственности. В связи с этим превышение мер, необходимых для обороны или задержания, осуществленное после оказания пособником помощи, в том числе и с использованием этой помощи (если, к примеру, пособник предоставляет оружие, воспользовавшись которым обороняющийся впоследствии превышает пределы обороны), должно рассцениваться по правилам эксцесса. Пособник, оказывая помощь обороняющемуся или задерживаемому, не может предвидеть того факта, что исполнитель выйдет за пределы правомерности обстоятельств, исключая преступность деяния. Поэтому он и не может нести ответственность за наступившие в таком случае последствия. Пособничество в причинении вреда при превышении пределов обороны или мер, необходимых для задержания преступника, может мыслиться только в той ситуации, когда исполнитель уже вышел за пределы правомерности этих обстоятельств. Пособник, наблюдая и осознавая это обстоятельство, может присоединиться к действиям исполнителя, превышающего пределы правомерности исключаящих преступность обстоятельств, и своими действиями оказать помощь в совершении преступления. Такая присоединяющаяся деятельность укладывается в границы соучастия и дает возможность оценить действия пособника со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ. Это обстоятельство обусловлено тем, преступления, совершаемые при превышении обороны и мер, необходимых для задержания, не могут быть совершены с заранее обдуманном умыслом, а, следовательно, не предполагают возможности осуществления пособником подготовительных и заранее обещанных действий.

Б) Исполнение приказа и принуждение. Эти обстоятельства, исключая преступность деяния, справедливо рассматривать в качестве единой группы, учитывая социально-правовую общность ситуаций и подходов к решению вопроса о соучастии. Здесь также надо различать оценку действий лица, отдающего приказ или оказывающего принуждение, лица, которое действует под принуждением или приказом, и лица, которое оказывает пособнические функции, причем пособничество может оказываться как принуждаемому (отдающему приказ), так и принуждаемому (исполняющему приказ). С учетом этих обстоятельств, алгоритм правовой оценки взаимосвязи пособничества и рассматриваемых обстоятельств, исключаящих преступность деяния, может быть следующим:

– Если принуждение или приказ обращены к лицу, оказывающему помощь в совершении преступления, то вне зависимости от того, действовал ли

исполнитель преступления при наличии указанных обстоятельств или нет, решение вопроса об ответственности пособника не имеет каких-либо принципиальных особенностей. Исполнение приказа, физическое или психическое принуждение – универсальные обстоятельства, в равной мере распространяющие свое действие на любых участников причинения вреда, а потому, при соблюдении условий их правомерности, пособник не подлежит уголовной ответственности;

– Если лицо оказывает пособнические функции субъекту, который отдает приказ или оказывает принуждение в отношении исполнителя (или иного соучастника), то вопрос о его ответственности решается, исходя из общих правил соучастия, если приказывающий или принуждающий подлежит уголовной ответственности.

В соответствии с законом (ч. 1, ч. 2 ст. 42 УК РФ), не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, действующим во исполнение обязательных для него приказа или распоряжения, при условии, что лицо не осознает заведомую незаконность этого приказа или распоряжения. Уголовную ответственность за причинение вреда в данном случае несет лицо, отдавшее незаконные приказ или распоряжение. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в результате физического принуждения, если вследствие такого принуждения лицо не могло руководить своими действиями или бездействием (ч. 1 ст. 41 УК РФ). Согласно общепринятому мнению, а также в соответствии с ч. 2 ст. 33 УК РФ, лицо, отдавшее незаконный приказ или оказывающее непреодолимое физическое принуждение, в данном случае должно признаваться посредственным исполнителем преступления, который использует для причинения вреда лицо, не подлежащее уголовной ответственности в силу того, что действует при обстоятельствах, исключаящих преступность его деяния (и как правило при отсутствии вины). Соответственно, лицо, которое оказывает пособнические функции в отдаче незаконного приказа или в принуждении, при прочих равных условиях, должно признаваться пособником в посредственном исполнении преступления с квалификацией его действий со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ.

Если лицо, исполняющее приказ, осознает его незаконность и тем не менее во исполнение заведомо незаконного приказа исполняет умышленное преступление, либо если лицо действует под воздействием преодолимого принуждения, оно несет ответственность на общих основаниях с оговорками относительно крайней необходимости (ч. 2 ст. 41 УК РФ). Лицо, отдавшее незаконный приказ или оказывающее принуждение, в такой ситуации должно отвечать за подстрекательство к совершению преступления со ссылкой на ч. 4 ст. 33 УК РФ [13, с. 62; 14, с. 100]. Вопрос об ответственности лица, оказывающего содействие в отдаче приказа или в принуждении, должен решаться с учетом общего восприятия уголовно-правовой природы пособничества в подстрекательстве. Представляется, что наиболее оптимальной и достаточной формулой квалификации

в таком случае может стать ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ.

Если лицо, осознающее незаконность полученного приказа или принуждаемый, не совершает преступных действий, то лицо, отдавшее незаконный приказ или оказывающее принуждение, должно нести ответственность за приготовление к совершению преступления (ч. 1 ст. 30 УК РФ), поскольку оно выполняло «иное умышленное создание условий для совершения преступления» [15, с. 78–79]. Лицо, оказывающее содействие отдаче такого незаконного и неисполненного приказа, не может нести ответственность за соучастие в преступлении, поскольку отсутствует его исполнитель, но его действия также укладываются в формулу «иного создания условий», а потому он должен нести ответственность также за приготовление к совершению преступления.

В ситуации пособничества лицу, которое оказывает принуждение в отношении исполнителя, есть еще одно значимое обстоятельство. Само по себе, принуждение может содержать в себе признаки того или иного насильственного преступления против личности, в связи с чем, пособник принуждающего должен нести ответственность также - и за пособничество в совершении этого насильственного преступления по правилам идеальной совокупности.

– Если лицо, которое не находится под приказом или принуждением, свободно оказывает пособнические функции фактическому причинителю вреда, который действует во исполнение обязательного для него приказа или распоряжения, то в квалификации его действий факт соучастия в вынужденном причинении вреда может отразиться лишь в том случае, если фактический причинитель сам подлежит ответственности. То есть, если в действиях исполнителя не соблюдаются пределы правомерности причинения вреда при наличии приказа или принуждения и в силу закона он подлежит ответственности, лицо, оказывающее ему пособнические действия, подлежит ответственности по соответствующей статье уголовного закона со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ. Если фактический причинитель не подлежит ответственности в силу того, что преступность его деяний исключается обстоятельствами приказа или принуждения, лицо, оказывающее ему пособнические функции, не может быть признано соучастником. Однако вопрос об ответственности такого «пособника» решается в зависимости от наличия на его стороне вины: если оно не осознает, что участвует в совершении общественно опасного деяния, ответственность, разумеется, исключается; если же такой «пособник» осознает, что принимает участие в совершении общественно опасного деяния, то при невозможности квалификации содеянного в качестве соучастия, его поведение при определенных обстоятельствах может содержать признаки посредственного исполнения либо приготовления к совершению преступления.

В) Обоснованный риск и крайняя необходимость. Взаимосвязь пособничества и указанных обстоятельств также имеет некоторые общие черты в виду социальной общности самих этих обстоятельств и предполагает наличие некоторых общих алгоритмов оценки пособничества.

– Оказание пособнических действий лицу, которое находится в состоянии обоснованного риска или крайней необходимости, при условии, что пособник осознает указанные обстоятельства, не может рассматриваться в качестве преступного деяния до того момента, пока исполнителем соблюдаются условия правомерности данных обстоятельств, исключающих преступность деяния.

– Когда и если исполнитель нарушает условия правомерности обоснованного риска и крайней необходимости, и лицо, оказывающее пособнические функции, сознает это обстоятельство, его ответственность за соучастие в преступлении, совершенном при нарушении условий правомерности не исключается.

– Если «пособник» предоставляет информацию, орудия и средства для причинения вреда лицу, которое действует в состоянии риска или крайней необходимости с осознанием того, что их использование повлечет за собой причинение явно несоизмеренного для устранения опасности или достижения полезного результата вреда, в то время как фактический исполнитель не осознает характера таких средств и не предвидит наступления несоизмеренных последствий (то есть когда фактический исполнитель действует невиновно), лицо, оказывающее пособнические функции, может быть признано посредственным исполнителем преступления на основании правил ч. 2 ст. 33 УК РФ.

Подводя итог исследованию, резюмируем некоторые общие выводы. Действия пособника, совершенные при наличии и соблюдении условий правомерности обстоятельств, исключающих преступность деяния, не влекут уголовной ответственности. Пособничество лицу, который причиняет вред при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, не составляет преступления. Однако пособничество лицу, которое заведомо для пособника причиняет вред при нарушении условий правомерности обстоятельств, исключающих преступность деяния, влечет ответственность пособника за соучастие в преступлении. На общих основаниях, с учетом правил института соучастия, как пособничество в посредственном причинении вреда, решается вопрос об ответственности за пособничество лицу, которое отдает незаконный приказ или оказывает принуждение в отношении исполнителя. Пособничество в отдаче незаконного приказа или в принуждении, в ситуации, когда фактический исполнитель не совершает требуемого от него деяния, квалифицируется как приготовление к преступлению.

Литература:

1. *Дорогин Д.А.* Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. М. : Юрлитинформ, 2013.
2. *Дорогин Д.А.* Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность: правовые позиции судебных органов. М. : РГУП, 2017.
3. *Дмитренко А.П.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в уголовном праве Российской Федерации. М. : Илекса, 2012.
4. *Щелконогова Е.В.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния: природа, система, квалификация. М. : Юрлитинформ, 2015.
5. *Орешкина Т.Ю.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния. М. : Проспект, 2016.
6. *Никуленко А.В.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния. СПб. : Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2018.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27.09.2012 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 11.
8. *Кириченко В.Ф.* Основные вопросы учения о необходимой обороне в советском уголовном праве. М.; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1948.
9. *Паше-Озерский Н.Н.* Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М. : Юрид. лит., 1962.
10. *Аршинов А.С.* Особенности квалификации соучастия при превышении пределов необходимой обороны // Вестник СевКавГТИ. 2014. Вып. 16
11. *Вольдимарова Н.Г.* Некоторые вопросы квалификации преступлений, совершенных при превышении пределов необходимой обороны // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 12.
12. *Попов А.Н.* Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. СПб. : Юрид. Центр Пресс, 2001.
13. *Соломоненко И.Г.* Исполнение приказа и его уголовно-правовое значение. Ставрополь : Ставропольсервисшкола, 2000.
14. *Пудовочкин Ю.Е.* Учение о преступлении: избр. лекции. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрлитинформ, 2010.
15. *Калугин В.В.* Физическое и психическое принуждение в уголовном праве. Ставрополь : Ставропольсервисшкола, 2001.

Literature:

1. *Dorogin D.A.* The circumstances excluding criminal liability. M. : Yurlitinform, 2013.
2. *Dorogin D.A.* The circumstances excluding criminal liability: legal positions of judicial authorities. M. : RGUP, 2017.
3. *Dmitrenko A.P.* The circumstances excluding crime of act in criminal law of the Russian Federation. M. : Ilekxa, 2012.
4. *Shchelkonogova E.V.* The circumstances excluding crime of act: nature, system, qualification. M. : Yurlitinform, 2015.
5. *Oreshkina T.Yu.* The circumstances excluding crime of act. M. : Avenue, 2016.
6. *Nikulenko A.V.* The circumstances excluding crime of act. SPb. : St. Petersburg un-t of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2018.
7. The resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 19 of 27.09.2012 «About application by vessels of the legislation on necessary defense and infliction of harm during detention of the person who committed a crime» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. № 11.
8. *Kirichenko V.F.* The main questions of the doctrine of necessary defense in the Soviet criminal law. M.; L. : Publishing house of Academy of Sciences of the USSR, 1948.
9. *Pasha-Ozyorsk N.N.* Necessary defense and emergency on the Soviet criminal law. M. : Yurid. litas, 1962.
10. *Arshinov A.S.* Features of qualification of partnership at excess of limits of necessary defense//the Messenger of SevKavGTI. 2014. Iss. 16
11. *Voldimarova N.G.* Some questions of qualification of the crimes committed at excess of limits of necessary defense // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2009. № 12.
12. *Popov A.N.* Crimes against the personality at mitigating circumstances. SPb. : Yurid. Press center, 2001.
13. *Solomonenko I.G.* Performance of the order and its criminal value. Stavropol : Stavropolservisshkola, 2000.
14. *Pudovochkin Yu.E.* The doctrine about crime: избр. lectures. 2nd prod., испр. and additional. M. : Yurlitinform, 2010.
15. *Kalugin V.V.* Physical and mental coercion in criminal law. Stavropol : Stavropolservisshkola, 2001.

Ойсунгуров Ибрагим Магомедович

старший преподаватель
кафедры юридических дисциплин,
Дагестанский государственный
университет (филиал), г. Хасавюрт
ibra27@mail.ru

**СОСЛОВНОЕ ПРАВО И ФОРМЫ
ЗЕМельНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
В ДАГЕСТАНЕ В XVII–XIX вв.**

Аннотация. Развитие в Дагестане форм земельной собственности в период XVII–XIX веков обладало определенной спецификой. Своеобразие, основанное на историческом пути развития Дагестана, предопределило характерные черты для становления правового регулирования земельных вопросов. Причем, на данный процесс одновременно воздействовало несколько факторов, одним из которых, несомненно, выступает влияние сословного права. В связи с малой разработанностью указанного направления, научный и практический интерес представляет проведение дальнейших исследований, позволяющих определить соотношение сословного права и форм земельной собственности в Дагестане в выбранный период. Цель исследования заключается в изучении сословного права и форм земельной собственности в Дагестане в XVII–XIX веках. Поставленная цель предопределила задачи исследования: ознакомиться с особенностями сословного права в Дагестане; охарактеризовать формы земельной собственности в период XVII–XIX вв.; определить их соотношение. Методологическая основа исследования: общие и специальные методы научного познания. Изучение и проработка основных вопросов, связанных с взаимосвязью сословного права и формы земельной собственности в период XVII–XIX вв., позволило провести сравнительный анализ и сформировать обосновать выводы. Последние могут применяться для образовательных, научных и иных целях.

Ключевые слова: Дагестан, сословное право, земельная собственность, земельно-правовые отношения, формы.

Введение.

Историческое развитие Дагестана является интересной темой для исследований. Объяснить это можно тем, что многие факторы предопределили его своеобразный путь. Только учитывая исторические тенденции, можно оценить настоящее время и спрогнозировать будущее. Важным направлением для исследований выступает рассмотрение вопросов, связанных с развитием земельных правоотношений.

Ibragim M. Oisungurov

Senior lecturer of the Department
of Legal Disciplines,
Dagestan State University (branch),
Khasavyurt
ibra27@mail.ru

**ESTATE LAW AND FORMS
OF LAND OWNERSHIP IN DAGESTAN
IN THE XVII–XIX CENTURIES**

Annotation. The development of land ownership forms in Dagestan in the period of the XVII–XIX centuries had a certain specificity. The peculiarity based on the historical path of development of Dagestan determined the characteristic features for the formation of legal regulation of land issues. At the same time, this process was simultaneously affected by several factors, one of which, of course, is the influence of class law. Due to the low level of development of this direction, it is of scientific and practical interest to conduct further research to determine the ratio of class law and forms of land ownership in Dagestan during the selected period.

The purpose of the research is to study the class law and forms of land ownership in Dagestan in the XVII–XIX centuries. This goal predetermined the research objectives: to get acquainted with the features of class law in Dagestan; to characterize the forms of land ownership in the period of the XVII–XIX centuries; to determine their relationship. Methodological basis of the research: General and special methods of scientific knowledge, including historical, comparative legal, formal legal methods. The study and elaboration of the main issues related to the relationship between class law and land ownership in the period of the XVII–XIX centuries allowed us to conduct a comparative analysis and form a substantiation of conclusions. The latter can be used for educational, scientific, or other purposes.

Keywords: Dagestan, estate law, land ownership, land and legal relations, forms.

Целый ряд факторов повлиял на становление форм земельной собственности в период XVII–XIX веков. Специфика развития Дагестана в данном направлении не является случайной и тесно связана, в том числе, с сословным правом. Наряду с религиозными признаками, территориальным расположением, моментом присоединения Дагестана к Российской империи, особенности классовые и сословные во многом повлияли на развитие земельных правоотношений.

На сегодняшний день, вопросы соотношения сословного права и форм земельной собственности не нашли достаточной доли отражения в научных исследованиях. Особую значимость приобретает проведение дальнейших исследований, что определяет актуальность выбранной темы и ее научную новизну.

Методологическая основа исследования.

Для исследования вопросов соотношения и взаимосвязи сословного права и форм земельной собственности в Дагестане XVII–XIX веков, комплексно применялись общие и специальные методы научного познания (в том числе исторический, сравнительно-правовой, формально-юридический методы).

Результаты.

В рамках данного исследования будут рассмотрены тенденции развития и взаимосвязи сословного права и форм земельной собственности в Дагестане (период XVII–XIX вв.). К XVII веку сложились определенные формы землевладения, к которым необходимо отнести:

- общинные земли;
- государственное землевладение (казенные земли);
- вакфные (вакуфные) земли;
- частновладельческие земли, которые подразделялись на феодальные и крестьянские (или мюльки).

Итак, прежде всего, необходимо отметить влияние сословного права на общественные отношения, затрагивающие как земельные правоотношения, так и иные принципиально значимые моменты. Следует согласиться с А.П. Алиевой – у народов Дагестана на протяжении столетий происходило становление элементов сословного права и сословного строя [1, с. 14]. Подобное становление являлось достаточно последовательным и было тесно связано с различными элементами.

Несомненно, влияние сословного права следует оценить как весьма значительное, что обусловлено некоторыми факторами. Так, в Дагестане активно процветало рабство и рабовладение, которое сложилось исторически и стало основой для формирования, в полной мере, зависимого сословия. Кроме того, феодалы с течением времени укрепляли свои властные полномочия, что ставило в невыгодное положение зависимые сословия, которые составляли весьма большое количество от населения Дагестана.

Как правило, за феодалами были закреплены наиболее выгодные, ценные земли. Крестьяне были автоматически поставлены в невыгодное положение. Соответственно, такое положение становилось причиной существенного разрыва между классами. Принадлежность к тому или иному сословию становилась прямым фактором, который определял возможность владеть той или

иной категорией земли. Не была предусмотрена принадлежность к определенному сословию, возможность быть правообладателем на установленные формы собственности.

Существовали и общинные земли, занимавшие определенную долю от земельного фонда. Предполагалось пользование таковыми сообща. Вакфные (мечетские) земли занимали сравнительно небольшое количество от земельного фонда, тем не менее, представляли своеобразную форму собственности на землю, основанную полностью на религиозном факторе. Любой человек или организация могли пожертвовать земли в собственность вакфа. Такая сделка не подлежала оспариванию и вернуть земли после передачи было также невозможно.

При этом в исследуемом периоде XVII–XIX вв. можно увидеть кардинальные изменения, происшедшие в распределении земельного фонда и существовании определенных форм земельной собственности. Это выразилось в том, что к началу XX века произошел уход от учета сословия и приравнение субъектов по своему правовому статусу друг к другу, в частности, и в вопросах землевладения. Указанные изменения начали происходить во второй половине XIX в., поэтому необходимо осветить их более подробно.

О.А. Бондарева формулирует следующее признание сословного строя:

– наличие иерархичности, напрямую связанной с процессами становления эксплуатации и зависимости внутриобщинного и межобщинного характера;

– возникновение групп населения, разграничение которых происходило по многим основаниям, среди которых общественное и имущественное положение, система наследственных прав и обязанностей;

– формирование специфической формы социополитической организации, связанной с неравенством между собой групп населения по родственному признаку, равно как, на основании применения социальных и имущественных норм, подтверждающих такое неравенство [2, с. 8].

Значимые перемены, происшедшие в Дагестане, прямо повлиявшие на запуск процессов, изменивших в конечном итоге формы земельной собственности, связаны с проведением аграрно-крестьянской реформы в центральной части Российской империи (отмена крепостного права датируется 1861 г.). Далее, осуществляется проведение такой политики и в Дагестане. Необходимо принимать во внимание, что вместе с аграрной реформой, в Дагестане происходила и реализация иных целей. В частности, происходило укрепление царской власти на новой территории.

Заслуживает внимания позиция Н.А. Суровицкой, отмечающей ряд процессов как на Северном Кавказе, в целом, так и в Дагестане:

– вторая пол. XIX в. характеризуется тем, что общероссийское законодательство не отвечало требованиям времени в части правовой регламентации земельных отношений;

– после проведенной реформы активно применяются нормы обычного права;

– происходит развитие частной собственности, и, вместе с этим, распространение у крестьян получает аренда земли [3, с. 8].

Указанная тенденция развития арендных правоотношений является сравнительно новой и находит распространение в Дагестане, как и в центральной части Российской империи. Арендные правоотношения являются принципиально новой формой землепользования, требующей мер особого правового регулирования.

Проведение крестьянской реформы обусловлено комплексом причин, наиболее существенными из которых выступают:

– перемены общероссийского уровня, обусловленные как социальными, так и экономическими причинами;

– возростание недовольства среди крестьян на уровне государства и в Дагестане, в частности, их тяжелое положение;

– потребность в проведении единой политики и ее реализация как в центральной части страны, так и на остальной, отдаленной от центра территории.

Реформирование в земельных вопросах, наряду с освобождением зависимого населения, в Дагестане завершилось окончательно лишь к 1913 г. Сословный фактор, зависимость одних сословий от других в Дагестане находили повсеместное распространение и даже имели разновидности. Так, следует отметить административную зависимость (уздени), поземельную зависимость (раятон и др.), личную (кулы и карам, чагары) [4, с. 48].

Причем, зависимость одних сословий от других могла иметь как личный характер, так и иметь привязку к роду феодалов. Массовое освобождение рабов, не имевших прав, берет начало в 1867–1868 гг. и затронуло первоначально личную зависимость. Как отмечает Э.М. Далгат, проведение крестьянской реформы в Дагестане имеет, несомненно, положительную направленность: были ликвидированы независимые феодальные владения в сословно-поземельном строе. Общая положительная направленность реформирования, тем не менее, имела и отрицательные моменты, так как не имела завершенного характера. Были освобождены лишь крестьяне, зависимые от феодальных правителей, а зависимые от беков были освобождены лишь в ходе реформирования 1913 г. [5, с. 64].

По мнению А.И. Гаджиевой, сословие беков является центром, ядром феодального класса, проживающего повсеместно в феодальных владениях; это – наиболее большая группа среди феодалов

[6, с. 64]. Аналогичной позиции придерживается А.Г. Алиев [7]. Очевидно, что подобный социальный статус стал причиной того, что зависимость от беков была искоренена в последнюю очередь на завершающем этапе реформирования.

П.А. Ибрагимов указывает на то, что в результате реформирования в земельной сфере, произошло увеличение земельного фонда, который относился к категории земель за счет перераспределения земельного фонда (как за счет феодальной земли, так и за счет земель крестьян) [8]. Следует констатировать, положительная направленность реформирования имела место, тем не менее, на лицо много недостатков, которые требовали оперативного решения и корректировки.

П.Т. Новрузалиев указывает на то, что особенность сословно-поземельных отношений в Дагестане обусловлена и фактором многонациональности [9, с. 6–10]. Представляется, что такая позиция заслуживает внимания. Действительно, своеобразие исторического развития Дагестана во многом основано и на национальном факторе. Г.Г. Абдулжалилова приходит к выводу о том, что для Дагестана второй пол. XIX – нач. XX вв. характерны сложные сословно-поземельные и социально-правовые отношения [10, с. 6–10].

Таким образом, сословное право в Дагестане имеет особую сущность, обусловлено многими факторами, сложившимися в контексте исторического развития. Сословное право прямо определяет формы земельной собственности в исследуемом периоде. Только во второй половине XIX – начале XX века происходят значительные изменения, связанные с ликвидацией сословных барьеров, освобождением зависимого населения и земельным реформированием.

Обсуждения и выводы.

Подводя итоги исследования, необходимо сделать ряд выводов. Формы землевладения в Дагестане сложились в результате исторических процессов и к XVII в. были представлены следующими формами: общинные земли, казенные земли; вакфные земли, частновладельческие земли (феодальные и крестьянские). На возможность осуществлять правомочия собственника по отношению к земельному участку оказывало прямое влияние то, к какому классу, сословию, он принадлежал. Формы земельной собственности находились в прямой взаимосвязи с сословием, а само сословное право предопределяло многие вопросы, связанные с общественной жизнью, ее укладами и устоями. В зависимости от сословного права находились и многие вопросы, регламентирующие особенности правового регулирования земельных вопросов.

Положение стало изменяться вместе с проведением крестьянско-аграрной реформы. Соответственно, ослабление позиций сословного права и связанных с ним факторов непосредственно связано с отменой крепостного права в Российской Империи. Во второй половине XIX в. в Дагестане на основании идей, заложенных в рамках проведения реформы, взят курс на освобождение

зависимого населения (сословия). Сравнивая реформирование в центральной части Российской империи и Дагестане, необходимо отметить, что этапы, равно как и сроки, иные особенности, не являются одновременным и равнозначными. Несмотря на это, принципиально важным нововведением второй половины XIX в. становится активизация процесса освобождения зависимых сословий от феодальной зависимости. Соответственно, модернизируются и формы земельной собственности, которые больше не находят выражение в таких формах частновладельческой собственности, как феодальная и мюльковская. Тем не менее, положительная направленность реформирования была не полностью реализована в XIX в. Объяснить это можно тем, что в Дагестане процесс освобождения зависимого сословия происходил вплоть до 1913 г., не являлся однородным, и, по сути, имел затяжной характер. Освобождение зависимого сословия неравномерно происходило на территории Дагестана и не обладало единовременным характером. В последнюю очередь были освобождены крестьяне, зависимые от беков, от обязанности выплачивать им подати и нести повинности.

Сословное право и формы земельной собственности в Дагестане в XVII–XIX веках с позиции историко-правового аспекта, тема важная и значимая. Нам представляется, что указанный период обладает чертами переходного, так как к его концу (вторая половина XIX в.) произошли значимые преобразования, затрагивающие вопросы

Литература:

1. *Алиева П.А.* Зависимое сословие и институт рабства в памятниках права народов Дагестана (XV – начало XX вв.) // Юридический Вестник ДГУ. 2018. Т. 26. № 2. С. 14–20.
2. *Бондарева О.А.* Сословный строй и сословное право народов Северного Кавказа в XIX веке : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. 197 с.
3. *Суровикина Н.А.* Становление и развитие земельных отношений на Северном Кавказе в XIX веке: Историко-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. 25 с.
4. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 01. Тифлис, 1868. 411 с.
5. *Далгат Э.М.* Трансформация социальных отношений в Дагестане в условиях модернизации России в 60–70-х гг. XIX в // История, археология и этнография Кавказа. 2014. С. 60–65.
6. *Гаджиева А.И.* Сословие беков в структуре феодального общества Дагестана // Вестник Воронежского государственного университета. 2007. № 1. С. 5–10.
7. *Алиев Б.Г.* Класс феодалов и феодальное землевладение в Дагестане в XVIII – первой половине XIX в. (к итогам исследования проблемы) //

самого существования сословного права и взаимодействия сложившихся устоев с формами земельной собственности.

Несомненно, крестьянская реформа не привела к сиюминутным результатам. Тем не менее, зависимость форм земельной собственности от сословия была сведена на нет. Соответственно, можно говорить о том, что ликвидация сословного права обусловила следующие процессы в Дагестане:

- перераспределение земельного фонда;
- упразднение существовавших на протяжении многих веков форм земельной собственности (примерно с XI века и вплоть до второй половины XIX в. – нач. XX в.);
- возможность осуществлять правомочия собственника по отношению к земельным участкам без привязки к сословному фактору.

Полученные выводы и результаты могут быть интересны исследователям, интересующимся вопросами соотношения, взаимосвязи сословного права и форм земельной собственности в Дагестане XVII–XIX веков. Кроме того, возможно применение полученных данных для образовательных и познавательных целей. Тем не менее, важность приобретает и проведение дальнейших фундаментальных исследований в рассматриваемом направлении.

Literature:

1. *Aliyeva P.A.* Dependent estate and the institute of slavery in the monuments of the law of the peoples of Dagestan (XV – early XX centuries) // Legal Bulletin of the DSU. 2018. Vol. 26. № 2. P. 14–20.
2. *Bondareva O.A.* Class system and class law of the peoples of the North Caucasus in the 19th century : dis. ... cand. of legal sciences. Krasnodar, 2006. 197 p.
3. *Surovikina N.A.* Formation and development of land relations in the North Caucasus in the 19th century: Historical and legal aspect: autoref-rath dis.... candidate of legal sciences. SPb., 2003. 25 p.
4. A collection of information about Caucasian highlanders. Iss. 01. Tiflis, 1868. 411 p.
5. *Dalgat E.M.* Transformation of social relations in Dagestan in the conditions of the modernization of Russia in the 60–70s. XIX century // History, archeologic and ethnography of the Caucasus. 2014. P. 60–65.
6. *Hajieva A.I.* The estate of beks in the structure of the feudal society of Dagestan // Bulletin of Voronezh State University. 2007. № 1. P. 5–10.
7. *Aliyev B.G.* Class of feudal lords and feudal land ownership in Dagestan in the XVIII – the first in the middle of the XIX century. (To the results of the study

История, археология и этнография Кавказа. 2011. № 3(27). С. 16–32.

8. *Ибрагимова П.А.* Сословно-поземельные отношения в Дагестане во второй половине XIX – начале XX в. // Манускрипт. 2018. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/soslovno-pozemelnye-otnosheniya-v-dagestane-vo-vtoroy-pолоvine-xix-nachale-xx-v> (дата обращения 15.09.2020).

9. *Новрузалиев П.Т.* Сословно-поземельные отношения в Дагестане во второй половине XIX – начале XX в. : дис. ... канд. истор. наук. Махачкала, 2007. 172 с.

10. *Абдулжалилова Г.Г.* Феодално-зависимое крестьянство Дагестана во 2-й пол. XIX – нач. XX вв.: Социально-правовое положение : дис. ... канд. истор. наук. Махачкала, 2006. 171 с.

of the problem) // History, archeology and ethnography of the Caucasus. 2011. № 3(27). P. 16–32.

8. *Ibragimova P.A.* Estate and land estates in Dagestan in the second half of the XIX – early XX centuries // Manuscript. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soslovno-pozemelnye-otnosheniya-v-dagestane-vo-vtoroy-pолоvine-xix-nachale-xx-v> (date of application 15.09.2020).

9. *Novruzaliev P.T.* Estate-land wear in Dagestan in the second half of the XIX – early XX centuries : dis. ... cand. of historical sciences. Makhachkala, 2007. 172 p.

10. *Abdulzhililova G.G.* Feudal-dependent creeds of Dagestan in the 2nd pol. XIX – beginning XX centuries: Social and legal situation: dis. ... kand. of historical sciences. Makhachkala, 2006. 171 p.

Панкратов Андрей Владимирович
магистр 2 курса юридического факультета,
Набережночелнинский институт
pankratov.345@mail.ru

СООТНОШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ И СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ. АКТУАЛЬНОСТЬ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА

Аннотация. Состав преступления позволяет получить полную картину произошедшего. Он предполагает, что следователь, опираясь на сухие факты, сможет не только определить, что произошло, но и сумеет выявить мотивы, цель, сопутствующие обстоятельства, которые привели к совершению преступления. В результате полученных данных станет ясна степень вины человека и заметно упростится судопроизводство. Важнейшая функция уголовного законодательства – предупреждение преступлений. Гораздо проще и выгоднее предотвратить противоправное деяние, чем бороться с последствиями и пытаться восстановить справедливость (тем более, зачастую это невозможно). Состав преступления позволяет определить, какие силы двигали преступником, что заставило его пойти на нарушение закона, какие факторы помогли завершить деяние, а какие препятствовали или даже заставили отказать от замысла (если речь о незавершённом преступлении).

Ключевые слова: квалификация и состав преступления, уголовное законодательство, судопроизводство, справедливость, закон, уголовный кодекс.

Среди правоведов и других деятелей юридической мысли существует мнение, что понятие «состав преступления» потеряло собственную значимость, а для квалификации преступного деяния достаточно тех признаков, что указаны в уголовном кодексе. То есть, ст. 8 Уголовного Кодекса Российской Федерации [9] (далее, УК РФ) называется устаревшей и требующей пересмотра. Чтобы понять, насколько обоснованы и разумны подобные утверждения нужно разобратся в текущей ситуации и понять, как состав преступления влияет на его квалификацию. Упомянутая ст. 8 УК РФ указывает на то, что основанием для уголовной ответственности является совершение деяния, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного данным кодексом. То есть, чтобы классифицировать преступление, следователь должен определить его состав. Состав преступления включает в себя 4 элемента [8]:

Andrey V. Pankratov Master 2 course of the Faculty of Law, Naberezhnochelninsky Institute pankratov.345@mail.ru

THE RATIO OF QUALIFICATIONS AND CORPUS DELICTI. THE RELEVANCE OF THE CORPUS DELICTI FOR MODERN LAW

Annotation. The composition of the crime allows you to get a complete picture of what happened. He assumes that the investigator, relying on dry facts, will be able not only to determine what happened, but also be able to identify the motives, purpose, accompanying circumstances that led to the commission of the crime. As a result of the data obtained, the degree of the person's guilt will become clear and the legal proceedings will be noticeably simplified. The most important function of criminal legislation is crime prevention. It is much easier and more profitable to prevent a wrongful act than to deal with the consequences and try to restore justice (all the more, it is often impossible). The corpus delicti makes it possible to determine what forces moved the criminal, what made him violate the law, what factors helped to complete the act, and what factors hindered or even forced him to abandon the plan (if we are talking about an unfinished crime).

Keywords: qualification and corpus delicti, criminal legislation, legal proceedings, fairness, law, criminal code.

– объект, под которым понимается нарушенные общественные отношения или просто сам факт преступления (объектом может быть также пострадавший человек);

– субъект – лицо, совершившее преступное деяние;

– объективная сторона – само действие или бездействие преступившего закон человека;

– субъективная сторона – мотив, цель и вина преступника.

То есть, для квалификации преступления на текущий момент требуется его всестороннее изучение с последующим выделением четырёх указанных выше элементов. Однако некоторые правоведы [1] называют подобный подход устаревшим и утверждают, что для классификации преступ-

ления достаточно сопоставления противоправного деяния с признаками нужного преступления в УК РФ. По их мнению, ничего дополнительного не требуется, а имеющихся данных окажется достаточно для правильных выводов. Они объясняют это сложившейся практикой и достаточно ёмкими определениями преступлений в УК РФ.

В качестве примера приводится ч. 1 ст. 158 УК РФ, где даётся точное определение хищения. Здесь поиск состава преступления кажется излишним и не требует обращения к специальной правовой литературе, поскольку это лишь усложнит квалификацию и затянет следствие. То есть, правоприменение позволяет обойтись без дополнительных квалифицирующих признаков.

Чтобы подтвердить или опровергнуть этот факт, нужно рассмотреть научное определение уголовно-правовой квалификации. Под этим понятием скрывается оценка совершённого деяния на основе уголовного кодекса. При этом учёные выделяют философскую, логическую, социальную и психологическую основу квалификации. Все они предельно похожи, поэтому достаточно внимательно рассмотреть лишь 1 пример из приведённого перечня.

Философское основание подразумевает отношение единичного к общему. При этом под общим в данном случае подразумевается УК РФ, а единичным – конкретное деяние. Логический подход также предполагает соотношение общего и частного. Аналогично применяются социальное и психологическое основания.

На основе сказанного становится очевидным, что даже теоретический подход ставит во главу угла признаки преступлений из УК РФ, а состав преступлений оказывается вторичен или вовсе не упоминается. То есть, позиция тех юристов, которые считают ст. 8 УК РФ устаревшей, находит подтверждение и на практике, и в теории. Правда, в ней присутствует существенный недостаток, который требуется учитывать. Она минимализирует роль личности и обстоятельств, делая их несущественными и неважными. То есть, уголовное законодательство лишается гибкости, без которого невозможно справедливое правосудие. В результате, объём полученной информации расширяется, что позволяет рассмотреть произошедшее со всех сторон. Более того, существуют преступления, для квалификации которых требуется именно такая полная картина случившегося. В первую очередь, это касается тех случаев, когда мотив прямо влияет на выбор подходящей статьи. Примером подобного преступления станет убийство в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ). Здесь, не определив субъективную сторону вопроса, разобраться в произошедшем не получится. То есть, в уголовном кодексе существуют статьи, требующие обязательного выявления полного состава преступления.

Более того, отдельные правоведы утверждают, что квалификация преступления невозможна без выявления его состава. При этом они подчёркивают, что квалификация может содержать даже социально-политические составляющие [3].

Подобный подход вполне обоснован и рационален, поэтому его обязательно нужно учитывать.

Отдельного внимания заслуживает теоретическая и статистическая важность состава преступления. Выше уже говорилось, что выявление всех объективных и субъективных сторон преступления помогает понять, что двигало преступником, и выявить определённые закономерности в поведении нарушителей. В результате появляется возможность совершенствовать имеющееся законодательство, стараясь предотвратить преступные явления. То есть, с практической точки зрения выявления полного состава преступления полностью оправдано, хотя и связано с определёнными трудностями [5].

Учитывая вышесказанное, любопытно взглянуть на соотношение квалификации преступления на основе указанных в УК РФ признаков (описании в конкретной статье УК РФ) и на основе полного состава преступления. Даже при беглом рассмотрении выясняется, что первое оказывается лишь частью второго. То есть, выявленные признаки составляют объект преступления. Следовательно, состав преступления – более широкое, полное и масштабное понятие.

Но стоит повторно подчеркнуть, что некоторые статьи УК РФ подразумевают, что следователь не сможет квалифицировать деяние, не выявив все субъективные и объективные стороны. Как правило, это касается тех статей, где существенную роль играют цели и мотивы совершённых противозаконных действий.

Кроме того, субъективная сторона преступления влияет на итоговое наказание. Они раскрывают отягчающие и смягчающие обстоятельства, что также позволяет квалифицировать деяние и подобрать подходящую статью уголовного кодекса.

На основе сказанного можно сделать вывод о том, что состав преступления не может существовать без базовых признаков деяния, указанных в УК РФ, поскольку они входят в данное понятие. При этом идея правоведов о том, что в отдельных случаях можно обойтись без дополнительных элементов и квалифицировать деяние на основе описания в уголовном кодексе разбивается на мысль о том, что приведённые ими доводы и примеры касаются лишь частных случаев и неприменимы ко всем преступлениям. То есть, даже следуя данной логике и квалифицируя преступления согласно их описанию в УК РФ, следователям придётся проводить всесторонний анализ, зачастую выявляя все элементы состава преступления.

Отдельного внимания заслуживают ошибки, допускаемые следователями при квалификации преступлений. Если взглянуть на статистику подобных ошибок, окажется, что чаще всего они допускаются неопытными сотрудниками, которые пока не имеют достаточной практики [7]. То есть, основная проблема квалификации связана не с теоретическим подходом к определению преступления, а подготовкой сотрудников.

Данный факт важен при рассмотрении одного из доводов противников состава преступления. Идея о том, что рассмотрение состава преступления лишь усложняет квалификацию, заставляя искать дополнительную информацию, никак не подтверждается статистикой. При этом накопление опыта и практических навыков ведения дела позволит следователям избегать ошибок, независимо от теоретического подхода к квалификации [4].

Ещё одним доводом противников использования состава преступления является история [3] его появления. Считается, что он введён для научного понимания и раскрытия преступления, а практической пользы для поиска преступников в нём нет. Но уголовное право – это не только борьба с последствиями, но и предупреждение опасных явлений. Следовательно, практическая польза состава преступления очевидна и заключается в профилактике правонарушений. О том, что понимание всех объективных и субъективных сторон преступления помогает справедливому расследованию, уже говорилось выше.

Невозможно согласиться и с мыслью о том, что в прошлом следователи справлялись с квалификацией преступных деяний и без состава преступлений. Упомянутым данным фактом людям стоит помнить о том, что научная мысль не стоит на месте, а введение дополнительных инструментов вызвано желанием сократить вероятность совершения ошибки и повысить эффективность следствия.

Анализируя сказанное выше, стоит ещё раз сравнить доводы противников и сторонников использования состава преступления при квалификации деяния. Противники квалификации с составлением состава преступления указывают:

- на сугубо теоретическое значение подобного подхода;
- усложнение следственного процесса и внесение в него ненужной информации;
- самодостаточность признаков, указанных в УК РФ;
- отсутствие практического значения состава преступления.

То есть, подобная позиция основана на том, что состав преступления – научный термин, которому

Литература:

1. *Векленко В.В.* Содержательная сторона квалификации преступлений / В.В. Векленко, В.Н. Нешатаев // *Правоприменение.* 2017. Т. 1. № 1. С. 101–105.
2. *Зацепин А.М.* О квалификации в уголовном праве // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.* 2016. С. 83–85.
3. *Кленова Т.В.* Социально-политические составляющие квалификации преступлений // *Lex Russica* 2015. № 10. С. 64–75.

не место в реальном следственном процессе. Однако стоит отметить, что такой взгляд сталкивается с критикой. В первую очередь она вызвана тем, что выявление состава преступления позволяет получить более точную и объективную оценку преступного деяния. То есть, точность при квалификации преступления заметно возрастает. А мысль о том, что следователям приходится искать дополнительную «ненужную» информацию разбивается о тот факт, что при последующем поиске доказательств, улик и доводов для обвинения она в любом случае потребуется. Также, очевидно, что следователь не потеряет время, нужное для раскрытия преступления, а лишь получит часть требуемой информации на ранних стадиях следствия.

Ещё одним важным нюансом, требующим всестороннего рассмотрения преступления и поиска всего состава, является общественная и социальная значимость данного процесса. От правильной квалификации зависит судьба человека, многие статьи уголовного кодекса имеют схожие признаки, а их различие заключается в незначительных деталях, которые не всегда удаётся выявить «с первого взгляда». Достаточно взглянуть на судебную практику, например, дело № 010164/2019 [6], рассмотренное Пресненским районным судом. Изначальная квалификация – хулиганство, по которой было осуждено несколько человек, была обжалована, а наказание отменено. При этом сам факт преступления не подвергался сомнению, вопросы вызывает лишь мотив, заставивший пойти на него. Именно от него зависела квалификация дела, которая уже признана судом неверной.

На основе приведённого примера становится очевидным, что обойтись без рассмотрения всех субъективных и объективных сторон преступления зачастую бывает невозможно. То есть, использование состава преступления при его квалификации обосновано и необходимо. С его помощью удаётся получить всестороннюю картину случившегося, избежать ошибок и принять правильное решение. Именно поэтому никаких изменений, касающихся отмены ст. 8 УК РФ, не требуется. На текущий момент она необходима и выполняет важные функции, нацеленные на соблюдение законности, назначение правильного наказания и даже предупреждения преступлений.

Literature:

1. *Veklenko V.V.* The substantive side of the classification of crimes / V.V. Veklenko, V.N. Neshataev // *Law enforcement* 2017. Vol. 1. № 1. P. 101-105.
2. *Zatsepin A.M.* On qualifications in criminal law // *Humanities, socio-economic and social sciences,* 2016. P. 83–85.
3. *Klenova T.V.* Socio-political constituents of the qualification of crimes // *Lex Russica* 2015. № 10. P. 64–75.

4. Кузнецов В.В. Независимость: и цель, и средство // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. 2004. Вып. 4. С. 47.

5. Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., 2009. С. 49–50.

6. Приговор Пресненского районного суда г. Москвы по делу № 01-0164/2019. URL : <https://www.mos-gorsud.ru/rs/presnenskij/services/cases/criminal/details/b3235e42-121c-4d70-a462-eb446b78cc23?>

7. Решетников А.Ю. Квалификационные ошибки: сущность, классификация и причины // Журнал российского права 2016. № 10. С. 89–95.

8. Сабитов Р.А. Теория и практика уголовно-правовой квалификации : научно-практическое пособие. М. : Юрлитинформ, 2013. 592 с.

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 30.12.2015) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

4. Kuznetsov V.V. Independence: both the goal and the means // Bulletin of the Higher Qualification Collegium of Judges of the Russian Federation. 2004. Iss. 4. P. 47.

5. Lopashenko N.A. Criminal policy // M., 2009. P. 49–50.

6. The verdict of the Presnensky District Court of Moscow in case № 01-0164/2019. URL : <https://www.mos-gorsud.ru/rs/presnenskij/services/cases/criminal/details/b3235e42-121c-4d70-a462-eb446b78cc23?>

7. Reshetnikov A.Yu. Qualification errors: essence, classification and reasons // Journal of Russian law 2016. № 10. P. 89–95.

8. Sabitov R.A. Theory and practice of criminal law qualification : scientific and practical manual. M. : YurLitinform, 2013. 592 p

9. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (as amended on 30.12.2015) // Collected Legislation of the Russian Federation. June 17, 1996. № 25. Art. 2954.

Пузанова Олеся Александровна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного
и муниципального права,
Владимирский филиал Российской
академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
puzanovaolesya@mail.ru

Шокин Сергей Евгеньевич

кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного
и муниципального права,
Владимирский филиал Российской
академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
shokin-sergey2015@yandex.ru

**ПАТРИОТИЗМ
КАК КОНСОЛИДИРУЮЩИЙ ФАКТОР
ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ
И КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ
СТРАНЫ**

Аннотация. В статье раскрывается необходимость законодательного закрепления понятия «патриотизм», анализируется степень влияния интерпретации данного понятия на устройство общества и государства. Закрепляя патриотизм в качестве национальной идеи, государство обязано закрепить данную дефиницию в национальном законодательстве. Данная идеология должна сплачивать народ, объединять в единое целое, способствовать проявлению всех лучших его качеств, а также, созданию условий для реализации активной позиции своих граждан с целью построения истинно правового, демократического государства, утверждению и укреплению конституционного строя страны.

Ключевые слова: патриотизм, государственная политика, правосознание людей, псевдопатриотизм, патриотическое воспитание, национальная идея, конституционный строй.

Патриотизм, как явление тесно взаимосвязано с политическим и нравственным состоянием общественного сознания, а также с теми общественными отношениями, которые складываются в данном обществе и государстве.

Произошедшие перемены в общественной и политической жизни российского государства в 1990-х годах не могли не повлиять на изменение

Olesya A. Puzanova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor at the Department
of Constitutional and Municipal Law,
Vladimir branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Servants
under the President of the Russian Federation
puzanovaolesya@mail.ru

Sergey E. Shokin

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor at the Department
of Constitutional and Municipal Law,
Vladimir branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Servants
under the President of the Russian Federation
shokin-sergey2015@yandex.ru

**PATRIOTISM
AS A CONSOLIDATING FACTOR
OF PUBLIC LIFE AND
THE CONSTITUTIONAL SYSTEM
OF THE COUNTRY**

Annotation. The article reveals the need for legislative consolidation of the concept of «patriotism», analyzes the degree of influence of the interpretation of this concept on the structure of society and the state. By entrenching patriotism as a national idea, the State is obliged to entrench this definition in national legislation. This ideology should unite the people, unite in a single whole, contribute to the manifestation of all their best qualities, as well as create conditions for the realization of the active position of their citizens in order to build a truly legal, democratic state, to establish and strengthen the constitutional system of the country.

Keywords: patriotism, state policy, people's legal awareness, pseudo-patriotism, patriotic education, national idea, constitutional system.

отношения к понятию патриотизма. Именно в этот период наиболее ярко проявляются признаки псевдопатриотизма. Ухудшение экономической ситуации в стране, а также изменение социальной и политической системы, распад СССР, все это способствовало разрушению тех ценностных ориентиров, сформировавшихся в годы Великой Отечественной Войны, а также, привело к смешению понятий «государство», «власть», «власть

имущие», «правлящая элита» в сознании людей, тем самым изменив и отношение народа к ценностям, традиционно определяющим понятие патриотизма, а именно: служение Отечеству, понятие о чести, самобытность. В сознании людей происходит отождествление понятий «государство» и «политика, проводимая правящей элитой» со всеми теми недостатками и ошибками, связанными с ее проведением. В этот период наибольшее влияние на сознание людей оказывают западноевропейские ценности. Так понятие «патриот» приобретает вновь негативный аспект.

Современное развитие государственности требует более внимательного и тщательного отношения к возрождению патриотического сознания граждан, так как именно в патриотизме руководство страны видит консолидирующий фактор общественной жизни [1]. В силу этого обстоятельства были разработаны и приняты программы: «Патриотического воспитания граждан Российской Федерации» (на 2001–2005 г., 2006–2010 г., 2011–2015 г., 2016–2020 г.), [2] «Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации» (2003 г.), [1] «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» [3], которые и определили дальнейшее становление и развитие идей патриотизма в обществе и государстве.

Однако для того, чтобы задачи, определенные в данных программах были реализованы, необходимо разобраться в самом понятии патриотизма, так как на сегодняшний день, до сих пор, нет единого мнения, что же такое патриотизм. Сформировалось, как минимум, две совершенно противоположных позиции понимания сущности понятия патриотизма.

С одной стороны, понятие, закрепленное в государственных программах, то есть официально признаваемая государственными органами, а именно: «Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации» (от 2003 г.) определяет патриотизм как «любовь к Родине, преданность своему Отечеству, стремление служить его интересам и готовность, вплоть до самопожертвования, к его защите» [1].

Программа «Патриотического воспитания граждан Российской Федерации» (от 2015 г.) закрепляет, что: «Целью государственной политики в сфере патриотического воспитания является создание условий для повышения гражданской ответственности за судьбу страны, повышения уровня консолидации общества, ... укрепления чувства сопричастности граждан к великой истории и культуре России, ... воспитания гражданина, любящего свою Родину, ... имеющего активную жизненную позицию» [2]. При этом выделяются основные критерии патриотического сознания, а именно: готовность служить своему Отечеству, развитое чувство долга и верности, а также готовность выполнения конституционных обязанностей по отношению к государству, к своей Родине.

Необходимость патриотического воспитания граждан Российской Федерации нашла свое

отражение и в поправках к Конституции РФ, принятых на всенародном голосовании 01 июля 2020 г., в частности, в новой статье 67.1 Конституции РФ говорится как «о тысячелетней истории» и сохранении «памяти предков», так и о детях в роли «важнейшего приоритета» госполитики РФ и создании для них условий по «воспитанию патриотизма, гражданственности и уважения к старшим».

Согласно данным концепциям, складывается определенное понятие патриотизма, а именно - патриотом является человек, у которого есть активная гражданская позиция.

С другой стороны, представлена позиция, которая является официальной образовательной концепцией, закрепленной в основных образовательных программах. Согласно ей, гражданская позиция сформировалась вследствие противопоставления частных интересов государственным, заимствованная из западной либерально-буржуазной мысли. Все взаимоотношения граждан с государством рассматриваются через понятия «гражданин», «гражданское общество». Согласно данной концепции, понятия «гражданин» и «государство» противопоставляются друг другу. Гражданскому обществу при этом отводится роль защитника от государства, государство же отделено от общества и находится вне и над ним.

На сегодняшний день именно данной концепции придерживаются в общеобразовательных учебных программах, которые используются в российской образовательной системе. Согласно данной концепции сущность «гражданского общества», состоит в «союзе индивидуальностей», реализующих «частные цели и интересы отдельных личностей» [4, с. 316].

Такое не соответствие понятий, используемых в государственных программах патриотического воспитания и общеобразовательных программах, создает почву для неоднозначной трактовки и, в соответствии с этим, неоднозначного восприятия самого понятия патриотизма в обществе, что негативным образом может отразиться на устройстве общества и конституционном строе государства.

Таким образом, для эффективной реализации идеи формирования патриотических идей, чувств и ценностей в обществе назрела необходимость более четкого определения, что же такое патриотизм и какое именно понимание «активной гражданственности» должно культивироваться при формировании правосознания молодежи, так как от этого зависит все направления построения общества и государства. На наш взгляд, патриотизм – это принцип, который включает в себя, прежде всего, любовь к своей Родине, чувство долга перед ней, желание активно участвовать в ее становлении и процветании. Патриотизм, в нашем традиционном его понимании, став идеологию государства будет способствовать развитию государства во всех сферах жизни. Но, порой, идеи патриотизма интерпретируются совершенно в ином русле, гипертрофируются настолько, что становятся самым настоящим инструментом в

умелых руках неформальных группировок, таких, например, как «скинхеды», а также – в руках не добросовестных политиков и власти, что не всегда создает благоприятную среду. Псевдопатриотизм – это явление, которое свойственно гражданам, которые поднимают на первый план недостатки своей страны. Они не ищут достоинства, чтобы показать свою гордость за родину, а культивируют недостатки, чтобы показать, как плохо им живется. При этом псевдопатриот ограничивается лишь декларациями, не стараясь при этом сделать что-нибудь действительно стоящее для его родины, мотивируя это бесполезностью или национальной особенностью. Это не говорит о том, что надо приукрашивать недостатки, необходимо о них говорить, необходимо реально оценивать положение своей страны по отношению к другим, но при этом это не должно носить декларативный характер. Также, не должна сложиться такая ситуация, что все недостатки, о которых говорит псевдопатриот, становятся на фоне критики положительных сторон других стран единственными достоинствами его родины, страны. Псевдопатриот подвержен влиянию пропаганды и поддерживает только тех, кто с ним солидарен во мнении, всех остальных он считает угрозой для национального единства, для процветания страны в целом. Всех непохожих на средне-статистического сородича он считает неполноценными людьми, разрушающими великую родину. И при этом псевдопатриот готов мириться с тем, что его родина не будет идти быстрыми темпами развития, так как данные отношения будут

Литература:

1. Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации (одобрена на заседании Правительственной комиссии по социальным вопросам военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей (протокол № 2(12)-П4 от 21 мая 2003 г.)). URL : <http://base.garant.ru/6148105/>
2. О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы» Постановление Правительства РФ от 16 февраля 2001 г. № 122; О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы» Постановление Правительства РФ от 11 июля 2005 г. № 422; О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы» Постановление Правительства РФ от 05 октября 2010 г. № 795; О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. № 1493; URL : <http://static.government.ru/media/files/>
3. «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р г. Москва.

эти темпы тормозить, под прикрытием сохранения национального единства и национальной самобытности.

Поэтому, определяя патриотизм в качестве национальной идеи, государство обязано закрепить данную дефиницию в национальном законодательстве. Данная идеология должна спланировать народ, объединять в единое целое, способствовать проявлению всех лучших его качеств, а также, созданию условий для реализации активной позиции своих граждан с целью построения истинно правового, демократического государства, утверждению и укреплению конституционного строя страны. Целью же патриотического воспитания должно стать формирование потребности в создании именно такого государства, для чего необходимостью становится культивирование во внутреннем мире воспитуемого совестливой ответственности, правовой компетентности, гражданской активности. Что же касается дефиниции «патриотизма», то ее надо закрепить, как стремление выявить несовершенства своей родины, с целью выработки путей их преодоления, путем интегрирования положительного опыта других стран, а также, путем создания социально-политических институтов, которые позволят эти вопросы решать мирно, не нарушая стабильности и динамики развития страны в целом, при этом отношение к другим разнообразным культурам и странам, к другим ценностями останется толерантным и уважительным.

Literature:

1. The concept of Patriotic education of citizens of the Russian Federation (approved at a meeting of the Government Commission on social issues of military personnel, citizens dismissed from military service, and members of their families (Protocol № 2(12)-P4 of may 21, 2003)). URL: <http://base.garant.ru/6148105/>
2. About the state program «Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2001–2005» the RF Government Decree of February 16, 2001 № 122; On state program «Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2006–2010» Resolution of the RF Government dated 11 July 2005, № 422; On state program «Patriotic education of citizens of the Russian Federation on 2011–2015» resolution of the Government of the Russian Federation of 05 October 2010 № 795; On the state program «Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2016–2020» Decree of the government of the Russian Federation of December 30, 2015 № 1493; URL : <http://static.government.ru/media/files/>
3. «Strategy for the development of education in the Russian Federation for the period up to 2025» Order of the government of the Russian Federation № 996-R of may 29, 2015, Moscow.

4. *Баранов П.А.* Обществознание: Новый полный справочник для подготовки к ЕГЭ / П.А. Баранов, А.В. Воронцов, С.В. Шевченко; Под ред. П.А. Баранова. М. : АСТ : Астрель, 2016. 542 с.

4. *Baranov P.A.* Social Studies: New complete reference book for preparing for the unified state exam / P.A. Baranov, A.V. Vorontsov, S.V. Shevchenko; Ed. by P.A. Baranov. M. : AST : Astrel, 2016. 542 p.

Салихов Масхуд Махмудович
ведущий инженер отдела
по эксплуатации сетей газораспределения,
Управление эксплуатации АО «Мособлгаз»
name_odin@bk.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКАХ НАРУШЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОПАСНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОБЪЕКТОВ

Аннотация. В статье исследуются вопросы определения объекта нарушения требований промышленной безопасности опасных производственных объектов, рассматривается содержание понятия «промышленная безопасность», анализируются вопросы целесообразности расширения спектра запрещенных уголовным законом противоправных нарушений на опасных промышленных объектах, определяется соотношение указанного деяния со сходными составами преступлений.

Ключевые слова: промышленная безопасность, опасные производственные объекты, нарушение требований промышленной безопасности, авария, инцидент, технические причины, организационные причины.

Ответственность за нарушение требований промышленной безопасности опасных производственных объектов, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека либо крупного ущерба, предусмотрена ст. 217 УК РФ. Данная диспозиция является новой для уголовного законодательства Российской Федерации и введена в действие Федеральным законом от 23.04.2018 № 114-ФЗ «О внесении изменений в уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Установление уголовной ответственности за нарушение требований промышленной безопасности опасных производственных объектов в целом, взамен ранее содержавшейся ответственности за нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах, может являться эффективной мерой государственного регулирования при определенных условиях.

Нам представляется обоснованным решение законодательных органов власти охватить одним составом преступления все нарушения требований промышленной безопасности опасных производственных объектов, к которым, в соответствии с Федеральным законом от 21.07.1997 № 116-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «О промышленной безопас-

Mashud M. Salikhov
Leading Engineer of the Department
on the Operation of Gas Distribution Networks,
Operations Department of JSC «Mosoblgaz»
name_odin@bk.ru

ON THE ISSUE OF OBJECTIVE SIGNS OF VIOLATION OF INDUSTRIAL SAFETY REQUIREMENTS OF HAZARDOUS PRODUCTION FACILITIES

Annotation. The article examines the issues of determining the object of violation of the industrial safety requirements of hazardous industrial facilities, examines the content of the concept of «industrial safety», analyzes the feasibility of expanding the spectrum of illegal violations prohibited by the criminal law at hazardous industrial facilities, determines the ratio of this act to similar.

Keywords: industrial safety, hazardous production facilities, violation of industrial safety requirements, incident, technical reasons, organizational reasons.

ности опасных производственных объектов», относятся не только взрывоопасные производственные объекты, но и объекты, на которых используются воспламеняющиеся, окисляющие, горючие, токсичные, высокотоксичные и другие вещества, грузоподъемные механизмы, ведутся горные работы и другие объекты.

В п. 5 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 29.11.2018 № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов» разъяснено, что при разрешении вопроса об отнесении определенного производства к опасным производственным объектам по уголовному делу о преступлении, предусмотренном ст. 217 УК РФ, судам следует руководствоваться Федеральным законом «О промышленной безопасности опасных производственных объектов».

Непосредственным объектом нарушения требований промышленной безопасности опасных производственных объектов являются общественные отношения, связанные с надлежащей эксплуатацией опасного производственного объекта.

Проблемам безопасности в различных сферах жизнедеятельности посвящены исследования многих ученых. В технической литературе, чаще всего, связывают безопасность с бесперебойным функционированием оборудования и технических устройств, отсутствием причинения вреда жизни и здоровью человека, эксплуатирующего технику [1, 2].

В исследованиях в сфере энергетического комплекса понятие «безопасность» определяется через призму достаточности энергии надлежащего качества, требуемой при тех или иных экономических условиях [3, 4].

Понятие «экологическая безопасность» определяется во взаимосвязи с национальной безопасностью, характеризующейся защищенностью от факторов, угрожающих экологической системе страны [5; 6].

Вопросы, связанные с определением понятия «безопасность», подвергаются разностороннему изучению. Это объяснимо тем, что процессы, происходящие в сферах производственной деятельности различны, имеют специфическое состояние, характеризующееся степенью возможной угрозы для отдельного человека и общества, в целом, масштабом последствий, возникающих при нарушении технологического процесса. Поэтому понятие «безопасность» в различных сферах производственной или иной технологической деятельности не может быть одинаковым.

Что же касается технико-технологической безопасности, связанной с непосредственной эксплуатацией производственных объектов, технологических и технических устройств, машин и сооружений, то в научной литературе, посвященной данной тематике, отсутствует понятие «безопасность».

С принятием Федерального закона от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 06.02.2020) «О безопасности» и издания Указа Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», безопасность, в целом, начали рассматривать как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз в различных сферах.

В Федеральном законе «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», промышленная безопасность определяется как состояние защищенности жизненно важных интересов личности и общества от аварий на опасных производственных объектах и последствий указанных аварий. Кутын Н.Г. отмечает что, промышленная безопасность должна быть определена не только как состояние защищенности от аварий на опасных производственных объектах, но и от инцидентов [7].

Указанное суждение нам представляется обоснованным, поскольку при возникновении инцидента, под которыми, в соответствии с Федеральным законом «О промышленной безопасности ОПГО» понимается отказ или повреждение технических

устройств, применяемых на опасном производственном объекте, отклонение от установленного режима технологического процесса, возможно причинение имущественного ущерба.

К примеру, для крупных промышленных предприятий, осуществляющих производство сельскохозяйственной продукции, отключение от газоснабжения на длительный период вследствие нарушения технологического процесса может повлечь за собой ущерб для таких предприятий.

Повреждение технических или технологических устройств на сетях газоснабжения, не подлежащих восстановлению, может привести к финансовым затратам организацию, осуществляющую эксплуатацию указанных сетей. Применительно к уголовно-правовому регулированию вопросов безопасности на опасных производственных объектах, более целесообразным является отнесение к факторам, нарушающим состояние защищенности жизненно важных интересов личности и общества не только аварий, но и инцидентов. Это обосновывается тем, что под уголовно-правовой охраной в ст. 217 УК РФ находится не только жизнь и здоровье человека, но и имущество. При этом жизнь и здоровье человека в указанном составе преступления является и факультативным объектом преступления.

При определении понятия «промышленная безопасность опасных производственных объектов» целесообразно было бы рассмотреть вопрос защиты государственных интересов от аварий и инцидентов на таких объектах, поскольку государственные органы и организации также являются субъектами, эксплуатирующими опасные производственные объекты, необходимые им для поддержания жизненно важных условий осуществления своей деятельности. К таким объектам можно отнести сети газопотребления (котельные) административных зданий.

Вместе с тем, вопрос квалификации по ст. 217 УК РФ нарушения требований промышленной безопасности опасных производственных объектов при эксплуатации таких объектов государственными органами и организациями является сомнительным. Речь идёт о конкуренции указанного состава преступления со ст. 293 УК РФ, предусматривающей ответственность за халатность, то есть, неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе либо обязанностей по должности, если это повлекло причинение крупного ущерба или существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Объективная сторона является важным элементом состава любого преступления, поскольку именно ее признаки составляют основное содержание диспозиций статей Особенной части УК РФ [8].

Объективная сторона ст. 217 УК РФ состоит в нарушении требований промышленной безопас-

ности опасных производственных объектов, повлекшее наступление последствий.

Согласно ч. 1 ст. 3 Федерального закона «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», требования промышленной безопасности – это условия, запреты, ограничения и другие обязательные требования, содержащиеся в указанном законе, в других федеральных законах, принимаемых в соответствии с ними нормативных правовых актов Президента Российской Федерации, нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации, а также, федеральных норм и правил в области промышленной безопасности.

Нарушение требований промышленной безопасности может быть выражено в не проведении экспертизы промышленной безопасности опасных производственных объектов, диагностирования зданий, сооружений, технических устройств, в отсутствии аттестации у работников предприятия, в нарушении порядка проведения ремонтных или иных работ, в несанкционированном изменении технологического процесса, в ненадлежащем осуществлении производственного контроля за соблюдением требований промышленной безопасности.

Следует отметить, что нарушение требований инструкций, методических рекомендаций, ГОСТов, не может быть квалифицировано по ст. 217 УК РФ. Такие нарушения подпадают под действие общих норм УК РФ. При наступлении смерти человека такое нарушение образует состав преступления, предусмотренный ст. 109 УК РФ, при причинении крупного ущерба, предусмотренный ст. 168 УК РФ.

Форма деяния при нарушении требований промышленной безопасности опасных производственных объектов не находит своего определения, поэтому такое деяние может быть совершено как действием, так и бездействием.

К примеру, из материалов, опубликованных на сайте Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору, при проведении испытания колоны на герметичность после проведения капитального ремонта произошел взрыв внутри колонны с разрушением ее корпуса и смещением верхней части корпуса колонны относительно места ее установки. В данном случае, нарушен порядок подготовки и проведения ремонтных работ, предусмотренных технологическим регламентом (отсутствие выполненных в полном объеме мер по предотвращению образования взрывоопасной смеси в колонне), то есть, ненадлежащим образом выполнены предъявляемые требования.

Пример неисполнения требований: при проведении строительно-монтажных работ по реконструкции сети подземного водопровода (рытье траншеи для укладки участка водопровода), в результате проведения земляных работ был поврежден подземный газопровод среднего давления, с выбросом опасного вещества в атмосферу без последующего воспламенения газовоздушной

смеси. Указанная авария произошла ввиду того, что не обеспечена организация и контроль за производством земляных работ в охранной зоне газопровода.

Таким образом, наступление указанных в законе последствий ввиду ненадлежащего исполнения требований промышленной безопасности, а также их неисполнения вовсе, одинаково образуют объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 217 УК РФ.

Общественная опасность преступления выражается в последствиях совершенного деяния. Она представляет собой предусмотренные законом вредные изменения в окружающей действительности, вызванные поведением человека или вред, который причиняется общественным отношениям, охраняемым законом.

Применительно к нарушению требований промышленной безопасности опасных производственных объектов таким последствием является причинение тяжкого вреда здоровью человека, крупного ущерба, или причинение смерти человеку, двум или более лицам, наступившие в результате неосторожного деяния.

Состав ст. 217 УК РФ материальный, соответственно, окончательным преступление будет считаться с момента наступления последствий. В случае, если действиями или бездействием лица создана опасная ситуация при которой могли наступить указанные последствия, но они не наступили, квалификация по ст. 217 УК РФ исключается. То есть, создание опасной ситуации, угрожающей жизни и здоровью человека, причинением крупного ущерба, которая не привела к таковому, ст. 217 УК РФ, не предусматривается.

Диспозиция рассматриваемой статьи в ранее содвержавшейся редакции указывала на ситуацию, когда нарушение правил безопасности в взрывоопасных объектах или взрывоопасных цехах могло повлечь смерть человека. Поэтому многие авторы указывают на формальные признаки статьи 217 УК РФ [9]. Причинная связь между деянием и наступившими последствиями является обязательным условием уголовной ответственности всех преступлений с материальным составом. По мнению В.А. Нерсесяна, специфика установления причинной связи в делах о неосторожных преступлениях состоит в том, что к объективной стороне этих преступлений относятся только такие последствия, которые были вызваны нарушением правил безопасности. Во всех иных случаях эти последствия никак не могут служить основанием ответственности за неосторожность [10].

При нарушении требований промышленной безопасности опасных производственных объектов причинная связь может иметь как организационный, так и технический характер.

К примеру, при подготовке вертикально-водотрубного котла в работу после его аварийной остановки в котельной энергосилового цеха в топочном пространстве котла произошел взрыв

газовоздушной смеси, образовавшейся внутри топочной камеры котла в результате загазованности, при повторном розжиге запальника горелки котла. Технической причиной аварии послужила загазованность топочного пространства котла в результате нарушения технологии процесса розжига котла после аварийной остановки (не проведена вентиляция топочного пространства котла; не проведена проверка на герметичность запорной арматуры и газового оборудования). Организационная причина возникновения указанной аварии состоит в нарушении операторами порядка розжига котла после аварийной остановки, а именно: самостоятельный розжиг котла в отсутствии письменного разрешения; нарушение

Литература:

1. *Вершинин Н.Н.* Безопасность сложных технических систем: сборник трудов международного симпозиума «Надежность и качество-2001» / Н.Н. Вершинин, М.В. Череватенко. Пенза : Изд-во ПГУ, 2001, С. 424.
2. *Юрков Н.К.* Безопасностью сложных технических систем // Вестник Пензенского государственного университета. 2013. № 1. С. 128–134.
3. *Бушув В.В.* О доктрине энергетической безопасности России / В.В. Бушув, Н.И. Воропай, С.М. Сендеров, В.В. Саенко // Экономика региона. 2012. № 2. С. 41.
4. *Восканян Р.О.* Инновационная деятельность как обеспечивающий фактор реализации стратегии развития производственных предприятий России: сборник трудов всероссийской научно-практической конференции «Стратегическое управление организациями: Методы повышения конкурентоспособности». СПб., 2014. С. 104.
5. *Волович В.Н.* К вопросу об экологической безопасности страны // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 1(22). С. 193.
6. *Восканян Р.О.* Тенденции развития экологической ответственности компаний // Финансы и кредит. 2019. Т. 25. № 6(786). С. 1454.
7. *Кутин Н.Г.* Административно-правовой режим промышленной безопасности опасных производственных объектов в Российской Федерации : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2013. 420 с.
8. *Гаухман Л.Д.* Уголовное право. Часть Общая : учебник / Л.Д. Гаухман, Л.М. Колодкин, С.В. Максимов. М. : Юриспруденция, 1999. С. 330.
9. *Здравомыслов Б.В.* Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. М. : Юрист, 1996. С. 146.
10. *Елисеев С.А.* Уголовно-правовая характеристика нарушения правил безопасности на взрывоопасных объектах / С.А. Елисеев, Л.М. Прокументов, А.В. Шеслер // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 1. С. 3.

последовательности действий при розжиге и выдержки времени на проведение операций по подготовке котла к работе после аварийной остановки [11].

Таким образом, применительно к ст. 217 УК РФ, целесообразно рассматривать в качестве нарушений требований безопасности, имеющих уголовно-правовое значение, не только аварии на опасных производственных объектах, но и инциденты, ставящие под угрозу промышленную безопасность, а также исследовать в качестве основных условий наступления негативных последствий, указанных в норме, технические и организационные причины.

Literature:

1. *Vershinin N.N.* Security of complex technical systems: proceedings of the international Symposium «Reliability and quality-2001» / N.N. Vershinin, M.V. Cherevatenko. Penza : PSU publishing house, 2001, P. 424.
2. *Yurkov N.K.* Security of complex technical systems // Bulletin of the Penza state University. 2013. № 1. P. 128–134.
3. *Bushuev V.V.* On the doctrine of energy security of Russia / V.V. Bushuev, N.I. Voropai, S.M. Senderov, V.V. Saenko // Regional economy. 2012. № 2. P. 41.
4. *Voskanyan R.O.* Innovative activity as a providing factor in the implementation of the strategy for the development of industrial enterprises in Russia: proceedings of the all-Russian scientific and practical conference «Strategic management of organizations: methods for improving competitiveness». SPb., 2014. p. 104.
5. *Volovich V.N.* On the issue of environmental safety of the country // Society. Wednesday. Development. 2012. № 1(22). P. 193.
6. *Voskanyan R.O.* Trends in the development of environmental responsibility of companies // Finance and credit. 2019. Vol. 25. № 6(786). P. 1454.
7. *Kutin N.G.* Administrative and legal regime of industrial safety of hazardous production facilities in the Russian Federation : dis. ... doctor of legal sciences. M., 2013. 420 p.
8. *Gaukhman L.D.* Criminal law. Part General : textbook / L.D. Gaukhman, L.M. Kolodkin, S.V. Maksimov. M. : Jurisprudence, 1999. P. 330.
9. *Zdravomyslov B.V.* Criminal law of the Russian Federation. General part. M. : Lawyer, 1996. p. 146.
10. *Eliseev S.A.* Criminal and legal characteristics of violations of safety rules at explosive objects / S.A. Eliseev, L.M. Prozumentov, A.V. Shesler // Bulletin of Tomsk state University. Right. 2015. № 1. P. 3.

11. *Нерсесян В.А.* Особенности установления причинной связи в составах преступлений, совершенных по неосторожности // Уголовное право. 2000. № 3. С. 31.

11. *Nersesyan V.A.* Features of establishing a causal relationship in the composition of crimes committed by negligence // Criminal law. 2000. № 3. P. 31.

Стариков Александр Павлович
старший инспектор,
Инспекция штаба УМВД России
по Владимирской области
daniilzykov@mail.ru

Рябчиков Вадим Вячеславович
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
daniilzykov@mail.ru

ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В УГОЛОВНОМ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

Аннотация. В юридической науке уголовно-правового цикла, а также, в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации для обозначения измененных состояний психики лиц, совершивших преступления, применяются такие понятия, как: «психическое расстройство», «психическое заболевание», «психические недостатки», «психические аномалии» и «психические отклонения». Данные термины конкурируют между собой и при разном толковании могут отрицательно сказаться на обеспечении прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых.

Ключевые слова: психическое расстройство, психическое заболевание, психические недостатки, психические аномалии и психические отклонения, уголовное судопроизводство, уголовный закон.

Изменения психической деятельности в детерминации преступного поведения, в особенностях криминального и посткриминального поведения давно является предметом исследования отечественных криминологов и криминалистов [1]. Однако, несмотря на это, в отечественной науке уголовно-правового цикла и в современном российском законодательстве отсутствует единство взглядов на терминологию, обозначающую уголовно-релевантные изменения психической деятельности человека. При этом зачастую игнорируется понятийно-категориальный аппарат, сформированный современной психологией, и для обозначения психологических категорий и явлений применяются термины, не имеющие научного обоснования. В целом, сказанное

Alexander P. Starikov
Chief Inspector,
Inspection of the Headquarters
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
in the Vladimir region
daniilzykov@mail.ru

Vadim V. Ryabchikov
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
of the Department of Public Law,
Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute
the Federal Service
of Execution of Punishments
daniilzykov@mail.ru

QUESTIONS OF THE USE OF PSYCHOLOGICAL TERMS IN THE CRIMINAL AND CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF RUSSIA

Annotation. In the legal science of the criminal law cycle, as well as in the criminal and criminal procedure legislation of the Russian Federation, such concepts as «mental disorder», «mental illness», «mental disabilities», «mental abnormalities» and «mental abnormalities» are used to designate altered mental States of persons who have committed crimes. These terms compete with each other and, if interpreted differently, may negatively affect the rights and legitimate interests of suspects and accused persons.

Keywords: mental disorder, mental illness, mental disabilities, mental abnormalities and mental abnormalities, criminal proceedings, criminal law.

может привести к юридической ошибке в оценке процессуального статуса подозреваемого и обвиняемого и, как следствие, к нарушению его прав и законных интересов. Сказанное, на наш взгляд, требует оптимизации понятийно-категориального аппарата, применяемого в правовой науке и законодательстве при определении психического состояния лица, совершившего преступление, в соответствии с уровнем современного развития психологии и психиатрии.

Проанализировав правовую литературу и нормативные правовые акты, мы выделили конкуренцию таких терминов, характеризующих особенности психики, как «расстройство», «заболевание», «недостатки», «аномалии» и «отклонения».

Самым распространенным из них является понятие «психическое расстройство».

Данный термин активно используется в Законе РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» при определении характеристик состояния лиц, нуждающихся в психиатрической помощи. В УК РФ (ст. 97, 101, 102, 103 УК РФ) данный термин применяется при описании характеристик состояния лица, в отношении которого могут быть применены принудительные меры медицинского характера, а также в качестве криминообразующего признака (ст. 106 УК РФ). В УПК РФ (ст. 253, 433, 446 УПК РФ), данный термин используют при описании психического состояния подозреваемого, обвиняемого и подсудимого. Однако легального толкования рассматриваемого термина нет.

В ст. 10 Закона РФ «О психиатрической помощи» определено, что диагноз психического расстройства ставится в соответствии с общепризнанными международными стандартами. Таким стандартом является Международная классификация болезней десятого пересмотра МКБ-1, где психические расстройства, наряду с расстройствами поведения включены в Класс V. Следует отметить, что в данной классификации также отсутствует определение понятия «психическое расстройство». Не раскрыто там и понятие «расстройство поведения», равно как и взаимосвязь его с психическими расстройствами.

По мнению исследователей, классификация психических расстройств МКБ-10 является следствием компромиссов между различными психиатрическими школами и направлениями, чем объясняется сложность терминологии [2]. Современное состояние психологии и психиатрии нередко характеризуется стиранием границ в симптоматике различного рода состояний психики, что приводит к описанию множества видов расстройств психики и поведения с не уточненной природой, которые очень удобно объединять в рамках широкого термина «Психические расстройства и расстройства поведения». При этом в отечественной психиатрии, данные состояния психики традиционно рассматриваются как психические расстройства [3].

Анализ разных подходов к определению термина «психическое расстройство» указывает на то, что их общим элементом является отклонение от критерия, посредством которого устанавливается психическое здоровье [4]. Соответственно, психическое расстройство соответствует психическому заболеванию, что отражено и в законе «О психиатрической помощи» где указанные термины рассматриваются как синонимы. В УК РФ понятие «психическое заболевание» отсутствует, хотя им активно оперирует уголовно-процессуальное законодательство России.

Термин «психический недостаток», в отличие от рассмотренных выше применяется в законодательстве РФ гораздо реже. В частности, данный термин встречается в ст. ст. 51, 96 и 280 УПК РФ. Например, ст. 51 УПК РФ «Обязательное участие защитника» указывает, что подозреваемому или

обвиняемому защитник предоставляется в обязательном порядке, если они силу психических недостатков не могут самостоятельно осуществлять свое право на защиту. Толкование термина «психический недостаток» в нормах закона также отсутствует. Уголовному кодексу России, а также Закону РФ «О психиатрической помощи», равно как и Классификации МКБ-10 данный термин не известен.

Пленум Верховного суда Российской Федерации, разъясняет, что под психическими недостатками следует понимать психическое расстройство, не исключающее вменяемости, а также «другие недуги, ограничивающие способность пользоваться процессуальными правами» [16]. Подобная позиция не лишена недостатков. В частности, вопрос вызывает содержание оценочного понятия «другие недуги ограничивающие способность пользоваться процессуальными правами», правовой характер которых остается не до конца ясным. Кроме этого, остается открытым вопрос необходимо ли в обязательном порядке обеспечивать защитником подозреваемого или обвиняемого, страдающего психическим расстройством, исключающим вменяемость (ст. 51 УПК РФ). При этом легального толкования термина «психический недостаток» нет. По мнению исследователей, данный термин является собирательным и охватывает все расстройства психической деятельности, влекущие личностные изменения, которые могут иметь криминогенное значение и отражаться в поведении лица [6]. Интересно, что данная точка зрения не совпадает с позицией Пленума ВС РФ, который, если буквально толковать его положения, не включает в число психических недостатков психические расстройства, исключающие вменяемость. Полагаем, что термин «психический недостаток» следует вообще исключить из уголовно-процессуального законодательства.

Во-первых, данный термин, получивший распространение только в рамках юридической науки и не коррелирующий с медицинским понятийно-категориальным аппаратом, не приобрел единого понимания и поэтому является противоречивым и неудобным в правоприменении.

Во-вторых, существенное развитие правовой системы Российской Федерации, отличающейся от советского права большей имплементацией международных правовых норм и характеризующейся стремлением к универсализации понятийно-категориального аппарата, позволяет оценить термин «психические недостатки», как правовой атавизм, не соответствующий международно-правовому и специально-медицинскому подходу к данной проблематике, а также уголовно-правовому нормативному правовому регулированию сферы, связанной с психопатологией.

В третьих, данный термин с учетом принципов гуманизма и равноправия некорректен, поскольку фактически демонстрирует ущербность определенной категории граждан. В этом плане более уместным является термин «ограниченная возможность».

Помимо рассмотренных выше терминов, исследователи оперируют также понятиям «психическая аномалия» и «психическое отклонение» [7]. Данные понятия используются преимущественно в юридических науках, а также в психологии. Они не используются в нормативных правовых актах. Более того, данные термины нередко используются без учета знаний психологии и не всегда научно обоснованы и аргументированы.

Полагаем, что в данные термины непригодны для уголовного и уголовно-процессуального законодательства. В науке уголовно-правового цикла также необходимо от них отказаться, взяв за основу более универсальное понятие «психическое расстройство». Отказ от указанных понятий не повлияет на правоприменительную практику, поскольку не требует внесения изменений в

Литература:

1. *Антонян Ю.М.* Психология преступника и расследования преступлений. М. : Юристъ, 1996. 336 с.
2. *Коркина М.В.* Психиатрия : учебник для студ. мед. вузов / М.В. Коркина, Н.Д. Лакосина, А.Е. Личко, И.И. Сергеев. 4-е изд. М. : МЕДпресс-информ, 2008. 576 с.
3. *Сергеев И.И.* Психиатрия и наркология : учебник / И.И. Сергеев, Н.Д. Лакосина, О.Ф. Панкова. М. : МЕДпресс-информ, 2009. 752 с.
4. *Кулганов В.А.* Прикладная клиническая психология : учебное пособие. СПб. : СПбГИПСР, 2012. 444 с.
5. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 // Росс. газ. 2015. 10 июл.
6. *Татьянина Л.Г.* Процессуальные проблемы производства по уголовным делам с участием лиц, имеющих психические недостатки (Вопросы теории и практики) : автореф. ... д-ра юрид. наук. Ижевск, 2003. 53 с.
7. *Бодяков В.Н.* Научные основы криминалистического обеспечения расследования преступлений, совершенных лицами с психическими расстройствами. Владимир : ВИТ-Принт, 2013. 92 с.

законодательство, а психические состояния, которые они характеризуют, не связаны с каким-либо правовым статусом подозреваемого или обвиняемого, отличным от статуса лица, страдающего психическим расстройством.

На основании изложенного, можно сделать вывод о том, что выявленные противоречия в правовых дефинициях международного, уголовного и уголовно-процессуального права, а также в понятийно-категориальном аппарате, используемом в юридических науках применительно к изменениям психического состояния лиц, совершивших преступления, требуют внесения изменений и дополнений в действующую редакцию уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

Literature:

1. *Antonyan Yu.* Psychology of the criminal and investigation of crimes. M. : Yurist, 1996. 336 p.
2. *Korkina M.V.* Psychiatry : textbook for medical students / M.V. Korkina, N.D. Lakosina, A.E. Lichko, I.I. Sergeev. 4th ed. M. : Medpress-inform, 2008. 576 p.
3. *Sergeev I.I.* Psychiatry and narcology : textbook / I.I. Sergeev, N.D. Lakosina, O.F. Pankova. M. : Medpress-inform, 2009. 752 p.
4. *Kulganov V.* Applied clinical psychology : textbook. SPb. : Spbgipsr, 2012. 444 p.
5. On the practice of application by courts of legislation ensuring the right to protection in criminal proceedings : Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.06.2015 № 29 // Ross. gas. 2015. July 10.
6. *Tatyanina L.G.* procedural problems of criminal proceedings involving persons with mental disabilities (Questions of theory and practice) : author's abstract ... doctor of law. Izhevsk, 2003. 53 p.
7. *Bodyakov V.* Scientific bases of criminalistic support of investigation of crimes committed by persons with mental disorders. Vladimir : VIT-Print, 2013. 92 p.

Сумачев Алексей Витальевич
доктор юридических наук,
профессор,
Академия права и управления
Федеральной службы
исполнения наказаний, г. Рязань
alekssumachev@mail.ru

Перемолотова Лилианна Юрьевна
кандидат юридических наук,
доцент,
Академия права и управления
Федеральной службы
исполнения наказаний, г. Рязань
lady.peremolotova@yandex.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ: «МИНУСЫ» И «ПЛЮСЫ» ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ РЕШЕНИЙ

Аннотация. В статье анализируются организационно-правовые меры противодействия коррупции в современной России. При этом указываются недостатки и достоинства такого рода мер. В частности, в качестве, так называемых, «минусов» антикоррупционных мер приводятся примеры антикоррупционных «излишеств», которые, с одной стороны, могут противоречить морально-нравственным установкам людей, а с другой стороны, порождать «комические» ситуации в деятельности государственных или муниципальных органов. В качестве «плюсов» антикоррупционных мер авторы рассматривают тенденцию к специализации антикоррупционных уголовно-правовых норм. Отмечается, что данная мера обоснована и должна выступать в качестве одного из направлений совершенствования уголовного законодательства в сфере борьбы с коррупцией.

Ключевые слова: противодействие коррупции, антикоррупционные излишества, уголовно-правовые нормы, совершенствование уголовного законодательства, специализация антикоррупционных норм.

Проблема противодействия коррупции в современной России весьма актуальна, значимы и вопросы, связанные с разработкой комплекса организационно-правовых мер противодействия коррупции. На сегодняшний день нормативная база, ориентированная на противодействие коррупции, поистине огромная и определяет, вне сомнений, наиболее ключевые направления антикоррупционной политики государства. Вместе с тем, здесь не исключены так называемые «минусы», которые условно можно

Alexey V. Sumachev
Doctor of Law,
Professor,
Academy of the Federal Penitentiary Service
of Russia, Ryazan
alekssumachev@mail.ru

Lilianna Yu. Peremolotova
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
Academy of the Federal Penitentiary Service
of Russia, Ryazan
lady.peremolotova@yandex.ru

ANTI-CORRUPTION: «CONS» AND «PROS» OF ORGANIZATIONAL AND LEGAL SOLUTIONS

Annotation. The article analyzes organizational and legal measures to combat corruption in modern Russia. The disadvantages and advantages of such measures are indicated. In particular, as the so-called «disadvantages» of anti-corruption measures, examples of «anti-corruption excesses» are given, which, on the one hand, may contradict the moral attitudes of people, on the other hand, give rise to «comical» situations in the activities of state or municipal bodies. Further, as the «advantages» of anti-corruption measures, the trend towards specialization of anti-corruption criminal law norms is indicated. It is noted that this measure is justified and should act as one of the ways to improve criminal legislation in the fight against corruption.

Keywords: anti-corruption, anti-corruption excesses, criminal law norms, improvement of criminal legislation, specialization of anti-corruption norms.

определить как «антикоррупционные излишества». И в этой связи, как нам представляется, тезис «чиновника тоже надо защищать», обуславливает актуальность исследования вопросов, касающихся защиты государственных служащих от такого рода антикоррупционных излишеств. Такого рода «излишества», с одной стороны, могут противоречить морально-нравственным установкам людей, с другой стороны – могут порождать поистине «комические» ситуации в деятельности государственных или муниципальных органов.

Приведем лишь некоторые примеры. Так, весьма неоднозначной является позиция руководства различного уровня относительно обязывания государственных служащих уведомлять (незамедлительно сообщать), а, по сути, «доносить» на лиц, склоняющих их к совершению коррупционных правонарушений (п. 2.9 Кодекса этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Ямало-Ненецкого автономного округа [1]; п. 2.7 Кодекса служебного поведения (этики) лиц, замещающих должности государственной гражданской службы в исполнительных органах государственной власти Мурманской области [2]). Более того, неисполнение обязанности уведомлять представителя нанимателя, органы прокуратуры Российской Федерации или другие государственные органы обо всех случаях обращения к государственным служащим каких-либо лиц в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений, несовместимо с его дальнейшей служебной деятельностью в государственных органах.

Дело в том, что «доносительство» в российском обществе всегда вызывало и вызывает неприятие, а, порой, даже нетерпимость и враждебность. В этой связи, «обязывание» государственного служащего уведомлять обо всех случаях обращения к нему каких-либо лиц в целях склонения государственного служащего к совершению коррупционных правонарушений, следует изменить на соответствующее «правомочие», исключительно зависящее от морально-нравственных и профессиональных установок конкретного служащего.

Далее, вызывает некоторые сомнения обоснованность «обязывания пассивного социально-значимого поведения». Так, абз. 3 п. 2.7 Кодекса служебного поведения (этики) лиц, замещающих должности государственной гражданской службы в исполнительных органах государственной власти Мурманской области определяет: «Нравственным долгом для государственного служащего в случае его несогласия с политикой, проводимой государством или конкретным государственным органом, где он служит, является уход в отставку» [2]. Данное положение, как нам представляется, явно противоречит морально-нравственным установкам активного члена общества, поскольку «принуждает» «несогласных» исключительно к пассивному поведению, игнорируя их активную социальную позицию.

«Антикоррупционные излишества» могут порождать, как отмечалось, подлинно «комические» ситуации в деятельности государственных или муниципальных органов. Так, например, в «Положении о противодействии коррупции в учреждении» муниципального автономного дошкольного образовательного учреждения «Детский сад комбинированного вида № 34» (принято Попечительским советом, протокол № 3 от 24.03.2014 г.) отмечается, что к действиям работников детского сада, нарушающим антикоррупционное законодательство, могут относиться следующие: «Совершение работниками детского сада высказываний или действий, которые могут быть восприняты окружающими как согласие принять взятку или

просьба о взятке», в частности: «К числу таких высказываний относятся: «спасибо на хлеб не намажешь», «вопрос решить трудно, но можно», «договоримся», «нужны более веские аргументы», «ну, что делать будем?» и т.д.» (п. 3.8.1 Положения) [3].

Другой пример, имевший место в одном из департаментов субъекта Российской Федерации (по этическим мотивам не указываем конкретный орган). В департаменте обсуждался вопрос о том, какие сведения государственным служащим следует указывать в справке о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. При этом исключительно серьезно выдвигались предложения о необходимости указания размера так называемых «бонусов», которые начисляются при использовании отдельными видами дисконтных карт (например, дисконтных карт автозаправочных станций «Лукойл»). Более того, предлагалось документировать как доход размер скидок по дисконтным картам, но с оговоркой, чтобы они были пластиковые (не бумажные). В конечном итоге было определено, что в качестве доходов следует указывать такие «бонусы», которые можно документально подтвердить (в частности, «бонусы» от использования пластиковых карт «Сбербанка» по программе «Спасибо от Сбербанка»).

Как видно, в части противодействия коррупции имеют место «минусы» организационно-правовых решений («антикоррупционные излишества») и, соответственно, реализация идеи о том, что «чиновника тоже надо защищать», является весьма актуальной.

Вместе с тем, в части организационно-правовых решений противодействия имеются и «плюсы». В частности, как нам представляется, такого рода положительным моментом является специализация антикоррупционных норм в уголовном законодательстве России.

Основной антикоррупционной уголовно-правовой нормой является норма, предусматривающая уголовную ответственность за злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)). Следует отметить, что ст. 285 УК РФ является общей по отношению к иным антикоррупционным уголовно-правовым нормам. Уголовно-наказуемое злоупотребление должностными полномочиями образует совокупность следующих признаков:

- 1) должностное лицо действует в пределах своей компетенции (полномочий);
- 2) должностное лицо действует вопреки интересам службы;
- 3) наличие у должностного лица корыстной или иной личной заинтересованности;
- 4) действия должностного лица повлекли существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций, либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Как видно, признаки имеют достаточно общий характер, что чревато некоторыми негативными последствиями.

Во-первых, под «Злоупотребление ...» можно «подогнать» весьма различные действия должностного лица. Во-вторых, опять же ввиду общего (неконкретизированного) характера признаков объективной стороны, «Злоупотребления ...» можно «вывести» из числа уголовно-наказуемых действий множество явно криминальных поступков должностного лица.

В этой связи, заслуживает поддержки стремление российского законодателя к специализации (конкретизации) уголовно-наказуемых деяний вообще и коррупционных, в частности. Например, включение в перечень должностных преступлений Федеральным законом от 08 декабря 2003 г. № 162-ФЗ ответственности за «Нецелевое расходование бюджетных средств» (ст. 285-1 УК РФ) и «Нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов» (ст. 285-2 УК РФ); дальнейшее «расширение» перечня специализированных коррупционных преступлений: ст. 285.3 УК РФ «Внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений» (введена Федеральным законом от 01.07.2010 № 147-ФЗ) и ст. 285.4 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа» (введена Федеральным законом от 29.12.2017 № 469-ФЗ).

И даже в части устоявшейся и многократно апробированной на практике проблемы ответственности за взяточничество, возникает необходимость конкретизации отдельных криминально-коррупционных действий. В частности, в специальной литературе неоднократно звучали предложения о включении в УК РФ специального состава «Посредничество во взяточничестве» (ст. 291-1 УК РФ), поскольку деятельность посредника не подпадает под признаки пособника, предусмотренные в ч. 5 ст. 33 УК РФ (Приложение № 4 [4, с. 298—299, 313]). Эти предложения реализованы Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Кодекс РФ об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции», которым гл. 30 УК РФ дополнена ст. 291-1 «Посредничество во взяточничестве» (в ред. Федерального закона от 03.07.2016 № 324-ФЗ). Более того, Федеральным законом от 03.07.2016 № 324-ФЗ в УК РФ введена ст. 291.2 «Мелкое взяточничество». И пусть редакция ст. 291-1 УК РФ далека от совершенства, можно приветствовать стремление законодателя конкретизировать уголовно-наказуемые коррупционные проявления.

Стоит отметить, что в специальной литературе предлагается криминализация и иных конкретно-определенных коррупционных действий. Например, И.М. Сичинава обосновывал необходимость введения в УК РФ следующего состава: «Заключение должностным лицом заведомо невыгодного для государства или муниципального органа контракта, а равно осуществление закупок,

повлекших ущерб в крупном размере» (ст. 289-1 УК РФ) [5, с. 9].

И еще на один момент стоит обратить внимание.

Общие формулировки законодательных норм создают трудности для правоохранительных органов в части применения соответствующих положений уголовного законодательства. В качестве довода проанализируем итоги борьбы со взяточничеством как с одним из наиболее распространенных коррупционных преступлений в России за период с 1986 по 2005 г. Так, в период 1986–1991 гг. наблюдается резкое снижение количества взяточничества: с 6562 в 1986 г. до 2464 в 1988 г. (2195 преступлений в 1989 г.; 2691 – в 1990 г.; 2534 – в 1991 г.). Но уже к 1996 г. число зарегистрированных фактов взяточничества вновь поднялось до уровня 5453 преступлений. В 1997–1998 гг. эта цифра практически не изменилась: 5608 фактов получения и дачи взятки в 1997 г. и 5804 – в 1998 г. В период 1998–2005 гг. количество зарегистрированных фактов взяточничества увеличилось с 5804 до 9821 преступления, что составило рост на 68 %.

О чем свидетельствуют эти данные: либо о том, что увеличилось количество совершаемых коррупционных преступлений (в нашем случае - взяточничества), либо о том, что правоохранительные органы стали более эффективно осуществлять борьбу со взяточничеством?

На наш взгляд, более обоснованным представляется последний вывод. В качестве аргумента можно указать на данные анонимного опроса, проведенного в рамках изучения проблем противодействия взяточничеству, в городах Москве, Владивостоке, Волгограде, Воронеже. Согласно этим данным, на вопрос: «Если Вам приходилось давать взятку, то каким образом?» ответы распределились следующим образом: «сами предложили» – от 10 до 12 % от числа опрошенных лиц; «вымогали взятку» – от 3 до 13 %; «дали понять, что просьба будет удовлетворена за соответствующее вознаграждение» – от 26 до 43 % (приложение № 2 [4, с. 273]). Другие данные не менее показательны: на вопрос: «Приходилось ли Вам в течение последнего года давать взятку, выражать «благодарность» нужным государственным служащим» утвердительно ответили от 23 до 43 %; ответили «нет, не приходилось» от 24 до 53 %. Как видно, реальное число фактов взяточничества является весьма высоким и, более того, стабильным. Наряду с этим, в период роста числа официально зарегистрированного взяточничества (с 1998 по 2005 гг.) в общественно политической жизни Российской Федерации каких-либо значительных кризисных ситуаций не случилось. Кроме того, в указанный период действующие уголовно-правовые нормы, ориентированные на борьбу с этим негативным явлением, изменениям не подвергались.

Здесь необходимо одно существенное дополнение: 10 февраля 2000 г. Пленумом Верховного Суда Российской Федерации принято Постановление № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе», в котором

вопросы ответственности за взяточничество были четко конкретизированы и изложены в доступной для правоприменителя форме (что, по-видимому, и способствовало более эффективному раскрытию и расследованию взяточничества).

Литература:

1. Кодекс этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Ямало-Ненецкого автономного округа, утвержден Постановлением Губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа от 17 февраля 2011 года № 19-ПГ (в ред. постановлений Губернатора ЯНАО от 30.09.2013 № 142-ПГ, от 09.09.2014 № 122-ПГ, от 12.11.2018 № 127-ПГ, от 14.09.2020 № 167-ПГ) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL : <http://docs.cntd.ru/document/473403368> (дата обращения 15 октября 2020 г.).
2. Кодекс служебного поведения (этики) лиц, замещающих должности государственной гражданской службы в исполнительных органах государственной власти Мурманской области, утвержденного Постановлением Правительства Мурманской области от 25 августа 2010 г. № 373-ПП. // Министерство юстиции Мурманской области. URL : <https://minjust.gov-murman.ru/files/373pp.pdf> (дата обращения 15 октября 2020 г.).
3. Официальный сайт Управления по образованию администрации Наро-Фоминского района Московской области. URL : http://nfdou34.edumsko.ru/documents/other_documents/polozheniya1/polozhenie_o_protivodejstvii_korrupcii/ (дата обращения 15 октября 2020 г.).
4. Коррупция и борьба с ней / Российская криминологическая ассоциация, Научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка, Владивостокский центр по изучению организованной преступности; Ред. кол.: В.В. Астанин и др. М. : Российская криминологическая ассоциация, 2000. 320 с.
5. *Сичинава И.М.* Уголовно-правовые меры противодействия коррупционным преступлениям : автореф. ... канд. юрид. наук. М. : Академия экономической безопасности МВД России, 2006. 27 с.

Таким образом, тенденция к специализации анти-коррупционных уголовно-правовых норм представляется весьма обоснованной и должна выступать в качестве одного из направлений совершенствования уголовного законодательства в сфере борьбы с коррупцией.

Literature:

1. Code of ethics and official conduct of state civil servants of the Yamalo-Nenets Autonomous district, approved By resolution of the Governor of the Yamalo-Nenets Autonomous district № 19-PG of February 17, 2011 (as amended by resolutions of the Governor of the Yamalo-Nenets Autonomous district from 30.09.2013 № 142-PG, from 09.09.2014 № 122-PG, from 12.11.2018 № 127-PG, from 14.09.2020 № 167-PG) // Electronic Fund of legal and normative-technical documentation. URL : <http://docs.cntd.ru/document/473403368> (date of application October 15, 2020).
2. Code of official conduct (ethics) of persons who fill positions of state civil service in Executive bodies of state power of the Murmansk region, approved By the decree of the government of the Murmansk region of August 25, 2010 № 373-PP. // Ministry of justice of the Murmansk region. URL : <https://minjust.gov-murman.ru/files/373pp.pdf> (date of application October 15, 2020).
3. Official website Of the education Department of the Naro-Fominsk district administration of the Moscow region. URL : http://nfdou34.edumsko.ru/documents/other_documents/polozheniya1/polozhenie_o_protivodejstvii_korrupcii/ (date of application October 15, 2020).
4. Corruption and the struggle with her / Russian criminological Association, Scientific research Institute of problems of strengthening of legality and the rule of law, Vladivostok center for the study of organized crime; Ed. the count: Vladimir Astanin and others, M. : Russian criminological Association, 2000. 320 p.
5. *Sichinava I. M.* Criminal-legal measures to counteract corruption crimes : author's abstract. ... cand. M. : Academy of economic security of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2006, 27 p.

Сучкова Маргарита Владимировна
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры
истории государства и права,
Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя
margos8118@mail.ru

РЕФОРМА СОВЕТА МИНИСТРОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация. В статье дается характеристика правовому статусу реформированного Совета министров. Идея создания объединенного правительства в России стала воплощаться в жизнь после указа от 12 декабря 1904 г., провозгласившего ряд буржуазных реформ. В августе 1905 г. после издания Манифеста о создании в России Государственной думы, разработка вопроса о реформе Совета министров заняла важнейшее место среди проектов государственных преобразований; Указ от 19 октября 1905 г. «О мерах к укреплению единства в деятельности Министерств и Главных управлений» возлагал на Совет министров руководство деятельностью ведомств и обеспечение их единства. Совет министров осуществлял руководство работой государственного аппарата, содействуя императору в выполнении обязанностей главы государства. Совет министров был создан как часть новой системы государственного управления, которую власть стремилась приспособить к сосуществованию с получившей законодательные права Государственной думой.

Ключевые слова: первая русская революция, исполнительная власть, законодательная власть, Совет министров, министры, председатель Совета министров.

О сенью 1905 г., в условиях нарастающей революционной волны, параллельно с проводимой реформой народного представительства, 19 октября было осуществлено реформирование Совета министров Российской империи. Правовой основой реформы стал указ «О мерах к укреплению единства в деятельности Министерств и Главных управлений» [4]. Как было сказано в указе в новом виде Совет министров создается для «управления и объединения действий главных начальников ведомств по предметам как законодательства, так и высшего государственного управления». Прежде всего ключом к пониманию проводимых преобразований являлось создание должности главы правительства – председателя Совета министров. Нужно подчеркнуть тот факт,

Margarita V. Suchkova
Candidate of Legal Sciences,
Teacher of the Department
of History of State and Law,
Moscow University Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
named after V.J. Kikot
margos8118@mail.ru

REFORM OF THE COUNCIL OF MINISTERS OF THE RUSSIAN EMPIRE DURING THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION

Annotation. The article describes the legal status of the reformed Council of Ministers. The idea of creating a unified government in Russia began to be implemented after the decree of December 12, 1904, which proclaimed a number of bourgeois reforms. In August 1905, after the publication of the Manifesto on the creation of the State Duma in Russia, the development of the issue of reform of the Council of Ministers took the most important place among the projects of state transformations, Decree of October 19, 1905. «On measures to strengthen unity in the activities of Ministries and Main departments» assigned the Council of Ministers to manage the activities of departments and ensure their unity. The Council of Ministers managed the work of the state apparatus, assisting the Emperor in fulfilling the duties of the head of state. The Council of Ministers was created as part of a new system of state administration, which the authorities sought to adapt to co-existence with the Duma, which received legislative rights.

Keywords: first Russian revolution, executive power, legislative power, Council of Ministers, Ministers, Chairman of the Council of Ministers.

что ни Комитет министров, созданный в начале XIX в., ни фактически начавший свою работу в 1857 г. Совет министров, не имели во главе лицо, чью власть и компетенции можно было бы сравнить с полномочиями западноевропейских премьер-министров. В течение первых лет функционирования Комитета министров его председателем являлся монарх, при отсутствии императора председательствовать могли члены Комитета министров. С 1812 года была создана должность председателя Комитета министров, одновременно возглавляющего Государственный совет. Однако председательствование в Комитете министров не привлекало деятельных управленцев, эта должность являлась sinecурой, не влекущей за собой принятие серьезных решений и отсюда

не сопровождаемая серьезной ответственностью. Заседания Совета министров с момента создания Совета и до реформы 1905 г. возглавлялись императором. Как считают некоторые исследователи, отсутствие премьер-министра в должностной иерархии Российской империи было связано с крайнем негативным опытом нашего дальневосточного соседа – Японии, в которой сегун фактически узурпировал власть императора, став во главе администрации и государства, однако, не обладая сакральными функциями, оставшимися за японским императором. В труде «Совет министров Российской империи. Документы и материалы. 1905–1906 гг.» отмечалось, что противники С.Ю. Витте приписывали ему желание «получить от царя диктаторские полномочия, упразднить Государственный совет, назначить министрами своих креатур, превратить царя по японскому образцу в микадо, а себя в сегуна» [6, с. 4].

Исходя из смысла статьи 1 указа 19 октября 1905 г., Совет министров воссоздавался именно как орган, призванный устранить отсутствие координации в действиях министерств и обеспечить единство деятельности высших органов власти в условиях революционной ситуации: «направление и объединение действий главных начальников ведомств по предметам, как законодательства, так и высшего государственного управления». Статья 3 закрепляла создание поста председателя Совета министров, который замещался по воле императора. Характеризуя введение поста председателя Совета министров, Б.Э. Нольде указывал на то, что «закон желал не только снабдить его теми полномочиями, которые необходимы всякому председателю коллегии для руководства ее заседаниями, но дать ему весьма авторитетное положение главы правительства, для которого коллегия министров является, прежде всего, средством воздействия на общий ход государственного управления» [3, с. 174]. Право председателя Совета министров на формирование Совета министров являлось конституционным (конвенциональным) соглашением и было обязательным. Статья 10 позволяла председателю Совета министров самостоятельно формировать и определять взаимоотношения с министрами. Статья 8 позволяла главе правительства требовать от каждого члена Совета «о доставлении необходимых ему сведений и объяснений». Статья 13 указывала на то, что все важные решения принимаются только через Совет министров и на необходимость министров «безотлагательно» предоставлять председателю «сведения о всех выдающихся, происходящих в государственной жизни, событиях и вызванных ими мерах и распоряжениях». На основании статьи 17 председатель Совета министров мог контролировать всеподданнейшие доклады министров, которые министры могли использовать для решения узковедомственных проблем и выстраивать личные отношения с монархом. Согласно статье 6 указа от 19 октября 1905 г. председатель Совета министров имел право «участвовать по делам всех ведомств в Государственной думе и Государственном совете и заступать каждого из главных начальников ведомств» [8]. При отсутствии согласия министров в решении конкретной проблемы председатель передавал дело на рассмотрение

монарха (статья 18). По мнению Л.А. Шалланда, эта статья едва ли гармонировала с общим духом закона, стремившегося создать «особое правительство, отдельное от монарха» [7, с. 152], но зато она позволяла активно привлекать главу государства к решению насущных государственных задач.

Принятие 23 апреля 1906 г. новой редакции Основных государственных законов Российской империи завершило оформление правового положения Совета министров в системе высших органов Российской империи. В Основных законах Совету министров была посвящена глава одиннадцатая. Согласно ст. 123 Основных законов Российской империи, «председатель Совета Министров, министры и главноуправляющие отдельными частями ответственны перед Государем Императором за общий ход государственного управления. Каждый из них в отдельности ответствен за свои действия и распоряжения». Б.Э. Нольде отмечал, что «за отсутствием солидарной ответственности, единство в среде министерства» покоилось на той, как бы «начальственной», или главенствующей роли, которую дало законодательство Председателю Совета министров [3, с. 178].

Реформа внесла изменения в компетенцию Совета министров. Во-первых, на основании статьи 1 Учреждения Совет министров ведал делами, связанными с «управлением и объединением действий главных начальников ведомств по предметам, как законодательства, так и высшего государственного управления». Эта категория дел была самой многочисленной и касалась важнейших вопросов внутренней и внешней политики. В их число входили законопроекты, разрабатываемые министрами и главноуправляющими; дела, требующие соединения усилий двух и более министерств; акты ведомственного нормотворчества по существенным вопросам; дела, переданные в Совет по поручению монарха.

Во-вторых, на основании статьи 87 Основных государственных законов Российской империи, Совет министров участвовал в принятии чрезвычайного законодательства. Проведение законодательных мер чрезвычайного характера было облегчено тем, что правительство не несло ответственности перед Думой. Использование правительством статьи 87, которая предоставляла возможность принимать законодательные акты через Совет министров, минуя Государственную думу, в период парламентских каникул, не встречала одобрения со стороны общества. Не спасало ситуацию даже то, что принятые законы после окончания думских каникул поступали на обсуждение и одобрение Государственной думы и должны были быть утверждены в двухмесячный период после начала ее работы.

В-третьих, к Совету министров перешли дела упраздненного Комитета министров, то есть дела чрезвычайно разнородного направления, различные мелочные вопросы и иногда возникающие проблемы «щекотливого свойства», которые в период существования Комитета министров решались коллегиально с целью перенесения

ответственности с одного министра на коллегия [1, с. 40–43].

Активно привлекался Совет министров и к решению вопросов финансового характера. Особенно это было актуально при не утверждении государственной росписи (бюджета) к началу финансового года. На основании ст. 13 указа 08 марта 1906 г. об утверждении «Правил о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов, а равно о производстве из казны расходов, росписью не предусмотренных» Совет министров наделялся правом открывать министерствам и главным управлениям кредиты, в связи с

Литература:

1. *Королева Н.Г.* Первая российская революция и царизм. Совет министров в 1905–1907 гг. М., 1982.
2. *Лазаревский Н.И.* Лекция по русскому государственному праву. Т. 1. СПб., 1910.
3. *Нольде Б.Э.* Очерки русского государственного права. СПб., 1911.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. XXV. № 26820.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. XXVI. Отд. 1. № 27505.
6. Совет министров Российской империи. Документы и материалы. 1905–1906 гг. / Сост. С.С. Атапин; Отв. сост. Б.Д. Гальперина. Л., 1999.
7. *Шалланд Л.А.* Русское государственное право. Юрьев, 1908.
8. *Яцкова А.П.* Основные государственные законы Российской империи 23 апреля 1906 г. – первая российская конституция : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

тем, что «по краткости времени невозможно было утверждение кредита в законодательном порядке» [2, с. 448; 5].

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что проведенная реформа Совета министров приблизила его по правовому статусу к западноевропейским кабинетам министров конституционных государств, превратила Совет министров в постоянно функционирующее высшее правительственное учреждение, призванное обеспечить единство в правительственных действиях.

Literature:

1. *Koroleva N.G.* The First Russian revolution and tsarism. Council of Ministers in 1905–1907. M., 1982.
2. *Lazarevsky N.I.* Lecture on Russian state law. Vol. 1. SPb., 1910.
3. *Nolde B.E.* Essays of Russian state law. SPb., 1911.
4. Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. XXV. № 26820.
5. Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. XXVI. Ed. 1. № 27505.
6. Council of Ministers of the Russian Empire. Documents and materials. 1905–1906. / Compiled by S.S. Atapin; Rel. compiler B.D. Galperina. L., 1999.
7. *Challandes L.A.* Russian state law. Yuriev, 1908.
8. *Yatskova A.P.* Basic state laws of the Russian Empire april 23, 1906 – the first Russian Constitution : autoref. dis. ... cand. the faculty of law. sciences. M., 2001.

Уваров Игорь Алексеевич
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
уголовного права и криминологии,
Ставропольский филиал
Краснодарского университета МВД России
uvarov.igor@mail.ru

ПРАВОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ КАК СУММАРНЫЙ ВЕКТОР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТА В ОРГАНИЗАЦИИ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ

Аннотация. В статье проводится теоретический анализ имеющихся в социологической науке методологических подходов к исследованию проблемы правовой социализации осужденных, в период применения к ним средств пенитенциарной профилактики. Автор предпринимает попытку проанализировать систему факторов влияющих на правовую социализацию осужденных к лишению свободы. Определяет систему векторов (направлений) такой социализации.

Ключевые слова: социализация осужденных, правовая социализация осужденных, пенитенциарная профилактика.

Правовая социализация осужденных достаточно давно стала одним из объектов пристального внимания различных, в том числе неюридических наук. Диапазон подходов к пониманию данного социального процесса весь ма широк, вместе с тем не все стороны данного явления к настоящему времени изучены в полной мере. В частности, добиться полной ясности в понимании того, какое направление социализации и почему выбирает тот или иной осужденный в пенитенциарном социуме, вряд ли представляется возможным, хотя некоторые факторы этой направленности, дающие в итоге некую результирующую, можно проследить. Понятие «суммарного вектора», заимствованное социологами из физики, подходит для этого как нельзя лучше, так как более наглядно пока зывает механизм формирования некоторых сторон социально значимого поведения.

По нашему мнению, для адекватного понимания многофакторности анализируемого нами процесса с методологической точки зрения необходимо выделить, как минимум два самостоятельных аспекта характеризующих направленность данного феномена. Условно мы их предлагаем определять, как «общесоциальные» и «конкретные»:

Igor A. Uvarov
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Stavropol branch Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
uvarov.igor@mail.ru

LEGAL SOCIALIZATION OF CONVICTS AS A TOTAL VECTOR OF INTERACTION BETWEEN THE SUBJECT AND THE OBJECT IN THE ORGANIZATION OF PENITENTIARY PREVENTION

Annotation. The article provides a theoretical analysis of the methodological approaches available in sociological science to the study of the problem of legal socialization of convicts during the use of penitentiary prevention tools. The author attempts to analyze the system of factors that influence the legal socialization of persons sentenced to imprisonment. Defines the system of vectors (directions) of such socialization.

Keywords: social adaptation, adaptation of convicts, adaptation resource of convicts.

Первые детерминированы тем, что правовая социализация осужденных, должна иметь «общее направление», обусловленное необходимостью овладения индивидом правового понимания сущности общественных отношений, субъектом которых он выступает. Только на основе адекватного понимания сущности этих отношений, осужденный может овладевать «правовой практикой» и «правовым опытом». В противном случае теоретическое познание их теряет свою актуальность для процесса пенитенциарной профилактики, ибо он не осознает таким образом значение приобретения и последующего практического использования навыков законопослушного поведения. Этот аспект, имеет и отрицательный эффект. Получив некие теоретические представления о характере правомерного поведения, осужденные, лишённые в основной массе критического мышления, начинают проецировать их на окружающих. Следствием этого выступает крайне негативная оценка не только ближайшего окружения, с которым он соприкасается в период отбывания наказания, но и потерпевшие. Причем, последним, в данном случае осужденные отказывают в элементарном праве на правовую защиту (возможность пользоваться субъективными правами).

В свою очередь, конкретная направленность правовой социализации может быть обусловлена тем, что осужденный, находясь в условиях изоляции от общества, не может не претерпевать воздействия вторичной (пенитенциарной) социализации. С общетеоретической точки зрения, нахождение человека в замкнутом пространстве, может характеризоваться «системой активного развития личности в условиях конкретного пространственно-временного континуума» [1, с. 62–67]. В отличие от «свободного общества», пенитенциарный социум реализует свои социокультурные и социально-экономические императивы исходя из совершенно иных представлений. Для осужденных, которые отбывают наказание за совершенные преступления, нормативно-правовые деликты, не являются теоретической абстракцией. Они все это воспринимают буквально, через призму своего субъективного опыта соприкосновения с законом. И это представляет определенный специфический взгляд на закон и его практическую реализацию.

На наш взгляд, непосредственная направленность правовой социализации осужденных, должна рассматриваться как специфический процесс приобретения ими социально-значимых представлений и навыков правопослушного поведения. Принято считать, что правовое воспитание осужденных, является одним из базовых элементов общего исправительного процесса. Следовательно, в зависимости от конкретного этапа реализации пенитенциарной профилактики, этому процессу будут присущи разные «векторы ее результативности» [2, с. 147–156].

В современной литературе принято отмечать, что сложности в реализации воспитательно-профилактического процесса в местах лишения свободы затруднено переходным периодом социально-экономических отношений в стране. Общеизвестно, что любой переходный период напрямую воздействует на характер общественного развития конкретного социального образования. Применительно к пенитенциарной профилактике такого рода процессы, неизменно могут приводить к двум формам правовой социализации осужденных:

– к конформизму, когда социализирующийся субъект приспосабливается к правовой системе доминирующей в социуме. Как правило таких осужденных воспринимают как «приспособленцев»;

– к правовому нигилизму, когда деятельность социализирующегося субъекта направлена на изменение существующей правовой реальности. В данном случае, осужденные выбирают такую линию поведения, которая основывается на игнорировании требований действующего уголовно-исполнительного законодательства.

В социологии принято говорить о том, что диалектика переходного периода в развитии общества, может приводить к сочетанию двух противоположных форм социализации – «конформизму» и «нигилизму». В условиях изоляции от общества, такого рода феномен имеет довольно

устойчивый характер. Для осужденных в процессе правовой социализации встает своеобразная дилемма – конформизм в форме согласия на выполнение закрепленных в законе требований или же крайняя форма правового нигилизма – отрицание правовых предписаний.

В данном контексте можно говорить, что форма правовой социализации находится в причинно-следственной связи с характером отношений социализирующего и социализируемого в специфических социальных условиях. Для достижения положительного результата в пенитенциарной профилактике, необходимо чтобы представления о правовой социализации у объекта и субъекта совпадали. В тоже время, правоприменительная практика показывает, что такого рода совпадение можно рассматривать как некое исключение из правил. Здесь принято говорить о том, что основным направлением специфического социализирующего воздействия является определенный результирующий вектор. Это связано тем, что основными субъектами правовой социализации в условиях изоляции осужденных от общества, являются отделы воспитательной работы и отдельные сотрудники других подразделений пенитенциарного учреждения. Ради объективности оценки, мы должны констатировать, что их усилия, не носят акцентированного характера. Учитывая, что осужденный как объект социализирующего воздействия одновременно может входить в несколько различных социальных образований (малая группа, обусловленная общностью досуговых или производственных интересов, или национальной близостью) выработка направления усилий правовой социализации в «единое русло» сопряжено с большим количеством сложностей. С другой стороны, осужденный как объект воспитательно-профилактического воздействия не лишен социальной активности, что создает субъективные условия для выбора направления этого процесса. Это в свою очередь, может выступать в качестве определенного фактора при котором он может выступать и как объект правовой социализации, и как субъект.

Направленность правовой социализации осуществляемой в рамках пенитенциарной профилактики, в отличие аналогичной в условиях «свободного общества» характеризуется, более конкретными целями. Если в «свободном обществе», они определены в «общем виде», то в условиях изоляции от общества, механизм целеполагания определяется видом конкурентного общественно опасного деяния, которое было совершено осужденным. Согласно теории организации систем социальные группы, институты и организации в интересах сохранения и допустимого изменения своей системы вырабатывают нормы, которые служат пределом, мерой, интервалом допустимого (дозволенного или обязательного) поведения индивидов, поэтому их конечная цель в социализации (в частности, правовой) – закрепление в сознании и деятельности людей определенной нормы или системы норм, эластичность которых имеет весьма условный характер.

Социальная активность человека в конечном счете ориентирована не на соблюдение норм, а

на удовлетворение известного набора витальных и социетальных потребностей, однако он вынужден для их удовлетворения постоянно соотноситься с указанными нормами. Таким образом, в условиях мест лишения свободы, мы можем наблюдать одно из главных противоречий процесса правовой социализации: для субъекта социализации норма – это конечная цель, обеспечивающая стабильность системы, для индивидуального объекта социализации – это средство удовлетворения ряда его потребностей. Именно этим противоречием объясняется поступательное движение пенитенциарной профилактики на пути позитивного развития личности осужденного. Если правовая норма, рассматриваемая социальным образованием как конечная цель социализации, перестает быть средством удовлетворения насущной потребности большой группы индивидов, то она неизбежно видоизменяется. Правовая норма, которая по каким-либо причинам не соответствует субъективным представлениям осужденных, как неспособная удовлетворить определенные потребности, становится тормозом в системе восприятия воспитательно-профилактического воздействия. Все это служит существенным препятствием для эффективной реализации учреждениями уголовно-исполнительной системы пенитенциарной профилактики.

Практика показывает, что изменение социально-экономических условий в нашей стране, повлекло за собой и существенные изменения в представлениях осужденных о характере правовой социализации которая должна осуществляться в период отбывания уголовного наказания [3, с. 49–52]. Глубокая либерализация уголовно-исполнительного законодательства, привела к тому, что

Литература:

1. *Рогач В.Г.* Субъективно-деятельностный подход к развитию личности и формирование оптимальных переживаний у осужденных, отбывающих длительные сроки лишения свободы // Преступление. Наказание. Исправление. 2014. № 3 (27). С. 62–67.
2. *Уваров И.А.* Оценка результативности пенитенциарной профилактики // Труды юридического факультета Северо-Кавказского государственного технического университета. Сборник научных трудов. Вып. 5. Ставрополь : Изд-во СевКавГТУ, 2004. С. 147–156.
3. *Уваров И.А.* Концептуальные основы исследования адаптационного потенциала осужденных, освобождающихся из мест лишения свободы, к новым социальным условиям (социологическая оценка пенитенциарной профилактики) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 6. С. 49–52.

перечень субъективных прав осужденных существенно расширился. Это не смогло удовлетворить социальные притязания осужденных.

Таким образом, мы вынуждены констатировать, что с учетом новых социально-экономических условий происходит процесс поляризации (разновекторности) терминальных целей правовой социализации осужденных осуществляемой в рамках пенитенциарной профилактики. Причём такого рода «разновекторность» относится не только к объекту такого воздействия, но и к субъекту. В пенитенциарной профилактике, для ее эффективности, такие цели должны носить инструментальный характер. Учитывая тот контингент, на который направлена такого рода социализация, необходимо полагать, что в условиях изоляции от общества она, не должна рассматриваться как совокупность норм, усваиваемых раз и навсегда. Дело в том, что правовая социализация осуществляемая в отношении осужденных к лишению свободы, должна пониматься как «гибкий процесс», включающий в себя не только «статические элементы», но и «динамические» (основанные на совокупности потребностей индивида). Время пребывания в условиях исправительного учреждения, носит срочный характер, следовательно исходя из универсального принципа развития общественного сознания объективная диалектика определяет и формы их реализации. Нарушение этого принципа приводит к той «разновекторности», о которой мы сказали выше («конформизм» и «правовой нигилизм»). Следствием этого, является социальная дезорганизация сознания осужденных, где легальный закон существенно утратил свою главную функцию – «социальное регулирование общественных отношений».

Literature:

1. *Rogach V.G.* Subjective-activity approach to personal development and formation of optimal experiences in convicts serving long terms of imprisonment // Crime. Punishment. Correction. 2014. № 3(27). P. 62–67.
2. *Uvarov I.A.* Evaluation of the effectiveness of penitentiary prevention // Proceedings of the faculty of law of the North Caucasus state technical University. Collection of proceedings. Iss. 5. Stavropol, 2004. P. 147–156.
3. *Uvarov I.A.* Conceptual foundations of the study of the adaptation potential of convicts released from places of deprivation of liberty to new social conditions (sociological assessment of penitentiary prevention) // Humanities, socio-economic and social Sciences. 2020. № 6. P. 49–52.

Умарова Амала Алиевна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
гражданского права и процесса,
Чеченский государственный университет,
umarova1986@mail.ru

Уголовная политика по достижению экономической безопасности и борьбе с коррупционной преступностью

Аннотация. Автором представлен анализ концепции уголовной политики по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции с целью разработки предложений по модернизации законодательства для создания сбалансированного антикриминального механизма обеспечения экономической безопасности и борьбы с коррупционной преступностью. Основными направлениями деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции являются: проведение единой государственной политики в области экономической безопасности и противодействия коррупции; создание механизма взаимодействия правоохранительных и иных государственных органов с общественными и парламентскими комиссиями по вопросам экономической безопасности и противодействия коррупции, а также с гражданами и институтами гражданского общества; принятие законодательных, административных и иных мер, направленных на привлечение государственных и муниципальных служащих, а также граждан к более активному участию в противодействии коррупции, на формирование в обществе негативного отношения к коррупционному поведению; совершенствование системы и структуры государственных органов, создание механизмов общественного контроля за их деятельностью, совершенствование УК РФ. Меры уголовно-правового характера, изложенные автором, направленные на повышение эффективности реагирования на угрозы экономической безопасности и укрепление доверия к справедливости.

Ключевые слова: уголовное право, уголовная политика, экономическая преступность, экономическая безопасность, коррупция.

К модернизации существующей идеологии рассматриваемой нами антикриминальной политики необходимо приступить, хотя бы потому, что этого требует сложившаяся в геополитике ситуация, породившая новые угрозы отечественной экономике, исходящие извне, и сделала

Amala A. Umarova
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Civil Law and Procedure,
Chechen State University
umarova1986@mail.ru

CRIMINAL POLICY TO ACHIEVE ECONOMIC SECURITY AND FIGHT CORRUPTION

Annotation. The author analyzes the concept of criminal policy for ensuring economic security and combating corruption in order to develop proposals for modernizing legislation to create a balanced anti-criminal mechanism for ensuring economic security and combating corruption crime. The main activities of state bodies to improve the effectiveness of anti-corruption are: implementation of a unified state policy in the field of economic security and anti-corruption; creation of a mechanism for interaction between law enforcement and other state bodies with public and parliamentary commissions on economic security and anti-corruption, as well as with citizens and civil society institutions; adoption of legislative, administrative and other measures aimed at attracting state and municipal employees, as well as citizens, to more actively participate in anti-corruption, to form a negative attitude to corruption behavior in society; improving the system and structure of state bodies, creating mechanisms for public control over their activities, improving the criminal code of the Russian Federation. Criminal law measures outlined by the author aimed at improving the effectiveness of responding to threats to economic security and strengthening confidence in justice.

Keywords: criminal law, criminal policy, economic crime, economic security, corruption.

более острыми те, которые таились внутри государства. Посредством нее можно простимулировать все элементы антикриминальной политики: уголовно-правовой, уголовно-исполнительный, уголовно-процессуальный и т.д. Требуется достичь национального согласия в вопросах

политики уголовно-юридической борьбы с новыми угрозами экономической безопасности – их криминализации, иначе говоря, перемещения в уголовно-правовое поле и дальнейшее устранение через уголовную юстицию. Новыми положительными задачами антикриминальной политики являются консолидация народа, вычищение той части истеблишмента, которому свойственно коррупционное поведение, продажность. На повестке дня стоит перенацеливание антикриминальной стратегии, то есть, постановка новых задач в области экономической безопасности. И осуществляться она теперь должна посредством иных средств.

Реформирование, которые мы предлагаем, должно основываться на возобновлении справедливости, согласованности законодательства, пресечении произвола, односторонности и радикальности в антикриминальной политике по достижению экономической безопасности и борьбе с коррупцией. Экономическая безопасность государства не должна ограничиваться только «безопасностью бизнеса» (от правоохранительных органов) [1, с. 144]. По этой причине должно быть отменено беспочвенное удаление части универсальных уголовных и уголовно-процессуальных принципов, сделанное в интересах бизнес-сообщества, являясь огульно обеляемым концепцией наибольшего содействия предпринимательству и защите его от уголовной юстиции.

Политика достижения экономической защищенности и борьбы с коррупционной преступностью, а также, отличающееся природным своеобразием совершенствование России как суверенной державы с результативной антикриминальной политикой диктует необходимость баланса правых и левых ценностей, что предполагает отказ от каких-либо правовых привилегий, ранее осуществленных и предлагаемых к рассмотрению и осуществлению в интересах бизнеса [2, с. 10]. Однако общее направление буржуазной антикриминальной стратегии в нынешних условиях изменить нельзя. В случае отказа от капитализма, рыночных отношений в экономике, от сопричастности к глобализационным процессам, мировой конкуренции во всех отраслях функционирования, избрания изоляционистского курса наравне с обособлением собственной правовой системы и ухода от развивающихся в мире направлений следует жалкое существование общества в сравнительной нищете, в конечном счете – крушение общецивилизационного проекта России [3, с. 28].

Формирование авторитарного, авторитарного режима и возобновление советской парадигмы антикриминальной политики несоединимо со стоящими перед страной стратегическими задачами. Выйти из сложившейся ситуации можно только путем увязывания либеральных мер в народно-хозяйственной сфере с утверждением принципов демократии в политико-правовой структуре. Такой подход должен сказаться на антикриминальной стратегии по достижению экономической защищенности и борьбе с коррупционной преступностью. Последовательное применение мер по регуляции права, утверждение в нем принципов демократии, совокупно вырастающих в идеологию, должно быть реализовано в новом

уголовном законодательстве, регулирующем порядок установления причин привлечения к ответственности, исполнения наказаний, судопроизводства [4, с. 138].

В нашей стране только формируются условия для создания антикриминальной политики по противодействию коррупционной и организованной экономической преступности. Необходимо реформировать политический уклад, развивать демократические идеи одновременно с дальнейшим ведением либеральной экономической политики. Это означает, что необходимо менять экономическую парадигму, но не на ее социалистический вариант, а развивать модернизацию либерализма.

Размежевание предпринимательской среды и государства, дифференциация властей, конкуренция в сфере народного хозяйства и политики являются базой справедливой и результативной антикриминальной стратегии по достижению экономической защищенности и борьбе с коррупционной преступностью. Лишь путем развития институтов правовой державы можно достичь большей результативности антикриминальной политики по достижению экономической безопасности. Лишь посредством формирования правоохранительного метода, действующего не через ручное управление, а через соблюдение закона, можно решить стратегическую задачу борьбы с организованной экономической преступностью и сросшейся с ней коррупционной преступностью [5, с. 9].

Прогрессирующее расхождение между либерализацией экономики и продолжающей деградировать правоохранительной системой требуется как можно скорее устранить – в пределах программы последовательной демократизации, национализации и социализации либерально-правовой антикриминальной стратегии.

Послесоветский промежуточный период нужно завершать и вооружаться стандартными западноевропейскими методиками ведения борьбы с преступностью в экономической сфере, в том числе с коррупционной преступностью. Необходимо скинуть груз нерезультативных в нынешней обстановке институтов и процедур, пришедших к нам с советских времен, которые делают менее продуктивной текущую антикриминальную политику достижения экономической безопасности.

В общем плане, в ходе реализации реформирования требуется решить ряд методологических проблем, комплексно преобразовать правовую концепцию и идеологию. Осложняет модернизацию законодательства и правоприменения то, что большая часть его положений соответствует догмам советской идеологии в праве. По этой причине необходимо десоветизировать идеологию ключевых положений уголовной политологии, прочих ее отраслей. По нашему мнению, нужно преодолеть закостенелость, отсталость российской правовой идеологии по вопросам включения международно-правовых стандартов борьбы с коррупцией, оформления порядка (гражданско-процессуального) изымания имущества у лиц, уличенных в участии в коррупционной

деятельности, закрепления института криминальной ответственности юридических лиц за коррупционное поведение [6, с. 46].

Суть представляемых нами рекомендаций относительно реформирования правового механизма рассматриваемой нами антикриминальной стратегии заключается в том, что необходимо включить в нее все лучшие идеи, реализуемые в международной жизни в отношении борьбы с коррупционной и экономической преступностью. А это значит, что нашей стране следует применять на практике мировые стандарты борьбы с коррупционными проявлениями, испытанные в ряде государств правовые средства, показавшие свою антикоррупционную результативность. В данном контексте не лишним будет повторить уже ставшее излишне привычным утверждение: профильное отечественное право должно основываться на общеизвестных международно-правовых стандартах.

Мы знаем, что ряд стран в деле противодействия коррупции существенно преуспели. Не остаются

засекреченными и применяемые при этом правовые средства, механизмы, производящие впечатляющий антикоррупционный эффект. Многие государства уже прошли путь выстраивания устойчивого и бесперебойного правового механизма борьбы с коррупционным поведением высших чинов власти и политики и организованной экономической преступностью. Предлагаем уйти от стереотипа обязательного следования традиционным, изжившим себя догмам. Ведь нормы права придумываются людьми с целью улучшения их жизни. Ничто нам не мешает по большому счету сообразовать российское уголовное и уголовно-процессуальное законодательство с западноевропейскими правовыми стандартами. Полагаем, что наше уголовное право необходимо унифицировать одновременно с западноевропейским законодательством – причиной этому есть глобализационные процессы, протекающие в экономической сфере. Основные принципы подвергаются обобщению во всех уголках земного шара, поэтому наша страна также должна включиться в общий для всех процесс.

Литература:

1. *Дубнов А.П.* Коррупция как глобальная проблема современности. Владивосток : Изд. ДВГУ, 2018. 203 с.
2. *Шишкарёв С.Н.* О содержании и дефинициях коррупционных правонарушений // Закон и право. 2018. № 4. С. 8–12.
3. *Косаева Т.О.* Ответственность за преступления в сфере экономической деятельности: пути развития российского уголовного законодательства // Журнал российского права. 2014. № 4. С. 25–31.
4. *Бидова Б.Б.* Уголовное право: особенная часть : учебник в 2-х т. / Б.Б. Бидова, Е.Э. Ганаева, Ш.Ш. Муцалов. Кисловодск : Учебный центр «Мастер», 2016. Т. 2. 338 с.
5. *Шакирьянов М.М.* Понятие и сущность коррупции // Закон и право. 2018. № 6. С. 5–14.
6. *Шабалин В.А.* Политика и преступность // Государство и право. 2012. № 4. С. 44–48.

Literature:

1. *Dubnov A.P.* Corruption as a global problem of our time. Vladivostok : DVGU publishing house, 2018. 203 p.
2. *Shishkarev S.N.* On the content and definitions of corruption offenses // The law and the law. 2018. № 4. P. 8–12.
3. *Koshaeva T.O.* Responsibility for crimes in the sphere of economic activity: ways of development of the Russian criminal legislation // Journal of Russian law. 2014. № 4. P. 25–31.
4. *Bidova B.B.* Criminal law: a special part : textbook : in 2 vol. / B.B. Bidova, E.E. Ganaeva, Sh.Sh. Mut-salov. Kislovodsk : training center «Master», 2016. Vol. 2. 338 p.
5. *Shakiryaynov M.M.* The concept and essence of corruption // Law and law. 2018. № 6. P. 5–14.
6. *Shabalin V.A.* Politics and crime // State and law. 2012. № 4. P. 44–48.

Умарова Мадина Алиевна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
гражданского права и процесса,
Чеченский государственный университет
umarova1984@mail.ru

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ: АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Аннотация. Цель исследования заключается в анализе законодательства некоторых зарубежных стран в части антикоррупционных мер. Для достижения поставленной цели необходимо изучить наиболее эффективные меры противодействия коррупции и выделить принципы применимые в нашей стране. Сделан вывод о том, что борьба с коррупцией - чрезвычайно сложная и многоплановая задача, которая далеко не всегда успешно решается за рубежом, где нужны политическая воля и целенаправленные государственные усилия. Предлагается также исследовать и применять эффективный опыт зарубежных стран в сфере борьбы с коррупцией. Раскрываются наиболее эффективные меры антикоррупционного противодействия, такие как система мониторинга возможных точек возникновения коррупционных действий в государственных и общественных организациях; система подбора лиц на должности, опасные с точки зрения коррупции; система наказаний за коррупционные действия; система поощрений позитивных действий должностных лиц.

Ключевые слова: коррупция, зарубежное законодательство, искоренение коррупции, противодействие коррупции, практический опыт.

Вопрос преобразования нерезультативного и, в известной степени, коррумпированного властного аппарата стоял перед многими государствами, и в попытках решить его было накоплено немало эффективных наработок структурного реформирования управленческого аппарата и улучшения структуры государственной службы. Нашему государству можно присмотреться к практическому опыту тех стран, в которых структурные реформы привели к наилучшим результатам и послужили толчком к экономическому развитию. Здесь имеется в виду, в первую очередь, США, Великобритания, Канада, Германия, Франция и ряд иных стран с относительно дееспособной и результативной государственной службой. Видимо, имеет смысл исследовать и частично применить в процессе преобразования отечественной системы государственной службы (должного быть антикоррупционным) накопленный этими странами опыт предотвращения и

Madina A. Umarova
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
of Civil Law and Process,
Chechen State University
umarova1984@mail.ru

LEGAL MEANS OF COMBATING CORRUPTION: ANALYSIS OF FOREIGN EXPERIENCE

Annotation. The purpose of the study is to analyze the legislation of some foreign countries in terms of anti-corruption measures. To achieve this goal, it is necessary to study the most effective anti-corruption measures and highlight the principles applicable in our country. It is concluded that the fight against corruption is an extremely complex and multi-faceted task, which is not always successfully solved abroad, where political will and purposeful state efforts are needed. It is also proposed to study and apply the effective experience of foreign countries in the fight against corruption. The most effective anti-corruption measures are revealed, such as a system for monitoring possible points of occurrence of corruption actions in state and public organizations; a system for selecting people for positions that are dangerous from the point of view of corruption; a system for punishing corruption actions; a system for encouraging positive actions of officials.

Keywords: corruption, foreign legislation, corruption eradication, anti-corruption, practical experience.

купирования коррупционной преступности в структуре государственной службы [1, с. 4].

Применение опыта иностранных государств для эффективного предотвращения и купирования коррупционных проявлений в структуре государственной службы нашей страны имеет смысл еще и потому, что, как мы считаем, ключевые принципы работы служебного механизма одинаковы для всех и, исходя из практического опыта, большей частью не сопряжены с национальными особенностями [2, с. 35].

В России спланировать карьеру чиновнику сложно, поскольку она недостаточно четко сориентирована. Порядок присвоения классных чинов госслужащим должен быть понятен, а должности соотноситься с классными чинами. Помимо этого, требуется, чтобы вся совокупность социальных гарантий, сообразующихся тому или иному

классному чину, была соблюдена, а материальное вознаграждение, сообразное тому или иному классному чину, выдавалось безотносительно от занимаемого поста. Если указанные условия не соблюдаются, то, как известно из практики государственного управления в России и в иных странах, аппарат государства неизбежно деградирует со временем и разрушается.

На данный момент, увы, в нашей стране указанные предпосылки, требуемые для нормальной работы государственной службы, а также, для предотвращения и купирования коррупционных проявлений в ее системе, по факту не имеют место, а в тех областях, где они все же наличествуют, используются малоэффективно.

Осуществление этих законодательных норм должно состояться в ближайшем будущем, по этой причине считаем целесообразным начать исследование иностранного опыта.

Среди основных способов организации государственной службы в других странах необходимо выделить систематизацию должностей с выработкой четких стандартов относительно круга обязанностей чиновников того или иного класса и тех квалификационных требований, которые к ним предъявляются. Философия зарубежной государственной службы основывается на «принципе заслуг», в силу которого замещение административной должности (не считая политической) возможно только после сдачи определенных экзаменов и прохождения конкурса. Последний пункт зависит от итогов ежегодной аттестаций госслужащих. Следовательно, ежегодные аттестации, а также экзамены и конкурсы – это обязательная составляющая карьеры иностранного госслужащего.

Еще раз уточним, что институт аттестации есть один из результативных правовых инструментов предотвращения и купирования коррупционной преступности в структуре государственной службы. Это связано с тем, что выявление достоинств, имеющихся у чиновника, всегда считалось обязательной особенностью технологии управления и власти. Согласно Указу главы государства «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы» (утратил силу) [3, с. 46], руководителям госорганов необходимо было на протяжении 1992 года аттестовать всех госслужащих, применяя возможности аттестации по максимуму в упрочении госаппарата, совершенствовании деятельности по отбору, подготовке и распределению кадров, предотвращении коррупционной преступности. Однако в то время процедура осуществления аттестации была плохо отрегулирована, поэтому все это послужило лишь основанием увеличения коррупционной составляющей в структуре государственной службы России. Сейчас в ст. 24 ФЗ «Об основах государственной службы РФ» [4] содержится описание двух главных целей проведения аттестации:

а) выявление уровня профподготовки и корпорирования госслужащего занимаемой должности государственной службы;

б) разрешение проблемы присвоения госслужащему соответствующего квалификационного разряда.

Процедура и условия осуществления аттестации утверждаются в законодательной сфере федерального уровня и уровня субъектов РФ (п. 3 ст. 24 ФЗ). Но на данный момент все же отсутствует единый законодательный акт федерального уровня, регулирующий процедуру осуществления аттестации чиновников. В современных условиях такая ситуация требует своего разрешения [5, с. 30].

Кроме того, в проблематике, касающейся аттестации госслужащих, присутствует фактор стратегии отбора кадров на должности государственной службы. Рассматривая практику избрания руководителей государственных органов, можно с уверенностью сказать, что, чаще всего, занявшие эти должности стремятся протолкнуть в управление людей малоопытных в части несения государственной службы. И эти люди расцениваются как специалисты разных сфер управления. За рубежом делают акцент на создании высшей касты госслужащих. В западных странах (например, США, Германии, Франции, Великобритании и пр.) данный высший слой госслужащих создается, главным образом, не благодаря «выживанию сильнейшего» из всего числа государственных служащих, а через ориентированное воспитание, подготовку молодого персонала, сознательно назначенного во вхождение в правящую элиту [6, с. 133]. Отправной точкой восхождения по карьерной лестнице является сдача непростых экзаменов, допуск к которым могут иметь только люди с высшим образованием и не старше 30 лет. Большая часть выбранных в такой способ претендентов обычно состоит из людей, окончивших определенные ведущие вузы России [7, с.10].

Среди главных правил государственной службы в западных государствах особую роль играет правило материального стимулирования госслужащих. Благодаря этому, уровень жизни государственных служащих довольно высокий, что позволяет поддерживать на постоянной основе необходимый уровень квалификации персонала, в целом, всего государственного аппарата. [8, с. 153] Возвращаясь к нашей действительности, придется признать, что со стороны государства наблюдается, в целом, пренебрежительное и несправедливое отношение к преобладающей части своих госслужащих. Чиновники нередко остаются беззащитными как в политическом, так и в социальном плане. Посредством экономии на госаппарате, в общем-то, во многом власть и оптимизация снижают бюджетные издержки. Фактически, социуму должен обходиться очень дорого действительно функционирующий госаппарат [9, с. 43].

Разумеется, что вследствие лишь улучшения материального положения госслужащих проблематика коррупционной преступности в структуре государственной службы не уйдет с повестки дня. Решение проблемы требует использования целой совокупности юридических и организационных мер в данной области. Исключительную

важность имеет упорное и ориентированное формирование результативной государственной системы социального обеспечения чиновников. В нее могло бы быть включено ряд гарантий: маловероятная возможность увольнения со службы по причине смены политических глав, хорошее пенсионное обеспечение, длительный отпуск и прочие виды социальных льгот, зачастую, не применяющихся по отношению к работникам негосударственных организаций. Мощным стимулом могла бы стать в ряде случаев возможность гарантирования получения хорошо оплачиваемого рабочего места на предприятии коммерческого типа после того, как служащий выйдет в отставку.

В качестве важного организационного инструмента предотвращения и купирования коррупционной преступности в структуре государственной службы в западных странах выступает государственный контроль. Согласно статистическим данным, в США, Великобритании, Франции, Германии и ряде иных государств сформирована непростая система государственного контроля над работой бюрократической машины, причем, некоторые составляющие этой системы практически тождественны [10, с. 84]. Подобная обстановка наблюдается и в России. Научный мир и практическая плоскость сгенерировали множество источников информации по теме контроля, являющегося методом обеспечения законности в структуре государственной службы. Однако каких-то объективных проектов по его улучшению употребительно к рассматриваемой теме в нынешний

временной промежуток можно сказать, что не создано. В России имеется почти весь требуемый инструментарий для реализации результативного государственного контроля над работой чиновников. Но, с одной стороны, отсутствует стремление или политическая воля для использования существующих юридических и организационных средств, а с другой – на самом деле нет нужных правовых механизмов, должных быть созданными как можно скорее.

Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что государственный контроль не следует расценивать как карательную меру. Это – профилактическая деятельность, во всяком случае, такой должна быть, несмотря на то, что в ней предусмотрены криминально-правовые и административно-правовые элементы, применяемые тогда, когда предупредительные меры не приносят необходимого результата. Она подразумевает построение бытия, и работы госаппарата на базе установленных правил. Форсирование закрепления общественно-правового контроля над принятием разного рода решений госслужащими, в том числе, над их реагированием на обращения граждан есть значимым направлением профилактики коррупционной преступности в структуре госслужбы. Но следует не забывать о том, что сверхмерный контроль со стороны государства может быть опасен, чреват чрезмерной бюрократизацией процессов управления, ослаблением деловой активности и вероятным несоблюдением прав человека.

Литература:

1. *Шукин А.В.* Противодействие коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации – задача общая // *Право в Вооруженных Силах.* 2013. № 4. С. 2–8.
2. *Шнитенков А.В.* Обычный подарок для служащего: проблемные вопросы законодательной регламентации // *Юрист.* 2013. № 9. С. 33–39.
3. *Шабалин В.А.* Политика и преступность // *Государство и право.* 2016. № 4. С. 44–51.
4. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27 июля 2004г. № 79-ФЗ (в актуальной редакции) // *Собрание законодательства РФ.* 2004. № 31. Ст. 2990.
5. *Прудников Р.В.* Формирование институциональной основы противодействия коррупции в системе государственной службы // *Журнал российского права.* 2019. № 3. С. 28–34.
6. *Лобанов В.В.* Служба высших руководителей в США // *Государство и право.* 2010. № 6. С. 131–138.
7. *Пискарев С.Н.* О содержании и дефинициях коррупционных правонарушений // *Закон и право.* 2020. № 4. С. 6–11.
8. *Борщевский Г.А.* Трансформация государственной службы в условиях политических

Literature:

1. *Shchukin A.B.* Counteraction corruption in the armed Forces of the Russian Federation-General task // *Law in the Armed forces.* 2013. № 4. P. 2–8.
2. *Shnitenkov A.V.* An ordinary gift for an employee: problematic issues of legislative regulation // *Yurist.* 2013. № 9. P. 33–39.
3. *Shabalin V.A.* Politics and crime // *State and law.* 2016. № 4. P. 44–51.
4. Federal law «On the state Civil service of the Russian Federation» of July 27, 2004. № 79-FZ (in the current version) // *Collection of legislation of the Russian Federation.* 2004. № 31. Art. 2990.
5. *Prudnikov R.V.* Formation of the institutional basis for countering corruption in the public Service system // *Journal of Russian law.* 2019. № 3. P. 28–34.
6. *Lobanov V.V.* Service of senior managers in the USA // *State and law.* 2010. № 6. P. 131–138.
7. *Piskarev S.N.* On the content and definitions of corruption offenses // *The law and the law.* 2020. № 4. P. 6–11.
8. *Borshevsky G.A.* Transformation of the state service in the conditions of political changes of

изменений современности: опыт США // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2017. № 2. С. 149–173.

9. *Спектор Е.Н.* Коррупционные правонарушения: проблемные вопросы юридической квалификации // Журнал российского права. 2020. № 8(224). С. 40–46.

10. *Карагодин Н.И.* Формирование корпуса государственных служащих: зарубежный опыт для России // Международная экономика и международные отношения. 2019. № 9. С. 82–86.

the present: the US experience // Bulletin of the Moscow University. Series 21. Management (state and society). 2017. № 2. P. 149–173.

9. *Spector E.N.* Corruption offenses: problematic issues of legal qualification // Journal of Russian law. 2020. № 8(224). P. 40–46.

10. *Karagodin N.I.* Formation of the civil Servants ' corps: foreign experience for Russia // International economy and international relations. 2019. № 9. P. 82–86.

Ходжалиев Салех Айсевич
доцент кафедры
уголовного права и криминологии,
Чеченский государственный университет
hodzhaliev_saleh@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Восстановление социальной справедливости как цель наказания, означает, что каждое преступление должно быть раскрыто, а лицо, его совершившее, обязано понести наказание в соответствии с характером и степенью общественной опасности совершенного преступления, с учетом принципов уголовного права и общих начал назначения наказания. В статье ставится задача дать уголовно-правовую характеристику назначения наказания в виде ограничения свободы, анализируются проблемы исполнения данного вида наказания. Изучается взаимосвязь ограничения свободы с административным надзором за лицами, освобожденными из мест лишения свободы и с условным осуждением. А также, эффективность назначения наказания в виде ограничения свободы.

Ключевые слова: ограничение свободы; административный надзор; условное осуждение; осужденные; уголовно-исполнительные инспекции.

Восстановление социальной справедливости как цель наказания, означает, что каждое преступление должно быть раскрыто, а лицо, его совершившее, обязано понести наказание в соответствии с характером и степенью общественной опасности совершенного преступления, с учетом принципов уголовного права и общих начал назначения наказания. Данная цель, как нам представляется, реализуется частично, причем, в большей мере, если ограничение свободы назначено в качестве дополнительного вида наказания [1, с. 130–132]. Сущность уголовного наказания состоит не только в государственном осуждении, порицании общественно-опасного деяния и лица, его совершившего, но и в обязанности данного лица претерпевать лишения и ограничения прав и свобод, применяемых для реализации целей наказания. При этом речь не идет о причинении страданий осужденному как самоцели.

Несомненно, в арсенале мер уголовно-правового воздействия следует больше уделять внимание применению видов наказаний альтернативных

Saleh A. Khojaliyev
Associate Professor of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Chechen State University
hodzhaliev_saleh@mail.ru

SOME FEATURES OF THE APPOINTMENT AND EXECUTION OF THE PUNISHMENT IN THE FORM OF RESTRICTION OF FREEDOM UNDER THE CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN

Annotation. Restoring social justice as the purpose of punishment means that every crime must be solved and the perpetrator must be punished according to the nature and degree of public danger of the crime committed, taking into account the principles of criminal law and the general beginning of sentencing. In article the task to give the criminal and legal characteristic of purpose of punishment in the form of freedom restriction is set, problems of execution of this type of punishment are analyzed. The interrelation of restriction of freedom with administrative supervision of the persons released from places of imprisonment and with conditional condemnation is studied. And also efficiency of purpose of punishment in the form of freedom restriction.

Keywords: freedom restriction; administrative supervision; conditional condemnation; the condemned; criminal and executive inspections.

лишению свободы. Модернизация российского законодательства не обошла стороной сферу уголовно-правового регулирования общественных отношений, складывающихся в установлении преступности и наказуемости деяния, а также определяющих форму и содержание объема правовых ограничений уголовного наказания. Казалось бы, устоявшаяся система уголовных наказаний в последние годы претерпела существенные изменения, что повлекло за собой изменение содержания отдельных наказаний (ограничение свободы) и появление новых (принудительные работы), неизвестных ранее уголовному праву [1, с. 130–132].

По состоянию на 1 мая 2019 г в учреждениях УИС содержалось свыше 840 тыс. человек, в том числе, около 63,6 тыс. женского населения и около 4,7 тыс. несовершеннолетних. Всего в 2018 году судами первой инстанции было осуждено 908235 человека, из них 259347 – к лишению свободы [4].

Порядок исполнения всех видов уголовных наказаний предусмотрен Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации (УИК РФ). Ограничение свободы, будучи видом наказания, не является исключением.

В УИК РФ порядку исполнения ограничения свободы посвящена глава 8, состоящая из восьми статей. Кроме того, среди подзаконных актов следует назвать Приказ Минюста РФ от 11.10.2010 № 258 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы», которым на сегодняшний день руководствуются все уголовно-исполнительные инспекции при исполнении рассматриваемого вида наказания [10].

В этой связи, Президент Российской Федерации В.В. Путин, выступая на коллегии Генеральной прокуратуры, особенно подчеркнул важность не ужесточения наказания, а обеспечения его неотвратимости [5, с. 1].

В настоящее время остро стоит проблема назначения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, к которым, например, можно отнести ограничение свободы.

Основная цель назначения ограничения свободы – это дальнейшее постепенное исправление преступника. После отбытия наказания в виде лишения свободы для осужденного важно поэтапно восстанавливать социальные связи, не оказаться во вредной для него криминальной среде. Необходимо отметить, что нецелесообразно назначать ограничение свободы в качестве основного наказания за преступления на бытовой почве.

Как верно заметил М. Арзамасцев, в такой ситуации жертва и преступник после осуждения остаются в тех же бытовых условиях, фактически, «один на один», что может привести к эскалации насилия. Ограничение свободы вряд ли сможет обеспечить предупреждение новых насильственных преступлений на бытовой почве, поскольку такие преступления часто совершаются дома, в квартире, ином жилище в отношении родственников, соседей, знакомых, проживающих неподалеку [7, с. 4–7]. Тем самым, при назначении ограничения свободы суд должен учитывать все обстоятельства дела, проанализировать влияние данного наказания на осужденного и членов его семьи.

Таким образом, ограничение свободы, выступая в качестве уголовного наказания, объективно и обязательно причиняет осужденному определенные лишения и ограничения прав и свобод, состоящие в его правовом режиме.

Наши сомнения подтверждаются схожестью ограничения свободы с административным надзором, осуществляемым за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, который, являясь мерой административно правового характера, не имеет ничего общего с уголовным наказанием. Вместе с тем, предусмотренные Федеральным Законом «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [6, с. 4],

ограничения практически дословно воспроизводят содержание ограничения свободы, и в соответствии со ст. 4 данного ФЗ, «в отношении поднадзорного лица могут устанавливаться следующие административные ограничения:

- 1) запрещение пребывания в определенных местах;
- 2) запрещение посещения мест проведения массовых и иных мероприятий и участия в указанных мероприятиях;
- 3) запрещение пребывания вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания поднадзорного лица, в определенное время суток;
- 4) запрещение выезда за установленные судом пределы территории;
- 5) обязательная явка от одного до четырех раз в месяц в орган внутренних дел по месту жительства или пребывания для регистрации».

Ограничение прав и свобод лица предполагает практически любая мера государственного принуждения, поскольку такой метод обеспечивает наиболее эффективное воздействие на сознание участника правовых отношений в части определения границ дозволенного поведения. Изложенные суждения, позволяют придти к выводу о том, что введенное, рассматриваемым ФЗ, понятие «административное ограничение» по своей сути, практически размывает правовые границы между «ограничением свободы», как самостоятельным видом уголовного наказания и «административным надзором», выступающим в качестве меры административного принуждения [2, с. 83–86].

Таким образом, осужденные к ограничению свободы в максимальной степени представлены лицами среднего возраста.

Из всех состоявших на учете уголовно-исполнительных инспекций за два квартала 2018 г. больше всего имели судимость за такие преступления против собственности как кража (30,50 %), а также за такие преступления против здоровья населения и общественной нравственности как незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов; незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (10,93 %). Подобная тенденция наблюдается среди осужденных к ограничению свободы – соответственно 9,91 и 12,32 %.

Из состоявших на начало I полугодия 2019 г. на учете уголовно-исполнительных инспекций осужденных к ограничению свободы, ранее судимых за совершение преступлений, – 22,82 %, не занятых трудом или учебой – 30,4 %. В отношении 0,35 % проводились первоначальные розыскные мероприятия, 0,12 % находились в розыске, при этом в отношении ни одного такого осужденного не возбуждены уголовные дела за совершение повторного преступления [11].

Что касается осуждённых, которым наказание назначено в качестве дополнительного, возникают вопросы следующего характера: осуждённый уклоняется от отбывания наказания, что выражается в нарушении установленных для него судом ограничений. К нему применяются определённые законом меры взыскания: предупреждение, официальное предостережение – дополнение ранее установленных ограничений, а вот заменить неотбытую часть срока осуждённому нельзя, так как для этой категории осуждённых предусмотрено незамедлительное направление инспекцией информации в орган внутренних дел для принятия решения о возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314 УК РФ [10, с. 14–21].

Ограничение свободы является реальным видом наказания и не назначается условно (ч. 1 ст. 73 УК РФ). К осужденному к данному виду наказания не применяются положения ст. 79 (Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания) и ст. 80 (Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания) УК РФ.

По данным Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2013 году в

Литература:

1. *Клименко Т.М.* Наказание в виде ограничения свободы по российскому законодательству // Вектор науки ТГУ. 2012. № 2(20). С. 130–132.
2. *Татауров О.* Назначение наказания в виде ограничения свободы // Законность. М., 2013. № 7. С. 66–69.
3. На основании формы государственного статистического наблюдения «Единый отчет о преступности» (Форма 1-Г) за 2013–2014 гг. (по данным ГИАЦ МВД России).
4. *Путин В.В.* Не ужесточать наказание, а обеспечить его неотвратимость // Российская юстиция. 2002. № 3. С. 1.
5. *Тепляшин П.В.* Новый закон об уголовном наказании в виде ограничения свободы // Законность. 2011. № 3. С. 38–40.
6. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: Федеральный Закон РФ от 06.04.2011. № 64-ФЗ // Российская газета. 08.04.2011. № 5451. С. 4.
7. *Коростылёва Ю.В.* О некоторых вопросах исполнения наказания в виде ограничения свободы // Вестник Кузбасского института. 2013. № 3(16). С. 14–21.
8. *Тепляшин П.В.* Уголовное наказание в виде ограничения свободы: проблемы законодательной регламентации и эффективности в специальном предупреждении преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. № 4. С. 54.
9. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. М., 2013. URL : www.cdep.ru

верховных судах республик и равных им судах по первой инстанции ограничение свободы в качестве основного наказания назначено 2 лицам; районных судах к ограничению свободы как основному наказанию – 4,5 тыс. лиц, или 0,8 % в структуре осужденных; мировыми судьями к ограничению свободы в качестве основного наказания – 3,5 тыс. лиц, или 1,2 % [9].

В настоящее время происходит формирование судебной практики по назначению ограничения свободы, что подтверждается вышеуказанными статистическими данными.

Таким образом, предполагается, что популярность назначения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, а в частности ограничения свободы, в дальнейшем будет только возрастать. Однако важно, чтобы осужденный воспринимал назначенное наказание в виде ограничения свободы как заслуженное и справедливое. Восприняв его таковым, он сознательно будет претерпевать правоограничения, что, несомненно, должно способствовать искуплению вины, становлению его на путь исправления.

Literature:

1. *Klimenko T.M.* Punishment in the form of restriction of freedom under Russian law // Vector of Science TSU. 2012. № 2(20). P. 130–132.
2. *Tataurov O.* Appointment of punishment in the form of restriction of freedom // Legality. M., 2013. № 7. P. 66–69.
3. Based on the form of state statistical observation «Unified report on crime» (Form 1-D) for 2013–2014. (according to the GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia)
4. *Putin V.V.* Not to toughen the punishment, but to ensure its inevitability // Russian Justice. 2002. № 3. P. 1.
5. *Teplyashin P.V.* New law on criminal punishment in the form of restriction of freedom // Legality. 2011. № 3. P. 38–40.
6. On the administrative supervision of persons released from places of confinement: Federal Law of the Russian Federation of 06.04.2011. № 64-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 08.04.2011. № 5451. P. 4.
7. *Korostyleva Yu.V.* On some issues of the execution of punishment in the form of restriction of freedom // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2013. № 3 (16). P. 14–21.
8. *Teplyashin P.V.* Criminal punishment in the form of restriction of freedom: problems of legislative regulation and efficiency in special crime prevention // Criminological journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2010. № 4. P. 54.
9. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. M., 2013. URL : www.cdep.ru

Шаназарова Елена Витальевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
Milena.555@mail.ru

Головина Елена Николаевна

начальник
организационно-научного отделения
научного центра,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
Milena.555@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРОВ
В РАМКАХ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА
«О КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ
В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ,
РАБОТ, УСЛУГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ
И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД»**

Аннотация. Восстановление социальной справедливости как в статье раскрываются особенности заключения договоров в рамках федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». В современных условиях договор находится в центре механизма взаимодействия хозяйствующих субъектов. Наряду с тем, что договор играет роль юридического факта, из которого возникают отдельные правовые отношения, он выполняет регулятивные функции, является регулятором конкретных экономических отношений, которые складываются между хозяйствующими субъектами, заключающими договор, оформляет и структурирует их правовые отношения.

Ключевые слова: договор, контрактная система, государственные и муниципальные нужды, контрактная служба.

Важнейшее значение договора, прежде всего, хозяйственного (предпринимательского) договора, единодушно признается в юридической литературе. Судебная практика при рассмотрении споров, связанных с договорами, исходит из принципа обязательной юридической силы договора для лиц, его заключивших. Попытки уйти от ответственности за неисполнение или ненадле-

Elena V. Shanazarova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Public Law Disciplines
Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Enforcement of Penalties in Russia
Milena.555@mail.ru

Elena N. Golovina

Head of the Organizational
and Scientific Department
of the Scientific Center,
Vladimir Law Institute
Federal Service
enforcement of penalties in Russia
Milena.555@mail.ru

**FEATURES OF CONCLUDING
CONTRACTS WITHIN
THE FRAMEWORK OF THE FEDERAL LAW
«ON THE CONTRACT SYSTEM
IN THE FIELD OF PROCUREMENT
OF GOODS, WORKS, AND SERVICES
FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS»**

Annotation. The article reveals the features of concluding contracts within the framework of the Federal law «On the contract system in the field of procurement of goods, works, and services for state and municipal needs». In modern conditions, the contract is at the center of the mechanism of interaction between economic entities. Along with the fact that the contract plays the role of a legal fact, from which separate legal relations arise, it performs regulatory functions, is the regulator of specific economic relations that develop between economic entities that conclude the contract, forms and structures their legal relations.

Keywords: contract, contract system, state and municipal needs, contract service.

жащее исполнение договорного обязательства путем подачи исков о признании договора незаключенным или недействительным, как правило, не поддерживаются судами [1].

Такие попытки могут квалифицироваться как злоупотребление правом – заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав – с приме-

нением положений пунктов 1 и 2 статьи 10 ГК РФ: «Пределы осуществления гражданских прав». На использование огромного потенциала договорного урегулирования хозяйственных связей и направлен Закон № 44-ФЗ [2].

В данном случае законодатель назвал договор контрактом; это допустимо, так как термины «договор» и «контракт» - синонимы. Имея английское происхождение, слово «контракт» (contract) с незапамятных времен употребляется в русском языке как альтернатива терминам «договор», «соглашение» [3]. В юридической лексике употребляются и производные от слова «контракт» сочетания, например, «контрактное право», «договор контрактации» (ст. 535 ГК РФ).

В Законе № 44-ФЗ государственный и, соответственно, муниципальный контракт определяется через понятие договора: «государственный контракт, муниципальный контракт – договор, заключенный от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации (государственный контракт), муниципального образования (муниципальный контракт), государственным или муниципальным заказчиком для обеспечения соответственно государственных нужд, муниципальных нужд». То есть, государственный или муниципальный контракт – это договор, особая его разновидность, предназначенная для выполнения определенных социально-экономических задач в публично-правовой сфере.

Возникающие из государственного и муниципального контракта договорные отношения между заказчиком и исполнителем имеют сложную – комплексную – правовую природу, охватывая публично-правовые и частноправовые аспекты, но, тем не менее, находятся в сфере действия общих и специальных норм ГК РФ. Законодательство о контрактной системе основывается, в том числе, и на положениях ГК РФ. Об этом прямо сказано в части 1 ст. 2 Закона № 44-ФЗ: «Законодательство Российской Федерации и иные нормативные правовые акты о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». В настоящее время в действующей редакции части второй ГК РФ имеются специальные структурные подразделения, посвященные государственным и муниципальным контрактам: в главе 30-ой «Купля-продажа» – §4. «Поставка товаров для государственных или муниципальных нужд», ст. ст. 525–538, в главе 37-ой «Подряд» – §5. «Подрядные работы для государственных или муниципальных нужд», ст. 763–768. По логике должен быть аналогичный параграф в главе 39-ой «Возмездное оказание услуг» с нормами об оказании услуг для государственных и муниципальных нужд, но такой параграф отсутствует. Таким образом, соотношения ГК РФ и законодательства о госзакупках четко не установлено.

В ГК РФ проводится принцип приоритета норм Кодекса относительно норм других законодательных актов. Так, абз. 2 п. 2 ст. 525 ГК РФ гласит: «К отношениям по поставке товаров для государственных или муниципальных нужд в части, не урегулированной настоящим параграфом,

применяются иные законы». Аналогичное по содержанию положение содержится в ст. 768 ГК РФ: «Правовое регулирование государственного или муниципального контракта».

После принятия в 2006 г. Федерального закона № 19-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», были внесены изменения и в §4 главы 30-ой, и в §5 главы 37-ой ГК РФ. Тем не менее, детализация регулирования, представленная в Законе № 44-ФЗ, позволяет сделать вывод о том, что в соотношении с нормами §4 главы 30-ой, ст. 525–538, и §5 главы 37-ой, ст. 763–768 ГК РФ, нормы Закона № 44-ФЗ имеют приоритетное значение.

Но, во-первых, этот вывод приходится делать при отсутствии необходимого четкого решения вопроса в самом законодательстве. Во-вторых, нормы Закона № 44-ФЗ должны применяться на основе и с учетом норм ГК РФ, в том числе общих норм об обязательствах и договорах. По некоторым вопросам в Законе № 44-ФЗ делается не бланкетная (то есть не содержащая ссылки на определенные статьи ГК РФ или другого закона) отсылка к гражданскому законодательству. Например, в частях 8 и 9 ст. 95 Закона № 44-ФЗ говорится о возможности, при определенных условиях, одностороннего отказа стороны контракта от исполнения контракта и расторжения контракта (анализ этих положений дается ниже). Но и в тех конкретных случаях, когда подобных отсылок в положениях Закона № 44-ФЗ не содержится, взаимосвязи специальных норм Закона № 44-ФЗ с общими нормами ГК РФ и взаимодействие их объективно существуют.

Что касается норм части второй ГК РФ об отдельных видах обязательств, то, как нам представляется, допустимо их субсидиарное применение в тех случаях, когда выявляются какие-либо фрагменты отношений между заказчиком и исполнителем, которые не урегулированы нормами Закона № 44-ФЗ. Например, если заключен контракт на поставку товаров для государственных или муниципальных нужд, и в отношениях между заказчиком и исполнителем возникла коллизия, которая не находит разрешения на основе положений Закона № 44-ФЗ, то в целях ее урегулирования возможно субсидиарное применение специальных норм ГК РФ в том числе, по аналогии с законом (ст. 6 ГК РФ: «Применение гражданского законодательства по аналогии»). Название Закона № 44-ФЗ «О контрактной системе...» свидетельствует о том, что контракт (договор) является центральным элементом всей системы размещения заказов для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Если представить весь цикл правоотношений по размещению госзаказа, то в составе этих правоотношений выделяются два больших этапа: первый этап – организационный, от принятия уполномоченным органом решения о размещении госзаказа за счет бюджетных

ассигнований до заключения контракта; второй этап – исполнительский, от заключения контракта до прекращения его действия вследствие надлежющего исполнения.

Несмотря на то, что в динамике развития правоотношений много различных юридических фактов, собственно обязательство по поставке товаров, выполнению работ или оказанию услуг для государственных нужд возникает непосредственно из контракта и должно исполняться в строгом соответствии с его условиями. Какой бы из предусмотренных Законом № 44-ФЗ способов размещения госзаказа ни был использован заказчиком, заключение контракта во всех случаях является обязательным; выполнение госзаказа без заключения контракта недопустимо. Работы, выполненные исполнителем без заключения контракта, не должны приниматься заказчиком, и оплачены быть не могут.

Ввиду большого значения контракта, у органов и организаций, выступающих в качестве заказчиков, должны быть сотрудники, специально подготовленные для ведения контрактной работы. Согласно части 1 ст. 38 Закона № 44-ФЗ: «Контрактная служба», в организациях, совокупный годовой объем закупок которых, в соответствии с планом-графиком, превышает сто миллионов рублей, для ведения контрактной (договорной) работы должны создаваться специальные службы. Штатное расписание таких контрактных служб определяются самими организациями. В части 1 ст. 38 Закона № 44-ФЗ содержится оговорка о том, что создание специального структурного подразделения не является обязательным.

Литература:

1. *Степанова И.Е.* Недействительность и незаключенность гражданско-правового договора: проблемы теории и практики. М. : Проспект, 2013. 208 с.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8. С. 2–3.
3. *Дубинчин А.А.* Английское контрактное право : практ. пособие для российского юриста: заключение договора. М. : Инфотропик Медиа, 2012.

Это означает, что контрактная служба может быть создана как в виде отдельного подразделения – отдела, управления – с подчинением первому лицу организации либо его заместителю, так и в виде части какого-либо подразделения в системе административно-управленческой структуры организации; например, в составе экономической службы или в составе правового департамента и т.д.

Если же годовой объем закупок не превышает ста миллионов рублей, и у заказчика не создана контрактная служба, в штате заказчика должен быть сотрудник, ответственный за осуществление закупок, включая заключение контрактов и контроль за их исполнением. Такой сотрудник (должностное лицо) называется контрактным управляющим. Сотрудники контрактной службы и, конечно же, контрактный управляющий должны иметь либо высшее образование, либо дополнительное профессиональное образование со специализацией в сфере закупок. В части 4 ст. 38 Закона № 44-ФЗ перечислены основные функции контрактной службы и контрактного управляющего; к числу них относится подготовка и заключение контрактов.

В тех случаях, когда заказчик для осуществления закупок привлекает специализированную организацию, последняя принимает на себя обязательство по разработке необходимой конкурсной документации, включая проект контракта. Как вытекает из ст. 40 Закона № 44-ФЗ, специализированная организация действует на основании заключенного с заказчиком контракта.

Literature:

1. *Stepanova I.E.* Invalidity and non-conclusion of a civil law contract: problems of theory and practice. M. : Prospect, 2013. 208 p.
2. Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 № 25 «On the application by courts of certain provisions of section I of part I of the first Civil Code of the Russian Federation» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. № 8. P. 2–3.
3. *Dubinchin A.A.* English contract law: a practical manual for a Russian lawyer: conclusion of a contract. M. : Infotropik Media, 2012.

Шурухнов Николай Григорьевич

доктор юридических наук,
профессор,
главный научный сотрудник
НИЦ-3 НИИ ФСИН России,
профессор кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
Академия права и управления
Федеральной службы
исполнения наказаний России
matros49@mail.ru

Коррупция в современной России: некоторые данные официальной статистики, факты, результаты опроса граждан

Аннотация. Автором рассматриваются свойства коррупции, приводятся отношения к ней граждан, выявленные в процессе опросов, раскрывается содержание отдельных правовых актов (Судебник 1550 г, Соборное Уложение 1649 г.) Царской России, рассматривающих уголовную ответственность за совершение коррупционных преступлений. Акцентируется внимание на Федеральном законе «О противодействии коррупции», принятом в 2008 г., даются статистические и эмпирические данные (2010, 2019 гг.), характеризующие состояние и отдельные направления борьбы с коррупцией. В статье обозначается и материальный ущерб, причиняемый коррупцией в обозначенные годы, приводятся материалы судебной практики.

Ключевые слова: коррупция; взятка; история: современность; влияние на общество, граждан; информационные технологии.

На протяжении столетий политологи, социологи, юристы приводили факты о колоссальном вреде коррупции. Обладая такими свойствами, как структурная сложность, масштабность, комплексность, многоаспектность, коррупция затрагивает все срезы деятельности государства и общества. Она оказывает отрицательное влияние на политические, социально-психологические, экономические, правовые, культурно-исторические, духовно-нравственные, информационные аспекты жизни и деятельности российских граждан. Специалисты большинства научных направлений считают коррупцию отрицательным явлением, и лишь функционалисты находят в изучаемом явлении положительные черты. По их мнению, она улучшает функциональность государственной администрации, стимулирует поиск

Nikolai G. Shurukhnov

Doctor of Law,
Professor,
Chief Researcher at Nic-3
Research Institute FSIN of Russia;
Professor of the Department
of Criminal Procedure
and Forensic Science Academy
of the Federal Penitentiary Service of Russia
matros49@mail.ru

CORRUPTION IN MODERN RUSSIA: SOME OFFICIAL STATISTICS, FACTS, RESULTS OF A SURVEY OF CITIZENS

Annotation. The properties of corruption are considered, the relations of citizens identified in the process of surveys are given to it, the content of certain legal acts (Judicial Officer of 1550, Cathedral Code of 1649) of Tsarist Russia, providing for criminal liability for the commission of corruption crimes, is disclosed. Attention is focused on the Federal Law «On Combating Corruption», adopted in 2008, statistical and empirical data are given (2010, 2019) characterizing the state and certain areas of the fight against corruption. The article also identifies material damage caused by corruption in the designated years, provides materials of judicial practice.

Keywords: corruption; bribe; history: modernity; influence on society, citizens; information technology.

и принятие различных решений, способствует экономическому развитию.

Справедливости ради следует сказать, что ростки этого отрицательного явления коренятся во многих из нас. К сожалению, порой, мы сами актуализируем и даже инициируем отдельные составляющие коррупционного поведения, а спустя короткое время мы же и осуждаем его. Это подтверждается результатами опроса российских граждан, проведенного фондом общественного мнения (ФОМ). По его результатам 45 % опрошенных не видят противоправности в коррупционной составляющей своей деятельности; 29 % не осуждают получающих взятки; 70 % опрошенных предпринимателей согласны дать взятку ради получения последующей выгоды, а 44 % служащих

считают, что их сослуживцы за вознаграждение могут нарушить закон.

Приведенные цифры нами воспринимается как исторический отголосок этого пагубного явления российской действительности. Ведь коррупция в России имеет многовековую историю. Уже Судебником 1550 года (Царским Судебником) предусматривалось наказание за взяточничество. Более того, этот правовой акт давал его виды, проводил разграничения между «мздоимством» и «лихоимством». Первым считалось получение вознаграждения за принятие судебного решения (по делу, жалобе) вопреки нормам правосудия, в интересах заинтересованного лица. Лихоимством считалось «получение должностным лицом судебных органов пошлин свыше нормы, установленной в законе» [1, с. 10].

Соборное Уложение (СУ) 1649 года, действовавшее в России более двух веков, среди множества различных преступлений устанавливало ответственность за взяточничество не только судей и воевод (должностных лиц судебных органов), но и дьяков и подьячих (вспомогательного персонала).

В статье 1 главы X Уложения содержалось требование для судей всех рангов, чтобы «всякая расправа делати всем людем Московского государства, от большего и до меньшого чину, вправду». Казалось бы, приведенная норма-принцип должна пронизывать все другие установления СУ, однако, это не так. Это положение с ориентиром на содержание других норм можно прокомментировать следующим образом: соблюдение законов являлось обязательным для всех, однако, законы для сословий по Уложению были различны.

Принцип феодального права – права-привилегии – наглядно просматривался в содержании ст. 16, 17 главы X Уложения. «Степень наказания определялась в зависимости от сословно-социальной принадлежности потерпевшего и преступника. За одно и то же преступление наказание было тем сильнее, чем выше положение потерпевшего и ниже – преступника» [2, с. 270].

Глава X Соборного Уложения «О суде» содержала 287 статей, значительное количество которых предусматривало ответственность за неправый суд (за взятку) или в результате пристрастного отношения к подсудимому по мотивам дружбы или вражды. Мотив о «посуле» как служебном преступлении, был одним из доминирующих в Уложении в части приказного и воеводского управления и судопроизводства, свидетельствуя о процветании коррупции и произвола среди феодальной администрации.

Если проследить взгляды политологов, социологов, юристов и обратиться к правовым актам, принятым при различных общественно-экономических формациях Российского государства, то можно сделать вывод о том, что коррупция всегда являлась угрозой безопасности государства, тормозом для развития страны, вела к расслоению общества, вызывая возмущения, недовольство

(порой и бунтарский подход, массовые выступления) граждан. Исходя из этого, задачей законодательных и исполнительных органов власти, высших должностных лиц государства было принятие таких решений и программ социально-экономического развития страны, которые исключали бы конфликтную ситуацию на границе экономики и права, не содержали причин и условий для внедрения коррупции.

Прошло почти 12 лет, как вступил в силу Федеральный закон «О противодействии коррупции» [3]. Его принятию предшествовали долгие 15 лет. На сегодняшний день в него внесено столько новаций, уточнений, что по своему объему они больше, чем его первоначальный вариант. Не выражая субъективных оценок по вопросу затягивания принятия стратегического нормативного правового акта по противодействию коррупции, следует сказать об очевидной сложности определения действенных рычагов борьбы с этим сложным явлением.

Обращаясь к начальному периоду реализации положений указанного ФЗ и беря за точку отсчета 2010 год, укажем, что в обозначенное время было зарегистрировано свыше 38 тысяч коррупционных преступлений. Из них 13 тысяч составили преступления, связанные со взяточничеством (46,4 %). Средний ущерб от выявленного коррупционного преступления по данным ГИАЦ МВД России составил 315000 рублей.

В 2010 году лица, проживающие на территории Российской Федерации, в Интернет-приемную (раздел «Борьба с коррупцией») Генеральной прокуратуры РФ направлено 8 448 сообщений о злоупотреблениях различных должностных лиц. В них речь шла о коррумпированности при принятии решений по результатам рассмотрения сообщений о преступлениях, их расследовании. А также, в процессе реализации трудового, жилищного, природоохранного, земельного, градостроительного законодательства. Сообщения содержали и факты нарушений нормативных правовых актов о размещении заказов на поставки товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд. В рассматриваемый период времени аппаратом Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации из 57 тысяч единиц входящей корреспонденции было зафиксировано не менее 29 тысяч собственно жалоб на различные нарушения прав и свобод человека [4].

В 2010 году Россия набрала 2,1 балла и заняла 154 место в мировом Индексе восприятия коррупции. Рейтинг, включающий 178 позиций, был составлен международной организацией Transparency International the global coalition against corruption (Неправительственная международная организация по борьбе с коррупцией и исследованию уровня коррупции по всему миру).

В Тульской области должностные лица департамента здравоохранения, превысив свои должностные полномочия при закупке компьютерных томографов, причинили ущерб бюджету Российской Федерации в размере 138 млн рублей. Аналогичный случай имел место в Ростовской

области. Там директор ФГУП «Ростовский научно-исследовательский онкологический институт» заключил государственный контракт на поставку томографов для нужд данного лечебного учреждения по завышенным ценам. Размер ущерба, причиненного государству, составил 58 млн рублей. Аналогичные противоправные деяния были пресечены в Чувашской республике, Архангельской, Вологодской, Калининградской, Кировской, Новгородской, Орловской, Свердловской областях.

Заместитель министра жилищно-коммунального хозяйства Астраханской области, превысив свои должностные полномочия и вступив в преступный сговор с индивидуальными предпринимателями, незаконно перечислила в их адрес бюджетные средства в размере более 85 млн рублей, выделенные для субсидирования услуг ЖКХ гражданам отдельных льготных категорий.

В Смоленской области был выявлен факт представления подложных документов руководством коммерческой фирмы в главное управление государственного заказа по Смоленской области с целью заключения контракта на выполнение работ по строительству физкультурно-оздоровительного комплекса на сумму 1,2 млрд рублей.

С целью заключения государственного контракта на выполнение работ по реконструкции и капитальному ремонту городской клинической больницы № 3 г. Астрахани на сумму 4,84 млрд рублей в дирекцию по капитальному строительству Астраханской области были также предъявлены подложные документы.

Спустя 10 лет, в 2019 году, было совершено 30991 преступление коррупционной направленности [5] (на 1,6 % больше чем в предыдущем году). Материальный ущерб, причиненный зарегистрированными преступлениями, составил 48,0 млрд руб. (в 2018 году он составлял 58,3 млрд руб.). Уровень рассматриваемых преступлений в среднем по Российской Федерации составил 21,1 (на 100 тыс. населения страны). В структуре коррупционной преступности по-прежнему основную долю (44,7 %) составляет взяточничество.

По данным Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, в 2019 году (по сравнению с 2018 годом) на 29 % увеличилось количество жалоб, связанных с отказом в регистрации заявлений и сообщений о преступлениях, на 27 % – на решения об отказе в возбуждении уголовного дела (их количество составило 1396) [6].

За 2019 год на 74,1 % увеличилось число зарегистрированных преступлений, связанных с подкупом (откаты) должностных лиц при осуществлении ими полномочий в сфере государственных и муниципальных закупок. Для предупреждения такого рода противоправных действий в 2010 году планируется дополнить УК РФ новой нормой ст. 290.1 «Незаконное обогащение».

В Индексе восприятия коррупции Россия в 2019 году набрала 28 баллов из 100 и поднялась на

одну позицию выше по сравнению с 2018 годом, заняв 137 место из 180 [7, с. 24].

В 2019 году был осужден Д. Захарченко, бывший руководитель управления «Т» ГУЭБ и ПК МВД России, за прекращение необоснованных проверок бизнеса и задержек поставок морепродуктов на границе, получил 7 млн. рублей, карту на 50-процентную скидку в La Marée 2016 (взятокодатель – бизнесмен – владелец ресторана La Marée). Стоимость конфискованного у Д. Захарченко имущества составила 9 млрд руб. (элитные квартиры, машины, земельные участки). Осужден он был на 12 лет 6 месяцев лишения свободы, с штрафом в 117 млн рублей, запретом занимать государственные должности в течение двух лет и лишением специального звания. Соотношение суммы имущественного наказания и взысканий к сумме взятки составила 9117/7.

При осуществлении преступлений коррупционной направленности доминируют информационные технологии (подготовка, совершение, сокрытие), дистанционные способы. Распространена бесконтактность расчетов за принятие незаконных решений с «одновременным исключением личных контактов и осуществлением дачи-получения взятки через платежные терминалы либо посредством электронных и информационно-телекоммуникационных сетей на виртуальные счета (электронные кошельки), открытые в различных платежных системах» [8, с. 97].

Коррупция влияет на принятие политических решений, исходя из частных интересов, а не из экономической рациональности. Коррупционные схемы повышают стоимость реализуемых лекарственных средств (откаты в лекарственном обеспечении составляют не менее 20 %), товаров, предоставляемых услуг за счет включения в цену величины взятки и снижают их качество. Рост затрат на производство ухудшает инвестиционную привлекательность компаний и сокращает возможности для роста. Завышенные цены, в конечном итоге, ложатся бременем на потребителя и ведут к распространению бедности среди населения, следствием чего становятся уменьшение налоговых поступлений и сокращение количество рабочих мест. В результате коррупции снижается качество предоставляемых государством услуг в сфере здравоохранения, образования, транспорта и всей политической системы (считается, что целенаправленное использование бюджетных средств составляет около 70 %). Косвенно коррупционная деятельность отражается на росте неграмотности и недоверия граждан к институтам охраны прав и законных интересов, общественного порядка, судебной и образовательной системам.

Пострадавшая от деятельности коррупционных должностных лиц экономика, не способна обеспечить приемлемый уровень благосостояния, если нарушены механизмы рынка. Взятничество увеличивает стоимость производства, обеспечивающего импортозамещение, делает процесс инвестирования менее привлекательным.

При опросе, проведенном социологами РАГС при Президенте Российской Федерации, 87 % россиян указали на необходимость самым решительным образом бороться с коррупцией, чтобы исключить массу негативных последствий. В том числе, чтобы власть не зависела от преступников, исключалось властвование олигархических группировок, не ухудшалась обороноспособность страны, не росла инфляция, теневая экономика, не снижались налоговые поступления в бюджет, не происходило расслоения общества, не разрушались идеи демократии.

Следует сказать и о том, что коррупция стимулирует наиболее опасные виды преступлений.

Литература:

1. *Кабанов П.А.* Коррупция и взяточничество в России: исторический, криминологический и уголовно-правовой аспекты / П.А. Кабанов; Науч. ред. В.С. Устинов. Нижнекамск : ИПЦ «Гузель», 1995.
2. *Маньков А.Г.* Уложение 1649 года. Кодекс феодального права России. Л., 1980.
3. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (с изм. и доп. на 31 июля 2020 г.).
4. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2010 год. 13 мая 2011. Российская газета. Федеральный выпуск № 101(5477).
5. Указание Генеральной прокуратуры России № 797/11, МВД России № 2 от 13.12.2016 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». Перечень № 23 – преступления коррупционной направленности.
6. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2019 год. 14.04.2020. Российская газета. Федеральный выпуск № 80(8134).
7. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2019 года и тенденции ее развития. М., 2020.
8. *Никитина И.Э.* Ситуационный подход к предупреждению преступлений коррупционной направленности: судебно-экспертный аспект / И.Э. Никитина, М.Г. Нерсисян, И.Д. Шарапова // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. № 3. Т. 14.
9. *Шурухнов Н.Г.* Коррупция: зарубежный опыт противодействия (из результатов исследований юристов и политологов) // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-теоретическое ежеквартальное издание. М., 2019.

В качестве заключения отметим и о то, что опрос общественного мнения, проведенный в 107 странах мира с использованием шкалы от 1 (совсем не коррумпирован) до 5 (очень коррумпирован) показал, как население воспринимает отдельные институты общества с точки зрения их коррумпированности. Гражданами были оценены следующие институты: правовая система получила индекс – 2,6; полиция – 2,7; система образования – 2,7. По мнению граждан Германии, наиболее коррумпированы политические партии (3,8), бизнес (3,7) и СМИ (3,4) [9, с. 54–62].

Literature:

1. *Kabanov P.A.* Corruption and bribery in Russia: historical, criminological and criminal legal aspects / P.A. Kabanov; Scientific ed. V.S. Ustinov. Nizhnekamsk : CPI Guzel, 1995.
2. *Mankov A.G.* Code of 1649. Code of feudal law of Russia. L., 1980.
3. On combating corruption: Federal Law of 25.12.2008 № 273-ФЗ (with amendments and addendum to July 31, 2020).
4. Report of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2010. May 13, 2011. Russian newspaper. Federal issue № 101(5477).
5. Decree of the Prosecutor General's Office of Russia № 797/11, Ministry of Internal Affairs of Russia № 2 of 13.12.2016 «On the enactment of lists of articles of the Criminal Code of the Russian Federation used in the formation of statistical reporting». List № 23 – corruption-related crimes.
6. Report on the activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2019. 14.04.2020. Russian newspaper. Federal issue № 80 (8134).
7. A comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation following the results of 2019 and its development trends. M., 2020.
8. *Nikitina I.E.* Situational approach to the prevention of corruption-related crimes: forensic aspect / I.E. Nikitina, M.G. Nersesyan, I.D. Sharapova // Theory and practice of forensic examination. 2019. № 3. Vol. 14.
9. *Shurukhnov N.G.* Corruption: foreign experience in countering (from the results of studies of lawyers and political scientists) // Scientific works of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and theoretical quarterly publication. M., 2019.

Шушакова Екатерина Альбертовна
магистрант,
Томский государственный университет
kate.2319@yandex.ru

Стародубцева Мария Александровна
магистрант,
Алтайский государственный университет
Starodubzewa@gmail.com

Ельникова Софья Михайловна
студентка,
Алтайский государственный университет
soffia.elnikova@yandex.ru

ПОДДЕРЖКА РАЗВИТИЯ ВОЛОНТЕРСТВА В ОБЛАСТИ ОКАЗАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Аннотация. В статье рассматривается концепция развития добровольчества в Российской Федерации и Алтайском крае, принимается во внимание деятельность волонтерских отрядов и молодежных студенческих организаций, действующих на базе высших учебных заведений города Барнаула и регионального отделения политической партии «Единая Россия». Авторы указывают на недостаточность мер поддержки, оказываемых волонтерам, и несогласованность действий волонтерских отрядов антиэкстремистской и контртеррористической направленности между собой. Делается вывод о необходимости построения четкой системы взаимодействия.

Ключевые слова: добровольчество, волонтерство, волонтерские отряды, общественные организации, профилактика интолерантного поведения, юридические услуги, социальные услуги, коронавирус.

Концепция развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года определяет данную деятельность как безвозмездное исполнение работ либо услуг в определенных сферах [1]. На официальном уровне содействие расширению сети волонтерских организаций по стране является одним из приоритетных направлений социальной и молодежной политики. Поддержка добровольчества (волонтерства) осуществляется в рамках реализации Федерального закона «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» от 11.08.1995, Федерального закона «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996, Распоряжения Правительства РФ от 29.11.2014 «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025

Ekaterina A. Shushakova
Undergraduate,
Tomsk State University
kate.2319@yandex.ru

Maria A. Starodubtseva
Undergraduate,
Altai State University
Starodubzewa@gmail.com

Sophia M. Elnikova
Student,
Altai State University
soffia.elnikova@yandex.ru

SUPPORT FOR THE DEVELOPMENT OF VOLUNTEERING IN THE FIELD OF PROVIDING LEGAL AND SOCIAL SERVICES IN THE ALTAI REGION

Annotation. The article examines the concept of volunteering development in the Russian Federation and the Altai Territory, takes into account the activities of volunteer teams and youth student organizations operating on the basis of higher educational institutions in the city of Barnaul and the regional branch of the political party «United Russia». The authors point out the lack of support measures provided to volunteers and the lack of coordination between the actions of anti-extremist and counter-terrorism volunteer detachments. It is concluded that it is necessary to build a clear system of interaction.

Keywords: volunteerism, volunteering, volunteer teams, public organizations, prevention of intolerant behavior, legal services, social services, coronavirus.

года», Постановления Правительства РФ от 30.12.2015 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы», а также, Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 17.12.2015 «Интеграция добровольчества в дело мира и развития: план действий на следующее десятилетие и последующий период» [1].

В 2020 году, в связи с резким усложнением санитарно-эпидемиологической обстановки в мире и в России, деятельность волонтеров оказалась как никогда востребованной [2]. В частности, огромную популярность приобрели добровольцы в области социального обслуживания и социальной поддержки населения. Также, стремительно набирает обороты оказание добровольных

юридических услуг. Молодежь, в частности, студенты высших учебных заведений, организуют при содействии преподавателей правовые центры на базах юридических факультетов и институтов, объединяются в официальные организации со статусом юридического лица либо без такового.

Молодежные студенческие организации, волонтерские отряды считаются одной из форм студенческой самостоятельной организации и служат важным индикатором степени вовлеченности студентов в общественную жизнь образовательного учреждения. Также, это одна из форм профилактики интолерантного поведения в молодежной среде [3].

Рассмотрим некоторые аспекты волонтерской деятельности на примере студенческих организаций при высших учебных заведениях г. Барнаула.

В соответствии с государственной программой Алтайского края «Противодействие экстремизму и идеологии терроризма в Алтайском крае», основной волонтерской группой, объединяющей представителей разных высших учебных заведений г. Барнаула, является сводная инициативная группа «СИГОВАК». Она работает на базе сотрудничества с правоохранительными органами в антиэкстремистской и контртеррористической деятельности. Инициаторами создания указанной группы выступили студенты Алтайского педагогического университета. Основное поле деятельности волонтеров – работа с кураторами учебных групп, индивидуальная работа со студентами, входящими в группу риска [5].

Аналогичная инициативная группа существует и при Барнаульском юридическом институте МВД РФ (далее – БЮИ). Курсанты напрямую взаимодействуют с органами охраны правопорядка, работая общественными помощниками в следственных отделах. Также, в сферу их работы входит участие в научно-практических и студенческих конференциях, активное вовлечение в них основной массы студенческой молодежи, выступление с лекциями в образовательных учреждениях г. Барнаула.

На базе юридического института Алтайского государственного университета (далее – АлтГУ) работают две независимые волонтерские организации контртеррористического характера – отряд «Антиэкстремизм» и «Кибердружина 22». Волонтеры «Антиэкстремизма» преимущественно работают на базе колледжа АлтГУ с несовершеннолетними студентами, являющимися, вследствие недостаточно сформированной психологической устойчивости, первостепенным объектом вербовки в экстремистские и террористические объединения. Кибердружинники организуют выезды в населенные пункты Алтайского края, где в ходе «Школы Кибердружины» проводят мастер-классы по мониторингу социальных сетей на предмет выявления потенциально опасного контента [2].

Аналогичная работа проводится и в медицинском университете при поддержке Социально-

психологической службы высшего учебного заведения. Учитывая большое количество обучающихся в Алтайском государственном медицинском университете (далее – АГМУ) иностранных граждан, было принято решение о выделении отдельного факультета иностранных студентов, с которыми отдельно работают волонтеры-психологи. Основной целью является адаптация иностранных граждан к учебному процессу и профилактика экстремистских и деструктивных проявлений. Отметим, что опыт АГМУ представляет особый интерес, поскольку данная образовательная организация является специализированным учреждением, подведомственным Министерству здравоохранения, и наличие в нем волонтерских групп, работающих с фактами интолерантного поведения, указывает на взаимопроникновение двух, с виду совершенно изолированных друг от друга отраслей [4].

Однако стоит отметить и немаловажную проблему. Все перечисленные студенческие организации слабо связаны между собой и практически не контактируют. Даже работающие на одном институте отряды «Антиэкстремизм» и «Кибердружина 22» почти не пересекаются. Только с 2018 г. налаживаются попытки взаимодействия между АлтГУ и АГМУ в рамках участия представителей медицинского вуза в научно-практических конференциях юридического института. Причем, в данном сближении участвует только психологическая служба АГМУ, но никак не весь остальной массив ВУЗа. Что касается инициативной группы «СИГОВАК», с ней до сих пор волонтерами юридического института АлтГУ не налажено никаких связей. Также и с курсантами БЮИ.

Можно сделать вывод о том, что волонтерские объединения антиэкстремистской направленности в крае, безусловно, существуют, но целостной системы их сотрудничества не налажено до сих пор. Есть только отдельные попытки организаторов движений, не подкрепленные поддержкой со стороны руководства образовательных учреждений. Волонтерская инициатива – прекрасная вещь, но она требует детальной организации и регламентации, чего в настоящий момент явно недостаточно.

Обратимся теперь ко второму направлению волонтерской деятельности, широко развитому в Алтайском крае – социальной поддержки населения. И здесь нужно признать, ситуация складывается гораздо лучше. В частности, в апреле 2020 года студенты АГМУ, являющиеся представителями Всероссийского общественного движения «Волонтеры-медики» и студенты Колледжа АлтГУ, состоящие во Всероссийской общественной организации «Молодая Гвардия Единой России», приняли участие во всероссийской акции взаимопомощи #МыВместе. Была организована адресная помощь нетрудоспособным гражданам – пенсионерам – в доставке продуктов и лекарственных средств. Пожилым и малоподвижным жителям региона, находящимся на изоляции в период распространения инфекции COVID-19, были доставлены более двух тысяч бесплатных

продуктовых наборов. В апреле 2020 года инициативная группа волонтеров проводила мониторинг цен на продукты первой необходимости в торговых сетях «Мария-Ра», «Ярче», «Магнит» и «Пятерочка». 09 мая волонтеры приняли участие во Всероссийской акции «Георгиевская лента», приуроченной к празднованию 75-й годовщины Дня Победы в Великой Отечественной войне.

30 мая 2020 года студенты провели ряд мероприятий по ремонту игрового оборудования, уборке мусора на детской площадке в рамках акции «Добро в действии».

01 июня 2020 года была проведена акция – поздравление детей, временно находящихся на лечении в Алтайской краевой клинической детской больнице, в рамках акции «Подари радость детям». Акция проводилась совместно с российской политической партией «Единая Россия» и региональным отделением всероссийского общественного движения «Волонтеры-медики».

18 августа 2020 года был проведен мониторинг спортивных площадок города Барнаул. Были проверены следующие школы: школа 88, школа 112, школа 75, школа 123, лицей «Сигма». В ходе проверки было проверено состояние спортивного инвентаря. Полученные данные были обработаны и переданы в органы Роспотребнадзора.

С 01 октября 2020 года волонтеры проводят обучение старшего поколения пользованию информационными системами в рамках месячника пожилого человека.

10 октября 2020 года добровольцы приняли участие в проекте по озеленению парка культуры и отдыха «Изумрудный» в рамках акции «ЭкоЛогично».

07 октября 2020 года в связи с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой в Алтайском крае была возобновлена работа волонтерского

штаба по оказанию помощи гражданам в условиях коронавирусной инфекции.

Можно увидеть комплекс разноплановых акций и мероприятий, проведенных инициативной группой волонтеров меньше чем за полгода. И это следует считать важным достижением в налаживании взаимодействия между высшими учебными заведениями г. Барнаула не только в научном, но и в практическом плане, так как концепция развития волонтерства говорит именно об этом.

В Алтайском крае в рамках работы всероссийской акции взаимопомощи #МЫВМЕСТЕ объединили свои усилия Управление молодежной политики в реализации программ общественного развития Алтайского края, Общероссийский народный фронт в Алтайском крае, Алтайский центр развития добровольчества, Волонтеры Победы, Волонтеры-медики, партия «Единая Россия», Алтайский государственный медицинский университет, а также, «Молодая Гвардия Единой России» Алтайского края.

Необходимо присоединять к этой работе и другие волонтерские организации вузов. На базе юридического института с 2012 года работает бесплатная клиника правовой помощи по гражданским делам «Фемида», а с 2018 года – платный Центр правовой помощи по гражданским делам АлтГУ [2]. Алтайскому государственному университету и другим ВУЗам стоит, по нашему мнению, выработать единую программу помощи и поддержки волонтеров, чтобы эти мероприятия проходили не разово, а оформились в целостную систему. Необходимо учесть психологический фактор, без отдачи к добровольчеству быстро теряется интерес, первокурсников новых наборов не так просто заинтересовать оказанием бесплатной помощи, и в волонтерских рядах начинается мощный отток. А этого мы, как руководители данных организаций, не должны допускать.

Литература:

1. Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2018 № 2950-р. Об утверждении Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314804/ (дата обращения 09.10.2020).
2. Мазуров В.А. Система студенческих отрядов в противодействии экстремизму и идеологии терроризма / В.А. Мазуров, М.А. Стародубцева, С.А. Горовой, В.Ю. Горовая // Современный ученый. 2019. № 6. С. 203–208.
3. МВД сообщило о росте числа террористических и экстремистских преступлений. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/4415890> (дата обращения 03.10.2020).
4. Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении: практическое руководство / Под ред. И.А. Бaeвoй. СПб. : Речь, 2006. 288 с.

Literature:

1. Order of the Government of the Russian Federation of December 27, 2018 № 2950-r. On the approval of the Concept for the development of volunteering (volunteering) in the Russian Federation until 2025. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314804/ (date of access 09/10/2020).
2. Mazurov V.A. System of student detachments in countering extremism and ideology of terrorism / V.A. Mazurov, M.A. Starodubtseva, S.A. Gorovoy, V.Yu. Gorovaya // Modern Scientist. 2019. № 6. P. 203–208.
3. The Ministry of Internal Affairs reported an increase in the number of terrorist and extremist crimes. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/4415890> (date of appeal 03.10.2020).
4. Ensuring psychological safety in an educational institution: a practical guide / Ed. I.A. Baeva. SPb. : Rech, 2006. 288 p.

5. *Обрывко Е.И.* Воспитательная работа по формированию толерантности, культуры мира и межнационального согласия в студенческой среде вуза // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2015. № 23. С. 89–90.

5. *Obryvko E.I.* Educational work on the formation of tolerance, culture of peace and interethnic harmony in the student environment of the university // Bulletin of the Altai State Pedagogical University. 2015. № 23. P. 89–90.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аверин Александр Николаевич

доктор философских наук,
профессор,
Институт права и национальной
безопасности Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы при
Президенте Российской Федерации
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Понеделков Александр Васильевич

доктор политических наук,
профессор,
заведующий лабораторией,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Мищенко Яна Петровна

кандидат социологических наук,
доцент,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
mishchenko.yana2015@yandex.ru

Терещенко Виктор Викторович

аспирант кафедры
политологии и этнополитики,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Южно-Российский институт управления
(филиал)
politolog@uriu.ranepa.ru

**ДЕНЕЖНЫЕ ДОХОДЫ
РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ**

■ ■ ■

Аннотация. Одной из стратегических задач в развитии российского государства и общества на ближайшее десятилетие является сохранение населения, здоровья и благополучия людей, в ее рамках определен целевой показатель – снижение уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 года. Во многом достижение этой цели будет зависеть от конструктивной работы региональных административно-политических элит, что одновременно

Alexander N. Averin

Doctor of Philosophical Science,
Professor,
Institute of Law and National
Security of the Russian Academy
National Economy and Civil Service
under to the President
of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Aleksandr V. Ponedelkov

Doctor of Political Science,
Professor,
Head of Laboratory,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of the National Economy and Public Service
under to the President
of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Yana P. Mishchenko

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of the National Economy and Public Service
under to the President
of the Russian Federation
mishchenko.yana2015@yandex.ru

Viktor V. Tereshchenko

Postgraduate student of the Department
of Political Science and Ethnopolitics,
Russian Academy of Folk
Economy and Public Service
under the President
of the Russian Federation,
South Russian Institute of Management
(branch)
politolog@uriu.ranepa.ru

**CASH INCOME
OF THE RUSSIAN POPULATION**

■ ■ ■

Annotation. One of the strategic objectives in the development of the Russian state and society for the next decade is to preserve the population, health and well-being of people, within its framework set a target – reducing the poverty rate by half compared to 2017. In many ways, achieving this goal will depend on the constructive work of regional administrative and political elites, which will simultaneously contribute to strengthening the national security of the Russian Federation.

будет способствовать укреплению национальной безопасности Российской Федерации. Авторами рассматривается уровень и структура денежных доходов населения, дифференциация заработной платы по федеральным округам и регионам, оплата труда работников социальной сферы.

Ключевые слова: денежный доход, дифференциация доходов, заработная плата, меры социальной поддержки, социальная сфера.

The level and structure of the population's income is considered, wage differentiation by federal districts and regions, and the wages of social workers.

Keywords: income, income differentiation, wages, social support measures, social sphere.

Президент Российской Федерации определил в качестве национальной цели развития страны на период до 2030 года сохранение населения, здоровья и благополучия людей. В рамках этой цели он определил целевой показатель – снижение уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 года [1]. Во многом ее достижение будет зависеть от конструктивной работы региональных административно-политических элит, что одновременно будет способствовать и укреплению национальной безопасности Российской Федерации [2].

В качестве границы бедности используется величина прожиточного минимума. В 2017 году численность населения с денежными доходами ниже этого уровня составила 18,9 млн человек, т.е., 12,9 % от общей численности населения, в 2019 году – 18,1 млн человек или 12,3 %, а во втором квартале 2020 года – 13,5 %. Величина прожиточного минимума в среднем на душу населения была равна соответственно 10888; 10890; 11468 рублей. [3; 4; 5].

Денежные доходы населения включают:

- оплату труда наемных работников;
- доходы от предпринимательской и производственной деятельности;
- социальные выплаты;
- доходы от собственности (дивиденды, проценты, начисленные по денежным средствам на банковских счетах физических лиц в кредитных организациях);
- выплату доходов по государственным и другим ценным бумагам;
- инвестиционный доход;
- другие денежные поступления.

К социальным выплатам относятся пенсии, пособия, стипендии и другие выплаты; к доходам от собственности – дивиденды, проценты, начисленные по денежным средствам на банковских счетах физических лиц в кредитных организациях. Инвестиционный доход представляет собой доход от собственности держателей полисов. В 2019 году среднедушевые денежные доходы населения были равны 35249 рублей. Структура денежных доходов населения следующая: доходы от предпринимательской деятельности

составляли 6,1 % от общего объема, оплата труда – 57,9 %, социальные выплаты – 19 %, доходы от собственности – 4,4 %, другие доходы – 12,6 %. Основная доля расходов приходилась на покупку товаров и оплату услуг (81,3 %). Доля обязательных платежей и разнообразных взносов составила 15,3 %, приобретения недвижимости – 2,4 %, прирост финансовых активов – 1 %, в том числе, прирост денег на руках у населения – 0,4 % [3]. Во втором квартале 2020 года денежные доходы населения составляли 34513 рублей [6].

В Послании Президента Федеральному Собранию 15 января 2020 года отмечается, что «есть острейшая проблема, которая является прямой угрозой нашему демографическому будущему, – это низкие доходы значительной части наших граждан, семей» [7]. Существует значительная дифференциация денежных доходов населения. Об этом свидетельствует распределение общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения. На первую группу россиян с наименьшими доходами приходилось 5,3 %, на вторую – 10,1 %, на третью – 15,1 %, на четвертую – 22,6 %, на пятую с наибольшими доходами – 46,9 %.

Кoeffициент фондов (коэффициент дифференциации доходов), характеризующий степень социального расслоения, определяется как соотношение между средними уровнями денежных доходов 10 % населения с самыми высокими доходами и 10 % населения с самыми низкими доходами, был равен 15,4. Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) – 0,411. Он характеризует степень отклонения линии фактического распределения общего объема доходов населения от линии их равномерного распределения. Величина коoeffициента может варьироваться от 0 до 1, при этом, чем выше значение показателя, тем более неравномерно распределены доходы в обществе.

У наемных работников основным источником дохода является оплата труда [8]. Среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций в 2019 году составила 47468 рублей, 733 доллара США. Уровни их заработной платы значительно различаются по видам экономической деятельности. Среднемесячная начисленная заработная плата работников, занятых добычей сырой нефти и природного газа, была равна 135026 руб., производством табачных изделий – 108036 руб., финансовой и страховой деятельностью – 102992 руб. Вместе с тем, низкий уровень

среднемесячной начисленной заработной платы был в производстве одежды – 20552 руб., кожи и изделий из кожи – 26067 руб., текстильных изделий – 26196 руб., мебели – 26719 руб., деятельности почтовой связи и курьерской деятельности – 26732 руб., в деятельности гостиниц и предприятий общественного питания – 27947 руб., в обработке древесины и производстве изделий из дерева и пробки, кроме мебели, в производстве изделий из соломки и материалов для плетения – 28768 руб. [3].

В течение многих лет особое внимание уделяется повышению заработной платы в социальной сфере. Подтверждением этому может служить Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2012 года «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» [9]. Правительству было поручено обеспечить доведение средней заработной платы педагогических работников общего образования, дошкольных образовательных учреждений, преподавателей и мастеров производственного обучения начального и среднего профессионального образования, работников учреждений культуры до средней заработной платы в регионе. Средняя заработная плата врачей, преподавателей учреждений высшего образования, научных сотрудников должна быть повышена до 200 % от средней заработной платы в регионе. Президент в Послании Федеральному Собранию 15 января 2020 года особо отметил: «Не раз я заострял внимание на том, что все параметры по уровню зарплаты учителей, врачей, бюджетников, в целом, заданные в майских указах еще 2012 года, должны строго соблюдаться... Подчеркну, речь идет о людях, специалистах, которые работают в важнейших для общества и страны сферах, их труд должен оплачиваться достойно и справедливо» [5].

Подобный подход является одновременно серьезным фактором профилактики коррупционных правонарушений, так как анализ зарубежного опыта показывает, что только мерами уголовного права пресечения эту проблему не решить, ибо репрессивные меры сводятся не к борьбе с коррупцией, а к борьбе с коррупционерами, что не подрывает основ самой коррупции как явления [10].

В настоящее время средняя заработная плата работников социальной сферы и науки в организациях муниципальной собственности ниже среднероссийского уровня, она также меньше по сравнению с организациями федеральной собственности и собственности субъектов Российской Федерации. Исключение составляют педагоги образовательных, медицинских организаций или организаций, оказывающих социальные услуги детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей. У них уровень средней заработной платы выше, чем у работников организаций собственности субъектов Российской Федерации и среднероссийского уровня. У одних категорий работников – педагогов общего образования, преподавателей и мастеров среднего и начального профессионального образования, врачей, среднего и младшего медицинского персонала, работников учреждений культуры, научных

сотрудников средняя заработная плата в организациях федеральной собственности больше сравнительно с организациями собственности субъектов Российской Федерации. У других категорий она меньше – у педагогов дошкольных образовательных учреждений, учреждений дополнительного образования, преподавателей учреждений высшего образования, социальных работников.

Отношение средней заработной платы к оценке среднемесячной начисленной заработной платы наемных работников в организациях, у индивидуальных предпринимателей и физических лиц превышает в 2,1–2,6 раза у преподавателей учреждений высшего образования, врачей, научных сотрудников. Процентное отношение средней заработной платы младшего медицинского персонала, социальных работников еще меньше. Такая же ситуация сложилась у педагогов дошкольных образовательных учреждений по отношению к средней заработной плате в сфере общего образования в субъекте Российской Федерации, у педагогов учреждений дополнительного образования по отношению к средней заработной плате учителей в субъекте Российской Федерации.

Существует большой разрыв в оплате труда преподавателей и руководителей вузов. В 75 вузах, подведомственных Министерству науки и высшего образования, только у 30 % преподавателей заработная плата соответствует двум заработным платам в экономике. Зарплата ассистента, доцента в 15 раз меньше заработной платы ректора и проректора. Зарплата преподавателей составляет от 30 тыс. до 70 тыс. руб., ректоров – от 300 тыс. до 1 млн руб. [11].

В 2020 году в условиях пандемии медицинские и социальные работники, которые проводят непосредственную работу с больными с коронавирусом, получают с 01 апреля до конца года ежемесячные стимулирующие выплаты. Лечащие врачи получают 80 тыс. руб., врачи службы скорой помощи, фельдшеры и медицинские сестры – 50 тыс. руб., медицинские сестры и фельдшеры, младший медицинский персонал, водители экипажей скорой помощи – 25 тыс. руб. Выплаты освобождаются от подоходного налога. Осуществляются стимулирующие выплаты работникам стационаров – домов престарелых, интернатов для инвалидов, в которых работники проживают не менее двух недель. Врачам выплачивается 40 тыс. руб. за каждую смену и 60 тыс. руб., если они во время смены оказывали помощь людям, заразившимся коронавирусом, социальным работникам, педагогам, среднему медицинскому персоналу, соответственно – 25 тыс. и 35 тыс. руб., младшему медицинскому персоналу – 15 тыс. и 20 тыс. руб., техническому персоналу – 10 тыс. и 15 тыс. руб. Существуют стимулирующие выплаты за особые условия труда и дополнительную нагрузку работникам бюджетных организаций, которые помогают людям с коронавирусной инфекцией. В стационарах врачи – инфекционисты, анестезиологи, реаниматологи получают 100 % от средней зарплаты за 9 месяцев 2019 года, врачи – 80 %, медицинские сестры – 50 %, санитары – 30 %, в службе скорой помощи

и поликлиниках медицинские сестры и фельдшеры – 40 %, фельдшеры по приему вызовов, санитары – 20 % [12].

Для повышения уровня денежных доходов действуют меры социальной поддержки [13]. Осуществлялась выплата в 10 тыс. рублей в июне на детей в возрасте от 3 до 16 лет, июле – от 0 до 16 лет 5 тыс. руб. – в апреле, мае, июне – на детей от 0 до 3 лет 7 тыс. руб. С апреля по август 2020 г. максимальное ежемесячное пособие по безработице для людей, потерявших работу после 01 марта 2020 г., независимо от их дохода составляет 12130 руб. В апреле – сентябре безработному родителю на каждого ребенка до 18 лет ежемесячно выплачивались 3 тыс. руб. Минимальный размер пособия по уходу за ребенком до 1,5 лет – составляет 6752 руб. С доходом ниже двух прожиточных минимумов на человека 1,6 млн

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития на период Российской Федерации до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 30. Ст. 4884.
2. *Воронцов С.А.* Роль и влияние административно-политических элит в процессе обеспечения национальной безопасности на Юге России / С.А. Воронцов, А.В. Понеделков, Р.Х. Усманов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 2(39). С. 234–244.
3. Россия в цифрах 2020. Статистический сборник. URL : https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_11/Main.htm
4. Основные показатели социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в I полугодии 2020 года // Российская газета. 2020. 10 сентября.
5. *Манукиян Е.* Ориентир для соцподдержки // Российская газета. 2020. 21 сентября.
6. *Аверин А.Н.* Денежные доходы населения как составная часть социальной политики государства / А.Н. Аверин, А.В. Понеделков, С.А. Воронцов, А.Ю. Голобородько // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2017. № 4. С. 128–132.
7. Помочь тем, кому труднее // Российская газета. 2020. 16 января.
8. *Аверин А.Н.* Уровень заработной платы в Российской Федерации / А.Н. Аверин, А.В. Понеделков, С.А. Воронцов, А.Ю. Голобородько // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 5(96). С. 115–118.
9. Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2012 года «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 19. Ст. 2334.

семей получают выплаты на детей до 3 лет в размере регионального прожиточного минимума на ребенка [14].

В течение трех месяцев включительно по сентябрь 2020 г. 12130 руб. получают индивидуальные предприниматели, прекратившие свою деятельность. В 21 регионе малоимущие получают средства по социальному контракту: 54,1 % – на преодоление сложной жизненной ситуации, 36,5 % – на помощь в поисках работы, 9,4 % – на другие цели.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что государство даже в столь сложных экономических условиях, вызванных эпидемией коронавируса, выполняет свои обязательства по поддержке наименее социально защищенных слоев населения.

Literature:

1. Decree of the President of the Russian Federation № 474 of July 21, 2020 «On national development goals for the period of the Russian Federation until 2030» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. № 30. Art. 4884.
2. *Vorontsov S.A.* The role and influence of administrative and political elites in the process of ensuring national security in the South of Russia / S.A. Vorontsov, A.V. Ponedelkov, R.H. Usmanov // Caspian region: politics, economy, culture. 2014. № 2(39). P. 234–244.
3. Russia in numbers 2020. Statistical collection. URL : https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_11/Main.htm.
4. Main indicators of the socio-economic situation of the subjects of the Russian Federation in the first half of 2020 // Russian newspaper. 2020. September 10.
5. *Manukian E.* Reference point for social support // Russian newspaper. 2020. September 21.
6. *Averin A.N.* Monetary incomes of the population as an integral part of the social policy of the state / A.N. Averin, A.V. Ponedelkov, S.A. Vorontsov, A.Yu. Goloborodko // State and municipal management. Scientific notes. 2017. № 4. P. 128–132.
7. Help those who find it more difficult // Russian newspaper. 2020. January 16.
8. *Averin A.N.* Level of wages in the Russian Federation / A.N. Averin, A.V. Ponedelkov, S.A. Vorontsov, A.Yu. Goloborodko // Science and education: economy and Economics; entrepreneurship; law and management. 2018. № 5(96). P. 115–118.
9. Decree of the President of the Russian Federation of may 7, 2012 «On measures to implement the state social policy» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2012. № 19. Art. 2334.

10. *Воронцов С.А.* Об использовании в противодействии коррупции в России основных принципов зарубежных антикоррупционных технологий, показавших высокую эффективность // Юристы-Правоведь. 2011. № 1(44). С. 88–94.

11. *Замахина Т.* Ближе к профессору // Российская газета. 2020. 17 сентября.

12. *Манукиян Е.* Финансы // Российская газета. Неделя. 2020. 16 сентября.

13. *Аверин А.Н.* Динамика государственных минимальных социальных гарантий / А.Н. Аверин, А.В. Понеделков, С.А. Воронцов, А.Ю. Голобородько // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 5(96). С. 111–114.

14. Меры социальной поддержки граждан, действующие в 2020 году // Российская газета. 2020. 15 сентября.

10. *Vorontsov S.A.* On the use of the main principles of foreign anti-corruption technologies that have shown high efficiency in countering corruption in Russia. 2011. № 1(44). P. 88–94.

11. *Zamakhina T.* Closer to the Professor // Russian newspaper. 2020. September 17.

12. *Manukian E.* Finance // Rossiyskaya Gazeta. A week. 2020. September 16.

13. *Averin A.N.* Dynamics of state minimum social guarantees / A.N. Averin, A.V. Ponedelkov, S.A. Vorontsov, A.Yu. Goloborodko // Science and education: economy and Economics; entrepreneurship; law and management. 2018. № 5(96). P. 111–114.

14. Measures of social support for citizens in force in 2020 // Russian newspaper. 2020. September 15.

Будкина Екатерина Сергеевна
аспирантка,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
katya.budkina.93@mail.ru

ПРАКТИКА АДМИНИСТРИРОВАНИЯ И ВЛИЯНИЯ НДС НА ХОЗЯЙСТВЕННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье показаны результаты анализа формирования входящего НДС, налогового кредита, налоговых обязательств по НДС и их влияние на иммобилизацию денежных средств субъектов предпринимательства. На примере косметических компаний показаны практические аспекты администрирования и рассчитано влияние НДС на хозяйственную деятельность субъектов предпринимательства.

Ключевые слова: налог на добавленную стоимость, администрирование НДС, влияние НДС на субъектов хозяйственной деятельности, косметические компании.

Важным и необходимым условием исследования проблемы влияния налога на добавленную стоимость на хозяйственную деятельность (с точки зрения финансовых отношений субъектов предпринимательства и государства) является использование анализа влияния налога на макроуровне для изучения практических аспектов функционирования НДС на уровне конкретных плательщиков.

Такой подход дает возможность:

- Во-первых, оценить влияние государственной налоговой политики в отношении взимания НДС на деятельность отечественных предпринимательских структур;
- Во-вторых, определить возможности оптимизации интересов плательщиков входного НДС и государства;
- В-третьих, предложить направления такой оптимизации налогового администрирования путем определения оптимизации ставки для объекта налогообложения НДС [1].

Система администрирования НДС для торговых предприятий розничного типа вызывает сложности в налогообложении и формирует проблемы управления в системе работы предпринимателей-ритейлов.

Изменения объемов реализации продукции и налоговых обязательств отражены на рисунке 1.

Yekaterina S. Budkina
Graduate student,
Russian Academy of Public Administration
and Public Service under the President
of the Russian Federation
katya.budkina.93@mail.ru

PRACTICE OF VAT ADMINISTRATION AND IMPACT ON BUSINESS ACTIVITIES OF BUSINESS ENTITIES

Annotation. The article shows the results of analysis of the formation of incoming VAT, tax credit, tax liabilities for VAT and their impact on the immobilization of funds of business entities. On the example of cosmetic companies, the practical basics of administration are shown and the impact of VAT on the economic activities of business entities is calculated.

Keywords: value added tax, VAT administration, VAT impact on business entities, cosmetic companies.

Попробуем установить определенную тенденцию отдельных предприятий, а также изменения указанного показателя в динамике. В целом по торговым косметическим компаниям в России соотношение НДС, уплаченного в бюджет, и объема по реализации продукции в динамике является относительно стабильным и колебалось от 8,4 % в 2012 г. до 5,8 % в 2019 г.

Приведенные данные и их анализ позволяют сделать вывод, что на сумму налоговых обязательств по уплате НДС в бюджет существенно влияет формирование налогового кредита по НДС. Под налоговым кредитом понимается одна из налоговых льгот, состоящая в отсрочке взимания налога, то есть налоговый кредит представляет собой такое изменение срока уплаты налога, при котором организации при наличии оснований, указанных в статье 67 настоящего Кодекса, предоставляется возможность в течение определенного срока и в определенных пределах уменьшать свои платежи по налогу с последующей поэтапной уплатой суммы кредита и начисленных процентов (ст. 66 НК РФ). Изменения в формировании налогового кредита на отдельных предприятиях и в отдельные годы влияют на уплату НДС в бюджет, а следовательно на иммобилизацию денежных средств. Формирование налогового кредита является достаточно сложным. Таким образом, решение проблемы по администрированию НДС для предпринимателей-ритейлов следует осуществить путем оптимизации использования налогового кредита. Рассмотрим пути решения выявленной проблемы.

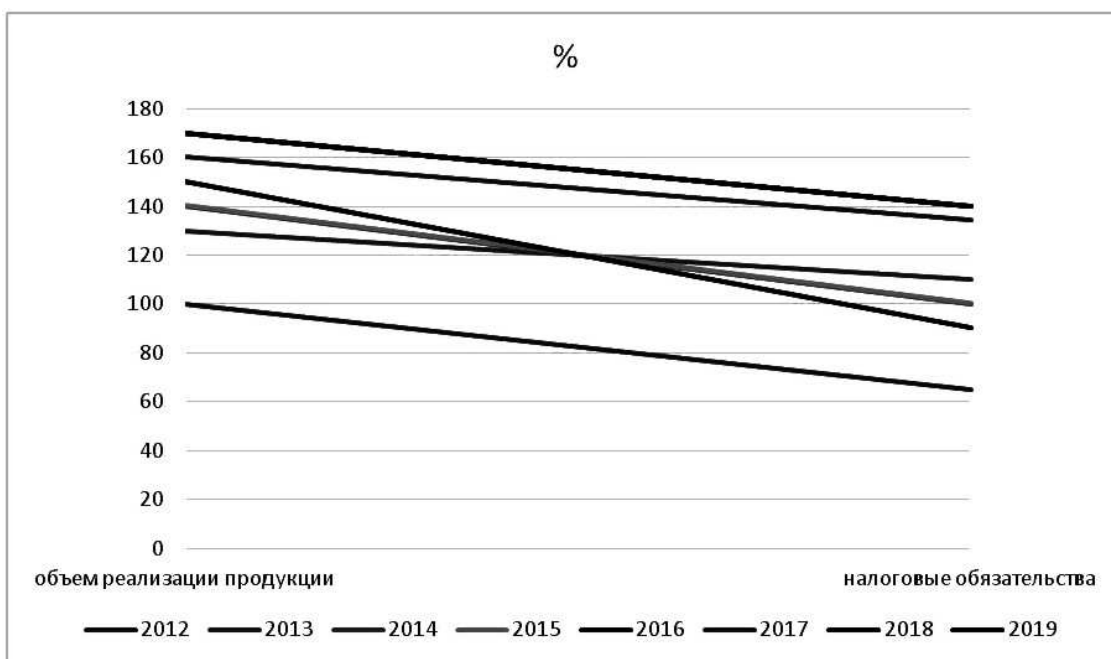

Рисунок 1 – Объем реализации продукции и налоговых обязательств торговых косметических компаний в 2012–2019 годах

Известно, что формирование налогового кредита напрямую связано с реализацией товаров, работ, услуг, основных средств и нематериальных активов, используемых для обеспечения производственно-хозяйственной деятельности. Учитывая, что формирование налогового кредита непосредственно и в основном связано с приобретением товарно-материальных ценностей для обеспечения хозяйственной деятельности, проанализирована структура материальных затрат в себестоимости продукции, работ, услуг на исследуемых предприятиях. Колебания удельного веса материальных затрат в себестоимости реализованной продукции, работ, услуг на отдельных исследуемых предприятиях и в динамике, безусловно, влияет на формирование налогового кредита, а следовательно на сумму НДС, уплачиваемого в бюджет. Анализ данных, выполненных автором, свидетельствует о следующем:

1. Удельный вес материальных затрат в себестоимости реализованной продукции, работ, услуг является достаточно высоким для большинства исследуемых предприятий. В 2012 г. он превышал 50 процентов на 7-ми предприятиях из 10-ти, а в 2019 – на 8-ми из 10-ти.

2. В рассматриваемых торговых косметических компаниях в 2017 г. повысился удельный вес материальных затрат в себестоимости реализованной продукции по сравнению с 2012 г.

3. Имеют место существенные колебания удельного веса материальных затрат в себестоимости реализованной продукции практически на всех исследуемых предприятиях в динамике.

Проведенный анализ структуры материальных затрат торговых косметических компаниях позволяет сделать следующие выводы:

1. Увеличение удельного веса материальных затрат в себестоимости реализованной продукции на исследуемых предприятиях приводит к увеличению суммы налогового кредита и уменьшению налога на добавленную стоимость, который предприятия платят в бюджет.

2. На предприятиях с более высоким удельным весом материальных затрат в себестоимости реализованной продукции влияние налогового кредита на уплату НДС в бюджет будет более существенным.

3. Увеличение удельного веса материальных затрат в себестоимости продукции приводит к уменьшению удельного веса добавленной стоимости в объеме реализованной продукции.

Одним из существенных факторов, влияющих на поступление выходного НДС, является дебиторская задолженность покупателей за отгруженную продукцию плательщиками налога на добавленную стоимость. Оптимизация такой задолженности, ее сокращение увеличивают выручку от реализации продукции, а следовательно уменьшают объемы и сроки иммобилизации денежных средств субъектов предпринимательства-плательщиков НДС. Проведем анализ формирования налогового кредита в торговых косметических компаниях за 2012–2019 гг. Существенное сокращение превышения входного НДС над налоговым кредитом в 2019.

Как видно из рис. 2, превышение входящего НДС над налоговым кредитом в целом для компании Atomy существенно колеблется: 2012 – 256 руб.; 2013 г. – 1373 руб.; 2014 г. – 700 руб.; 2015 г. – 11 руб.; 2016 г. – 589 руб.; 2017 г. – 92 руб.; 2018 г. – 570 руб.; 2019 г. – 542 руб.

Превышение входящего НДС над налоговым кредитом негативно влияет на финансовые результаты предприятий, поскольку указанное превышение относится к себестоимости продукции. Имобилизация оборотных средств возникает при условии, когда налоговые обязательства

определяются по первому событию. Соответственно, указанный механизм влияния НДС на хозяйственную деятельность субъектов предпринимательства необходимо рассматривать по следующим составляющим (рис. 3).

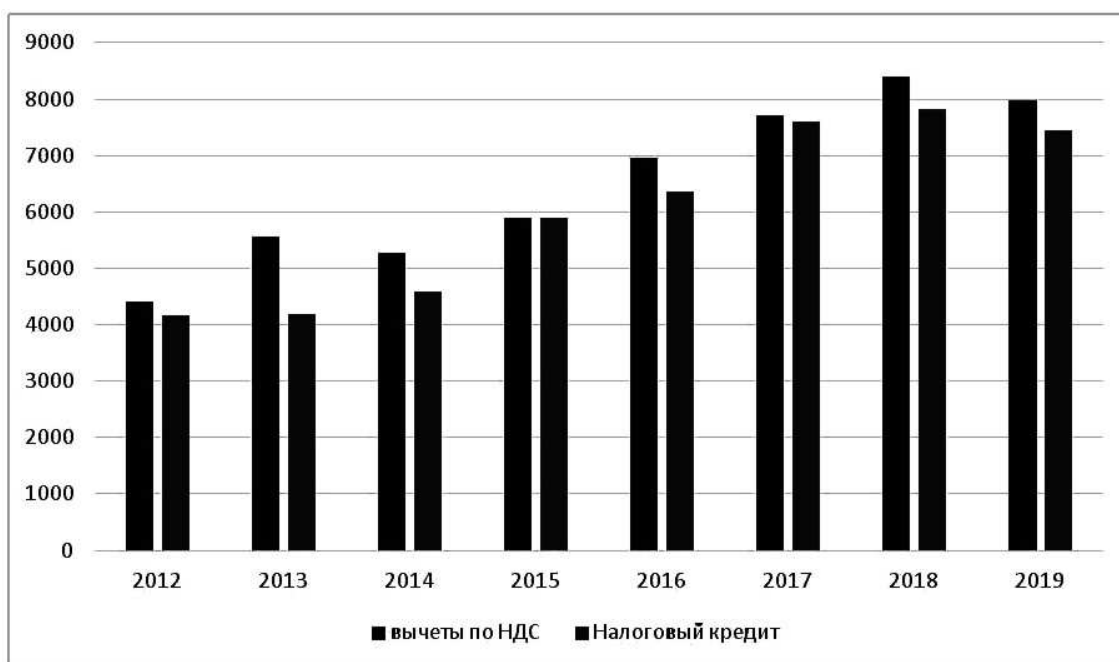

Рисунок 2 – Вычеты НДС и налоговый кредит торговых косметических компаниях в 2012–2019 годы, руб.

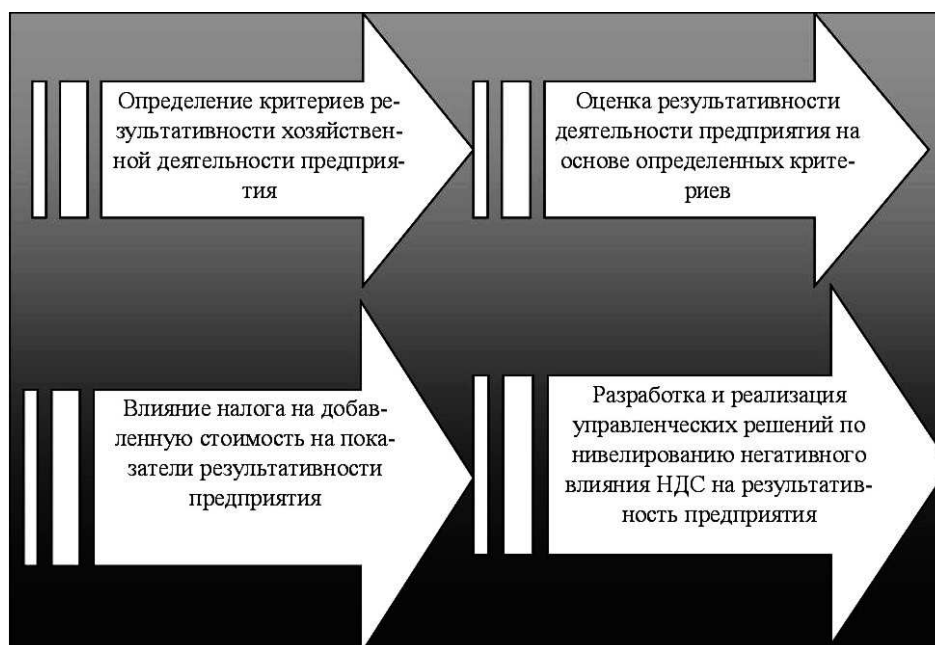

Рисунок 3 – Механизм влияния НДС на результативность хозяйственной деятельности ИП

Таким образом, в процессе оценки воздействия налога на добавленную стоимость на хозяйственную деятельность предприятия определяются критерии, на основе которых визуализируется оценка результативности такой деятельности.

Рассмотрим динамику налога на добавленную стоимость, который направлялся в бюджет

исследуемыми предприятиями в 2012–2019 гг. (табл. 1).

Приведенные данные свидетельствуют, что выручка от реализации продукции в исследуемых предприятиях за анализируемый период росла более быстрыми темпами по сравнению с ростом чистого дохода.

Указанная разница между темпами роста выручки от реализации продукции и темпами роста

чистого дохода обусловлена меньшими темпами роста налога на добавленную стоимость.

Таблица 1

Уплата НДС исследуемыми предприятиями в 2012–2019 гг., руб.

Предприятия	Года								
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2019/2012, в %
Всего	7128849	9065061	10809760	9226045	10805308	10965342,9	11474537,5	11474537,4	156,9

Таким образом, оценка влияния налога на добавленную стоимость на конечные результаты хозяйственной деятельности исследуемых предприятий свидетельствует о следующем:

1. Для анализируемых компаний характерен высокий и чрезвычайно высокий уровень связи (в пределах 0,5–0,99) между объемом уплаченного налога на добавленную стоимость в бюджет и финансовыми результатами предприятий. На наш взгляд, определенным образом такой тесной связи для тех предприятий, где показатель корреляции положительный можно косвенно объяснить так. Налог на добавленную стоимость является частью выручки от реализации продукции, работ услуг, соответственно – наращивание объемов реализации способствует улучшению финансовых результатов предприятия при условии, что

рентабельность продаж продукции не меняется. Гораздо сложнее причинно-следственная связь для предприятий, имеющих высокий, но отрицательный уровень корреляции, поскольку объяснить подобную тенденцию только влиянием отрицательного значения доходности продаж практически невозможно.

2. Вопрос о влиянии размеров предприятия на корреляционную связь между объемом уплаченного налога на добавленную стоимость и финансово-хозяйственными результатами деятельности предприятия является сложным. Учитывая результаты анализа, можно утверждать, что корреляционная связь в рассматриваемой цепи «НДС – финансовые результаты» усиливается одновременно с уменьшением размера предприятия (по критерию объема активов).

Литература:

1. *Каширина М.В.* Налоговые аспекты развития строительного бизнеса // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. Т. 4. № 1. С. 64–75.
2. *Зотиков Н.З.* Сомнения, неясности, двойственность в налогообложении, методы их устранения // Интернет-журнал Науковедение. 2017. Т. 9. № 4. С. 26.
3. *Муллина С.А.* Совершенствование методов налогового учета в части формирования системы налогообложения НДС/ФЛ : монография. Краснодар : КубГАУ им. И.Т. Трубилина, 2017. 118 с.
4. *Еловацкая Т.А.* Налогообложение субъектов хозяйствования реального сектора экономики. Воронеж : Научная кн., 2015. С. 74.
5. *Фролова Т.А.* Практические аспекты исчисления и уплаты НДС при УСН // Аспекты развития науки, образования и модернизации промышленности. 2015. С. 191.
6. *Водопьянова В.А.* НДС: спорные вопросы при применении упрощенной системы налогообложения // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. № 2(23). С. 303.
7. *Осипова Е.С.* Проблемы оценки налоговой нагрузки хозяйствующих субъектов // Экономика и предпринимательство. 2014. № 12-3(53). С. 1007.

Literature:

1. *Kashirina M.V.* Tax aspects of construction business development // Economics and management: problems, solutions. 2018. Vol. 4. № 1. P. 64–75.
2. *Zotikov N.Z.* Doubts, ambiguities, duality in taxation, methods of their elimination // Naukovedenie Internet journal. 2017. Vol. 9. № 4. P. 26.
3. *Mullinova S.A.* Improvement of tax accounting methods in terms of the formation of the personal income tax system : monograph. Krasnodar : KubSAU im. I.T. Trubilina, 2017. 118 p.
4. *Elovatskaya T.A.* Taxation of business entities in the real sector of the economy. Voronezh : Scientific book, 2015. P. 74.
5. *Frolova T.A.* Practical aspects of calculating and paying VAT under the simplified tax system // Aspects of the development of science, education and modernization of industry. 2015. P. 191.
6. *Vodopyanova V.A.* VAT: controversial issues in the application of the simplified taxation system // Azimuth of scientific research: economics and management. 2018. Vol. 7. № 2(23). P. 303.
7. *Osipova E.S.* Problems of assessing the tax burden of business entities // Economics and Entrepreneurship. 2014. № 12-3(53). P. 1007.

Гончаров Александр Иванович
кандидат экономических наук,
доцент,
кафедра менеджмента и маркетинга,
Петербургский государственный
университет путей сообщения
Императора Александра I
gonshu@yandex.ru

Aleksandr I. Goncharov
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Department of Management and Marketing,
Petersburg State University
of Railway Transport
Emperor Alexander I
gonshu@yandex.ru

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЕЖИ

EMOTIONAL INTELLIGENCE AS A FACTOR OF YOUTH EMPLOYMENT

Аннотация. В статье рассматриваются особенности молодежного рынка труда, понятие эмоционального интеллекта, влияние эмоционального интеллекта на занятость. В качестве существенной особенности молодежного рынка труда рассматриваются предпочтения занятости в определенных сферах деятельности. В качестве причины данного предпочтения сделана гипотеза о том, что это является следствием низкого уровня эмоционального капитала молодого поколения. Выявлена также противоречие между развитием информационных технологий и уменьшением уровня эмоционального интеллекта. Рассмотрена сущность эмоционального интеллекта и способы повышения его уровня.

Annotation. The article discusses the features of the youth labor market, the concept of emotional intelligence, and the impact of emotional intelligence on employment. As an essential feature of the youth labor market, employment preferences in certain areas of activity are considered. As the reason for this preference, the hypothesis is put forward that this is a consequence of the low level of emotional capital of the younger generation. There is also a contradiction between the development of information technology and the decline in emotional intelligence. The essence of emotional intelligence and ways to increase its level are considered.

Ключевые слова: эмоциональный капитал, занятость, рынок труда, мотивация, коммуникация.

Keywords: emotional capital, employment, labor market, motivation, communication.

1. Особенности молодежного рынка труда.

Среди самых популярных мест приложения труда молодежи – это работа в государственных структурах и в IT сфере (программирование и т.п.) [5, с. 231]. Если внимательно присмотреться к содержанию труда в данных сферах, то можно заметить, что в государственных структурах работа достаточно регламентирована и бюрократизирована, то есть в целом не требует высокой степени коммуникационных и творческих навыков. IT-сфера представляет собой работу с алгоритмами, базами данных, программами и т.п., то есть также не требует высокой степени специфических коммуникационных навыков. Почему же так происходит, что наиболее связанные с коммуникацией профессии по популярности у молодежи проигрывают более чем 1,5–2,3 раза [5, с. 232] тем профессиям (например, журналист и др.), которые не требуют высоко развитых коммуникационных навыков? Действительно, в настоящее время с самого раннего детства люди приобщаются к высокотехнологичным гаджетам, устройствам коммуникации, без посредства которых уже почти не представляется возможной коммуникация с другими людьми (родителями, друзьями, коллегами, клиентами). Развитие глобальной сети интернет дало возможным строить глобальную экономику, мгновенно передавать

информацию на большие расстояния и удаленно предоставлять необходимые клиентам услуги. Однако, если посмотреть на данную особенность развития технологий со стороны особенностей развития человека как личности, который постоянно пользуется средствами связи, социальными сетями, виртуальным пространством в целом, то надо отметить все более ослабление коммуникационных навыков непосредственного живого социального общения [1, с. 54].

Получается парадоксальная ситуация, когда цифровая экономика диктует развитие цифровых, виртуальных технологий, все более и более помогающих бизнесу, экономике в целом более качественно организовывать удовлетворение потребностей клиентов, быстрее взаимодействовать с поставщиками и партнерами, возводит на новый уровень изучение и мониторинг состояния рыночной среды.

С другой стороны, это же развитие цифровых технологий ведет к ослаблению и утрате реальных социальных коммуникационных способностей, то есть таким образом преобразует характер людей, (в особенности молодежи), что мы получаем целое поколение, которое характеризуется некоторой замкнутостью, особой чувствительностью от мнению внешнего социума и старательно

«охраняющих» свой внутренний мир, эмоционально переживающих любое вторжение в него, независимо от ситуации, то есть, по сути, не обладающих нужным уровнем эмоционального интеллекта.

Более того, это создает дополнительные проблемы в управлении человеческими ресурсами. Так, особенно актуальным в настоящее время являются способности работе в команде, в коллективе, который в совокупности предполагает большую эффективность и результативность. Возрастает роль творческих решений [2, с. 355], на которые опираются ведущие компании, и от которых зависит повышение или утрата конкурентоспособности в целом [10, с. 16]. Однако для творчества необходимо прежде всего комфортное состояние, отсутствие напряженности в коллективе. Именно комфортное состояние, лишенное психологического напряжения в коллективе, помноженное на перекрестный обмен мнениями и идеями со стороны коллег по работе, приводит к творческим, креативным решениям.

Таким образом, совершенствование технологий все больше требует креативных идей, а с другой, понижает уровень этой же самой креативности за счет ослабления коммуникационных качеств работников для совместного создания новых решений. Для того, чтобы понять, каким образом можно решить данную проблему, рассмотрим более подробно понятие эмоционального интеллекта.

2. Сущность эмоционального интеллекта.

В последнее время все больше упоминается в научной литературе понятие «эмоциональный интеллект» [3, с. 74]. Что же действительно представляет из себя данное понятие? Понятие интеллекта связано с мышлением, логикой, возможностью понимать абстрактные концепции и применять их в практической деятельности. Интеллект связан с рациональностью рассуждения, в отличие от эмоций, которые в противоположность интеллекту носят нерациональный характер. Каким же образом сочетается рациональность и нерациональность одновременно в одном понятии? Интеллект проявляется, в том числе, в способности обучаться, накапливать и применять знания и жизненный, профессиональный опыт. В данном случае, данная рациональная, осознанная способность помогает управлять тем, что изначально является спонтанным и нерациональным, то есть эмоциями. Эмоции являются определенной кратковременной реакцией нашей психики на происходящее в окружающей среде. То есть, эмоции формируют у человека определенное психическое состояние в ответ на изменения внешней среды. Например, на улице идет дождь и настроение уже немного подавленное, тоскливое. И наоборот, солнечный свет формирует радостное, позитивное настроение. В тоже время человек является биосоциальным существом, которому свойственны социальные контакты, будь то дома с соседями, или на работе с коллегами. Тем более, если мы говорим о жизни в городской среде, где темп жизни намного выше, чем в сельских поселениях. Так, в городе изменения настолько

более частые, что постоянно формируют целый комплекс эмоций у человека. И если на факторы, события внешней естественной среды, люди уже научились реагировать спокойно через стандартное действие (пошел дождик – берем зонтик и т.п.), то на факторы социальной среды реакция может быть достаточно болезненной (например, реакция на увольнение с работы, грубость в общественном транспорте и т.п.).

Таким образом, эмоциональный интеллект связан с распознаванием эмоциональных состояний у себя и других людей, а также способностью контролировать эти состояния. Если человек, работник имеет высокий уровень эмоционального интеллекта, то он способен видеть саму причину иногда очень ярких и зашкаливающих эмоций у коллег. Однако такой работник не реагирует на внешние проявления эмоциональных состояний, а ищет действительную причину таких состояний. Действительно, если двое сотрудников работают над срочным проектом, отчетом, и один из них не выдержал нервного напряжения на работе (срочность, высокая степень ответственности и т.п.) и выразил злость, раздражительность и другие негативные эмоции, то очень сложно все пропустить и не «ответить» также негативно. Однако, если второй сотрудник имеет высокий уровень эмоционального интеллекта, то он поймет, что негативные эмоции его напарника, коллеги вызваны беспокойством о результате их общей работы, не будет обижаться и не впадет в депрессию, а уровень его производительности труда не понизится.

3. Влияние эмоционального интеллекта на занятость.

По данным исследования креативного лидерства [11] основными современными проблемами в управлении персоналом являются недостаточная эмоциональная компетентность, в том числе: удовлетворительные межличностные отношения и, как следствие, неспособность работы в команде. Данные выводы также подтверждаются исследованиями Технологического института Карнеги [11]. В целом данное обстоятельство может повлиять на кадровый потенциал компании [6, с. 433].

Если предположить, что чем сильнее развитость информационно-коммуникационных технологий, тем сильнее ухудшаются естественные коммуникационные навыки непосредственного общения, то становится более понятным тенденция уменьшения доли трудоустроенных выпускников высшего и среднего профессионального образования в последнее время. Так, доля трудоустроенных выпускников вузов с 2016 по 2018 год понизилась на 11,8 % и составила в 2018 году всего 74,4 %, а выпускников со средним профессиональным образованием – 69,9 % (снижение составило 12 % по сравнению с 2016 годом) [12].

Действительно, особенность поколения Y и тем более поколения Z свидетельствует об утрате социальных навыков общения в реальном мире, все большая замкнутость, аутичность, фрагментарность мышления, большая чувствительность и ранимость [4, с. 53].

Для решения проблемы повышения занятости молодежи, для ее закреплении на рабочих местах в организациях, а также для преодоления противоречия между требованиями инновационности, креативности в экономике для повышения конкурентоспособности, и уменьшения уровня эмоционального интеллекта у молодежи за счет распространения гаджетов, можно использовать развитие следующих составляющих [9]: осознанность, самооценка, мотивация и адаптивность.

Каким же образом данные направления могут помочь в развитии эмоционального интеллекта?

Человек, когда его охватывает та или иная эмоция, может даже не осознавать, почему это происходит. Следовательно, чтобы овладеть контролем над эмоциями, необходимо прежде всего осознать, какая эмоция возникает в той, или иной ситуации, не мешает ли она в принятии решений, необходимо ли корректировать поведение и т.п.

В процессе осознания накапливается информация, которой, однако, недостаточно для принятия решений и выстраивания линий поведения в различных ситуациях. Необходимо повысить внутреннюю самооценку, которая придаст уверенность в себе и большую решительность своим действиям, даст большую самостоятельность и

Литература:

1. Гаю Т.Ф. Снижение уровня коммуникативных навыков: генезис проблемы киберзависимости подрастающего поколения // Проблемы современного психологического образования. 2019. № 63-4. С. 53–56.
2. Гончаров А.И. Особенности управления персоналом в условиях информационно-коммуникационного пространства / Под ред. Л.А. Кравченко, Н.В. Дедюхиной, Л.А. Исаевой, М.Ю. Дитятковского, В.П. Крикуна, А.И. Гончарова // Информационное общество: актуальные проблемы современности: Сб. трудов II Национальной научно-практической конференции (14 ноября 2019). СПб. : ФГБОУ ВО ПГУПС, 2019. С. 352–358.
3. Гоулман Дэниел. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2019. 544 с.
4. Захарова В.А. Студенты поколения Z: реальность и будущее // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 4. URL : <http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/1013>
5. Кубаткина А.С. Состояние рынка труда молодежи и проблема безработицы среди молодежи в РФ / А.С. Кубаткина, Д.А. Храмцова // Молодой ученый. 2019. № 4(242). С. 231–233. URL : <https://moluch.ru/archive/242/56021>
6. Скитёва Е.И. Влияние кадрового потенциала компании на стратегическое управление персоналом // Инновации и инвестиции. 2019. № 11. С. 431–435.

независимость от мнений окружающих людей, оценок внешней среды в целом.

С другой стороны, большая открытость всему новому, идеям, технологиям, методам и т.п. позволит улучшить целеполагание, инициативность и мотивацию для достижения поставленных целей, позволит принимать без излишних переживаний неудачные попытки в действиях, позволит лучше совершенствоваться и получать от этого большее удовлетворение.

Лучшая адаптивность, гибкость к ситуациям позволит лучше подстраиваться к ним, лучше чувствовать других людей, их жизненные приоритеты и ценности и, тем самым, развить и совершенствовать коммуникационные навыки, а также повысить мотивацию [7, с. 12].

После определенной практики и тренировки, можно будет заметить внешние проявления повышенного уровня эмоционального интеллекта [13], такие, как получение выгоды от критики, демонстрация сочувствия, полезная обратная связь и др. Таким образом, применение методики повышения уровня эмоционального интеллекта позволит как улучшить ситуацию с занятостью молодежи на рынке труда, так и повысить возможность карьерного роста [8, с. 30].

Literature:

1. Gayu T.F. Reducing the level of communicative skills: the genesis of the problem of cyber dependence of the younger generation // Problems of modern psychological education. 2019. № 63-4. P. 53–56.
2. Goncharov A.I. Features of Personnel Management in the Information and Communication Space / under the ed. L.A. Kravchenko, N.V. Dedyukhina, L.A. Isaeva, M.Yu. Dityatkovskogo, V.P. Krikun, A.I. Goncharov // Information Society: Current Problems of Our Time: Sat. works II of the National academic and research conference (on November 14, 2019). SPb. : FGBOU IN PGUPS, 2019. P. 352–358.
3. Goulman Daniel. Emotional intelligence. Why does he mean more than IQ. M. : Mann, Ivanov and Ferber, 2019. 544 p.
4. Zakharova V.A. Students of generation Z: reality and the future // Scientific works of Moscow Humanities University. 2019. № 4. URL : <http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/1013>
5. Kubatkina A.S. The state of the youth labor market and the problem of youth unemployment in the Russian Federation / A.S. Kubatkina, D.A. Khramtsova // Young scientist. 2019. № 4(242). P. 231–233. URL : <https://moluch.ru/archive/242/56021>
6. Skiteva E.I. The impact of the company's personnel potential on strategic personnel management // Innovations and investments. 2019. № 11. P. 431–435.

7. *Скитёва Е.И.* Корпоративная социальная ответственность : учеб. пособие / Е.И. Скитёва, А.И. Гончаров. СПб. : ФГБОУ ВО ПГУПС, 2019. 64 с.

8. *Скитева Е.И.* Основные проблемы построения карьеры / Е.И. Скитева, А.И. Гончаров // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2018. № 9. С. 27–33.

9. *Шиманская Виктория.* Эмоциональный интеллект: как научиться понимать свои и чужие эмоции. URL : <https://trends.rbc.ru/trends/education/5ed67acf9a79470d60d8af28>

10. Development directions of the Russian legs of international transport corridors : monograph / T.Y. Ksenofontova, L.M. Bozhko, V.F. Volkov, A.I. Goncharov. – CPP 8,0. Yelm, WA, USA: Science Book Publishing House, 2020. P. 112.

11. Harvey Deutschendor. Why Emotionally Intelligent People Are More Successful? URL : <https://www.fastcompany.com/3047455/>

12. Федеральная служба государственной статистики. URL : https://rosstat.gov.ru/labour_force

13. *Justin Bariso.* 13 Signs of High Emotional Intelligence. URL : <https://www.inc.com/justin-bariso/13-things-emotionally-intelligent-people-do.html>

7. *Skiteva E.I.* Corporate social responsibility : manual / E.I. Skiteva, A.I. Goncharov. SPb. : FSBOU VO PGUPS, 2019. 64 p.

8. *Skiteva E.I.* The main problems of building a career / E.I. Skiteva, A.I. Goncharov // Modern science: current problems of theory and practice. 2018. № 9. P. 27–33.

9. *Shimana Victoria.* Emotional intelligence: how to learn to understand your emotions and other people's emotions. URL : <https://trends.rbc.ru/trends/education/5ed67acf9a79470d60d8af28>

10. Development directions of the Russian legs of international transport corridors : monograph / T.Y. Ksenofontova, L.M. Bozhko, V.F. Volkov, A.I. Goncharov. – CPP 8,0. Yelm, WA, USA: Science Book Publishing House, 2020. P. 112.

11. Harvey Deutschendor. Why Emotionally Intelligent People Are More Successful? URL : <https://www.fastcompany.com/3047455/>

12. Federal State Statistics Service. URL : https://rosstat.gov.ru/labour_force

13. *Justin Bariso.* 13 Signs of High Emotional Intelligence. URL : <https://www.inc.com/justin-bariso/13-things-emotionally-intelligent-people-do.html>

Корневский Всеволод Валерьевич

кандидат технических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
транспортных сооружений
имени профессора К.А. Дарагана,
Кубанский государственный
технологический университет
kts_kubstu@mail.ru

Мордик Екатерина Александровна

ассистент кафедры
начертательной геометрии и графики,
Тюменский индустриальный университет
mordik.ea@list.ru

Попов Алексей Вячеславович

инженер кафедры
транспортных сооружений
имени профессора К.А. Дарагана,
Кубанский государственный
технологический университет
popov-1212@mail.ru

**ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕДУР
ИЗМЕРЕНИЯ КОЭФФИЦИЕНТА
СЦЕПЛЕНИЯ ДОРОЖНЫХ ПОКРЫТИЙ**

■ ■ ■

Аннотация. Оптимизация деятельности организации и уменьшение расходов без потери объемов выполняемых работ – это постоянный аналитический процесс, позволяющий не только получить конкурентные преимущества, но и развиваться, внедряя новые технологии и совершенствуя технологические цепочки. Возможность использования различного оборудования для исследования одного и того же показателя неизбежно предопределяет необходимость экономического сравнения эффективности этого оборудования. Так, измерение коэффициента сцепления можно осуществить двумя конкурирующими приборами, различной стоимостью и особенностями эксплуатации, поэтому выбор приобретаемого прибора во многом определяет экономические показатели деятельности предприятия на длительный период его работы.

Ключевые слова: оптимизация затрат, диагностика автомобильных дорог, коэффициент сцепления.

■ ■ ■

К оэффициентом сцепления колеса автомобиля с дорожным называется показатель, характеризующий сцепные свойства дорожного покрытия. Физически он определяется как отношение максимального касательного усилия, действующего вдоль дорожного покрытия на площадке контакта колеса транспортного средства с

Vsevolod V. Korenevsky

Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
of Transport Facilities
named after Professor K.A. Daragan,
Kuban State Technological University
kts_kubstu@mail.ru

Ekaterina A. Mordik

Assistant of the Department
Sketching Geometry and Graphics,
Tyumen Industrial University
mordik.ea@list.ru

Alexey V. Popov

Engineer of the Department
of Transport Facilities
named after Professor K.A. Daragan,
Kuban State Technological University
popov-1212@mail.ru

**OPTIMIZATION OF PROCEDURES
FOR MEASURING ADHESION
COEFFICIENT OF ROAD SURFACES**

■ ■ ■

Annotation. Optimizing the organization's operations and reducing costs without losing the volume of work performed is a constant analytical process that allows you not only to gain competitive advantages, but also to develop by introducing new technologies and improving technological chains. The possibility of using different equipment for the study of the same indicator inevitably determines the need for economic comparison of the efficiency of this equipment. So, the measurement of the adhesion coefficient can be carried out by two competing devices, different costs and operational features, so the choice of the device to be purchased largely determines the economic performance of the enterprise for a long period of its operation.

Keywords: cost optimization, diagnostics of roads, the coefficient of adhesion.

■ ■ ■

дорожным покрытием к нормальной реакции в данной площадке контакта. Коэффициент сцепления является, пожалуй, главной характеристикой определяющей безопасность движения по автомобильной дороге и взлетно-посадочной полосе аэродрома и подлежит обязательному периодическому контролю [1–4]. Сцепные качества

покрытия оцениваются коэффициентом продольного сцепления, измеренным на увлажненном покрытии при расчетной температуре воздуха 20 °С.

Правила измерения коэффициента сцепления и применяемые приборы регламентирует ГОСТ 33078-2014 «Дороги автомобильные общего пользования. Методы измерения сцепления колеса автомобиля с покрытием» [5]. Так, измерения сцепных свойств дорожных покрытий может осуществляться с использованием:

- прицепной установки ПКРС;
- портативного прибора, типа ППК-МАДИ-ВНИИБД и ИКСп.

Регламентом проведения измерений для прицепной установки ПКРС устанавливается количество измерений от 2 до 4 на 1000 м и постоянная скорость движения 60 ± 5 км/ч. Измерения осуществляются по левой полосе наката каждой полосы движения и подходят для протяженных участков дорог или взлетно-посадочных полос. Прицеп ПКРС программно и аппаратно связан с автомобилем-тягачом, который оснащен вспомогательными устройствами – местом оператора, аналоговым преобразователем, баками для хранения воды, применяющейся для увлажнения покрытия перед прибором в момент измерения и устройством – дозатором подачи воды (рис. 1).

Рисунок 1 – Измерение коэффициента сцепления. Лаборатория с прицепным устройством ПКРС перед началом измерения

Кроме того, измерительное колесо, используемое в ПКРС, должно не иметь протектора и соответствовать требованиям Приложению А ГОСТ 33078-2014 [5].

Весь перечисленный комплекс приборов предопределяет существенные капитальные вложения в приобретение оборудования, ежегодной поверке, технической калибровки и периодического обслуживания. Окупается данное оборудование при условии использования его на протяженных однородных участках и больших объемах работ.

На участках автомобильных дорог, где невозможно обеспечить скорость движения испытательной установки равную (60 ± 2) км/ч, ГОСТ 33078-2014 [5] допускает проведение измерений портативными приборами [6–9]. К таким приборам относятся ППК-МАДИ-ВНИИБД и ИКСп, с диапазоном измерения коэффициента сцепления от 0,05 до 0,65, ценой деления 0,01. Увлажнение покрытия перед имитаторами прибора производится вручную, из расчета от 0,15 до 0,25 л под каждый имитатор по всей траектории его движения. Запас воды для проведения измерений транспортируется отдельно от прибора (рис. 2).

Прибор требует подготовки перед измерением и обратного приведения в транспортное положение после измерения. То есть возросшие трудозатраты и низкая производительность при работе портативных измерителей коэффициента сцепления, равноценно компенсирует его невысокую стоимость по сравнению с использованием дорогостоящего ПКРС.

Результаты, получаемые при использовании обоих описываемых приборов, идентичны и не требуют дополнительной обработки или приведения к нормируемым величинам, кроме приведения к расчетной температуре.

Таким образом, оптимальный режим применения двух описанных приборов контроля коэффициента сцепления, формируется, исходя из экономического сопоставления стоимости приобретения и эксплуатации оборудования, нормы оплаты труда исполнителям и планируемых объемов выполняемых работ, включая их особенности (возможность обеспечения скорости движения лаборатории 60 км/ч для проведения замеров на участках исследования).

Рисунок 2 – Измерение величины сцепления портативным прибором ИКСп

Литература:

1. *Барабанов В.А.* Основание для реконструкции автодорожной развязки в г. Краснодаре со стороны транспортного потока / В.А. Барабанов, В.В. Корневский, М.Н. Якубов // В сборнике: «Политранспортные системы. Материалы VIII Международной научно-технической конференции в рамках года науки Россия – ЕС «Научные проблемы реализации транспортных проектов в Сибири и на Дальнем Востоке». Новосибирск, 2015. С. 273–277.

2. *Корневский В.В.* Выполнение работ по проведению приемочной диагностики автомобильной дороги и обследованию мостовых сооружений до приемки в эксплуатацию объекта: «Реконструкция участков автомобильной дороги Новороссийск-Керченский пролив (на Симферополь). Строительство транспортной развязки на км 73 автомобильной дороги А-290 Новороссийск-Керченский пролив-граница с Украиной, Краснодарский край». Отчет о НИР № 3.36.05.94-18. Краснодар, 2018.

3. *Корневский В.В.* Выполнение работ по проведению приемочной диагностики автомобильной дороги до приемки в эксплуатацию объекта: «Транспортная развязка ул. Хрусталёва – Камышовое шоссе в г. Севастополь». Отчет о НИР № 3.36.05.88-18. Краснодар, 2018.

4. *Корневский В.В.* Диагностика дорожной одежды проезжей части и разворотной площадки на территории АО «Краснодарский Хлебозавод № 6». Отчет о НИР № 3.36.05.90-18. Краснодар, 2018.

5. ГОСТ 33078-2014 «Дороги автомобильные общего пользования. Методы измерения сцепления колеса автомобиля с покрытием».

6. *Корневский В.В.* Исследование продольной ровности и сцепления по объекту: «Капитальный

Literature:

1. *Barabanov V.A.* Basis for the reconstruction of the road interchange in Krasnodar from the side of the traffic flow / V.A. Barabanov, V.V. Korenevsky, M.N. Yakubov // In the collection: «Polytransport systems. Proceedings of the VIII International scientific and technical conference in the framework of the year of science Russia – EU «Scientific problems of implementation of transport projects in Siberia and the far East». Novosibirsk, 2015. P. 273–277.

2. *Korenevsky V.V.* Performance of works on carrying out acceptance diagnostics of the highway and inspection of bridge structures before acceptance into operation of the object: «Reconstruction of sections of the Novorossiysk-Kerch Strait highway (to Simferopol). Construction of a transport interchange on km 73 of the A-290 Novorossiysk-Kerch Strait-border with Ukraine, Krasnodar territory». Research report № 3.36.05.94-18. Krasnodar, 2018.

3. *Korenevsky V.V.* Performance of works on carrying out acceptance diagnostics of the automobile road before acceptance into operation of the object: «Transport interchange of Khrustaleva street – Kamyshevoye highway in Sevastopol». Research report № 3.36.05.88-18. Krasnodar, 2018.

4. *Korenevsky V.V.* Diagnostics of road pavement of the roadway and u-turn area on the territory of JSC «Krasnodar Bakery № 6». Research report № 3.36.05.90-18. Krasnodar, 2018.

5. GOST 33078-2014 «Public automobile roads. Methods for measuring the grip of a coated car wheel».

6. *Korenevsky V.V.* Investigation of longitudinal evenness and adhesion on the object: «Major repairs

ремонт автомобильной дороги А-160 км 88+842 – 100+000, участок ПК 0+00 – ПК 75+00, Краснодарский край». Отчет о НИР № 3.36.05.85-18. Краснодар, 2018.

7. *Корневский В.В.* Исследование продольной ровности по международному показателю IRI и сцепления по объекту: «Капитальный ремонт автомобильной дороги А-160 Майкоп-Усть-Лабинск-Кореновск КМ 122+700 – КМ 132+854, Краснодарский край». Отчет о НИР № 3.36.05.87-18. Краснодар, 2018.

8. *Корневский В.В.* Учет региональных особенностей при планировании ремонтных мероприятий / В.В. Корневский, В.В. Шинтыпкин; Ред. коллегия: С.К. Илиополов, В.В. Зырянов, Ю.И. Пимшин, В.Е. Золотухин, Н.В. Емельянова // В сборнике: «Строительство-2005. 60-летию победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. посвящается». Ростов-н/Д., 2005. С. 37–39.

9. *Корневский В.В.* Повышение безопасности движения и пропускной способности автомобильных дорог на подходах к крупным городам юга России : дис. ... на соиск. уч. ст. канд. техн. наук. Краснодар, 2002.

of the A-160 km highway 88+842 – 100+000, section PK 0+00 – PK 75+00, Krasnodar territory». Research report № 3.36.05.85-18. Krasnodar, 2018

7. *Korenevsky V.V.* study of longitudinal evenness according to the international IRI indicator and coupling on the object: «Major repairs of the A-160 Mai-kop-Ust-Labinsk-Korenovsk highway KM 122+700 – KM 132+854, Krasnodar territory». Research report № 3.36.05.87-18. Krasnodar, 2018

8. *Korenevsky V.V.* Taking into account regional Features when planning repair activities / V.V. Korenevsky, V.V. Shintyapkin; Ed. board S.K. Illiopolov, V.V. Zyryanov, Yu.I. Pimshin, V.E. Zolotukhin, N.V. Emelyanova // In the collection: «Construction-2005. dedicated to the 60th anniversary of the victory in the great Patriotic war of 1941–1945». P. 37–39. Rostov-on/D., 2005.

9. *Korenevsky V.V.* Improving traffic safety and road capacity on approaches to major cities in the South of Russia : dis. ... on competition of a scientific degree of candidate of technical sciences. Krasnodar, 2002.

**Малевская-Малевиц
Екатерина Данииловна**
кандидат экономических наук,
доцент,
Санкт-Петербургский
политехнический университет
Петра Великого
malevskaia@spbstu.ru

Пазухина Виктория Викторовна
магистрант,
Санкт-Петербургский
политехнический университет
Петра Великого
pazukhina97@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ

■ ■ ■

Аннотация. Развитие региональных инновационных систем является одним из приоритетных направлений комплексного развития Российской экономики. Изучению самого понятия «региональные инновационные системы», особенностям их функционирования и развития посвящено большое количество трудов российских и зарубежных ученых экономистов. В этой статье мы хотим уделить внимание одной из наиболее актуальной составляющей инновационной системы, а именно – направлению устойчивого развития. Безусловно, устойчивое развитие – тема не менее обширная, чем само понятие региональной инновационной системы, поэтому подробно мы рассмотрим понятие осознанных инвестиций, под которыми принято понимать вложение средств в такие ценные бумаги, как «зеленые» облигации. Тренд устойчивого развития предполагает долгосрочную стратегию, обеспечивающую сохранение ограниченных природных ресурсов для будущих поколений, осознанное отношение к производству, потреблению, а также их последствиям для окружающей среды. Понятие «региональная инновационная система» комплексно, включает в себя инновационные продукты, технологии производства, а также – соответствующие методы финансирования деятельности. На данный момент существует целый ряд современных источников финансирования, учитывающих специфический характер инновационной деятельности, сопряженной с высокими рисками и неопределёнными сроками окупаемости. Целью исследования является анализ потенциального инновационного источника финансирования деятельности предприятий, входящих в региональные инновационные системы России, а именно «зеленых» облигаций. В статье дано определение

**Ekaterina D.
Malevskaya-Malevich**
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
St. Petersburg Polytechnic
Peter the Great University
malevskaia@spbstu.ru

Victoria V. Pazukhina
Master's student,
St. Petersburg Polytechnic
Peter the Great University
pazukhina97@mail.ru

CURRENT TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF REGIONAL INNOVATION SYSTEMS IN A CHANGING EXTERNAL ENVIRONMENT

■ ■ ■

Annotation. The development of regional innovation systems is one of the priority areas for the comprehensive development of the Russian economy. A large number of works by Russian and foreign scientists and economists are devoted to the study of the very concept of regional innovation systems, the peculiarities of their functioning and development. In this article, we want to pay attention to one of the most relevant component of the innovation system, namely the direction of sustainable development. Of course, sustainable development is a topic no less extensive than the very concept of a regional innovation system, so we will take a closer look at the concept of conscious investment, which is usually understood as investing in securities such as «green» bonds. The sustainable development trend presupposes a long-term strategy that ensures the preservation of limited natural resources for future generations, a conscious attitude towards production, consumption, and their consequences for the environment. The concept of a regional innovation system is complex, it includes innovative products, production technologies, as well as appropriate methods of financing activities. At the moment, there are a number of modern sources of funding, taking into account the specific nature of innovation, associated with high risks and indefinite payback periods. The aim of the study is to analyze a potential innovative source of financing for the activities of enterprises that are part of the regional innovation systems of Russia, namely, «green» bonds. The article provides a definition of the term «green bonds», analyzes the volume of the world issue of these securities, identifies the main risks typical for such a financial instrument, identifies the main problems of its use to finance the activities of enterprises that are part of regional innovation systems.

термина «зеленые облигации», проведен анализ объема мирового выпуска данных ценных бумаг, определены основные риски, характерные для подобного финансового инструмента, выявлены основные проблемы его использования для финансирования деятельности предприятий, входящих в региональные инновационные системы.

Ключевые слова: Региональная инновационная система. Актуальные направления развития. Осознанные инвестиции. Зеленые облигации.

Keywords: Regional innovation system. Actual directions of development. Deliberate investment. Green bonds.

Введение.

Развитие региональных инновационных систем является одним из приоритетных направлений комплексного развития Российской экономики. Изучению самого понятия региональных инновационных систем, особенностям их функционирования и развития посвящено большое количество трудов российских и зарубежных ученых экономистов. Так, в работе Э.А. Диваевой [1] региональная инновационная система определяется как некая совокупность предприятий, ведущих инновационную деятельность, создающих инновационный продукт и/или новые знания, их распространение, использование и обеспечивающих повышение эффективности всего инновационного сектора в целом. В статье предложена модель комплексного анализа и оценки региональной инновационной системы. Необходимость использования системного подхода при анализе и выявлении актуальных направлений развития региональных инновационных систем подтверждается работами С.Н. Бибик [2], Д.Г. Родионова [3]. Сравнительный анализ существующих моделей региональных инновационных систем, определение их ограничений, представлен в работе Н.О. Чистяковой [4]. Сравнительный анализ отечественных и зарубежных подходов к определению эффективности рассматриваемых систем проведен А.П. Сухановой [5], по результатам которого автор группирует существующие подходы, разделяя их на институциональные, функциональные или комплексные¹.

Анализу актуальных проблем и направлений развития региональных инновационных систем посвящены работы А.Н. Агаметовой [6], А.Д. Бобрышева и М.В. Чекадановой [7], И.А. Рудской [8]. Все вышеперечисленные авторы рассматривают понятие «инновационная система» комплексно, то есть, это не только инновационный продукт, но и инновационные методы производства, а также – соответствующие методы финансирования производства. В частности, в статье Д.С. Демиденко [9] в качестве инновационного источника финансирования предлагается ICO, то есть, выпуск криптовалюты как способ привлечения долгосрочного финансирования. Вопросы финансирования инновационной деятельности на различных этапах жизненного цикла инновации посвящена статья В.В. Макарова [10].

В принципе, проблема привлечения долгосрочного финансирования является весьма актуальной для предприятий, входящих в региональную инновационную систему России, так как традиционная любая инновационная деятельность сопряжена с большими рисками и долгими сроками окупаемости, что значительно снижает круг потенциальных инвесторов. Одним из инструментов долгосрочного заемного финансирования, сочетающим в себе приемлемую доходность для инвестора, ограниченный риск инвестора, относительно невысокую стоимость капитала для эмитента, является облигация. В настоящее время получили распространение, так называемые, «зеленые» облигации, такой вид инвестирования также называют «осознанным». Рассмотрим предпосылки возникновения этого источника финансирования.

Целью исследования является анализ потенциального инновационного источника финансирования деятельности предприятий, входящих в региональные инновационные системы России, а именно «зеленых» облигаций.

Существующая модель экономики характеризуется ресурсоемкостью, а экономический рост непосредственно влияет на состояние окружающей среды, в результате чего назревает необходимость перехода к новой модели «зеленой» экономики, которая представляет собой низкоуглеродную, ресурсосберегающую, нацеленную на создание благоприятных условий для жизни людей путем снижения неблагоприятного экологического воздействия, модель экономического развития. Учитывая всеобъемлющее влияние, которое приобретает концепция «зеленого» образа жизни, очевидно, что региональные инновационные системы также должны ее учитывать. Проекты, связанные с реализацией данной модели, являются высоко рискованными и нуждаются в значительном финансировании.

«Зеленая» экономика неразрывно связана с концепцией устойчивого развития, представляющую собой инновационную модель, при которой достигается удовлетворение потребностей населения, а также – улучшение его благосостояния при минимальном пагубном воздействии на окружающую среду [11]. Одной из основных целей устойчивого развития является устранение экологических проблем, которые возникают вследствие

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-310-20012.

изменения климата, истощения природных ресурсов и загрязнения, а также – угрожают конкурентоспособности России. Различные государственные стратегии и программы осуществляются в целях охраны окружающей среды в соответствии с «Основными государственными политиками в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» [12].

Новая модель «зеленой» экономики невозможна без осуществления механизма финансирования «зеленых» проектов или «зеленого» финансирования, которое нуждается в нахождении новых нетрадиционных и инновационных источников. Однако при построении данного механизма возникают трудности в связи с тем, что у вовлеченных участников нет единого осознания понятия «зеленая экономика», а отсутствие объективных данных затрудняет моделирование развития процессов «зеленой» экономики [13].

Финансирование «зеленых» проектов может быть осуществлено путем предоставления источников капитала разных уровней: государственного сектора, финансовых организаций, институциональных и частных инвесторов.

Наиболее распространенной финансовой инновацией в области устойчивого развития являются «зеленые» облигации, представляющие собой долговые ценные бумаги, средства от выпуска которых направляются эмитентом исключительно на проекты, направленные на достижение экологических выгод и способствующие экологической устойчивости. От традиционных облигаций «зеленые» отличаются применением Принципов «зеленых» облигаций (Green Bond Principles), на основе которых эмитент должен подтвердить направленность своего проекта на защиту окружающей среды и экологическую устойчивость. Впервые «зеленые» облигации были выпущены в 2007 году Европейским инвестиционным банком в качестве финансирования «зеленых» проектов,

относящимся к категориям возобновляемых источников энергии и эффективности использования электроэнергии.

США занимает первое место среди мировых лидеров по выпуску «зеленых» облигаций (51,3 млрд долл. или 19,9 % от общего мирового выпуска). Далее следуют Китай и Франция, которые осуществили выпуск «зеленых» облигаций в размере 31,3 млрд долларов (12,1 % от общего мирового выпуска) и 30,1 млрд долларов (11,7 % от общего мирового выпуска), соответственно. Несмотря на то, что крупнейшие эмиссии «зеленых» облигаций осуществляются в странах с развитой экономикой, активную положительную динамику демонстрируют и развивающиеся рынки, в частности, эмитенты стран Латинской Америки [14].

Результаты исследования.

В России выпуск «зеленых» облигаций состоялся в 2018 году, первым эмитентом стала компания «Ресурсосбережение ХМАО», выпуск облигаций состоялся на срок 12,5 лет. Доходность при размещении облигаций на сумму 1,1 млрд руб. составила 9,76 %. ООО «Ресурсосбережение ХМАО» было получено независимое заключение о выпуске зеленых облигаций (Green Bond Second Opinion) от рейтингового агентства Rating-Agentur Expert RA GmbH о соответствии проектов Принципам зеленых облигаций. Компания «РЖД» в 2019 году впервые в России выпустила еврооблигации на сумму 500 миллионов евро, со сроком погашения восемь лет. Спрос на облигации значительно превысил предложение, 51 % эмиссии облигаций были выкуплены иностранными инвесторами, а в ноябре 2019 года ПАО КБ «Центр-Инвест» осуществил выпуск «зеленых» облигаций [15].

Рассмотрим динамику мировой эмиссии «зеленых» облигаций (рис. 1).

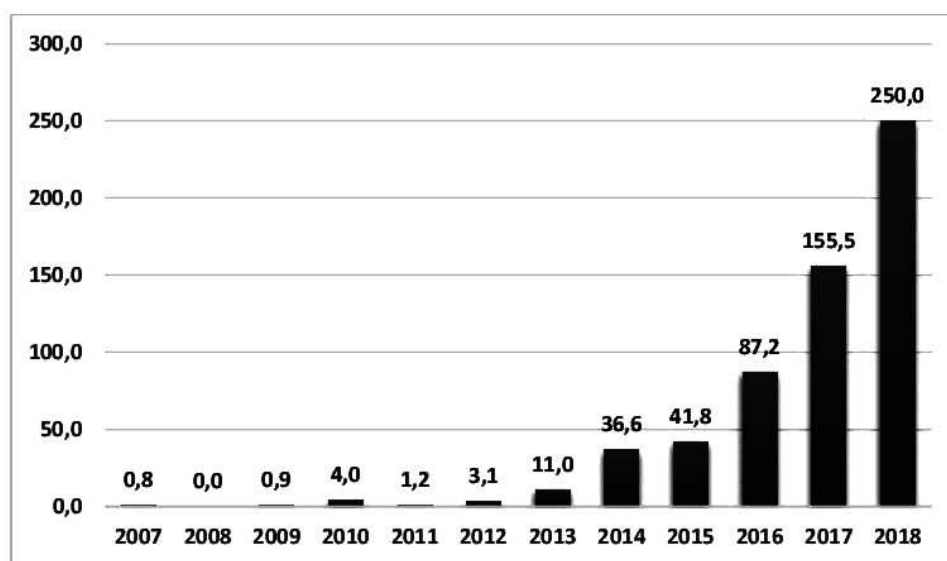

Рисунок 1 – Динамика мировой эмиссии «зеленых» облигаций, млрд долларов [16]

Как показывает график, наблюдается стремительный рост мирового выпуска «зеленых»

облигаций: в сравнении с предыдущим годом в 2018 году произошел рост мировой эмиссии на

160,78 % или на 94,5 млрд долларов. Несмотря на невысокое развитие инновационного рынка «зеленого» финансирования, в частности, «зеленых» облигаций, происходит активное распространение данного финансового инструмента.

Рынок «зеленых» облигаций развивался вокруг идеи фиксированного ценообразования, при котором цена «зеленых» равняется цене традиционных облигаций. Эмитент «зеленых» облигаций несет дополнительные транзакционные издержки в связи с необходимостью отслеживания и опубликования отчетности средств от выпуска, однако, несомненно, данному способу финансирования присущи такие преимущества как привлечение заинтересованных в реализации экологических проектов инвесторов, а также положительное влияние на деловую репутацию компании. Среди рисков для инвесторов можно отметить незначительную, и как следствие, менее ликвидный рынок «зеленых» облигаций, а также репутационные риски, связанные с возможным несоответствием принципам экологических проектов [17]. Большинству эмитентов (31 %) присвоен рейтинг ВВВ, и, приблизительно, в равном соотношении остальным эмитентам присвоены рейтинги ААА, АА и А (19–23 %), низкая доля, равная 8 % рынка «зеленых» облигаций обладает высокими рисками [11].

Для «зеленых» инвестиций характерны высокие затраты на начальном этапе, длительный срок окупаемости, в связи с чем осуществляется государственная поддержка, например, снижение налоговой нагрузки (владельцы таких облигаций могут не платить налог с полученного дохода) для инвесторов, а также государственное субсидирование купонных выплат для эмитентов.

Среди других инновационных финансовых инструментов, связанных с финансированием «зеленых» инноваций можно отметить:

Литература:

1. *Диваева Э.А.* Особенности формирования региональных инновационных систем // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2011. № 25.
2. *Бибик С.Н.* Региональные инновационные системы: структура и содержание // Теория и практика общественного развития. 2013. № 5.
3. *Родионов Д.Г.* Особенности оценки конкурентоспособности инновационного регионального кластера: институциональный подход / Д.Г. Родионов, О.Э. Кичигин, Т.Н. Селентьева // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2019. Т. 12. № 1.
4. *Чистякова Н.О.* Региональная инновационная система: модель, структура, специфика // Инновации. 2007. № 4.
5. *Суханова П.А.* Модель региональной инновационной системы: отечественные и зарубежные

– «зеленые» кредиты – один из основных инструментов финансирования, однако, сам рынок является новым и перспективны его не ясны, так как «зеленые» кредиты в кредитном портфеле банка способствуют снижению показателя просроченных кредитов или дефолта банка [18];

– «зеленые» ETF – биржевые инвестиционные фонды – доля на рынке торгуемых экологоориентированных финансовых инструментов ETF незначительна: 2,5 % от их общего количества, а активы составляют 0,3 % от общего объема активов всех торгуемых ETF.

В настоящее время наблюдается тенденция использования «стратегии исключения»: в портфелях исключают активы, связанные с такими направлениями, которые противоречат целям устойчивого развития [14].

Заключение.

Таким образом, «зеленые» облигации являются одним из основных источников финансирования «зеленых» инноваций, но методы оценки «зеленых» проектов и рисков являются такими же, как при традиционном финансировании. В связи с длительной окупаемостью, а также, с недостаточным развитием данный финансовый инструмент является не таким привлекательным для частных инвесторов, в результате чего требуется государственная поддержка. Российские инвесторы заинтересованы в максимизации своего благосостояния, и как следствие, инвестируют в наиболее доходные финансовые инструменты. Соответственно, в России «зеленое» финансирование нуждается в дальнейшем развитии, в связи с чем необходимо создавать благоприятную инфраструктуру, как для потенциальных эмитентов «зеленых» финансовых инструментов, так и потенциальных инвесторов, а также, разрабатывать нормативно-правовую базу, направленную на развитие данной экономической области.

Literature:

1. *Divayeva E.A.* Peculiarities of formation of regional innovation systems // Management of economic systems: electronic scientific journal. 2011. № 25.
2. *Bibik S.N.* Regional innovation systems: structure and content // Theory and practice of social development. 2013. № 5.
3. *Rodionov D.G.* Features of assessing the competitiveness of an innovative regional cluster: an institutional approach / D.G. Rodionov, O.E. Kichigin, T.N. Selentyeva // Scientific and technical Bulletin of the Saint Petersburg state Polytechnic University. Economic Sciences. 2019. Vol. 12. № 1.
4. *Chistyakova N.O.* Regional innovation system: model, structure, specifics // Innovations. 2007. № 4.
5. *Sukhanova P.A.* Model of the regional innovation system: domestic and foreign approaches to the

подходы к изучению региональных инновационных систем // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2015. № 4(27).

6. Агаметова О.Н. Региональная инновационная инфраструктура: актуальные проблемы развития // Проблемы развития территории. 2013. № 3(65).

7. Бобрышев А.Д. Направления развития национальной инновационной системы / А.Д. Бобрышев, М.В. Чекаданова // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2017. Т. 8. № 4(32).

8. Терешко Е.К. Цифровой потенциал строительного комплекса: понятие, сущность и проблемы развития / Е.К. Терешко, И.А. Рудская // Научно-технические. 2020. С. 27.

9. Демиденко Д.С. Методы финансирования инновационного развития промышленного производства / Д.С. Демиденко, Ю.А. Дуболазова // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2017. Т. 10. № 3.

10. Макаров В.В. Выбор источника финансирования инновации на разных этапах ее жизненного цикла: объем финансирования и качество инновации / В.В. Макаров, Н.С. Шувал-Сергеева // Вопросы радиоэлектроники. 2019. № 1. С. 78–80.

11. Цели в области устойчивого развития. URL : <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения 15.05.2020).

12. Бокарев А.А. «Зеленые» инвестиции в России: поиск приоритетных направлений / А.А. Бокарев, И.А. Яковлев, Л.С. Кабир. URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32476464> (дата обращения 15.05.2020).

13. «Зеленое финансирование в России»: создание возможностей для «зеленых» инвестиций. URL : <http://documents.worldbank.org/curated/en/699051540925687477/pdf/131516-RUSSIAN-PN-P168296-P164837-PUBLIC-Green-finance-Note.pdf> (дата обращения 16.05.2020).

14. Безсмертная Е.Р. «Зеленые» финансовые инновации: направления и перспективы развития. URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42671984> (дата обращения 16.05.2020).

15. Безсмертная Е.Р. Выпуск «зеленых» облигаций как элемент системы защиты окружающей среды. URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=41331419> (дата обращения 17.05.2020).

16. Зеленые облигации: перспективы развития рынка в России. АО «Управление отходами». М., 2018. URL : <http://fs.moex.com/files/16812> (дата обращения 17.05.2020).

17. Explaining green bonds. URL : <https://www.climatebonds.net/market/explaining-green-bonds> (дата обращения 18.05.2020).

study of regional innovation systems // Bulletin of Perm University. Series: Economics. 2015. № 4(27).

6. Agametova O.N. Regional innovative infrastructure: actual problems of development // Problems of territory development. 2013. № 3(65).

7. Bobryshev A.D. Directions of development of the national innovation system / A.D. Bobryshev, M.V. Chekadanova // MIR (Modernization. Innovations. Development). 2017. Vol. 8. № 4(32).

8. Tereshko E.K. Digital potential of the construction complex: concept, essence and problems of development / E.K. Tereshko, I.A. Rudskaya // Scientific and technical. 2020. P. 27.

9. Demidenko D.S. Methods of financing innovative development of industrial production / D.S. Demidenko, Yu.A. Dubolazova // Scientific and technical Bulletin of the Saint Petersburg state Polytechnic University. Economic Sciences. 2017. Vol. 10. № 3.

10. Makarov V.V. Choosing the source of innovation financing at different stages of its life cycle: the amount of funding and the quality of innovation / V.V. Makarov, N.S. Shuval-Sergeeva // Radio electronics issues. 2019. № 1. P. 78–80.

11. Sustainable development goals. URL : <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (date of application 15.05.2020).

12. Bokarev A.A. «Green» investments in Russia: search for priority directions / A.A. Bokarev, I.A. Yakovlev, L.S. Kabir. URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32476464> (date of application 15.05.2020).

13. «Green Finance in Russia»: creating opportunities for green investment. URL : <http://documents.worldbank.org/curated/en/699051540925687477/pdf/131516-RUSSIAN-PN-P168296-P164837-PUBLIC-Green-finance-Note.pdf> (date of application 16.05.2020).

14. Bezsmertnaya E.R. «Green» financial innovations: directions and prospects of development. URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42671984> (date of application 16.05.2020).

15. Bezsmertnaya E.R. Issue of «green» bonds as an element of the environmental protection system. URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=41331419> (date of application 17.05.2020).

16. Green bonds: prospects for market development in Russia. JSC «Waste management». M., 2018. URL : <http://fs.moex.com/files/16812> (date of application 17.05.2020).

17. Explaining green bonds. URL : <https://www.climatebonds.net/market/explaining-green-bonds> (date of application 18.05.2020).

18. *Архипова К.В.* «Зеленые» облигации как инструмент финансирования эколого-ориентированных проектов: анализ мирового опыта и возможности применения в России. URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=35045469> (дата обращения 18.05.2020).

19. *Мирошниченко О.С.* «Зеленый» кредит как инструмент «зеленого» финансирования / О.С. Мирошниченко, Н.А. Мостовая. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/zelenyy-kredit-kak-instrument-zelenogo-finansirovaniya> (дата обращения 17.05.2020).

18. *Arkhipova K.V.* «Green» bonds as a tool for financing eco-oriented projects: analysis of world experience and possible applications in Russia. URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=35045469> (date of application 18.05.2020).

19. *Miroshnichenko O.S.* «Green» credit as a tool of «green» financing / O.S. Miroshnichenko, N.A. Mostovaya. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/zelenyy-kredit-kak-instrument-zelenogo-finansirovaniya> (date of application 17.05.2020).

Маликова Азиза Хорисовна

доктор юридических наук,
профессор кафедры
теории права и философии,
Самарский государственный
экономический университет
malikova_ax@mail.ru

Куликов Евгений Игоревич

аспирант,
Самарский государственный
экономический университет
UdarNIK.93@mail.ru

**ЗНАЧИМОСТЬ
БЮДЖЕТНО-ФИНАНСОВОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ**

Аннотация. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена важностью наличия адекватного, образованного общества для формирования сильного, экономически развитого, цивилизованного государства. Статья направлена на обоснование тезиса о том, что степень эффективности государственных инвестиций в человеческий капитал заключается, прежде всего, в обеспечении образования, влияет, первостепенным образом, на развитие социально-экономического государства. Назревшее осмысление ограниченности природных ресурсов приводит к возрастанию потребности в развитии человеческого капитала. Государственное бюджетно-финансовое обеспечение играет в этом первостепенную роль.

Ключевые слова: государственные инвестиции, образование, финансирование, человеческий капитал.

За последние годы Россия, как указано в докладе Программы развития Организации объединенных наций о развитии человека, среди 189 государств расположена на 49 месте. Российская система образования может занять более достойное место на мировом рынке образовательных услуг путем их модернизации, при этом, одновременно сохраняя лучшие традиции советского образования, которое позволило Советскому Союзу стать научной цивилизацией мира.

Еще в XIX в. Лоренц фон Штейн – немецкий философ, экономист, правовед, автор концепции социального государства многократно выделял тезис о том, что основной, архиважной функцией государства по ликвидации бедности, нищеты, беспризорности является введение всеобщего образования» [4, с. 545, 566]. Сегодня не природные ресурсы и не физический капитал

Aziza Kh. Malikova

Doctor of Law,
Professor of the Department
of Theory of Law and Philosophy
Samara State Economic University,
malikova_ax@mail.ru

Evgenii I. Kulikov

Graduate student,
Samara State Economic University
UdarNIK.93@mail.ru

**THE IMPORTANCE OF BUDGETARY
AND FINANCIAL SUPPORT
OF EDUCATION**

Annotation. The urgency of the problem under study is conditioned by the importance of having an adequate, well-educated society for forming a strong, economically developed, civilized state. In this connection, this article is aimed at substantiation of the thesis that the degree of efficiency of state investments into human capital, first of all, into provision of education, primarily affects the development of socio-economic state. The overdue understanding of the limited natural resources leads to an increasing need for human capital development. State budgetary and financial support plays a primary role in this.

Keywords: public investments, education, financing, human capital.

составляют богатство высокоразвитых стран. Определяющую роль в них играет человеческий капитал, а именно – знание, трудовые навыки, квалификация. Так, в некоторых странах Европы, Японии, являющимися сравнительно бедными на природные ресурсы и полезные ископаемые, высокий уровень внутригосударственного богатства обеспечен нематериальными ресурсами. Обусловлено это, прежде всего, высоким бюджетно-финансовым обеспечением, направленным на рост уровня развития человеческого капитала, основу которого составляет обязательность, доступность, обеспечение высокого качества образования. Великий немецкий ученый однозначно подчеркивал: «Не подлежит сомнению, что образование имеет самую высокую цену для всякого человека; оно есть вместе и условие, и последствие всякого преуспевания; размер и глубина его суть мера и стоимость всякого отдельного человека» [4, с. 126].

Лоренц фон Штейн писал: «Народу нужно быть высокообразованным, чтобы признать значение строя здоровья и осуществить свои требования» [4, с. 96]. Нынешние научные разработки также подтверждают этот тезис и доказывают, что здоровье человека определяется уровнем его образования. Уровень же жизни или статус в обществе влияют на степень здоровья в меньшей степени.

Степень эффективности государственных инвестиций в человеческий капитал, выражается, прежде всего, в обеспечении образования, влияет, первостепенным образом, на развитие социально-экономического государства, в целом. Учитывая, что функция государства по обеспечению образования обладает повышенной ценностью, государство закрепляет ее и гарантирует ее в соответствующих законодательных актах. Это, прежде всего, Конституция (ст. 43), Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ, Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996 № 127-ФЗ, принимаемые в соответствии с ними другие законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, множество нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации в области образования, а также, ратифицированные Россией нормы международного права. К составляющим правовую систему Российской Федерации относят: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Декларацию социального прогресса и развития, Европейскую социальную хартию 1996 г. и др.

«Образованные, неравнодушные люди всегда выступают генераторами идей, приносящих пользу не только для себя, но и для других, что позволяет формировать новые партнерские отношения в бизнесе, который и обеспечивает рост уровня качества жизни» [1]. Безусловно, государство, тратящее средства на научно-инновационные разработки и исследования, получает развитую экономику, высокий уровень достойной жизни своих граждан. Рост образованности общества способствует успешному развитию социально-экономического государства.

Сферу образования должно курировать, в значительной части, государство. Государственный патернализм в этой области очевиден. Платное, договорное образование – неизбежный атрибут сегодняшних реалий, но следует максимально изолировать образовательные отношения из сферы рыночных реформ. Обеспечение образования – это не та деятельность, на которой можно получить сиюминутную выгоду. Она направлена на

Литература:

1. *Александрова Н.Г.* Образование как главный фактор повышения качества жизни // Повышение уровня и качества жизни населения – стратегическое направление развития России на современном этапе: материалы Региональной научно-практ.конф. Балашов: [б. и.], 2008. 101 с.

долгосрочную перспективу. Затраты на нее окупятся бесконечно многократно, поэтому расширение финансового обеспечения образования - политика дальновидного государства. Экономить в этой сфере недопустимо [2]. Для развития экономики, благополучия граждан и всего человечества отдавать в бесконечную власть рыночных отношений здравоохранение, искусство, культуру, образование, науку вредно.

Интеллектуальный потенциал общества – одна из основных социальных ценностей. Важно, чтобы образование всегда оставалось общедоступным. Цифровое, дистанционное образование, которое позволяет учиться везде, всему и у любого, может помочь в этом.

«Основа будущего образования заключается, в мало-по-малу, все более и более проясняющемся осознании того, что распоряжения и издержки на эти учреждения (образования) богато вознаграждаются, потому что посредством их уменьшаются источники бедности, недостаток порядка и образования, а, следовательно, уменьшится и налог в пользу бедных», – отмечал Л. фон Штейн [4, с. 545].

Инвестиции в человеческий капитал в настоящее время, без сомнения, включают и финансово-бюджетное обеспечение реализации научно-практических проектов. «Общественное развитие всегда было связано с достижениями науки» [3]. Страна, претворяющая в реальность результаты естественных и технических наук, создает передовые высокопроизводительные механизмы, нанотехнологии, современную инфраструктуру, обеспечивает экологическую безопасность страны и т.п. Реализуя государственно-правовые, научно-теоретические разработки, эта страна совершенствует собственную правовую систему, становясь сильным, высокоразвитым, цивилизованным государством.

В связи с изложенным, назрела потребность в принятии Кодекса «Об образовании в Российской Федерации», который вобрал бы в себя огромное количество правовых источников в сфере образовательных правоотношений, позволил бы, закрепленные в Основном законе, обязательные государственные стандарты образования, в том числе, возможности реализации права каждого человека на современное образование, осуществлять результативней. Единый, систематизированный правовой акт целесообразен для более эффективного бюджетно-финансового обеспечения государственного, доступного, качественного образования.

Literature:

1. *Alexandrova N.G.* Education as the main factor in improving the quality of life // Increasing the level and quality of life of the population is a strategic direction of development of Russia at the present stage: materials of the Regional Scientific and Practical Conference. Balashov: [b. i.], 2008. 101 p.

2. *Алферов Ж.И.* Роль образования и науки в укреплении государства и развитии экономики страны / Ж.И. Алферов, В.А. Садовничий; Под общ. ред. В.А.Садовничего // Образование, которое мы можем потерять. М., 2003. 363 с.

3. *Хабриева Т.Я.* Концепция развития законодательства о науке / Т.Я. Хабриева, В.А. Витушкин; Под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова // Концепция развития законодательства. Концепции развития российского законодательства. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М. : Эксмо, 2010. С. 387–398; 732 с.

4. *Штейн фон Лоренц (1884).* Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии. Руководство, изданное Лоренцом Штейном, профессором Венского университета, как основание его лекций / Штейн фон Лоренц; Пер. с нем.; Под ред. И.Е. Андреевского, орд. профессора С.-Петербургского университета. Издание А.С. Гиероглифова. СПб. : типография В.В. Пратц, 594 с.

2. *Alferov Zh.I.* The role of education and science in strengthening the state and developing the country's economy / Zh.I. Alferov, V.A. Sadovnichy; Under general revision V.A. Sadovnichy // Education that we can lose. M., 2003. 363 p.

3. *Khabrieva T.Ya.* Concept of development of legislation on science / T.Ya. Khabrieva, V.A. Vitushkin; Ed. by T.Ya. Khabrieva, Yu.A. Tikhomirov // Concept of development of legislation. Concept of development of Russian legislation. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. M. : Eksmo, 2010. P. 387–398; 732 p.

4. *Stein von Lorentz (1884).* The doctrine of government and the law of government with a comparison of literature and legislation of France, England and Germany. A guide published by Lorenz Stein, professor at the University of Vienna, as the basis of his lectures / Stein von Lorentz; Transl. with him. ed. I.E. Andreevsky, Ord. Professor of St. Petersburg University. Edition of A.S. Gieroglyphov. SPb. : printing house V.V. Pratz, 594 p.

Орлов Филипп Павлович

аспирант департамента
мировых финансов,
Финансовый университет
при Правительстве РФ
filipp.orlov910@gmail.com

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ РЕЖИМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ВЫПУСКА КРИПТОВАЛЮТ В СТРАНАХ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ (ЧАСТЬ 1)

Аннотация. В статье анализируются первые две группы стран Южной Америки (из четырех имеющихся групп) на предмет безопасности осуществления деятельности, связанной с криптовалютами, и регламентацией режима их выпуска и использования в этих странах. В статье были рассмотрены следующие страны: Аргентина, Чили, Бразилия, Венесуэла и Колумбия. Они относятся к первой и второй группам, сформированным в зависимости от прогресса регулирующих органов в части регламентации режима выпуска и использования криптовалют, информирования своих резидентов о соответствующих рисках, безопасности осуществления деятельности, связанной с криптовалютами.

Ключевые слова: Южная Америка, Аргентина, Чили, Бразилия, Венесуэла, Колумбия, технология распределенного реестра, криптовалюта, биткойн, El Petro, выпуск криптовалют, использование криптовалют, регламентация, безопасность.

В данной статье будут рассмотрены первые две из четырех групп стран Южной Америки на предмет продвижения регулирующих органов в вопросах регламентации режима использования криптовалют и безопасности осуществления деятельности, связанной с ними. Выделим эти четыре группы:

1. Страны, достигшие наибольшего успеха в вышеназванном направлении – Аргентина, Чили и Бразилия.
2. Страны, находящиеся в активной стадии регламентации режима использования и выпуска криптовалют – Венесуэла и Колумбия.
3. Страны, которым необходимо уделить больше внимания проблемам недостатка регламентации режима использования и выпуска криптовалют и безопасности осуществления соответствующей деятельности – Парагвай, Уругвай и Перу.
4. Страны с неприемлемым уровнем регламентации режима использования и выпуска

Philipp P. Orlov

Postgraduate student
of the Department World Finance,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
filipp.orlov910@gmail.com

REGULATION OF THE REGIME OF CRYPTOCURRENCIES' USE AND ISSUE IN THE COUNTRIES OF SOUTH AMERICA (PART 1)

Annotation. The article analyzes the first two groups of South American countries (out of the four available groups) for the security of carrying out activities related to cryptocurrencies, and the regulation of the mode of their release and use in these countries. The following countries were considered in the article: Argentina, Chile, Brazil, Venezuela and Colombia. These countries belong to the first and second groups, formed depending on the progress of regulatory bodies in regulating the mode of issuance and use of cryptocurrencies, informing their residents about the relevant risks, and the safety of carrying out activities related to cryptocurrencies.

Keywords: South America, Argentina, Chile, Brazil, Venezuela, Colombia, , distributed ledger technology, cryptocurrency, bitcoin, El Petro, cryptocurrency issuance, use of cryptocurrencies, regulation, security.

криптовалют, с отсутствием необходимого уровня безопасности осуществления соответствующей деятельности – Боливия, Гайана, Эквадор и Суринам.

Среди стран Южной Америки наибольший уровень безопасности для деятельности с криптовалютами зафиксирован в Аргентине – 7 баллов из 10. В настоящий момент в этой стране было проведено 7 процедур первичного размещения токенов (далее – ICO), имеется 1 пункт обмена криптовалют; правительство Аргентины ни разу не запретило проведение ICO. Аргентина занимает 12 место из 249 стран по безопасности для участия в криптовалютных сделках [8].

В соответствии с Национальной конституцией Аргентины [7], регулирующим органом, способным выпускать законную валюту, является исключительно центральный банк Аргентины [15]. Криптовалюты, в том числе биткойн, не являются законными к обращению денежными средствами, потому что не выпускаются государством [12]. Несмотря на то, что использование и выпуск криптовалют в Аргентине не регламентирован, часть

экспертов предполагает, что со временем их использование и выпуск в данной стране будет более распространенным явлением. [13] Кроме того, предполагается, что в будущем сделки с криптовалютами в Аргентине будут регулироваться Гражданским кодексом [1].

Несмотря на ожидания по результатам встречи министров финансов и глав центральных банков Группы двадцати, которая проходила в Буэнос – Айресе в марте 2018 года, участниками не были обозначены конкретные рекомендации в отношении регламентации режима использования и выпуска криптовалют [17]. Участники встречи только упомянули о рисках для потребителей и инвесторов [6]. Вместе с тем, регулирующие органы Аргентины планируют регламентировать использование криптовалют, в том числе - внести изменения в «антиотмывочное» законодательство с целью расширения списка субъектов экономической деятельности, которые должны направлять отчетность в компетентные регулирующие органы касательно сделок с токенами криптовалют [2].

Второй страной Южной Америки по уровню регламентации режима использования криптовалют и безопасности, связанной с ними деятельности, является Чили с 6.8 баллами из 10. В стране было разрешено проведение 7 ICO, под запрет не попала ни одна процедура ICO, есть 1 пункт обмена криптовалют, что позволило аналитикам Cointobuy.io присвоить Чили 18 место из 249 стран [8]. В соответствии с неофициальным заявлением центрального банка Чили, криптовалюты не имеют правового статуса в стране, и сделки с их использованием не являются предметом регламентации [11]. Вместе с тем, в 2019 году экс-министр финансов Чили Фелипе Лорраин сообщил, что Чили будет ведущим экспортером финансовых услуг в Южной Америке и собирается регламентировать выпуск и использование криптовалют, в том числе, определить их правовой статус, решить проблему отмывания денежных средств с помощью криптовалют и создать гибкое регулирование, которое будет подходить как для традиционных финансовых продуктов/услуг, так и для инноваций в сфере FinTech. Данные меры потенциально позволят физическим и юридическим лицам в Чили активнее участвовать в деятельности, связанной с криптовалютами [4].

Законность использования и выпуска криптовалют в Бразилии является спорным вопросом. Регламентация режима их выпуска и использования в этой стране по существу отсутствует. Вместе с тем, государство предупреждает резидентов Бразилии о рисках, связанных с криптовалютами, и информирует о разнице, существующей между виртуальными валютами (в данной статье – криптовалюты) и электронными деньгами [16]. В соответствии с Законом от 9 октября 2013 года № 12.865, электронные деньги являются ресурсом, который хранится на устройствах или в электронных платежных системах для предоставления пользователям возможности осуществлять транзакции в бразильских реалах [14]. В свою очередь, виртуальные валюты не являются

валютами, выпущенными суверенными государствами, в том числе, не хранятся на устройствах или в электронных платежных системах в бразильских реалах [16].

В соответствии с Коммюнике от 16 ноября 2017 года № 31.379, центральный банк Бразилии предупредил физические и юридические лица, проявляющие повышенный интерес к криптовалютам, о возникающих рисках. Центральный банк сообщил, что криптовалюты не гарантируются государством, и сделки с криптовалютами не регламентированы ни одним регулирующим органом Бразилии [5].

С одной стороны, Бразилия выступает за развитие инновационных технологий, например, использование технологии распределенного реестра для обработки и хранения голосов избирателей. С другой стороны, нельзя не обратить внимание на тот факт, что экс-президент Бразилии Луис Инасиу Лула да Силва был приговорен к тюремному заключению за коррупцию и отмывание денежных средств, в том числе, с помощью криптовалют. В Бразилии на текущий момент было разрешено проведение 12 ICO, в то время как запрещено проведение только 3, в стране находится 6 обменных пунктов для криптовалют, и она занимает 25 место из 249 стран с уровнем безопасности для ведения деятельности, связанной с криптовалютами, как 6.6 баллов из 10 [8].

Страны, которые активно движутся в направлении регламентации и являются достаточно безопасными для осуществления деятельности, связанной с криптовалютами, являются Венесуэла и Колумбия с 5.1 и 5 баллами из 10 соответственно, которые занимают 58 и 59 места из 249 стран. В Венесуэле было разрешено проведение 3 ICO, запрещено 16 инициатив ICO, есть 1 обменный пункт криптовалют, в Колумбии было разрешено проведение 4 ICO, ни одна процедура ICO не подлежала запрету, и нет обменных пунктов криптовалют [8].

В соответствии с Указом от 8 декабря 2017 года № 3196, в Венесуэле было принято решение о создании цифровых денег центрального банка (далее – ЦДЦБ), которые получили название «El Petro». Правительство Венесуэлы сообщило, что ЦДЦБ обеспечены нефтью и другим природным ресурсам, а также привязаны к венесуэльскому боливару. В остальном, Указ от 8 декабря 2017 года № 3196 детализирует операционные процессы El Petro, касающиеся выпуска и использования ЦДЦБ [9]. Помимо ЦДЦБ, данный документ провозглашает создание в Венесуэле Национального управления по криптоактивам и связанной с ними деятельности [10].

Законность использования и выпуска криптовалют в Колумбии является спорным вопросом, так как регламентация режима криптовалют в этой стране отсутствует, также, как и не определен их правовой статус. Финансовое управление Колумбии проинформировало резидентов страны о том, что биткойн не является валютой в Колумбии и не может являться средством платежа.

Законной валютой в Колумбии является исключительно колумбийский песо, и только центральный банк Колумбии может осуществлять эмиссию денег. Финансовое управление Колумбии также предупредило организации финансового рынка Колумбии о невозможности инвестировать, заниматься брокерской деятельностью и осуществлять транзакции в токенах криптовалют [3].

Подводя итоги первой части анализа стран Южной Америки, Аргентина, Бразилия и Чили являются наиболее активными и передовыми

Литература:

1. Argentina es uno de los países que más usa el Bitcoin, la moneda virtual // Clarin official site URL : <http://www.clarin.com>. 2020. URL : http://www.clarin.com/sociedad/Argentina-paises-Bitcoin-moneda-virtual_0_1057694271.html (date of appeal 15.10.2020).
2. Argentina supervisaría operaciones en bitcoins a partir de 2018 // Bloomberg official site. URL : <https://www.bloomberg.com>. 2020. URL : <https://www.bloomberg.com/latam/blog/argentina-supervisaria-operaciones-en-bitcoins-partir-de-2018/> (date of appeal 15.10.2020).
3. Carta Circular 52 de 22-06-2017 // Actualicese official site. URL : <https://actualicese.com>. 2020. URL : <https://actualicese.com/normatividad/2017/06/22/carta-circular-52-de-22-06-2017/> (date of appeal 17.10.2020).
4. Chile Announces Bill for the regulation of fintech and cryptocurrencies // Legalico.io official site. URL : <https://www.legalico.io>. 2020. URL : <https://www.legalico.io/chile-announces-bill-for-the-regulation-of-cryptocurrencies/> (date of appeal 16.10.2020).
5. Comunicado 31,379 of November 16, 2017 // Banco Central do Brasil official site URL : <http://www.bcb.gov.br>. 2020. URL : <http://www.bcb.gov.br/ingles/norms/Virtual-currencies-Comunique-31379-English.pdf> (date of appeal 16.10.2020).
6. Comunicado, Finance Ministers & Central Bank Governors, G20 // G20 in Argentina, 2018 official site. URL : <https://back-g20.argentina.gob.ar>. 2020. URL : https://back-g20.argentina.gob.ar/sites/default/files/media/comunicado_g20.pdf (date of appeal 15.10.2020).
7. Constitución de la Nación Argentina // Infoleg official site. URL : <http://servicios.infoleg.gob.ar>. 2020. URL : <http://servicios.infoleg.gob.ar/infolegInternet/anexos/0-4999/804/norma.htm> (date of appeal 14.10.2020).
8. Cryptocurrency regulation analysis // Coinbuy official site. URL : <https://cointobuy.io>. 2020. URL : <https://cointobuy.io/countries> (date of appeal 14.10.2020).
9. Decreto 3196 Mediante el cual se autoriza la creación de la Superintendencia de los Criptoactivos y Actividades Conexas Venezolana // TuAbogado official site. URL : <http://www.tuabogado.com>. 2020. URL : [странами региона в вопросах, касающихся регламентации режима выпуска и использования криптовалют, безопасности осуществления, связанной с ними деятельности. Вместе с тем, Венесуэла и Колумбия в ближайшем будущем способны также войти в первую группу стран и составить конкуренцию ранее указанным странам. В свою очередь, страны, которые входят в текущий состав первой группы, Аргентина, Бразилия и Чили, должны стать примерами для других стран региона.](http://gacetaoficial.tuabogado.com/gaceta-</div><div data-bbox=)

Literature:

1. Argentina es uno de los países que más usa el Bitcoin, la moneda virtual // Clarin official site URL : <http://www.clarin.com>. 2020. URL : http://www.clarin.com/sociedad/Argentina-paises-Bitcoin-moneda-virtual_0_1057694271.html (date of appeal 15.10.2020).
2. Argentina supervisaría operaciones en bitcoins a partir de 2018 // Bloomberg official site. URL : <https://www.bloomberg.com>. 2020. URL : <https://www.bloomberg.com/latam/blog/argentina-supervisaria-operaciones-en-bitcoins-partir-de-2018/> (date of appeal 15.10.2020).
3. Carta Circular 52 de 22-06-2017 // Actualicese official site. URL : <https://actualicese.com>. 2020. URL : <https://actualicese.com/normatividad/2017/06/22/carta-circular-52-de-22-06-2017/> (date of appeal 17.10.2020).
4. Chile Announces Bill for the regulation of fintech and cryptocurrencies // Legalico.io official site. URL : <https://www.legalico.io>. 2020. URL : <https://www.legalico.io/chile-announces-bill-for-the-regulation-of-cryptocurrencies/> (date of appeal 16.10.2020).
5. Comunicado 31,379 of November 16, 2017 // Banco Central do Brasil official site URL : <http://www.bcb.gov.br>. 2020. URL : <http://www.bcb.gov.br/ingles/norms/Virtual-currencies-Comunique-31379-English.pdf> (date of appeal 16.10.2020).
6. Comunicado, Finance Ministers & Central Bank Governors, G20 // G20 in Argentina, 2018 official site. URL : <https://back-g20.argentina.gob.ar>. 2020. URL : https://back-g20.argentina.gob.ar/sites/default/files/media/comunicado_g20.pdf (date of appeal 15.10.2020).
7. Constitución de la Nación Argentina // Infoleg official site. URL : <http://servicios.infoleg.gob.ar>. 2020. URL : <http://servicios.infoleg.gob.ar/infolegInternet/anexos/0-4999/804/norma.htm> (date of appeal 14.10.2020).
8. Cryptocurrency regulation analysis // Coinbuy official site. URL : <https://cointobuy.io>. 2020. URL : <https://cointobuy.io/countries> (date of appeal 14.10.2020).
9. Decreto 3196 Mediante el cual se autoriza la creación de la Superintendencia de los Criptoactivos y Actividades Conexas Venezolana // TuAbogado official site. URL : <http://www.tuabogado.com>. 2020. URL : [245](http://gacetaoficial.tuabogado.com/gaceta-</div><div data-bbox=)

oficial/decada-2010/2017/gaceta-oficial-6346-del-8-diciembre-2017 (date of appeal 17.10.2020).

10. Efectos sobre el bitcoin y otras criptomonedas del Decreto sobre creación del PETRO y la Superintendencia de los Criptoactivos // TuAbogado official site. URL : <http://www.tuabogado.com>. 2020. URL : <http://www.tuabogado.com/venezuela/secciones/derecho/informatico/efectos-sobre-el-bitcoin-y-otras-criptomonedas-del-decreto-sobre-creacion-del-petro-y-la-superintendencia-de-los-criptoactivos-raymondorta> (date of appeal 17.10.2020).

11. El avance de las monedas virtuales en Chile: cuatro empresas transan más de US\$ 7 millones mensuales y suman casi 20 mil clientes // Economía y Negocios official site. URL : <http://www.economiaynegocios.cl>. 2020. URL : <http://www.economiaynegocios.cl/noticias/noticias.asp?id=375043> (date of appeal 16.10.2020).

12. El Banco Central Argentino considera riesgoso operar con bitcoins // Infotechnology official site. URL : <https://www.infotechnology.com>. 2020. URL : <https://www.infotechnology.com/internet/El-Banco-Central-argentino-considera-riesgoso-operar-con-bitcoins-20140528-0003.html> (date of appeal 14.10.2020).

13. El vacío legal del bitcoin: ¿es o no es dinero? // Telam official site. URL : <http://www.telam.com.ar>. 2020. URL : <http://www.telam.com.ar/notas/201702/180185-el-vacio-legal-del-bitcoin-es-o-no-es-dinero.html> (date of appeal 15.10.2020).

14. Lei № 12.865, de 9 de Outubro de 2013 // Presidência da República Casa Civil official site. URL : <https://www.planalto.gov.br>. 2020. URL : https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2011-2014/2013/lei/112865.htm (date of appeal 16.10.2020).

15. Ley № 24.144, Carta Orgánica del Banco Central de la República Argentina // Infoleg official site. URL : <http://servicios.infoleg.gob.ar>. 2020. URL : <http://servicios.infoleg.gob.ar/infolegInternet/anexos/0-4999/542/texact.htm> (date of appeal 14.10.2020).

16. Policy Statement № 25,306, of February 19 th, 2014 // Banco Central do Brasil official site. URL : <http://www.bcb.gov.br>. 2020. URL : <http://www.bcb.gov.br/pom/spb/ing/IComunicado25306.pdf> (date of appeal 16.10.2020).

17. Sin decisiones sobre los criptoactivos concluye reunión del G20 // Criptonoticias official site. URL : <https://www.criptonoticias.com>. 2020. URL : <https://www.criptonoticias.com/regulacion/sin-decisiones-criptoativos-concluye-reunion-g20/> (date of appeal 15.10.2020).

oficial/decada-2010/2017/gaceta-oficial-6346-del-8-diciembre-2017 (date of appeal 17.10.2020).

10. Efectos sobre el bitcoin y otras criptomonedas del Decreto sobre creación del PETRO y la Superintendencia de los Criptoactivos // TuAbogado official site. URL : <http://www.tuabogado.com>. 2020. URL : <http://www.tuabogado.com/venezuela/secciones/derecho/informatico/efectos-sobre-el-bitcoin-y-otras-criptomonedas-del-decreto-sobre-creacion-del-petro-y-la-superintendencia-de-los-criptoactivos-raymondorta> (date of appeal 17.10.2020).

11. El avance de las monedas virtuales en Chile: cuatro empresas transan más de US\$ 7 millones mensuales y suman casi 20 mil clientes // Economía y Negocios official site. URL : <http://www.economiaynegocios.cl>. 2020. URL : <http://www.economiaynegocios.cl/noticias/noticias.asp?id=375043> (date of appeal 16.10.2020).

12. El Banco Central Argentino considera riesgoso operar con bitcoins // Infotechnology official site. URL : <https://www.infotechnology.com>. 2020. URL : <https://www.infotechnology.com/internet/El-Banco-Central-argentino-considera-riesgoso-operar-con-bitcoins-20140528-0003.html> (date of appeal 14.10.2020).

13. El vacío legal del bitcoin: ¿es o no es dinero? // Telam official site. URL : <http://www.telam.com.ar>. 2020. URL : <http://www.telam.com.ar/notas/201702/180185-el-vacio-legal-del-bitcoin-es-o-no-es-dinero.html> (date of appeal 15.10.2020).

14. Lei № 12.865, de 9 de Outubro de 2013 // Presidência da República Casa Civil official site. URL : <https://www.planalto.gov.br>. 2020. URL : https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2011-2014/2013/lei/112865.htm (date of appeal 16.10.2020).

15. Ley № 24.144, Carta Orgánica del Banco Central de la República Argentina // Infoleg official site. URL : <http://servicios.infoleg.gob.ar>. 2020. URL : <http://servicios.infoleg.gob.ar/infolegInternet/anexos/0-4999/542/texact.htm> (date of appeal 14.10.2020).

16. Policy Statement № 25,306, of February 19 th, 2014 // Banco Central do Brasil official site. URL : <http://www.bcb.gov.br>. 2020. URL : <http://www.bcb.gov.br/pom/spb/ing/IComunicado25306.pdf> (date of appeal 16.10.2020).

17. Sin decisiones sobre los criptoactivos concluye reunión del G20 // Criptonoticias official site. URL : <https://www.criptonoticias.com>. 2020. URL : <https://www.criptonoticias.com/regulacion/sin-decisiones-criptoativos-concluye-reunion-g20/> (date of appeal 15.10.2020).

Семенова Ариадна Гаврильевна
кандидат политических наук,
доцент кафедры
социологии и управления персоналом,
Северо-Восточный Федеральный
университет имени М.К. Аммосова
renazh@inbox.ru

АНАЛИЗ ВИДОВ СТИМУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

Аннотация. Вопросы эффективной мотивации трудовой деятельности всегда остаются актуальными. Понимание принципов грамотного стимулирования работников является одним из главных инструментов управления предприятием. Система эффективного стимулирования трудовой деятельности предприятий зависит от понимания, какие действия персонала необходимо стимулировать и что именно предприятие хочет получить в результате такой деятельности. В статье автор анализирует такие виды стимулирования как материальное и корпоративное, рассматривает их положительные и отрицательные стороны для повышения эффективности деятельности предприятия.

Ключевые слова: стимулирование, материальное стимулирование, корпоративный принцип стимулирования, оплата труда.

Вопросы эффективной мотивации трудовой деятельности всегда стоят перед кадровой службой. Понимание принципов грамотного стимулирования работников является одним из главных инструментов управления предприятием. Система эффективного стимулирования трудовой деятельности сотрудников предприятий зависит от понимания, какие действия персонала необходимо стимулировать и что именно предприятие хочет получить в результате такой деятельности [1]. Личный вклад каждого работника в финансовое благосостояние предприятие должен быть соответствующе оценен и простимулирован. Персонал предприятия имеет свои цели и потребности, гармоничное развитие предприятия возможно лишь в том случае, если вознаграждение будет соответствовать психологическим, профессиональным и социальным особенностям работников [2, с. 43].

В основу стимулирования лежит принцип, что любые трудовые действия должны иметь последствия, будь то положительные, отрицательные или нейтральные, в зависимости от качества выполненной работы. Основными видами стимулирования являются:

Ariadna G. Semenova
Candidate of Political Sciences,
Associate Professor of the Department
of Sociology and Personnel Management,
North-Eastern Federal University
named after M.K. Ammosova
renazh@inbox.ru

ANALYSIS OF TYPES OF LABOR INCENTIVES IN RUSSIAN ENTERPRISES

Annotation. Issues of effective motivation for work always remain relevant. Understanding the principles of competent employee incentives is one of the main tools of enterprise management. The system of effective stimulation of labor activity of enterprises depends on understanding what actions of personnel need to be stimulated and what exactly the enterprise wants to get as a result of such activities. In the article, the author analyzes such types of incentives as material and corporate, considers their positive and negative aspects to improve the efficiency of the enterprise.

Keywords: incentives, material incentives, corporate incentive principle, remuneration.

– материальная денежная. Сюда относятся сама зарплата и ее переменная часть – доплаты, надбавки, премии и т.д.;

– нематериальная. Выражается в предоставлении сотрудникам гибкого или свободного режима работы, признание заслуг и статуса (грамоты, дипломы).

– материальная неденежная. Сюда относятся подарочные сертификаты, путевки и т.д.

Нематериальное вознаграждение (моральное) показывает персоналу, что их деятельность признана и соответствует интересам предприятия; данный стимул положительно сказывается на морально-психологический климат коллектива. Однако большая часть руководителей предприятий считают основным видом стимулирования – материальное, видя в нем основной фактор развития коммерческого предприятия. 80–90 % стимулов к труду высокой производительности составляет заработная плата работника. В последнее время в больших компаниях стала чаще встречаться гибкая бестарифная система оплаты труда взамен повременной. В этом случае, стимулирование работника является фиксированным и

основывается на трудовой квалификации. Как видим, новые методы стимулирования – это отказ от традиционных и замена на двухуровневую оплату труда, состоящую из базовой ставки и стимулирующих выплат, зависящих от результатов самого работника и эффективной работы подразделения и компании.

Вопросы грамотного материального стимулирования трудовой деятельности несет в себе следующие проблемы:

1. Тарифно-окладная и сдельная оплата труда потеряла актуальность в современных рыночных реалиях.
2. Не соответствие направленности стимулирования стратегии и тактике конкретного предприятия, управления его персоналом и подразделениями.
3. Частое несоответствие стимулирующих надбавок и личного вклада работников, их коллективных и самостоятельных результатов.
4. В зависимости от поставленных задач и увеличения производительности труда должен быть скорректирован рост заработной платы.
5. Для персонала компании вся система стимулирования должна быть понятой и признанной справедливой.

Все эти проблемы решаются при переходе на гибкую бестарифную систему оплаты труда. По данным аналитиков при введении гибких систем оплаты доходы сотрудников увеличиваются с 3 % до 30 %, а прибыльность предприятия – с 5 % до 50 % [3].

Материальные виды стимулирования, в большинстве своем, затрагивают только имеющийся трудовой и творческий потенциал отдельно взятого работника, не обращая внимания на возможность саморазвития или создания условий для дальнейшего профессионального роста работников. Использование только материальных стимулов на предприятии приводит к следующему [4]:

Литература:

1. *Чернов А.* Об основных принципах мотивации персонала. URL : www.hr-portal.ru
2. *Митрофанова Е.* Как, отвечая требованиям рынка, сохранить корпоративные ценности // *Кадровик. Кадровый менеджмент.* 2009. № 1. С. 43–48.
3. *Ратнер Г.* Современные системы оплаты труда. URL : www.cfin.ru
4. *Павлов Д.* Зарубежный и отечественный опыт оплаты труда. URL : www.pragmatist.ru

– отбор людей, наиболее эффективных в производстве;

– повышается дисциплинированность и качество выполнения основных норм;

– в случае экономического кризиса часть персонала будет уволена или переквалифицирована с минимальными потерями.

В отличие от материальной системы стимулирования, корпоративная концепция больше всего подходит для российской экономики и позволяет устранить выше обозначенные нюансы. Ее основные принципы, а, равно как и духовная общность, имеют большое положительное влияние на результаты трудовой деятельности организации. Приверженность работников предприятия принципам корпоративной культуры является одним из факторов успешной работы предприятия.

Успешность работы предприятия заключается в индивидуальном подходе к каждому члену коллектива; для каждого предприятия могут быть характерны свои специфичные мотивирующие факторы. Корпоративная концепция стимулирования должна иметь свои нормы, структуру и систему ценностей, обеспечивая приверженность работников идеалам предприятия. К нематериальным стимулирующим действиям можно отнести:

– организация досуга – туристические поездки, дома отдыха, санатории и т.д.;

– дополнительные дни отпуска, подарки, оплачиваемые отгулы;

– поощрения в виде наград, благодарностей, грамот, писем и т.д.

Только грамотный подход к стимулированию трудовой деятельности принесет свои плоды, необходим постоянный контроль и анализ потребностей и личных качеств сотрудников, что позволит выстроить эффективную систему мотивации персонала и как следствие повысит производительность предприятия.

Literature:

1. *Chernov A.* About the main principles of staff motivation. URL : www.hr-portal.ru
2. *Mitrofanova E.* How to maintain corporate values while meeting market requirements // *Personnel officer. Personnel management.* 2009. № 1. P. 43–48.
3. *Ratner G.* Modern payment systems. URL : www.cfin.ru
4. *Pavlov D.* Foreign and domestic experience of labor remuneration. URL : www.pragmatist.ru

Серeda Надежда Александровна

доктор экономических наук,
профессор,
декан экономического факультета,
Костромская государственная
сельскохозяйственная академия
sereda_n@mail.ru

Рыбникова Валерия Юрьевна

профессор кафедры архитектуры
и изобразительных дисциплин,
член Союза художников,
член Союза архитекторов,
Костромская государственная
сельскохозяйственная академия
ryvaler2011@yandex.ru

Пилиева Инна Ивановна

старший преподаватель
кафедры архитектуры
и изобразительных дисциплин,
член Союза архитекторов,
Костромская государственная
сельскохозяйственная академия
pilina2008@mail.ru

Цыбакин Сергей Валерьевич

кандидат технических наук,
доцент,
декан
архитектурно-строительного факультета,
Костромская государственная
сельскохозяйственная академия
sv44kostroma@yandex.ru

**УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ
СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ:
ОРГАНИЗАЦИОННО-
ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ**

Аннотация. В последние десятилетия наблюдается устойчивая тенденция сокращения численности сельского населения, обезлюдение сельских территорий центральной европейской части России. Неудовлетворительный социально-экономический результат свидетельствует о проблемах стратегического планирования развития сельских территорий. Для преломления негативных трендов необходим принципиально новый подход к организации доступа сельских жителей к социальным благам, а также иная концепция территориального формирования объектов социальной инфраструктуры. Основными принципами формирования стратегии устойчивого развития сельских территорий должны стать: интегрированный подход (межмуниципальный, межведомственный, межотраслевой), гибкость

Nadezhda A. Sereda

Doctor of Economic Sciences,
Professor,
Dean of the Faculty of Economics,
Kostroma State Agricultural Academy
sereda_n@mail.ru

Valeria Yu. Rybnikova

Professor of the Department
of Architecture and Fine Disciplines,
Member of the Union of Artists,
Member of the Union of Architects,
Kostroma State
Agricultural Academy
ryvaler2011@yandex.ru

Inna I. Pilieva

Senior lecturer
of the Department of Architecture
and Fine Disciplines,
Member of the Union of Architects,
Kostroma State
Agricultural Academy
pilina2008@mail.ru

Sergey V. Tsybakin

Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor,
Dean Faculty
of Architecture and Construction,
Kostroma State
Agricultural Academy
sv44kostroma@yandex.ru

**SUSTAINABLE DEVELOPMENT
OF RURAL TERRITORIES:
ORGANIZATIONAL
AND SPATIAL ASPECT**

Annotation. In recent decades, there has been a steady downward trend in the rural population, depopulation of rural areas in the central European part of Russia. The unsatisfactory socio-economic result indicates the problems of strategic planning for the development of rural areas. To reverse negative trends, a fundamentally new approach to organizing rural residents' access to social benefits is required, as well as a different concept of territorial formation of social infrastructure facilities. The main principles for the formation of a strategy for sustainable development of rural areas should be: an integrated approach (inter-municipal, interdepartmental, intersectoral), flexibility of organizational forms of access of rural residents to receive social benefits, multifunctionality and modularity of public spaces in rural settlements.

организационных форм доступа сельских жителей к получению социальных благ, многофункциональность и модульность общественных пространств сельских населенных пунктов.

Ключевые слова: сельские территории, устойчивое развитие, сельские населенные пункты, общественные пространства, многофункциональная инфраструктура, стратегическое планирование, пространственное размещение.

Постановка проблемы. В настоящее время сельская местность переживает системный кризис, характеризующийся множеством демографических, социально-экономических, институциональных проблем. Наблюдается устойчивая негативная тенденция социального опустынивания сельских территорий в результате, как естественной убыли, так и миграционного оттока населения из села в город. Происходит сокращение численности сельского населения, обезлюдение сельских территорий, ликвидация сельскохозяйственных организаций, выбытие земель из сельскохозяйственного использования, увеличение числа заброшенных домов и личных земельных участков, закрытие и разрушение объектов социальной инфраструктуры [1]. Одной из причин негативных трендов является неэффективность стратегического планирования развития сельских территорий. Существующие государственные программные документы [2, 3, 4] построены по территориальному и экономико-отраслевому принципу; конкретизацию программных мероприятий планируют и реализуют в рамках отдельных муниципалитетов; отсутствует координация между мероприятиями, направленными на развитие сельского хозяйства, промышленности и социальной сферы.

Пространственная организация сельских населенных пунктов, в частности – их общественные пространства, не соответствуют целям сохранения и наращивания сельского населения, формирования его современного, но именно — сельского образа жизни. Необходим принципиально новый подход к организации доступа сельских жителей к социальным благам, а также иная концепция территориального формирования общественных пространств сельских населенных пунктов, с опорой на обновляемую нормативную базу для формирования среды обитания.

Методика исследования. Информационную базу исследования составляют опубликованные труды ученых в области устойчивого развития сельских территорий, социальной инфраструктуры; официальные данные Федеральной службы государственной статистики и ее территориального отделения по Костромской области; нормативно-правовые документы; теоретические и эмпирические исследования авторов. В процессе исследования применялись различные методы раскрытия сущности изучаемых явлений и анализа их динамического развития: монографический, абстрактно-логический, динамические ряды, статистические группировки, метод опроса

Keywords: rural areas, sustainable development, rural settlements, public spaces, multifunctional infrastructure, strategic planning, spatial distribution.

и др. Пространственная локализация эмпирических исследований представлена сельскими территориями Костромской области.

Результаты исследования. За 50 лет (с 1970 по 2020 годы) численность населения Российской Федерации увеличилась на 12,9 %, за тот же период сельское население сократилось на 24,6 % (12,1 млн чел). Доля сельского населения в общей численности снизилась с 37,9 % до 25,3 % [5]. Исследуемый авторами регион – Костромская область – находится в центральной европейской части России, при этом негативные тенденции проявляются здесь значительно сильнее, чем в среднем по стране. С 1970 по 2020 годы численность населения Костромской области сократилась на 27 %, а сельского населения – на 57,4 %, при этом доля сельского населения снизилась с 46,7 % до 27,3 % [6]. Количество сельских поселений в Костромской области, то есть тех административно-территориальных единиц, которые призваны регулировать и улучшать условия жизни селян «на местах», уменьшилось за исследуемый период более чем вдвое за счет вынужденного их укрупнения в результате естественной демографической убыли, а также – миграции сельского населения в город. При этом территория большинства сельских поселений выросла вдвое, что при отсутствии дорог до значительной части периферийных населенных пунктов лишает эти населенные пункты (деревни, поселки, села) необходимой поддержки местных властей, заботы социальной, экономической, медицинской, и др. Причины и следствия замыкаются в негативный социальный «штопор», в итоге – сельская местность пустеет, снижается ресурсный потенциал аграрной отрасли [7]. Сокращается демографический потенциал страны, в целом, происходит деформация социально-экономических процессов, трудовых и культурных традиций, семейных связей, других перспективно значимых факторов социальной жизни, что приводит к утрате самоидентичности сельского населения центра России, беднеет национальный ресурс устойчивого развития страны.

По мнению Ю.М. Конева, снижение роли государства как основного регулятора привело к усилению экономических и социально-демографических различий в структуре сельского пространства. Концентрация населения и производительных сил осуществляется на территориях с благоприятными агроклиматическими условиями, развитой инфраструктурой, а также вокруг крупных предприятий [8]. Говоря обобщенно, происходит

хаотичная урбанизация сельского жизненного пространства и резкая поляризация социальных страт.

В рассматриваемом регионе по данным статистики [6] авторами проведено исследование динамики убывания численности населения сельских поселений Костромской области за 2012–2019 годы. Всего в регионе на начало 2020 года их насчитывалось 119 единиц. Сельские поселения были условно сгруппированы по численности населения равными интервалами в три группы: «малые», «средние», «крупные». К малым, средним и крупным отнесены, соответственно, 76 %, 17 % и 7 % сельских поселений. В разрезе групп выявлен темп снижения численности населения в 2019 году к уровню 2012 года. С 2012 по 2019 год численность жителей поселений первой группы (малых) сократилась на 12 %, второй (средних) – на 1,6 %, третьей (крупных) – на 0,6 %. Максимальные темпы сокращения численности жителей в отдельных малых сельских поселениях превышают 50%. Но в трех крупных сельских поселениях имел место рост числа жителей. Таким образом, темпы обезлюдения в малых сельских поселениях значительно выше, чем в крупных. Происходит переток населения из «периферийных» территорий муниципальных районов в центры административно-территориальных единиц – в относительно крупные населенные пункты. Аналогичные процессы происходят и внутри сельских поселений: происходит обезлюдение и исчезновение деревень, в удалении от центра сельского поселения практически нет деревень с постоянным населением, формируются так называемые «дачные деревни». В «мельчающих» сельских населенных пунктах происходит ликвидация объектов социальной инфраструктуры, что является одновременно и причиной, и следствием их депопуляции. Зачастую сельское поселение превращается, по существу, в единственный населенный пункт (дающий название всему поселению) и огромную безлюдную территорию вокруг него, с недоступной из-за бездорожья периферией.

Основной отток сельского населения осуществляется за счет миграции в города. За последние пять лет российское село теряет в среднем по 160 тыс. человек в год, большая часть которых приходится на молодой трудоспособный возраст, что ухудшает показатели «старения» сельского населения. В Костромской области за последние 5 лет общая численность сельского населения сократилась на 9 %, при этом население в трудоспособном возрасте уменьшилось на 20 %, доля трудоспособного населения снизилась с 58 до 52 %.

Обостряются проблемы доступности услуг социальной сферы. Одной из главных причин миграции сельского населения в города является более низкий уровень социального обустройства села по сравнению с городом [9]. Качество жизни горожан существенно отличают: насыщенность предложений социально-бытовых услуг, развитость организационной и материальной инфраструктуры, спектр возможностей трудоустройства, что и привлекает молодежь из сел в города.

Для выявления причин миграции жителей села в город в рамках проводимого исследования авторами организован опрос жителей сельских поселений Костромской области. На вопрос «Планируете ли Вы в дальнейшем жить в сельской местности?» 50 % респондентов ответили «нет», 23 % указали «да – жить, но работать в городе», и только 27 % опрошенных ответили «да».

Среди причин, побуждающих уехать жить в город, большинство опрошенных указывали: возможность найти более высокооплачиваемую (чем на селе) работу, более высокую доступность и качество медицинских услуг, лучшие возможности для получения образования, саморазвития, отдыха. В качестве условий, при наличии которых будет принято решение остаться жить в своем населенном пункте, отмечались: наличие работы, наличие хороших дорог до других населенных пунктов, развитие общественной жизни, возможность получения в своем населенном пункте комплекса образовательных, медицинских, социальных и бытовых услуг.

Кризис сельских поселений грозит стране рядом системных рисков: потери социального контроля над большими территориями и, соответственно, угрозы территориальной целостности России; сокращения территорий традиционного проживания, исчезновения уникальных ремесел и занятий, национальных традиций коренного населения; обострения социальной обстановки в городах, так как миграция зачастую является единственным способом решения социальных проблем для сельских жителей, которые будут составлять растущую, «демпинговую» конкуренцию горожанам на рынке труда, при этом растут спрос и цены на жилье. Концентрация населения в городах, также, как и сосредоточение его в крупных сельских населенных пунктах, не обеспечивают устойчивого развития сельских территорий, не отвечают глобальным вызовам, в том числе, связанным с распространением инфекционных заболеваний.

Неудовлетворительные социально-экономические тренды свидетельствуют о проблемах стратегического планирования развития сельских территорий. Сложившаяся система планирования в сельских территориях в основном подчинена интересам развития отраслей, где большее внимание уделено сельскохозяйственному производству, а не комплексному развитию территорий как среды обитания сельского жителя, которая должна гармонизировать как с природными, так и производственными условиями, а также – соответствовать культуре и традиционному образу жизни селян [10].

Отсутствует комплексный подход к устойчивому развитию сельских территорий и научно обоснованная методология управления сельскими территориями. Каждый муниципалитет руководствуется своими подходами к развитию сельской местности, не учитываются особенности и дифференциация социально-экономического развития поселений. Из-за отсутствия системности в развитии сельских территорий наблюдается стихийное размещение производительных сил, что при неразвитости инфраструктуры в сельской местности, негативно сказывается на эффектив-

ности сельской экономики и в целом на условиях проживания в сельской местности [11].

Институциональная среда развития сельских территорий формируема со стороны государства посредством федеральных и региональных нормативно-правовых актов, и программ различного статуса. При этом правовые, экономические, и организационные регуляторы государства по данным направлениям не согласованы между собой, в значительной степени действуют разнонаправленно, и потому – не эффективно, относительно целей и задач Программы устойчивого развития сельских территорий, усугубляя негативную ситуацию на селе [12].

Программные документы формируют целевые количественные индикаторы по развитию объектов социальной инфраструктуры, в основу которых заложены алгоритмы расчетов, где базой является численность жителей. Такой подход способствует планомерному уничтожению малых населенных пунктов.

Современное понимание устойчивого территориального развития должно базироваться на способности населенной территории (как открытой системы) не столько возвращаться в исходное состояние после возмущающих внешних воздействий, а приобретать новое свойство, переходить в иное качественное состояние, связанное, прежде всего, с неуклонным и стабильным повышением качества жизни людей, проживающих на этой территории [13].

Для преломления негативных трендов необходим принципиально новый подход к организации доступа сельских жителей к социальным благам, а также – иная концепция территориального формирования общественных пространств сельских населенных пунктов. Предположение авторов состоит в том, что разработка организационных, территориальных, архитектурных принципов организации сельской среды; связей элементов сельского домохозяйства с сельским поселением, объектами инфраструктуры, с другими элементами в системе расселения, поможет решить выше обозначенную проблему.

Осознание необходимости прогнозирования и регулирования социо-природных и социально-экономических взаимодействий, подтверждает необходимость создания условий для формирования и развития человека и общества, в том числе, средствами архитектурной и градостроительной деятельности, основанной на принципах биосферной совместимости, гуманизации сельской среды и обращения к традициям энерго-информационных обменов. Необходимо выявление инвариантов пространственно-временной организации сельской жилой и общественной среды, выработка принципов и методов организации пространства обитания, соответствующих современному сельскому образу жизни, формированию сельской экологичной и энергоэффективной среды обитания [14].

Основными принципами формирования стратегии устойчивого развития сельских территорий должны стать следующие:

1. Интегрированный подход. При разработке и реализации целевых программ необходимо межмуниципальное, межведомственное, межотраслевое взаимодействие.
2. Гибкость организационных форм доступа сельских жителей к получению социальных благ. Для малых сельских населенных пунктов, не соответствующих по численности населения существующим нормативным условиям для обеспечения их «стационарными» объектами инфраструктуры (школа, ФАП, клуб, отделение связи и др.), необходима организация мобильного доступа к социальным благам путем регулярной «доставки услуг», оборудования, персонала и других ресурсов к местам проживания населения.
3. Многофункциональность и модульность общественных пространств сельских населенных пунктов. Для реализации принципа гибкости необходимо наличие в сельских населенных пунктах многофункциональных модульных общественных пространств, позволяющих их использование для получения доступа к различным видам социальных благ и услуг (табл. 1).

Таблица 1

Формирование общественных пространств сельских населенных пунктов и организация доступа к социальным благам

Вид социальных благ	Существующая форма		Предлагаемая форма		
	многофункциональное общественное пространство	мобильная организация доступа	многофункциональное общественное пространство	мобильная организация доступа	получение (заказ) через интернет
Образование (дошкольное, общее, дополнительное)	–	+	+	+	+
Медицинское обслуживание	–	+	+	+	+
Торговля	–	+	+	+	+
Общественное питание	–	–	+	+	+
Организация досуга	+	+	+	+	+
Почтовое обслуживание	–	+	+	+	+
Банковское обслуживание	–	–	+	–	+
Социальное обслуживание	–	–	+	+	+
Взаимодействие с органами власти, общественными и политическими организациями	+	–	+	+	+

Новые возможности построения социально-экономических связей и отношений, процессов и структур несут в себе информационно-коммуникационные технологии. Получение многих видов социальных благ и услуг при соответствующем техническом оснащении возможно с использованием сети Интернет.

Архитектурно-пространственная организация сельских поселений и сельских населенных пунктов (особенно – малых) в большинстве случаев (своими территориями и объектами – на примерах Костромской области) в настоящее время не приспособлена к реализации предлагаемых форм доступа к социальным благам.

Выводы. Темпы обезлюдения малочисленных сельских поселений выше, чем крупных; наличествующее население сельских территорий концентрируется в относительно крупных сельских

поселениях. Подобные тенденции не обеспечивают устойчивого развития сельских территорий, не отвечают глобальным вызовам, в том числе — связанным с распространением инфекционных заболеваний. В «мельчающих» населенных пунктах происходит ликвидация объектов социальной инфраструктуры, что является одновременно и причиной, и следствием их депопуляции. Необходим новый подход (особенно в малых населенных пунктах) к организации доступа сельских жителей к социальным благам, и иная концепция формирования объектов социальной инфраструктуры. Смещение «центра тяжести» должно происходить в сторону формирования многофункциональных общественных пространств – участков населенных пунктов и общественных объектов в них, формирования и развития мобильной и удаленной организации доступа сельского населения к социальным благам.

Литература:

1. *Ефимова Е.В.* Стратегические направления устойчивого развития сельских территорий Республики Мордовия // *Фундаментальные исследования.* 2016. № 12-1. С. 160–164.
2. Федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года», утв. постановлением Правительства РФ от 15.07.2013 № 598 (ред. от 02.08.2017, с изм. от 12.10.2017).
3. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы, утв. постановлением Правительства от 14 июля 2012 года № 717.
4. Концепция устойчивого развития сельских территорий российской федерации на период до 2020 года», утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. № 2136-р.
5. Демографический ежегодник России. 2019: Сб. стат. Росстат. М., 2019. 252 с.
6. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Костромской области: официальный сайт // Основные показатели социально-экономического положения муниципальных образований. URL : <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst34/DBInet.cgi>
7. *Серёда Н.А.* Роль модернизации инфраструктуры в повышении эффективности сельского хозяйства и развитии сельских территорий: монография / Н.А. Серёда, Р.Р. Шамин. Караваяево : Костромская ГСХА, 2019. 156 с.
8. *Конев Ю.М.* Управление развитием сельских территорий в контексте трансформации социально-трудовой сферы / Ю.М. Конев, Ш.Ф. Фарахутдинов // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.* 2018. № 3. С. 148–152.

Literature:

1. *Efimova E.V.* Strategic Directions for the Sustainable Development of Rural Territories of the Republic of Mordovia // *Basic Research.* 2016. № 12-1. P. 160–164.
2. Federal target program «Sustainable rural development for 2014-2017 and for the period until 2020», approved Decree of the Government of the Russian Federation dated 15.07.2013 № 598 (ed. From 02.08.2017, with rev. from 12.10.2017)
3. State Program for the Development of Agriculture and Regulation of Agricultural Products, Raw Materials and Food Markets for 2013–2020, approved Government Decree of 14 July 2012 № 717.
4. Concept of sustainable development of rural territories of the Russian Federation for the period up to 2020, approved Decree of the Government of the Russian Federation of November 30, 2010 № 2136-r.
5. Demographic yearbook of Russia. 2019: Collection of articles. Rosstat. M., 2019. 252 p.
6. Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Kostroma Region: official website//Main indicators of the socio-economic situation of municipalities. URL : <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst34/DBInet.cgi>
7. *Sereda N.A.* The role of infrastructure modernization in increasing the efficiency of agriculture and the development of rural areas : monograph / N.A. Sereda, R.R. Shamin. Karavaevo : Kostroma GSHA, 2019. 156 p.
8. *Konev Yu.M.* Rural Development Management in the Context of the Transformation of the Socio-Labor Sphere / Yu.M. Konev, Sh.F. Farakhutdinov // *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences.* 2018. № 3. P. 148–152.

9. *Петриков А.В.* Политика сельского развития в России: направления и механизмы // Никоновские чтения. 2019. № 24. С. 1–10.
10. *Тимофеева Н.С.* Стратегирование устойчивого развития сельских территорий региона // Международный научный сельскохозяйственный журнал. 2018. Т. 1. № 1. С. 10–17.
11. *Меренкова И.Н.* Устойчивое развитие сельских территорий: теория, методология, практика : монография. Воронеж : ГНУ НИИЭОАПК ЦЧР России, 2011. 265 с.
12. *Костяев А.И.* Проблемы программного подхода к развитию сельских территорий / А.И. Костяев, Г.Н. Никонова, А.Г. Трафимов // Никоновские чтения. 2019. № 24. С. 10–12.
13. *Белоусов В.И.* Качество жизни сельских граждан и планирование устойчивого развития сельских территорий Черноземья / В.И. Белоусов, А.В. Белоусов, В.Е. Шевченко // БЕРЕГИНЯ.777. СОВА. 2010. № 2(4). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/kachestvo-zhizni-selskih-grazhdan-i-planirovanie-ustoychivogo-razvitiya-selskih-territoriy-chnozemya>
14. *Рыбникова В.Ю.* К вопросу о возрождении сельского образа жизни средствами архитектуры // Материалы международной научно-практической конференции «Наука, образование и экспериментальное проектирование» (11–15 апреля 2011 г.). Сборник статей. М. : МАРХИ. 2011. С. 231–234.
9. *Petrikov A. V.* Rural development policy in Russia: directions and mechanisms // Nikon readings. 2019. № 24. P. 1–10.
10. *Timofeeva N.S.* Strategy for the sustainable development of rural areas of the region // International Scientific Agricultural Journal. 2018. Vol 1. № 1. P. 10–17.
11. *Merenkova I.N.* Sustainable development of rural areas: theory, methodology, practice : monograph. Voronezh : GNU NIIEAPK CCR of Russia, 2011. 265 p.
12. *Kostyaev A.I.* Problems of a programmatic approach to rural development / A.I. Kostyaev, G.N. Nikonova, A.G. Trafimov // Nikon readings. 2019. № 24. P. 10–12.
13. *Belousov V.I.* Quality of life of rural citizens and planning for the sustainable development of rural territories of the Black Earth Region / V.I. Belousov, A.V. Belousov, V.E. Shevchenko // БЕРЕГИНЯ.777.СОВА. 2010. № 2(4). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/kachestvo-zhizni-selskih-grazhdan-i-planirovanie-ustoychivogo-razvitiya-selskih-territoriy-chnozemya>
14. *Rybnikova V. Yu.* On the Question of Reviving the Rural Way of Life by Means of Architecture // Materials of the International Scientific and Practical Conference «Science, Education and Experimental Design» (April 11–15, 2011). Collection of articles. M. : MARCHI. 2011. P. 231–234.

Скрыпий Вадим Александрович
пастор,
Эстонская Конференция
Церкви Адвентистов Седьмого Дня
bvscapital7@gmail.com

ЦЕРКОВНОЕ ХОЗЯЙСТВО С ПОЗИЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. Церковное хозяйство в условиях современной экономики в данной статье рассматривается с позиции Российской Православной Церкви. Российская православная церковь и каждый церковный приход зарегистрированы как отдельные юридические лица и религиозные некоммерческие организации. Экономика современной церкви состоит из трех составляющих: продажа церковной атрибутики, государственная поддержка и помощь верующих людей. В статье автор подробнее останавливается на этих составляющих и приводит на их основе свой анализ экономики церковного хозяйства, также раскрывает механизм формирования и использования доходов в РПЦ.

Ключевые слова: экономика церкви, религиозная деятельность, религиозная организация.

Российская православная церковь и каждый церковный приход зарегистрированы как отдельные юридические лица и религиозные некоммерческие организации. Согласно реестру юридических лиц, РПЦ – предприятие с небольшим количеством работников (менее 100) и генеральным директором в лице Кирилла Гундяева. В структуре РПЦ насчитывается 356 епархий и 79 митрополий, более 36 тысяч приходов. Экономика современной церкви состоит из трех составляющих: продажа церковной атрибутики, государственная поддержка и помощь верующих людей. Обратившись к Уставу РПЦ и ее подразделений можно выделить следующие источники получения средства [2]:

- добровольные пожертвования организаций и физических лиц;
- доходы от предприятий РПЦ и учреждений, которые направлены на уставные цели;
- пожертвования и деньги, полученные путем распространения церковной литературы и предметов культа;
- отчисления епархий, подворий, миссий, приходов, монастырей, синодальных учреждений, епархиальных учреждений, представительств, сестринств, братств и др.;

Vadim A. Skrypiy
Pastor,
Estonian Conference
of Seventh-day Adventist Church
bvscapital7@gmail.com

CHURCH ECONOMY FROM THE PERSPECTIVE OF MODERN ECONOMICS

Annotation. Church economy in the conditions of modern economy in this article is considered from the position of the Russian Orthodox Church. The Russian Orthodox Church and each parish is registered as a separate legal entity and religious non-profit organization. The economy of the modern Church consists of three components: the sale of Church paraphernalia, state support, and the help of believers. In the article, the author dwells more closely on these components and provides his analysis of the economy of the Church economy on their basis, as well as reveals the mechanism of formation and use of income in the ROC.

Keywords: Church economy, religious activity, religious organization.

- пожертвования от совершенствования церковных треб;
 - отчисления от предприятий, учрежденных подразделениями РПЦ самостоятельно или совместно с гражданами и другими организациями;
 - другие доходы (банковские вклады, ценные бумаги и пр.)
- Общий доход всех структур РПЦ оценить невозможно, причиной этого служит отсутствие централизованной бухгалтерии, доступа к бухгалтерской отчетности и негласность бюджетов приходов.
- Церковь обладает колоссальными льготами со стороны государства, такими как [3]:
- полное освобождение от уплаты налога на добавленную стоимость (НДС) при продаже церковной атрибутики и налога на прибыль (ч. 3 ст. 149 НК РФ);
 - освобождение от уплаты государственной пошлины (ст. 333 НК РФ);
 - освобождение от налога на имущество (ч. 27 ст. 251 НК РФ), использованное для богослужебных целей;

– освобождение от земельного налога (ст. 395 НК РФ) в отношении земель, использованные для богослужений;

В налоговом кодексе РФ четко прописано, что освобождение от налогов касается только религиозной деятельности церкви, коммерческая же деятельность подлежит обязательному налогообложению. Неудивительно, что согласно отчетам РПЦ коммерческую деятельность церковь не ведет. Фактически, выходит, что Церковь ничего не платит в государственную казну, показывая свой доход как целевое поступление, которое не включается в состав дохода и не формирует прибыль организации в целях налогообложения [1]. Целевое поступление освобождается от НДС, рассматривается как источник финансирования деятельности РПЦ. По федеральному законодательству имущество, не использованное для богослужений, облагается налогом, но это обычно решается на уровне субъектов Федерации, принятием законодательных актов, выводящих из под налогового гнета имущество религиозных организаций, не используемое для богослужений.

Церковная экономика отстроена по принципу вертикальности и строгой подчиненности. Основной

приток денег в казну прихода идет за счет продажи свечей, необходимых для совершения всех церковных обрядов. В стране имеются десятки мастерских по изготовлению свечей из нового материала, а также из огарков, собранных в церквях, например известное производство в селе Софрино по изготовлению свеч, икон и крестиков. Производственная стоимость свечи варьируется в пределах 25–50 коп., на продажу она поступает в десятки раз дороже от 20 до 100 руб., в зависимости от величины. В 2017 году годовой доход предприятия составил 2 миллиарда, 325 миллионов и 275 тысяч, заметно значительное снижение доходов из-за падения уровня доходов населения, в сравнение с 2007 годом, когда официальный годовой доход предприятия составил 60 миллиардов. «Художественно-производственное предприятие (ХПП) «Софрино» обеспечивает предметами церковной атрибутики до половины российских церковей добровольно-принудительно (гробницы, иконы, свечи восковые, церковная мебель и др.).

Число храмов и церковных организаций увеличивается быстрее, чем другие социально ориентированные объекты, такие как больницы, школы, садики. Здесь можно обратиться к данным Росстата [4] (рис. 1, рис. 2).

КОЛИЧЕСТВО ХРАМОВ И ПОМЕЩЕНИЙ ДЛЯ БОГОСЛУЖЕНИЙ В 2009-2019 ГОДУ

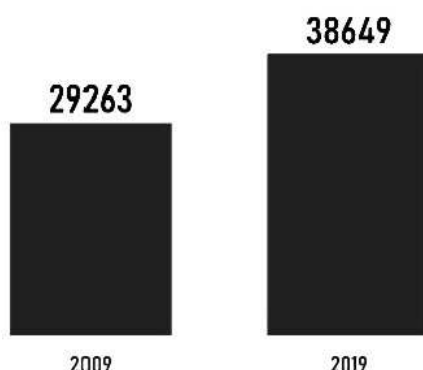

Рисунок 1 – Рост количества храмов и помещений для богослужений 2009–2019 гг.

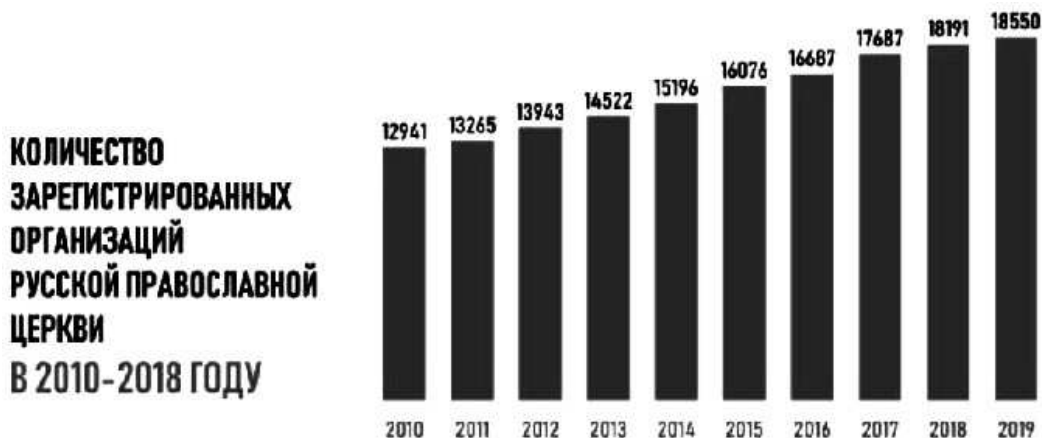

Рисунок 2 – Рост количества зарегистрированных организаций РПЦ 2010-2018 гг.

Как видно из приведенных графиков, количество зарегистрированных организаций быстро увеличивается, также быстро растет количества храмов. По сравнению с другими отраслями экономики не только в социальной сфере данный сегмент отличается стабильностью, по приведенным данным Росстата число Православных организаций увеличивается в среднем на 3–5 % в год. В то же время, за последнее 10 лет по данным ФНС число юридических лиц снизилось в 4,54 до 3,9 млн компаний.

Государственная помощь делает экономику Церкви не совсем правомерной. Доходы приходов никто не контролирует, только сама Церковь, в ее экономической жизни отсутствует финансовая прозрачность, не позволяющая оценивать целесообразность и эффективность использования и распределения финансовых ресурсов

обществу, в целом. Многие работники церкви официально не трудоустроены, получают зарплату в конвертах без пенсионных отчислений и официальных социальных льгот, ни у кого нет трудовых договоров, трудовые книжки есть не у всех. Несмотря на это, трудовых конфликтов в РПЦ никогда не бывает, потому что действует принцип священноначалия, а именно, начальник – всегда прав, виновный всегда виновен. Зарплата священника официально может быть от 20 до 40 тыс. рублей в месяц, и не до конца известно, удерживается ли НДФЛ с этой зарплаты. Зарплаты вышестоящих священнослужителей больше обозначенных и не открывается простым обывателям. Часто безотчетно происходят траты из казны на мобильную связь и бензин.

В таблице 1 приведены примеры государственной поддержки РПЦ.

Таблица 1

Господдержка, оказываемая РПЦ

Кто осуществляет господдержку	Примерные суммы господдержки и направление поддержки
Министерство образования РФ	250 млн рублей На закупку «Православной энциклопедии» для школ и вузов
Министерство образования РФ	120 млн рублей На обеспечение православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета
Правительство Москвы	500 млн рублей Реставрация объектов религиозного назначения
Общественная палата	260 млн рублей «Президентские гранты православным организациям»
Министерство здравоохранения РФ	200 млн рублей Обеспечение работы Центральной клинической больницы святителя Алексея при Московской патриархии
Министерство культуры РФ	11 млрд рублей На сохранение объектов религиозного назначения
Министерство культуры РФ	6 млн рублей Фонду «Православная энциклопедия на съемки фильмов «Укус змеи» и «Сергей Радонежский»
Министерство культуры РФ	2 млрд рублей Создание и развитие духовно-просветительских центров

В сектор перепродажи церковной атрибутики входит и продукты, продаваемые в храмах и монастырях, и целые производства. Себестоимость представленной продукции довольно низкая, достигается это за счет низкооплачиваемой рабочей силы, рабочие либо получают очень мало, либо не получают зарплату совсем (трудники). Как мы уже отмечали выше, официально РПЦ не ведет коммерческую деятельность, поэтому сделки нигде не фиксируются. За последние годы данный сектор прибыли Церкви значительно упал, но пока также стабильно приносит деньги. Защищая финансовые интересы церкви, есть случаи, когда священники запрещают приходить на службу со свечами, которые были куплены за пределами храма.

Сфера интересов Русской Православной Церкви достаточно широка, сюда входят: ювелирные украшения, сдача помещений в аренду, рынок ритуальных услуг и сельское хозяйство. Приведем несколько примеров: Кемеровская епархия является единоличным владельцем ООО «Кузбасская инвестиционно-строительная компания», на

территории некоторых монастырей имеются магазины, где можно купить церковную утварь, православную литературу, кожаные бумажники и др., а также кафе. С 2012 года РПЦ является владельцем здания гостиницы «Университетская» в г. Москва здесь расположен паломнический центр РПЦ.

Почти каждый посетитель церкви оставляет в ней какую-то сумму денег (обычно от 100 рублей и выше), тратятся деньги на свечи, иконы, записки за здоровье и упокой, такие обряды как крещение и венчание и пр. Доходы городской церкви в этом плане доходят до миллиона в месяц и больше, в деревнях доходы существенно ниже и достигают 200–400 тысяч в среднем. Не вся прибыль остается в конкретной церкви, обычно 25 % уходит в епархию, 30 % – повседневные нужды, остальное отводится на храм. Бывает и такое, что в епархию уходит до половины прибыли. Свои средства РПЦ хранит в банках, основным банком является московский банк «Пересвет», кроме того, финансово-хозяйственное управление церкви владеет 36,5 % акций этого банка. РПЦ также участвует в

инвестиционной деятельности, вкладывая деньги в строительство, импорт иностранных машин, гостиничный и ресторанный бизнес, торговлю, банковский сектор, сельское хозяйство и производство продуктов питания. Частое явление – наличие у церкви спонсора в лице частного предприятия, помогающее ей деньгами. Глава такого предприятия часто назначается председателем общинного совета или старостой храма.

В отличие от обычных государственных предприятий, посчитать расходы РПЦ не представляется возможным, так как церковь не участвует и не размещает тендеры, нет практики найма подрядчиков, вся работа делается «внутри церкви» своими силами, продукты поставляются монастырями, мастерские изготавливают свечи и т.д. Церковь содержит духовные семинарии на всей территории России, оказывает благотворительную помощь некоторым социальным учреждениям, оплачивает зарплату педагогам семинарии. Каждый приход самостоятельно решает, какую заработную плату он будет платить работникам прихода (бухгалтер, сторож) и служителям церкви. Уровень зарплатной платы зависит от величины дохода прихода.

Литература:

1. *Салахова Э.К.* Особенности ведения бухгалтерского учета в религиозных организациях / Э.К. Салахова., Е.Е. Азарова, Т.В. Коняшкина // Проблемы современной экономики. 2011. № 4. С. 120–124.
2. Устав Русской Православной Церкви: принят на Архиерейском Соборе 2000 г. (с изм. и доп. Архиерейскими Соборами 2008, 2011 и 2013 гг.) / Официальный сайт Московского Патриархата. URL : <http://www.patriarchia.ru>
3. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671
4. URL : <https://grosh-blog.ru/pravoslavie-v-cifrah-skolko-v-hramov-i-duhovnyh-organizacij-u-rpc/>
5. Сошлемся в этой связи на реплику архиепископа Ярославского и Ростовского Михея, адресованную одному из клириков епархии: «Хотя настоятель ... в течение пяти лет собирает средства на ... храм, но строит пока дом для всей семьи». Владыка в Данилове // Ярославские епархиальные ведомства. 1997. № 7–8.

РПЦ как общественная организация не ставит своей целью извлечение прибыли, несмотря на размах экономической деятельности, на первом месте стоят идеологические задачи. Отличительной чертой церковной экономики является сочетание условно бесплатных и платных предоставляемых услуг. Бесплатно в церкви предоставляются такие услуги, как служба в храме, причастие, исповедь, отпевание, тем не менее, они требуют определенных атрибутов, таких, например, как свечи, покупаемых на территории церкви. Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что РПЦ – является полноценным участником экономических отношений, имеет официальную регистрацию как юридическое лицо и религиозная некоммерческая организация. Церковное хозяйство изготавливает, реализует элементы церковной атрибутики, участвует в банковских операциях, инвестициях. Еще одной особенностью церковной экономики можно отметить ее скрытность и уход в теневой сектор, когда часть доходов остается незарегистрированными и могут тратиться на нужды храма или личные нужды священника либо других членов прихода [5]. Церковь во все времена была важным экономическим субъектом.

Literature:

1. *Salakhova E.K.* Features of accounting in religious organizations / E.K. Salakhova, E.E. Azarova, T.V. Konyashkina // Problems of modern economy. 2011. № 4. P. 120–124.
2. The Charter of the Russian Orthodox Church: adopted at the Council of bishops in 2000. (with ed. and add. Episcopal Councils of 2008, 2011 and 2013) / official website of the Moscow Patriarchate. URL : <http://www.patriarchia.ru>
3. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671.
4. URL : <https://grosh-blog.ru/pravoslavie-v-cifrah-skolko-v-hramov-i-duhovnyh-organizacij-u-rpc/>
5. Let us refer in this connection to the remark of Archbishop Mikhei of Yaroslavl and Rostov, addressed to one of the clergy Of the diocese: «Although the Abbot ... has been raising funds for ... the Church for five years, he is still building a house for the whole family». Vladyka in Danilov // Yaroslavl diocesan departments. 1997. № 7–8.

Цыденов Бато Баясхаланович
Финансово-экономический факультет,
Финансовый университет
при Правительстве РФ
thel740@gmail.com

Классификация, анализ методов оценки экологического риска с позиций его экономических последствий

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы классификации экологического риска, а также существующие методы оценки экологического риска с точки зрения экономики. Рассмотрены основные методы оценки экологических рисков, в частности, такие как: математический, статистический, аналитический, метод экспертных оценок, метод имитационного моделирования, сравнительный метод и иные. А также изложены выводы в виде конкретных сфер применения и использования обозначенных методов.

Ключевые слова: теория страхового дела, экологические риски, эколого-экономические воздействия, риск возникновения экономического ущерба.

В наше время оценка экологических рисков и разработка мероприятий по предотвращению техногенных аварий являются фундаментальной научной основой достижения устойчивого развития общества.

Разработка комплекса мер по снижению уровня экологического риска, целью которого является предотвращение всевозможных аварий, несущих негативные последствия для экологии необходимо для экологизации экономики и способствует реализации основных принципов, обеспечивающих её устойчивого развития.

При помощи экономической оценки экологических рисков становится возможным решить целый ряд задач, таких как: определение факторов, влияющих на величину экологического риска, часть которых можно устранить или свести их к допустимому минимуму; рассчитать вероятность наступления разного рода аварийных ситуаций, которые могут повлечь за собой экологические, а как следствие и экономические последствия; спрогнозировать величину потенциально возможного ущерба, предупредить или свести к минимуму вероятность его наступления или его объём.

Bato B. Tsydenov
Faculty of Finance and Economics,
Financial University
under the Government
of the Russian Federation
thel740@gmail.com

CLASSIFICATION AND ANALYSIS OF ENVIRONMENTAL RISK ASSESSMENT METHODS FROM THE PERSPECTIVE OF ITS ECONOMIC CONSEQUENCES

Annotation. The article discusses current problems of classification of environmental risk, as well as existing methods for assessing environmental risk from the point of view of Economics. The main methods of environmental risk assessment are considered, in particular, such as: mathematical, statistical, analytical, expert assessment method, simulation method, comparative method, and others. The conclusions are also presented in the form of specific areas of application and use of the indicated methods.

Keywords: insurance theory, environmental risks, environmental and economic impacts, risk of economic damage.

Риск является вероятностной категорией, а, следовательно, при оценке неопределённости и определении степени риска в количественном объёме используются вероятностные расчёты.

В процессе оценки экологического риска используются научные теоретические подходы и методики, экспертные оценки, аналитические заключения и практические прецеденты. Оценка экологического риска подразумевает под собой анализ источников происхождения (возникновения) и общего объёма риска в отдельно взятой ситуации, учитывающий количественные вероятностные характеристики и наносимый ущерб.

В теории и практике существует целый спектр различных методов оценки экологического риска. Такое многообразие связано с множеством различных рискованных ситуаций и самих рисков.

Большое количество разработок, посвящено классификации различных методов оценки экологических рисков. Среди таких разработок наиболее полными являются классификации, представленные в научных публикациях Г.А. Мисник [1], Т.М. Тихомировой.

Методы оценки экологических рисков предлагается классифицировать следующим образом:

1. Математические и статистические методы (теория дифференциального исчисления, теория статистических решений, теория игр), в которых за основу берётся фактический информационный материал, характеризующий о прошлое и настоящее развитие прогнозируемого объекта.

2. Аналитические методы (построение причинно-следственных связей (метод построения деревьев сценариев и деревьев отказов) и теоретическое описание систем (процессов)). Такие методы характеризуют риск не только с количественной, но и с качественной стороны и довольно эффективны при оценке рисков событий, считающихся уникальными или редко встречающимися.

3. Экспертные методы или методы экспертных оценок. Методы, оценивающие обе стороны риска – количественную и качественную. Применяются в тех случаях, когда надо оценить индивидуальные или специфические риски во всех отраслях экономики, если в практике отсутствуют аналогичные риски или уровень риска слишком высок. Экспертные оценки дают высококвалифицированные специалисты исходя из своего опыта и интуиции. Применение данного метода с целью получения экспертных оценок риска основывается на компьютерных алгоритмах расчётов и выводов, которые в прошлом создавались специально привлечёнными экспертами.

4. Иные методы, такие как метод имитационного моделирования и сравнительный метод, основанный на сравнении различных рискованных групп (метод процентов, метод средних величин, метод индивидуальных оценок).

В целях исследования рассмотрим каждый из вышеуказанных методов оценки экологических рисков подробнее.

Так, математические и статистические методы применяются для того, чтобы оценить риск с качественной стороны. К этим методам относятся теория дифференциального исчисления, теория статистических решений и теория игр.

Статистические методы основываются на проведении анализа накопленных статистических данных по сопоставимым (аналогичным) событиям, которые в прошлом имели место на аналогичных или схожих по виду деятельности объектах, находящихся на территориях одного и того же региона. Основой подобных методов является вероятностный подход, который наиболее широко признан в практике при оценке экологического риска.

Статистические методы предполагают вероятностную оценку возникновения аварии при учёте всей совокупности причинных связей, создающих вероятность наступления аварии. При оценке предполагается использование средних статистических показателей по различным видам аварийных ситуаций. Из всей совокупности подходов, вероятностный подход считается наиболее

перспективным. Вместе с тем считается, что данный подход недостаточно эффективен, если необходимо оценить риск, связанный с тяжёлыми авариями.

Наиболее распространённой областью применения статистических методов являются случаи, в которых не в полной мере ясна природа исследуемого явления, вследствие которого может быть причинён ущерб, но имеет место определённая цикличность или повторяемость появления данного явления, а также имеется информация, характеризующая его частоту и силу.

Увязка экологических переменных с экономическими является основным элементом такого исследования.

В статистических исследованиях, связанных вероятностно-случайными явлениями достаточно важную роль играет теория вероятностей. При исследованиях используются различные разделы математической статистики, которые основываются на теории вероятностей. Также, разработку и обоснование различных методов принятия решений в условиях риска осуществляют в теории статистических решений.

По своей сути, статистический метод заключается в проведении анализа статистической информации о случаях экономических и экологических потерь, которые имели место при схожих случаях аварийных загрязнений окружающей среды, а также в установлении величины и частоты возникновения различного рода экономического ущерба и составлении наиболее вероятного прогноза на будущий период.

К недостаткам рассматриваемого подхода к оценке уровня экологического риска можно отнести их зависимость от наличия статистической информации за прошлые периоды, что исключает их применение для новых, уникальных объектов, или же для группы объектов, по которым статистические данные отсутствуют [2].

Также, стоит взять во внимание, что оценка экологического риска относится к будущим событиям, которые зачастую не представляется возможным спрогнозировать на основе показателей предшествующих периодов. За счёт этого снижается практическая ценность статистического подхода в условиях постоянно изменяющейся эколого-экономической обстановки. Вместе с тем, объективность полученных результатов является главным достоинством рассматриваемого подхода.

В статистическом анализе уровень риска оценивается при помощи двух критериев: дисперсии или среднего ожидаемого значения и вариации (изменчивости возможного результата).

Аналитические методы используются для того, чтобы теоретически описать системы (процессы) и построить причинно-следственные связи. Использование таких методов наиболее эффективно при оценке рисков возникновения уникальных или редко встречающихся событий для их качественной и количественной оценки. Среди

аналитических методов можно выделить метод построения деревьев и морфологический подход.

Рассматриваемые методы основаны на изучении различных связей причинно-следственного характера в эколого-экономической системе, которые позволяют произвести оценку вероятности неблагоприятного события, образующегося в результате сложной цепочки более простых событий, вероятность наступления которых известна.

Литература:

1. *Мисник Г.А.* Экологическое право : учебник для студентов. Ростов-н/Д. : Феникс, 2019. 319 с.
2. *Тихомирова Т.М.* Методы анализа и управления эколого-экономическими рисками : пособие для вузов. ЮНИТИ-ДАНА, 2019. 350 с.

Рассматриваемые методы в большинстве случаев применяются в рамках сценарного подхода, в котором вероятность итогового происшествия определяется как результат последовательности более простых событий, вероятность которых заранее известна. В круг аналитических методов входит целый ряд методов, таких как метод деревьев событий, метод индексов опасностей и многие другие методы, связанные с анализом последовательности событий.

Literature:

1. *Misnik G.A.* environmental law : textbook for students. Rostov-on/D. : Phoenix, 2019. 319 p.
2. *Tikhomirova T.M.* Methods of analysis and management of environmental and economic risks : textbook for universities. UNITY-DANA, 2019. 350 p.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 19.10.2020
Подписано в печать 23.10.2020
Формат 60x84^{1/8}. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 13,9
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 54

e-mail: id.yug2016@gmail.com